

НАРОДНЫЕ
ЛИРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ

НАРОДНЫЕ
ЛИРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
издатель

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 6 1

НАРОДНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
В. Я. Проппа*

О РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

1

Чтобы правильно понять и оценить народную песню, надо всегда иметь в виду, что песни, создаваемые народом, назначены не для чтения. Их нельзя читать так, как читаются стихотворения. Но вместе с тем они не похожи и на наши романсы, то есть стихотворения, положенные на музыку композиторами. В подлинной фольклорной песне напев и слово представляют собой изначальное, органическое и неразделимое единство.

Обе стороны этого единства представляют собой выдающееся явление русской народной культуры. Словесное содержание народных песен даже безотносительно к напеву настолько значительно, многообразно и прекрасно, что заслуживает пристального самостоятельного изучения, хотя оно дает и неполное представление о существе русской песни.

Первые единичные записи русских народных песен относятся к XVII веку, но только со второй половины XVIII века начинают появляться обширные сборники, назначенные для бытового использования. В XIX веке ведется уже научная собирательская деятельность. Издаются прекрасные сборники, создаваемые энтузиастами и любителями народной песни — фольклористами, языковедами, этнографами, композиторами. Методика записи и издания постепенно совершенствуется. Все наиболее существенное в области необрядовой народной лирики, вышедшее до 1895—1902 годов, было заново переиздано А. И. Соболевским в семитомном своде под названием «Великорусские народные песни».¹ Хотя этот свод и не до-

¹ Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским, т. 1—7. СПб., 1895—1902.

стигает абсолютной полноты, он все же в целом дает очень полную картину состояния русской народной лирики в XVIII—XIX веках. С тех пор как появился этот свод, количество собираемых и издаваемых материалов все возрастает. Особенно много собрано за советское время. Количество собранного материала, как опубликованного, так и хранящегося в архивах, огромно. Затрудняет изучение уже не недостаток материалов, а трудно обозримое обилие его.

Огромный песенный материал до сих пор не систематизирован. Нам нужна такая система, которая давала бы правильное представление о богатом идейно-историческом содержании песни, о том, что народ в своей песне выразил. Слово «лирика» можно толковать в узком смысле, понимая под лирикой поэтическое выражение сугубо индивидуальных чувств. Для фольклора такое определение не подходит. Здесь плодотворным окажется более широкое понимание этого слова. В фольклоре индивидуальные чувства связаны с коллективными. К области лирики относятся не только любовные песни, но и разнообразные песни социального содержания.

Формально возможны самые разнообразные классификации песенного материала, которые внешне все могут оказаться правильными. Так, по темпу исполнения песни можно делить на протяжные, полупротяжные и частые. Такое деление встречается в нотных песенниках начала XIX века. По бытовому применению можно говорить о песнях трудовых, посиделочных, свадебных, святочных и т. д. Музыковеды могут делить песни по отличию музыкальных признаков. Однако нам нужно не такое распределение, которое было бы только логически правильным, но такое, которое выражало бы сущность песни и показало бы существенные отличия ее видов.

Один из важнейших признаков песни есть признак социальной принадлежности. С этой точки зрения всю область фольклорной лирики можно делить на песни крестьян и песни рабочих. Это основные виды ее. Но дореволюционное крестьянство не представляло собой монолитного единства. Оно слагалось из различных слоев, которые создавали иногда весьма различные песни. В первую очередь необходимо выделить песни собственно крестьян, своим трудом непосредственно связанных с землей. Эти песни составляют преобладающее большинство русских народных лирических песен. Крестьянская лирическая песня, в свою очередь, может быть разделена на два основных раздела: лирику обрядовую и необрядовую. Обрядовую лирику можно выделить в особый вид ее с разделением на календарно-обрядовую и семейную: песни свадебные и похоронные причитания.

Необрядовая лирика может быть изучаема по своему содержанию и по формам своего исполнения.

В состав крестьянства входили также люди, волей или неволей оторвавшиеся от крестьянского труда. Они создают песни уже иного содержания: сюда относятся песни бурлацкие, солдатские, разбойничьи, песни тюрьмы и каторги. С возникновением заводского пролетариата возникает рабочая песня, которая составляет особый вид песен с нарастающим революционным характером.

Во многих случаях социальная принадлежность определяет и поэтику. Так, например, бурлацкие трудовые песни во всех отношениях составляют нечто совершенно иное, чем, например, любовные песни крестьянских девушек. Солдатские песни ничего общего не имеют с причитаниями невесты и т. д. Таким образом, распределение по социальному признаку до некоторой степени предопределяет и художественную природу песен, так как разное содержание определяет и разную форму.

2

Выделенные виды песен обладают неодинаковой исторической давностью. Изучая песню исторически, необходимо начинать с древнейших жанров ее.

К древнейшим видам народной лирики принадлежит обрядовая земледельческая поэзия. Относящиеся сюда песни сопровождали исполнение известных обрядов, которые совершались в определенные дни календаря и должны были способствовать плодородию земли, плодовитости скота и здоровью и благополучию людей. В отличие от официального, государственного и церковного лунного календаря, старинный земледелец исчислял время по солнечному календарю. Солнечный новый год начинался с зимнего солнцеворота. Церковь приурочила к этому дню — дню нового рождения солнца — день рождения Христа, но христианские, искусственно насаждаемые праздники не могли вытеснить старых языческих веселых праздников.

В сочельник в деревнях колядовали, то есть пели особые песни, которые назывались колядами или колядками. Слово «коляда» этимологически связано со словом *calendae* (греч. — *καλάνδαι*), обозначающим у древних римлян первые десять дней каждого месяца. К этому же корню возводится слово «календарь». В народном обиходе слово «коляда» имеет несколько разных значений: им обозначается срок празднования, им обозначаются песни («спеть коляду»),

им обозначается некое живое существо («уродилась коляда накануне Рождества»). Коляды пелись не в одиночку, а веселыми ватагами молодежи, которые ходили от избы к избе, спрашивали у хозяина разрешение спеть коляду и, получивши это разрешение, исполняли ее. Содержание русских колядок в целом однотипно. Оно в основном слагается из повествования о том, как колядовщики искали двор хозяина и как его нашли. Далее следует прославление, величание хозяина, хозяйки, деток, и песня заканчивается предложением хозяину выслать молодым пирога или блинов; подарок этот также иногда называется «колядой». Если подарок хорош, колядовщики поют новую песню, сулящую хозяевам богатый урожай, если же хозяин оказался скупым, ему посылаются комические ругательства и сулят ему всяческие несчастья и беды.

Коляды были распространены главным образом в центральной России. В Поволжье и в некоторых других местах слово «коляда» неизвестно, ему соответствует слово «овсень» («таусень», «усень»). Этимология этого слова не вполне ясна. С одной стороны, его можно сближать с корнем «вес», обозначающим свет (ср. «весна»), с другой стороны, оно может быть возведено к тем же корням, к которым возводится слово «овес» (древнейший злак) и «сев». Как то, так и другое толкование не противоречит содержанию и смыслу песен.

Колядам некогда приписывали магическую силу воздействия на действительность. С утратой этой веры колядование превратилось в веселую игру. Игра эта состоит не только в пении колядок, но и в хождении с плугом, подражании сеянию, в вождении козы и разыгрывании различных сенок с ней, в вождении медведя, в ряжении и различных игрищах в избах, во время которых пелись игровые песни.¹

Под Новый год гадали. Поэтический фольклор сопровождает только один вид гадания: каждая из участниц опускала в блюдо с водой свое кольцо. Блюдо покрывалось полотенцем, а затем пелись краткие песни, в которых иносказательно говорилось о том, что ожидало девушку: брак, продолжение девичества, разлука, дорога, богатство, смерть и т. д. Такие песни назывались подблюдными. Под каждую песню вынималось кольцо, и та, чье кольцо вынулось, относила песню к себе и своей судьбе. Подблюдные песни отличаются высоки-

¹ Новейшее исследование этого цикла: В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований). — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 40. М., 1957.

ми поэтическими достоинствами. Пушкин записал и использовал одну из них в «Евгении Онегине» (глава V, строфа VIII). Иносказательность сближает их с загадками, они насыщены народными метафорами и представляют собой драгоценный материал для изучения специфически фольклорной образности. Особый тип подблюдных песен связан, как и колядки, с величанием. В таких песнях после каждой строки поется припев «слава».

Следующим после святок праздником была Масленица. Масленица предшествовала великому посту, и народ стремился до наступления его вволю навеселиться. Однако масленичные обряды не могут объясняться только этим. Они — остаток древней земледельческой религии умирающего и воскресающего божества. Весной божество растительности убивалось с тем, чтобы заставить его воскреснуть, а вместе с ним вызвать к новой жизни растительность. Эта религия была свойственна земледельческим народам древнего Востока, античности, а также народам Европы. Центральным обрядом Масленицы была встреча и проводы Масленицы. Масленицу изображало какое-нибудь чучело из соломы или тряпья. С хохотом, шутками, веселыми песнями ее на бороне, или телеге, или на санях ввозили в деревню, а к концу масленичной недели чучело вывозили за деревню и, также под веселые шутки, разрывали на части, сжигали, бросали в поле. Умерщвление божества под смех имело особое значение: полагали, что такая смерть есть смерть к жизни.¹

Масленичных песен сохранилось очень мало. Они имеют своим предметом шуточное изгнание Масленицы.

Летнее равноденствие (9/22 марта) представляет собой начало весны. Древний земледелец еще не понимал закономерности явлений природы и полагал, что весну надо заклинать, то есть путем заклятий вызвать ее к жизни или помочь ей явиться. Весной прилетают птицы, и считалось, что именно птицы приносят с собой весну. Заклятия весны имеют форму обращения к птицам. Все эти представления давно забыты, и заклятие весны превратилось в детскую игру. Пекли печенья, имеющие форму птиц, и говорили: «Грачи прилетели». Дети подбрасывали их в воздух или привязывали к шестам на огороде. Все это должно было изображать (а следовательно, и вызвать) прилет птиц и приход весны. Поющиеся в это время песни принято называть «веснянками». Песни эти отражают работы и стремления крестьянина, и некоторые из них выражают ра-

¹ В. Пропп. Ритуальный смех в фольклоре. — «Ученые записки» Ленинградского университета, № 46. Л., 1939.

доть весны и поэтически ее воспевают. К этому дню выпускали птиц из клеток — обычай, воспетый Пушкиным.

Со встречи весны или с первого воскресенья после Пасхи (этот день называли «Красная горка») начиналось ведение хороводов. Хороводные песни не всегда представляли собой песни обрядовые, но вместе с обрядовыми они входили в общий поток весенних празднеств. Большинство этих песен посвящено любви, причем преобладают песни жизнерадостные, веселые. Вполне вероятно, что эротическое содержание весенних хороводных песен было связано с представлениями о плодородии земли. В настоящее время эти представления давно утрачены. Но кроме любовных есть песни чисто трудовые, земледельческие, которые непосредственно выражают желание высокого урожая.

Одна из распространеннейших игровых весенних песен — песня о сеянии льна (стр. 88). Исполнительница, стоящая в середине круга, мимически изображала, как лен сеют, полют, дергают, стелют и т. д., вплоть до пряжи. Подражание труду (имитативная или симильная магия) должно было способствовать продуктивности его. Припев «Ты удайся, удайся, мой лен, ты удайся, мой беленький» в XVIII—XIX веках выражал только желание, но в более древние времена подобные припевы или песни имели заклинательное значение.

К этой же категории песен следует отнести и знаменитую песню «Ой мы просо сеяли...» (стр. 90). Здесь преобладает любовная игра — пленение девушки парнями. Песня эта — одна из древнейших русских песен. Напевы ее были записаны или использованы Балакиревым, Римским-Корсаковым, Чайковским, Танеевым, Кастаньским.

Седьмой четверг после Пасхи назывался «Семик», а неделя, на которую он приходился, называлась «зеленая» или «русальная» неделя. На Семик в лесу выбиралась березка. Эту березку «завивали», то есть закручивали и завязывали концы веток в форме веков. Верхушки березок иногда связывали или пригибали их к земле и связывали с травой; под березками девушки вили венки из цветов или березовых веток. Под деревом девушки водили хороводы и пели обычные любовные хороводные песни либо особые песни, которые пелись только на Семик и потому назывались «семицкие». Существовал обычай целоваться сквозь венки. Это называлось «кумиться», и считалось, что, поцеловавшись сквозь венки, девушки на всю жизнь становились подружками. Совершали и ряд других обрядовых действий. По окончании празднества венки бросали в воду и по ним гадали о своем будущем.

Цикл весенних обрядовых празднеств заканчивается обрядами на Ивана Купалу в день летнего равноденствия (современная астрономическая дата — 22 июня). Сохранился обычай в эту ночь жечь огонь и перепрыгивать через него. Великорусских купальских песен не сохранилось, но что они были, мы знаем из целого ряда косвенных источников. Сохранились песни белорусские и украинские.

Начиная с этого дня, почти сразу, пение песен и обрядовые игры прекращались на все лето вплоть до жатвы. Это вполне объяснимо: весь смысл обрядов был в обеспечении урожая; с того момента, как посевы вззошли и пошли в рост, обряды прекращаются как ненужные. Со дня Ивана Купалы «солнце идет на убыль».

Песни, поющиеся во время снятия урожая, уже не имеют обрядового характера. Начало жатвы называлось «зажинки», конец — «дожинки». Для снятия урожая крестьянские семьи объединялись, работая у каждого по очереди. Такая организация называлась толба или помочь. Хозяин, на которого сегодня работали, обязан был поставить угощение. Содержанием жнивных песен служит прославление хозяина или хозяйки, того, кто вынесет чарку, и надежда на скорое окончание работы.

Таков общий характер календарной обрядовой земледельческой поэзии. Количество сохранившихся песен невелико, но оно обладает величайшим научным и художественным значением.

3

Обрядовая поэзия представляет только одну сторону крестьянской жизни. Переходя к песням необрядовым, мы прежде всего остановимся на песнях о крестьянской неволе. При крепостном праве, при феодально-помещичьем, а позднее капиталистическом гнете жизнь крестьян была чрезвычайно тяжела; статистика крестьянских бунтов показывает постоянное увеличение их числа и размаха. Можно было бы ожидать, что песни о крестьянской неволе окажутся многочисленными. На самом же деле количество их ничтожно, или во всяком случае очень незначительно по сравнению с огромным количеством песен, например любовных, свадебных и семейных, которые составляют основной костяк крестьянской лирики.

Чем это объяснить?

Одна из главных причин состоит в том, что собиратель, даже если он сочувствовал народу, в глазах крестьянина был «барин», то есть помещик или чиновник, и песни, направленные против по-

мешиков, крестьянами в присутствии собирателей, приехавших из города, не пелись. В свою очередь и собиратели XIX века знали, что такие песни опасны.

Возможна и другая причина, почему песни о крепостной неволе немногочисленны. Можно заметить, что песни очень конкретного содержания недолговечны. Так, например, исторические песни о войнах XIX века почти полностью забыты. По этой же причине могли оказаться забытыми песни о крепостном праве после того, как оно было отменено.

И тем не менее все эти причины не полностью объясняют малое количество таких песен. Если бы таких песен было много, это было бы известно, несмотря ни на какие преграды и рогатки. Основная причина лежит, по-видимому, в природе самой лирической песни. Песня дает, как мы увидим, опозитизированную действительность. Но поэтизации поддается далеко не все. Борьбу против феодально-помещичьего гнета народ опозитизировал в песнях о Ермаке, Разине, Пугачеве, то есть в жанре исторических песен. Постоянная же, будничная, ежедневная борьба с помещиком-угнетателем не представляла благодарной почвы для создания лирических песен. Тем не менее такие песни есть, и они обладают для нас первостепенным интересом.

Большинство песен о крестьянской неволе имеет своим содержанием те невыносимые условия, в которых находился закрепощенный крестьянин. Чаще всего такие песни поются женщинами. Сенная девушка хотела бы кукушкой полететь к матери и рассказать ей, как тяжело жить в барском доме, и просит ее выкупить. Но выкупить дочь нечем, и мать призывает ее к терпению (см. стр. 103). Выкуп был единственным легальным способом выхода из крепостного состояния, но фактически этот выход для крестьянина был закрыт; такой выход иногда удавался богатым кулакам.

В нескольких вариантах известна песня «Калинушку с малинушкой водой залило...», в которой женщина через три года после замужества обращается пташкой и летит домой, но уже никого не застаёт: родителей увезли за Волгу, старшего брата куют в солдаты, среднего берут в лакеи, а младшего в приказчики (стр. 104).

Призыва к бунту или протесту эта песня не содержит. Такой протест содержит более поздняя местная песня об Обозерской слободе («Вы кудри ль, мои кудри...»). «Злодей боярин-господин» разорил постоянную посылкой на работу всю слободу. Но в этом случае крестьяне «собрались на круту горушку», то есть уже созывают сходку, организуются, и «отказали своему боярину-господинушке» (стр. 106). Чем кончается этот конфликт, песня не сообщает.

Изображаются в песнях и более резкие столкновения. В песне «Как во городе во Устюжине...» описывается, как появляется «экзакуция царя белого», то есть карательный отряд для усмирения крестьян. Все мужское население скрылось в леса. Но и здесь дело не доходит до открытого восстания. Песня кончается призывом написать царю «просьбу однокровную, однокровную, однослезную». Крестьяне верили в какую-то высшую справедливость даже тогда, когда знали, что «экзакуция» прислана от самого «царя белого, православного». Противоречия и односторонность крестьянской психики в этой песне сказывается очень ясно (стр. 106).

Одна из иллюзий крестьянина состояла в том, что жизнь дворовых легче, чем жизнь пахотных крестьян. Подавать барину кофе или одевать его — это с точки зрения крестьянина, привыкшего к самому тяжелому физическому труду, не работа. Но такие иллюзии рассеиваются песнями дворовых. Есть песни, содержание которых — спор между крестьянами и дворовыми. В таких песнях рисуются истязания, которым подвергаются дворовые за малейшую провинность. Жизнь крепостного крестьянина везде одинаково тяжела.

О том, какая бедность свирепствовала в разоренных крепостничством деревнях, свидетельствует песня «Государь ты наш, Сидор Карпович...», в которой в мнимо-шуточной вопросно-ответной форме говорится о том, как семидесятилетний Сидор Карпович со своими семерыми детьми в зимнюю стужу в лаптях пойдет по миру побираться. В этой песне ни о каких помещиках не упоминается, но тем не менее это, может быть, наиболее жуткое песенное изображение крестьянских бедствий. Она не местная, не говорит об отдельных барах Обозерской или иной слободы, а общерусская, известная в многочисленных вариантах (стр. 109).

Особое место среди фольклорных песен о крестьянской неволе занимает песня «Как за барами житье было привольное». Текст этой песни был извлечен Н. Л. Бродским из судебного дела 40-х годов о побегах крепостных Саратовской губернии и опубликован им в статье «Крепостное право в народной поэзии».¹ Текст был найден в бумагах некоего Абутина, обвиняемого в подстрекательстве крестьян к побегу. Н. Л. Бродский сообщает, что в 40-х годах песня была распространена среди крестьян Саратовской губернии. В этой

¹ «Великая реформа», т. 4. СПб., 1911. В переработанном виде статья опубликована в хрестоматии С. И. Василенка и В. М. Сидельникова «Устное поэтическое творчество русского народа». М., 1954.

«потраченной» песне открыто и с необычайной реалистической силой говорится о бедствиях крепостных крестьян и о нечеловеческом с ними обращении. Песня вложена в уста разбойников, которые теперь «пашут» уже не пашню, а собирают хлеб не сеявши, молотя «слегами» (жердями) по дворянским головам и купеческим спинам. Текст этой песни в советское время был записан уже в крестьянской среде, в Ульяновской области, Менекееском районе, селе Никольском. От текста Бродского этот вариант отличается иным концом:

Мы дворян господ на веревочки,
Мы дьяков да ярыг на шейнички,
Мы заводчиков на березаньки,
А честных крестьян на волю вольную.¹

4

Самая богатая область русских лирических песен — это песни, в которых поется о любви и о семейной жизни.

По форме исполнения можно отличить два вида таких песен. Одни — это песни, исполняемые в любой обстановке: они могли исполняться при работе или во время отдыха, на посиделках и вечеринках, в пути, на лодке, в одиночку или хором. Они не сопровождаются никакими телодвижениями, соответствующими ритму, они исполняются только голосом. В науке для таких песен не установилось никаких названий. В Сибири их называют «проголосными» (то есть исполняемые только голосом). Однако в других местах «проголосными» называют песни протяжные. Римский-Корсаков в своем сборнике 1877 года назвал их «голосовыми».

Другие исполняются во время ведения хороводов, при различных играх и плясках. Отличие это очень существенно. Правда, оно не всегда проводится строго, так как исконно хороводные песни иногда могут исполняться только на голос и наоборот. Тем не менее наличие двух основных форм исполнения совершенно очевидно. Песни этих двух видов отличаются не только по исполнению, они отличны по своему стилю, по поэтическим приемам и по выражаемому в них настроению. Остановимся сперва на песнях, исполняемых только голосом.

¹ Волжский фольклор. Составили В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. М., 1937, стр. 80.

Широко распространено мнение, что русская песня грустна и что она этим выражает душу русского народа. Что русская песня грустна, верно только отчасти. Правда, большинство голосовых песен — песни протяжные, грустные. Хороводные, наоборот, имеют шуточный характер. Но и в числе нехороводных есть немало количество жизнерадостных и веселых песен. Большое же количество именно грустных песен элегического характера объясняется не особым строем русской души, а вызвано всем жизненным укладом старой русской крепостной патриархальной деревни.

Песни о любви слагаются молодежью и выражают здоровое стремление к сильному, чистому и постоянному чувству. Если это достигается, поется о счастливой любви. Такие песни содержат признание в любви; но это признание высказывается не прямо, а иносказательно. Любовь парня выражается, например, в том, что он молча подходит к девушке и помогает ей в ее работе. Часто встречается призыв выйти на свидание. Условный знак — ком снега, брошенный о стенку или об окно. Милого зовут в хоровод или на гулянье. Большую роль в таких любовных песнях играют подарки, из них самый желанный и лучший — кольцо. В песнях поется о том, как милый хорош — он лучше всех; также лучше всех — любимая девушка. Эти песни по своему содержанию приближаются к величальным. Некоторые из таких песен имеют шуточный характер. Милая так хороша, что на нее заглядываются все, вплоть до попа. У красивой девушки много женихов, она может выбирать. Но по существу, она никогда не выбирает, а отвергает всех, кроме одного, которого она издавна любит. Соображения выгоды или материального порядка не играют роли; никакими подарками или посулами купить любовь нельзя. Она избирает самого бедного, но самого веселого, того, кто мил ее сердцу. Равным образом парень отвергает княжну и боярыню, а берет «у соседуски девушку», которая будет ему доброй женой и гостям «приветницей».

В этих песнях молодые сами ищут и находят свою судьбу. Но в патриархальной деревне выбор часто определялся желанием родителей. Девушек по расчету выдавали за старых и богатых или спешили закрепить сделку, выдавая девушку за подростков, почти мальчиков. Девушка хочет выходить только за «ровнюшку», который будет ей другом. Пока брачная сделка еще не совершилась, песни о возможном старом муже носят шуточный характер, песни же молодых жен, как мы увидим, носят характер уже совсем иной.

Чаше, чем о счастливой любви, поется о любви несчастливой. Несчастливая любовь вызвана препятствиями. Препятствия эти мо-

гут быть внутреннего характера, состоять в сложностях взаимных отношений, или внешнего — в той власти, которую над молодыми имеют старшие и весь уклад отстоявшейся традиционной патриархальной жизни. Тогда наступают тяжкие и трагические конфликты.

Неразделенное чувство приводит к песням элегического характера. Все события несчастливой любви находят выражение в этих песнях. Особенно часто говорится о разлуке и измене. Измена — величайшее горе, и есть целый ряд прекрасных элегических девичьих песен, в которых это горе изливается. Девушка роняет свои слезы в снег, и на этом месте снег тает. Приходит весна, но покинутой девушке нет радости ни в чем.

Но не всегда эти песни только элегичны. Девушка клянется извести неверного друга и свою соперницу и находит средства эту страшную угрозу осуществить.

Любовь требует верности и не признает измены. Песни о ревности обладают страстным драматизмом. В борьбе за нераздельную любовь любящие не останавливаются перед преступлениями, которые приводят к тюрьме и каторге.

Однако наличие таких конфликтов в песне не следует все же преувеличивать, придавать этим песням значение обобщающее. Любовь не всегда кончалась трагически. Любовь приводила к браку — и есть целый ряд песен, в которых как бы предвидится счастливое завершение верного обоюдного чувства, о чем говорится иносказательно: рассыпалось ожерелье, но никто его не соберет, ни братья, ни сестры:

Соберет, соберет жемчужок
Удалой добрый молодец
Со душой красной девицей.

Другой большой разряд любовных и семейных песен — песни хороводные, игровые и плясовые.

В отличие от песен «проголосных» или «голосовых», которые исполняются только голосом, эти песни сопровождаются различными телодвижениями хоровода или пляшущих под ритм напева. По форме исполнения эти песни не представляют единства. Хороводы и игры на открытом воздухе очень разнообразны. Хоровод может совершать различные движения по кругу (обычно — влево, «посолонь», то есть по солнцу), с остановками или без них; могут ходить два круга — один внутри, другой снаружи — в противоположных направлениях. В то время как идущие по кругу поют, стоящие внутри круга (парень, или девушка, или пара) разыгрывают и изоб-

ражают то, о чем поется. Песни, сопровождающие эти движения, называются «круговыми». Но хор может составлять не только круг, но и цепь и может совершать различные движения по прямой линии или по линиям различных форм. Такие песни часто называются «ходовыми». Народное название для вытянутого хора — «улица». Песни, исполняемые таким хором, в народе иногда называются «уличными». Играющие могут стоять парами, двигаться цепочкой, осьмеркой, колоннами, спиралью, наступать и отступать. Совершаются движения руками (прихлопывание), ногами (притопывание), всем телом — все это в такт песни. Слово «хоровод» — не русское и часто искажается («корогод» и пр.). В игре же хоровод часто называется «городом». Один из играющих стоит внутри или вне города и должен найти ворота или сломать стену, то есть прорваться. Форма игры иногда устанавливается из самой песни. Так, в песне «Как во городе царевна...» девушка («царевна») стоит «среди кругу», а парень («царев сын») «за городом гуляет». Он должен «прорубить ворота» и поцеловать красавицу царевну. В этом и состоит игра (см. стр. 190).

Хороводные песни, сопровождающиеся играми, можно назвать хороводными игровыми.

К игровым и хороводным песням примыкают песни плясовые, то есть такие, под исполнение которых пляшут. В народе такие песни называются также «частые».

В некоторых губерниях хороводы набирались. Проходя по улицам, участники собирающегося хоровода призывали находящихся в домах девушек и парней присоединиться к ним и вызывали их особыми песнями, которые называются «наборными» или «сборными». Девушка вызывала парня, парень вызывал девушку, они брались за руки. Так образовывалась цепь, которая все увеличивалась и доходила до того места в деревне или за ней, где собирался хоровод.

Наборные песни засвидетельствованы преимущественно в губерниях Новгородской, Псковской, Тверской и, реже, в Архангельской и Олонецкой. Однако есть основания полагать, что распространение их было более широким, но что собиратели о них не знали.

Наборные песни (см. стр. 185) всегда кончаются призывом присоединиться к играющим. Содержание их очень разнообразно, но всегда прямо или косвенно относится к набору хоровода и к тем чувствам, с которым в этот хоровод шли. В некоторых из них, как и в любовной лирике, восхваляется парень или девушка, или, наоборот, девушка смеется над долговязым и нескладным парнем, но все же зовет его в хоровод.

Большинство игр сводится к выбору и поцелую. Игры с поцелуями могут происходить как на воздухе, так и в избе. Если игра производится в избе, играющие сидят, а один из них подходит к избраннику или избраннице и оказывает ему какой-нибудь знак внимания (например, кладет перед ним на пол шляпу). Избираемый может знак внимания принять или не принять, соответственно словам песни, но выбор, конечно, все же осуществляется, и игра завершается поцелуем.

По своей тематике хороводные, игровые и плясовые песни можно разделить на любовные и семейные. Любовное содержание выражается не только текстом песни, но и игрой. Оно основано на признании, что одна девушка — лучше всех других. Ее не только избирают в игре, но восхваляют в песне. Поэтизация состоит в возвышении воспеваемой. Красота девушки — вполне земная, описываются ее брови, щеки, лицо, коса. Но вместе с тем эта красота преобразуется. В этом — одна из основ крестьянской поэтики. Как в сказке герой часто — царевич, а героиня — царица, как в былинах Микула Селянинович пашет в собольей шубе и зеленых сафьяновых сапожках, так и в игровых любовных песнях жених — царев сын, невеста — царица. На ней сияет венчик и золотое кольцо.

Впрочем, не следует думать, что такое лирическое возвышение в этих песнях преобладает. Глубина и красота чувства прячется за здоровую и веселую шутку и насмешку. Хороводные игры всегда веселые. Такова, например, широко распространенная игра о зайке. В одних случаях зайчика пойман и не может вырваться (что и изображается в игре), в других он рассказывает о своих приключениях, о том, как три девицы (из них одна лучше всех) зайку привечали, угощали, а потом — избili. Все это изображалось во время пения, все это понималось иносказательно.

Наряду с игровыми и хороводными песнями нужно остановиться на песнях плясовых. В народе такие песни именуются «частыми». Плясовые могут исполняться и в одиночку, и хором. Собиратели далеко не всегда обозначают эти песни как плясовые, и «частую» песню иногда приходится определять по острому, четкому ритму и иногда — куплетному строению или по наличию веселого, иногда и бессмысленного припева, значение которого — подчеркнуть ритм, разделить песню на ровные ритмические, музыкальные и словесные части и создать бодрое настроение, располагающее к подплясыванию. Точные границы между плясовыми и игровыми песнями не всегда легко проводятся. В очень многих плясовых песнях восхваляется молодость и красота, иногда — за счет различных насмешек

над старостью (изображаются, например, повадки молодых и старых и пр.). Песня утверждает право на жизнь прежде всего молодых, здоровых и сильных. Часть насмешек посвящена чернецам и черничкам, которым любовь запрещена. Но и чернецы поддаются чарам песни: о них поется, что они пускаются в пляс, бросают на пол знаки своего монашеского сана. Чернец решает жениться, черничка не создана для желни. Народ в песнях отвергает право церкви на жизнь, желания и стремления юности.

Любовное содержание имеют также «разборные» песни, которые в некоторых губерниях исполнялись по окончании игр и плясок. Они соответствуют наборным в начале их. Но если наборные содержат призыв присоединиться к хороводу, разборные призывают разойтись с прощальным поцелуем.

5

Во время хороводов, на играх, игрищах и посиделках определялись будущие пары.

Любовный роман приводил к свадьбе. Но здесь начинается характерная для русокой патриархальной деревни трагедия молодого поколения. Для старших женитьба сына есть сделка прежде всего хозяйственного порядка. В дом входила работница, которая к тому же должна была увеличивать семью, то есть создавать новых работников.

Силушка была б звериная,
Могута да лошадиная —

таков идеал невесты с точки зрения старших. Кроме того, выбор определялся соображениями имущественного характера: невест предпочитали богатых. Сам жених часто прежде всего искал себе помощницу в труде. «Нашему брату мужику жена не икона, а работница». Некоторые собиратели отмечают странную, с точки зрения этих собирателей, неприхотливость женихов к красоте своих будущих жен. Не всегда выбор определялся любовью. Поэтому понятно, что вступление девушки в брак в песнях не изображается как счастье. Наоборот, в свадебных песнях наибольшее место занимают горестные причитания невесты о своей печальной судьбе. Понятно также, почему в песнях замужних женщин так часто фигурирует «прежняя любовь», мотивы тайных свиданий, прощания и разлуки.

Но значение этих моментов не следует и преувеличивать. Моло-

дые не могли вступать в брак без согласия и благословения родителей, но выбор не всегда производили только старшие: сын, нашедший себе невесту, правда, должен был спросить разрешение у отца, но если невеста была родителям по душе, то сделка совершалась. Однако и в таких случаях невеста все же причитала: характерно, что в обязательный обряд вошли не счастливые песни любви, а горькие песни о печальной судьбе девушки, которая вступала в чужую семью, где ее не ожидала ласка.

Свадебная поэзия занимает очень значительное место в русской народной лирике. Она относится к области обрядовой лирики в том смысле, что многие свадебные песни вне свадебного обряда никогда не исполнялись и отчасти вне обряда не имеют смысла. Поэтому понимать и изучать эти песни можно только с учетом обряда, в состав которого они входят. Изучение таких песен как «чисто» лирических было бы неправильным. По своему содержанию, характеру они настолько тесно примыкают к любовной и семейной лирике, что не могут изучаться также вне рамок женской народной лирики вообще.

Свадебная поэзия не только богата, но и чрезвычайно разнообразна по местным вариантам. Тем не менее совершенно четко и определенно можно говорить о собственно русском, притом общерусском типе свадьбы. Этот русский тип свадьбы и будет нас здесь занимать. Изучение осложняется тем, что ни одному фольклористу не удалось видеть собственными глазами весь ход свадебного обряда от сватовства и до послесвадебных церемоний. В большинстве случаев свидетели бывали на свадьбе в день бракосочетания. Все остальное записано, по расспросам и воспоминаниям, от местных жителей. Картину обряда для отдельных областей приходится собирать по кусочкам, осторожно совмещая части в целое. Одна из наиболее полных, складных и надежных записей была сделана ярославским крестьянином С. Я. Деруновым, знавшим свадьбу от начала до конца. Запись относится к первой четверти XIX века и была напечатана в «Трудах Ярославского статистического комитета» (вып. 5, 1868). Собиратель П. Шейн перепечатал эту запись с дополнениями и выпусками в своем собрании «Великорус».

Народ называет празднование свадьбы «игрой». Говорят «сыграть свадьбу». Весь обряд представляет собой одно художественное целое от начала до конца. В состав свадебной поэзии входят причитания невесты, хоровые песни девушек, величальные песни, разнообразные лирические песни, насмешливые песни по адресу друзей и свах, а также триговоры дружки, загадки и заклипания.

Значение свадебного обряда некогда состояло в юридическом скреплении сделки. Кроме того, отдельные моменты, магические приемы, должны были обеспечить молодым здоровье, долгую счастливую жизнь, здоровое потомство.

Постепенно как юридическое, так и магическое значение обряда забывалось и выветривалось. Обряд превратился в традиционный обычай. Совершение обряда стоило дорого. Молодые иногда венчались без соблюдения обряда, без угощения. То же происходило, когда молодые вступали в брак без согласия родителей. Это называлось уйти «самоходом», или «самокруткой». С постепенным обеднением и обнищанием деревни такая форма заключения брака могла совершаться и с молчаливого согласия родителей, так как это избавляло их от расходов.

Празднованию свадьбы предшествовало сватовство. Отец, брат, крестный отец или мать, или сваха, приходили в дом невесты и делали соответствующее предложение. Приход этот обычно не был неожиданным. Если давалось согласие, назначались все условия брачной сделки. Договаривались о приданом, о подарках, о сроке свадьбы, иногда до мельчайших деталей, вплоть до количества приглашенных гостей. Собственно же обряд в Ярославской губернии начинался с момента, именуемого сговором. Название, а иногда и содержание этого момента по губерниям отличаются большим разнообразием («сговорки», «слово», «пропивание», «смотри» и др.). Из дома жениха приходила его мужская родня с хлебом и солью. Между приезжими и хозяевами разыгрывался своеобразный диалог, в котором в иносказательной форме, обиняком, а не прямо, высказывалась цель прихода. Приезжие называли себя, например, охотниками князя, которые напали на след куницы, и т. д. Сватов сажали за стол. В знак, что невесту отдадут, родители молодых должны были вместе пить вино («пропиванье»). После этого невесту выводили к столу и показывали ее («смотри»). Невеста, сидя за столом или в углу под иконами, начинала причитать. Причитания невесты — один из наиболее богатых и художественно совершенных видов старинной крестьянской поэзии. Основные мотивы причитаний в этот день состоят в просьбе отцу не отдавать ее так рано. Она иногда сравнивает себя с недорослой тростиночкой, с недозрелой ягодой: девушку часто выдавали очень молодой, почти подростком, и она страшилась непосильной работы, которая ее ждет в чужом доме. Повсеместно распространены песни, содержащие укоры отцу, который ее отдает из дому, потому что она будто бы была плохая работница.

Просватание обычно длилось недолго. Оно представляет собой

только начало свадебной игры. В городском быту ему соответствовало бы обручение.

После просватания и до венчания невеста уже не делала никакой работы. Ее навещали подруги, и эти посещения также сопровождались причитаниями.

Следующий момент свадебного обряда в бывшей Ярославской губернии называется «рукобитье». Уже это название говорит о том, что родители «били по рукам», то есть совершалось некоторое скрепление брачной сделки. Сущность обряда сводилась к общей трапезе двух роднящихся семейств, так как по древнейшим представлениям общность стола — один из признаков общности семьи.

Причитания невесты частично совпадали с причетами дня сговорок, частично же носят иной характер. Она просит не «запоручать» ее. Чем ближе становился день разлуки с родным домом, тем конкретнее рисовалась картина будущей жизни молодой женщины в чужой ей семье. Если причитания во время сговора обращены взором к родному дому, с которым она расстанется, то плачи момента запоручения обращены преимущественно в будущее. Песни эти с необычайной реалистической силой рисуют тяжелую судьбу русской молодой крестьянки: ее ожидает не только тяжелая работа, но чванливое отношение к ней со стороны свекра, свекрови и других членов семьи, полное одиночество, при котором нельзя даже показывать своих слез, а плакать нужно за столбом или в подушку, чтобы никто слез не видел. Особый жанр составляют вопросно-ответные песни невесты и тетушки или вообще старшей замужней и опытной женщины. В ответ на вопрос о том, как держать себя в новом доме, тетушка вспоминает, как она сама выходила замуж, вспоминает свои горести и учит невесту, как жить в чужом доме. Поучения эти сводятся к тому, что надо забыть о своем человеческом достоинстве, унижаться и молчать.

Есть песни, в которых невеста поет о том, что ее родителей обманули обещанием богатства, а на самом деле в новом доме ее ждет полная бедность и нищенство.

Незадолго до свадьбы (за несколько дней или накануне) справлялся девичник. Девичник — веселый праздник, праздник молодежи. Единственное лицо, остающееся в этот день печальным, — невеста. Невеста с песнями встречала гостей, подружек, приглашая их войти, с песнями угощала их, прося откусать. Во многих песнях счастливая девичья доля подружек противопоставляется печальной доле невесты. У девушек-подружек «на каждой волосиночке по бисериночке», а у невесты «на каждой волосиночке по слезиночке».

Один из основных моментов девичника — снятие с невесты

праздничного девичьего головного убора, называемого «красотой». П. Н. Рыбников пишет: «Главным украшением «княгини порученой» служит широкая, усаженная бисером или жемчугом лента, называемая «волею» или «красотою». Ленту эту носят только до свадьбы, накануне которой она торжественно снимается с головы девушки: это снятие красоты служит знаком, что девушка рассталась с своей девичьей долей и решила отдать себя в распоряжение мужа». ¹ После венца на молодую наденут бабий головной убор — кикю. Песен, связанных с этим моментом, очень много. Невеста, например, прохаживалась по избе, заставляла родню и подружек любоваться ею и надетой на нее «красной красотой». Потом она упрашивала родителей, чтобы сняли с нее красоту:

Хоть ты не снимешь, кормилец батюшка,
С меня снимут злы чужи люди.

Но ни отец, ни мать не соглашались снять с дочери ее девичий убор. Его снимал младший из братьев, или его передавали сестре. Лишившись красоты, девушка начинала умолять вернуть ей ее, снова положить ее на голову к ней. Иногда эту повязку ей возвращали, но, походив в ней некоторое время, она должна была признаться, что не судьба ей больше носить красоту. Такова одна из форм этого момента. Связанные с ним песни многочисленны и разнообразны. Невеста пела, например, о том, что она будто бы уходит в лес, вешает красоту на березу. Но березу рубят; она кладет ее в поле на цветы, но цветы скашивают. Наконец она несет ее к иконе в церкви, чтобы все видели, что она носила девичью красоту с честью. В других песнях она передает свою красоту сестре или сестре жениха с поучением беречь ее как знак девичьей чести.

Вечером на девичник приезжал жених с подарками и угощением. В этот же день невеста одаривала родню жениха изделиями своих рук, свидетельствующими о ее мастерстве. Есть песни, в которых невеста благодарит за подарки или, наоборот, не решается их принять.

По окончании девичника невеста с подругами обходила деревню и останавливалась под окнами тех домов, в которых жили ее родные. В своих причитаниях она с ними прощалась и просила их забыть все, чем она их протевала.

После вечеринки, особенно у зажиточных крестьян, бывало веселое катанье с леоньями.

¹ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. 3. М., 1910, стр. 54.

Кульминационный пункт в развитии свадебного обряда — день венчания.

Утром невеста будила своих подруг (или, наоборот, они ее) под песни, которые на севере назывались «будильные заплачки». В них невеста рассказывала страшный будто бы приснившийся ей сон: будто наехали чужие люди и увезли ее в лес, а дом отца развалился. Она просит холодной воды, чтобы умыть слезы.

В тех случаях, когда не невеста будит подружек, а они ее, подружки напоминают ей, что все уже проснулись, и перечисляют утренние работы, которые уже сделаны.

В этот день (или накануне, иногда и в другие дни) подруги провожали невесту в баню. Это не обычная, а особая, «подвенечная» обрядовая баня, которой приписывалось важное значение. Песни, сопровождающие ее, очень многочисленны и разнообразны. Смысл этих песен сводится к тому, что в бане она смывает свою девичью красоту.

После бани невесту убирали к венцу. Расплеталась девичья коса, чтобы заплести из нее две косы, как было принято у замужних. Голова убиралась под венец или под головной убор замужних женщин — повойник или кичу. Расплетание девичьей косы сопровождалось разнообразными песнями, иногда высокопоэтическими. Пели подружки от имени невесты. Невеста убиралась в подвенечное платье и в таком виде ожидала приезда жениха.

Жених приезжал со своей родней и с провожатыми, называвшимися поезжанами. Поезд возглавлялся дружкой. Разыгрывали ряд сценок, изображавших борьбу с женихом: ворота закладывались, с обеих сторон сыпались шутки и т. д. Весь этот эпизод полон величайшего интереса для этнографии и истории форм брака, но песнями эти сценки не сопровождалась.

Тем временем невеста в горнице причитала. В своих песнях она умоляла не пускать чужа-чуженина, заложить ворота покрепче, послать придверничков и приворотничков, просила подруг встать вокруг нее стеной и схоронить ее. Обряд прятания невесты действительно производился в разных формах, жених должен был ее искать, найти и узнать ее среди одинаково замаскированных подруг. В песнях жених всегда изображается как враг и насильник. Невеста обращается к ветру, чтобы он замел дорогу, и т. д. Когда наконец жених все же входит, она встречает его как погубителя и разорителя.

Приезд жениха встречал отпор и со стороны подруг невесты, но этот отпор носил шуточный, веселый характер. Хор девушек осыпал насмешками дружку, иногда и сваху.

Дружка входил в дом не просто, а с приговорами. Эти приговоры начинались еще при въезде в дом. Дружка — главный распорядитель всего хода свадебного веселья. Он хорошо должен был знать обряд и отличиться остроумием и находчивостью. Приговоры состояли в шуточных и иногда насмешливых приветствиях по адресу хозяев и гостей: родителей невесты и жениха, девушек, парней, детей и т. д. Приговоры имели форму рифмованной прозы, но известны приговоры и в форме песен.

Рассаживание за стол также сопровождалось шутками. Места «продавались» братом невесты, и между ним и дружкой разыгрывалось состязание загадками, разгадка которых приводила к уступке мест за столом.

Во время свадебного пира пелись самые разнообразные песни. Невеста приглашала жениха садиться поплотнее к ней. Думали, что этим обеспечивается дружная жизнь в будущем. Затем невеста с песнями обносила всех присутствующих стаканом вина. Это называлось «причитать к стакану вина». Когда дело доходило до жениха, он не принимал чары, пока она не поклонится ему в ноги.

Во время свадебного пира пелись разнообразные величальные песни. В противоположность причитаниям невесты, эти песни носят жизнерадостный, веселый характер. Они отличаются высокими поэтическими достоинствами. В настоящее время, когда свадебный обряд уже давно вымер, величальные песни во многих местах еще поются на свадебных пирах. В старину величальные песни пелись жениху, невесте, их родителям, тысяцкому, знатным гостям.

Мы не будем останавливаться на тех многочисленных и прекрасных песнях, которые пелись на свадебном пиру. Они носят радостный характер и очень разнообразны по своим мотивам. В Ярославской области церковное венчание могло происходить до свадебного пира или после него. Крестьянин Дерунов по этому поводу пишет: «В некоторых селениях нашего края стол начинается у невестина отца до венчания, что и называется «девкой столуют», а в других селениях поезжане приезжают и увозят невесту без столования к венцу». В таком случае угощение происходило после венчания — форма в России преобладавшая. Если угощение происходило до венца, то знак, что пора венчать, подавал дружка: он вскапал и призывал родителей благословить молодых. Невеста с соответствующими причетами подходила под благословение. После веселого пира праздник вновь приобретал серьезный и трогательный характер. Песни в момент благословения выражали глубину и полноту чувств невесты в этот торжественный и важный момент ее

жизни. После этого пелись прощальные песни как со стороны невесты, так и ее подружек. Одна из них была особенно популярна и пелась по всей стране: это песня о белой лебеди, она оторвалась от своего стада и пристает к гусиному стаду, которое не хочет ее принимать.

Молодых после венца привозили в дом жениха. Здесь их под песни осыпали зерном и хмелем.

На следующий день после свадьбы молодые давали от себя пир своей родне, но этот момент уже не обставлялся никакими песнями. Родные в свою очередь приглашали молодых к себе, и этим обходом свадебный обряд кончался.

6

Семейные песни, то есть песни замужних и женатых о своей жизни, непосредственно примыкают к песням свадебным. Как в свадебной лирике преобладают горестные причитания невесты, так в песнях семейных преобладают лирические сетования на горькую жизнь. Именно эти песни создали русским песням славу песен грустных и заунывных. Об этих песнях Пушкин писал: «Несчастье жизни семейной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Девушка, привыкшая к родительской ласке, к «неге матушкиной» и «воле батюшкиной», попадает в большую, недружную семью, где ее заставляют делать непосильную работу. То, о чем в предвидении будущего причиталось в свадебных песнях, действительно сбывается.

Один из основных мотивов этих песен — противопоставление покинутого родного дома и ее нового дома, дома ее мужа. Все помыслы молодой жены — о ее далеком оставленном родном доме. В воображении она птицей прилетает домой. Но дома ее не узнают: она превратилась в старуху.

Но суровая и недружная семья — еще не самое тяжелое несчастье. Есть песни, в которых муж защищает свою молодую жену от родни. Самое же большое несчастье — это разлад между самими супругами.

Брачная сделка по приговору старших, определяемая только материальными расчетами, приводит к самым различным семейным трагедиям.

Особенно остро переживается возрастное неравенство. В песнях девушка всегда хочет иметь «ровнюшку», тогда как родители по материальным соображениям выдают ее либо за старого, либо за подростка, почти ребенка. Новобрачные «приняли закон», и, с точки зрения старших, в этом и состоит общественная мораль. Но молодые такой морали не признают. Насильственный союз со старым и постылым мужем или с нелюбимой женой ради материальных выгод — для них аморален. Моральна только любовь. Если ее нет, это приводит к такому отчаянию, из которого выход только смерть одного из супругов. Есть песни, в которых жена топит, сжигает, вешает мужа, отравляет его или привязывает его к дереву в лесу и оставляет его там. Некоторые из таких песен окрашены в тона влывшего юмора.

Есть и такие песни, в которых муж не пьяница и не стар, он даже любит жену, бережет ее и носит ей подарки. Но он ей не мил. Нарушен закон крови, и создается безвыходное положение на всю жизнь. Такое положение создает почву для песен о ревности. Любящий, но нелюбимый муж насильственно держит жену при себе и никуда ее не пускает. Но жена всегда найдет средства вырваться на волю.

В большинстве случаев девушка, выходя замуж за нелюбимого, когда-то втайне надеялась выйти за другого, любимого. «Прежняя любовь» постоянно, иногда трогательно, воспевается в песнях. Воспоминание о мил-сердечном друге — некая святыня в жизни несчастной, насильственно выданной женщины. Но ею овладевают чувства и отнюдь не идиллические. Ее милый не должен достаться никому, он может достаться только сырой земле: она собирается его сжить со света.

Большинство песен о семье — женские. Мужских песен меньше; они в несколько иных тонах рисуют ту же драму, что и песни женские. Нелюбимая жена, жена постылая — змея лютая. И этого ничто не может изменить, даже если она сама по себе хорошая жена, «некорыстная». И так же как у жены есть «прежняя любовь», так у мужа есть «милая», которая также всегда, неизменно тянет его к себе. И для него, как и в женских песнях, единственный выход — смерть, и есть жуткие песни, в которых муж собирается убить свою жену, вырваться на волю, жениться на любимой.

Песен о несчастливой семейной жизни много, зато сравнительно невелико число песен о счастливой семейной жизни. Из этого не следует заключать, что браки в старой дореформенной крестьянской деревне всегда бывали несчастливы. Есть, по-видимому, какие-то законы, по которым производится отбор того, о чем поется, из того,

о чем не поется. Счастливый брак в песнях не поэтизируется, о нем не поют или поют редко. В таких песнях жена оказывается ласковой, веселой, свекор и свекровь в ней души не чают. В тех случаях, когда свекор велит сыну «поучить» жену, он отвечает:

Да за что же мне жену бить, за что сердце крушить?
Жена — дом, жена — стан, жена — радость моя,
Жена — радость моя и веселье мое,
Жена — житки мои и прожитки мои!

Когда у таких дружных супругов рождается сын, они ликуют, а когда один из супругов умирает, другой тоскует о нем до самой смерти и не может его забыть.

Семейные хороводные и игровые по своим темам мало чем отличаются от песен проголосных: в них отражена та же семейная жизнь и те же неблагоприятные семейные отношения. Но тон их совершенно иной. То, что в голосовых песнях показано с трагической стороны, здесь показано со стороны комической. Трагедия превращена в веселый фарс. Это — один из способов преодоления невзгод. Трагический герой или трагическая героиня протяжных песен здесь стряхивает с себя свое горе и выходит из борьбы победителем. Песни эти поются весной, во время хороводного и связанного с ним любовного разгула. Поют не отдельные лица, то есть не сами пострадавшие, а от их имени веселый хор девушек и парней. Так может получиться, что в первой строфе «я» — это вышедшая за старика, а во второй строфе — она же, вышедшая за молодого; «я» в этих песнях не какое-либо отдельное лицо, певец или певица, — «я» — это разные лица в разных положениях. И если о неверной жене в протяжных песнях обманутый муж думает о том, чтобы убить жену, то в шуточных хороводных песнях веселая жена ловко обходит старого, ревнивого, но доброго, недалекого и доверчивого мужа, и песня вполне ее одобряет.

В самых радостных тонах описывается жизнь с веселой женой, которая всегда поет и пляшет. Жену ленивую и нерадивую легко вылечить: для этого нужно запрячь ее в сани с дровами. Женская лень не прощается, и количество насмешливых песен о ленивых женах довольно велико. И когда нерадивой и избалованной жене муж везет дорогой подарок — плеточку, то это воспринимается совершенно иначе, чем плеть мужа в песнях свадебных. Трагическая тема старого мужа в этих песнях также трактуется как веселая. Над старым мужем песня жестоко издевается — ему обещают постель из кирпичей и крапивы, а молодому мужу принадлежат

любовь и ласка — ему стелется мягкая постель и кладется шелковой подушка, и хор опять показывает, как надо стлать постель старому мужу и как молодому. Противопоставление старого молодому — одна из любимейших тем хороводных песен.

В мужских песнях часто высмеивается теща и тесть. Теща высмеивается всегда, даже когда она угощает своих зятьев. Когда теща приезжает погостить или предлагает свои услуги, то самое лучшее — просто прогнать ее и остаться вдвоем с женой. Острота насмешки усугубляется плясовым, резким ритмом, задорным характером напева и мимическим изображением того, о чем поется.

Из этого видно, что изучение одних только протяжных песен и одабных причетов не дает полного представления ни о характере народной лирики, ни о той жизни, которая в ней изображается, равно как неправильное, одностороннее представление дает изучение одних только хороводных и плясовых песен. Только совокупность этих песен позволяет наметить более или менее полную и приближающуюся к правильной картину.

7

Семейные хороводные, игровые и плясовые песни имеют сплошь шуточный характер. Но шуточный характер имеют песни не только семейного содержания. Имеются довольно многочисленные бытовые шуточные и сатирические песни, не связанные с темой любви и семьи. Чаще всего такие песни направлены против тунеядцев из своей же крестьянской среды. Труд для крестьянина есть основная форма жизни; в нем — цель и смысл жизни крестьянина, и всякое нарушение этого воспринимается остро и вызывает отпор. Другая область народной крестьянской сатиры — жизнь духовенства, поскольку она противоречит высокой морали, проповедующей воздержанность, и проявляет себя в поступках, не совместимых со священническим саном или монашескими обетами.

Ленивые женщины подвергаются насмешкам безотносительно к семейным обстоятельствам. Песня о «Дуне-тонкопряхе», представленная многочисленными и разнообразными вариантами, в чрезвычайно ярких формах рисует образ фантастически ленивой бездельницы, которая ничего не умеет и не хочет («Жила-была Дуня...», стр. 389). Сходные песни поются о женщинах, которые целую неделю не могут собраться жать. Высмеиваются также женщины-

неряхи, которые запускают дом и все свое хозяйство. Крестьянин не терпит также женщин изнеженных, сверхчувствительность которых так велика, что комар якобы может отравить такой изнеженной женщине ногу и охромить ее на целую неделю («Ой, матушка, не могу...», стр. 387).

Создаются также песни о неумельцах мужчинах, как например повсюду известная песня о двух братьях Фоме и Ереме, которые все делают невпопад и наконец оба тонут (стр. 392).

Песни о попах, чернецах и черничках насмешливо — а иногда и сочувственно — повествуют о всепобеждающей силе любви. Молодежь отстаивает свои права на любовь против покушений со стороны церковников и, наоборот, высмеивает церковников, поддающихся любовным искушениям. Девушка, которую хотят отдать в монастырь, обещает навести полную келью молодых молодчиков. Отказ девушки постричься в монастырь, неповиновение ее родителям часто встречаются как в сатирических, так и в любовных песнях. В хороводных песнях этот конфликт всегда трактуется шуточно. Большинство песен о духовенстве и монашестве — песни плясовые. Такова песня о черничке (то есть монашенке), которая не встает, когда ее будят к обедне, но вскакивает, как только ей сообщают, что пришли скрипачи и что будет пляска. Она идет плясать, так как все равно вся келья полна грехов («Я по келейке хожу...», стр. 396).

На острый плясовой мотив поется и песня «Что во городе было во Казани...» (стр. 396). Молодой чернец выходит погулять. Он равнодушно проходит мимо старых баб, мимоходом взглядывает на молодух (то есть недавно вышедших замуж), но, когда он проходит мимо девушек, бросает на землю свой клубок и решает жениться «на душечке на красной на девице». Песня эта направлена не столько против монахов, нарушающих обет безбрачия, сколько против самих обетов, то есть имеет не антипоповскую, а антицерковную направленность, направленность против проповеди аскетизма. В этом случае песня явно сочувствует молодому чернецу, нарушающему обет целомудрия. Зато беспощадно высмеиваются монахи-пьяницы, которые, вместо того чтобы оправлять церковную службу, напиваются («На горе-то монастырь стоял...», стр. 397). Сатирический характер песни усиливается тем, что в песне использованы книжные обороты речи.

Достается в песне не только попам, но и поповым женам. Игровая песня «Скажи, скажи, воробышек...» в некоторых вариантах (стр. 398) построена на подражании походке и повадкам попов и их жен.

Наряду с богатым антирелигиозным сказочным и пословичным фольклором, песня показывает, что русское крестьянство постепенно сбрасывало с себя оковы церковного мировоззрения, навязываемого ему церковью в союзе с правительством.

8

Обзор собственно крестьянских песен был бы неполон, если бы мы хотя бы коротко не остановились на детском фольклоре, подразумевая под этим как песни взрослых для детей (колыбельные, потешки), так и песни, которые сочиняют и складывают сами дети. Старая академическая наука не считала их достойными внимания: в семитомное собрание А. И. Соболевского эти песни не включены. Однако многие собиратели, в особенности П. В. Шейн, записывали и издавали детский фольклор, и, хотя количество записанного материала сравнительно невелико, оно все же позволяет говорить о том, что детский фольклор представляет в своем роде замечательное явление.

Колыбельные песни должны успокоить ребенка. Предполагается, что в слова засыпающий ребенок не очень вслушивается: главное здесь ровный, спокойный, убаюкивающий напев. Поэтому колыбельные песни не нуждаются в логической связности: это небольшие картины мира, каким он, по мнению поющей, представляется ребенку. То, что делают люди, здесь делают животные: кошка толчет сухари, шьет ширинку (полотенце), а котята сидят на печке и ждут, чтобы их накормили. Кошки так часто упоминаются не только потому, что они хорошо знакомы детям, но и потому, что кошки днем бывают сонливы. Записан обычай класть в люльку кошку, чтобы ее сонливость передалась ребенку. Из других животных часто упоминаются голуби, по-видимому из-за рифмы «гули-люли». Есть и песни, в которых животными (например, волком) пугают детей: волк их унесет, если они не будут спать или лягут на краю. В других песнях бесхитростно изображается трудовая жизнь семьи: отец пошел за рыбою, брат — рубить дрова, нянюшка — мыть пеленки. Из этого видно, что качает ребенка не мать и не нянюшка, а вероятно, одна из сестер. Вообще по песням видно, что они далеко не всегда поются матерями, так как мать на работе; они поются старухами или девочками, которым поручен надзор. Наконец, есть песни, в которых ребенку сулят смерть. Объяснить это можно только тем, что в нищенской крепостной деревне детям не всегда были рады и смерть ребенка встречалась с облегчением: «развязал

господь». Но такие песни могли исполняться в подражание и девочками-нянками, которые не вникали в их смысл и обставляли картину смерти комическими подробностями. Такие песни производят жуткое впечатление.

Хотя песен о смерти ребенка не так мало, они все же составляют некоторое исключение. Колыбельные песни в целом свидетельствуют о самой глубокой, самой нежной любви к ребенку.

О такой же любви, окрашенной уже не столько в нежные и тихие, сколько в радостные и шуточные тона, свидетельствуют всякого рода «потягушки», «потешки», «тутушкальные» и другие песни, которыми забавляют маленьких детей, когда они просыпаются, потягиваются и начинают играть своими собственными руками и пальцами. Некоторые из таких песен отличаются необыкновенным языковым искусством.

Наконец, песни и стишки, сложенные самими детьми, представляют собой, в преломлении детского сознания, небольшую энциклопедию всей деревенской жизни и всего, что в ней происходит. Деревенские дети знают жизнь и ее изнанку. Их склонность к насмешкам, к острым и необыкновенно выразительным словам приводит к совершенно неожиданным эффектам; приемы детской поэзии еще мало изучены, но они заслуживают самого пристального внимания. Песни эти внешне часто бывают совершенно бессвязны, но эта бессвязность мнимая: ребенок видит и изображает мир не так, как взрослые, а по своим связям и представлениям, которые не совпадают с тем, как видят этот мир взрослые.

9

Песни крестьян-земледельцев представляют собой самую многочисленную группу народных лирических песен. Крестьянин так тесно был связан с трудом над землей, что оторванность от этого труда испытывал как величайшее несчастье и горе.

Тем не менее жизнь в крепостной деревне была настолько тяжела, что уходить с земли — надолго или навсегда — все же приходилось.

Песни крестьян, оторвавшихся от земли и труда над ней, добровольно или поневоле ушедших из деревни и уже не участвовавших в ее жизни, по своему содержанию, а часто и по форме сильно отличаются от песен собственно крестьян и составляют особый раздел русского народного песнетворчества. Здесь уже нет песен обрядовых, любовных, свадебных, хороводных, а есть песни совсем

Другие: есть песни бурлацкие, солдатские, разбойничьи, песни тюрьмы, каторги и ссылки и песни фабричных рабочих.

Из этих песен в первую голову следует рассмотреть песни бурлацкие. Бурлаки не навсегда порывали связь с деревней, а были тесно с ней связаны. Бурлаками в крестьянском обиходе называли тех, кто на летний сезон нанимался на разного рода промыслы. Обычно такие рабочие организовывались в артели.

В песне ярче всего отразился один вид таких промыслов — речной. Летом артель нанималась в гребцы или в качестве тягловой силы. Бурлаков запрягали в лямку, и они тащили нагруженные суда против течения.

Часть бурлацких песен — песни трудовые, рабочие, то есть исполнявшиеся во время каких-нибудь тяжелых совместных работ. Ритм песни определял ритм работы. Работа шлась под песню. Этот ритм не всегда легко определяется по тексту, но всегда ясен в напеве. Такие песни пелись, когда требовалось дружное и одновременное усилие при особенно тяжелых работах: снятии баржи с мели, передвижке больших тяжестей, вбивании или вытаскивании свай, корчевании тяжелых пней.

Но бурлацкие трудовые песни не только выражают ритм работы; они содержат картину всей тяжести бурлацкого труда. Тяжесть эта состоит и в силе физического напряжения, и в тех условиях, в которых эта работа производилась. В бурлаки шли сильные и выносливые люди, которых такая работа не могла надорвать ни физически, ни морально. Невыносимые условия труда, изображенные в «Дубинушках», превратили русского бурлака в символ русского мужика, тянущего лямку безрадостного, подневольного, тяжелого труда. Так воспринималась и картина Репина «Бурлаки».

Текст песен с припевом типа «дубинушка, ухнем» не совсем ясен. О какой дубинушке здесь идет речь? Почему в некоторых вариантах она зеленая? Как убедительно показал Е. В. Гиппиус, под «дубиной» подразумевается дуб.¹ И действительно: слово «дуб» некогда означало лиственное дерево вообще. При вырубке леса под пашню деревья не срубались и не спиливались: перерубались их корни. К верхушке дерева прикреплялся канат, за который тянули, когда корни были почти все перерублены. Такой способ рубки делал ненужным выкорчевывание пней. «Подернем» — означает «потянем

¹ См. комментарии Е. В. Гиппиуса к песне «Эй, ухнем» в книге: М. Балакирев. Русские народные песни. М., 1957, стр. 345—347.

за веревку», «ухнем» — свалим; выкрик «зеленая дубинушка сама пойдет» означает, что дерево само свалится. Освоение лесов под пашню когда-то имело широкое распространение. Позднее песня применялась уже к другим видам работ, требующих песенной команды, и песню пели, не вдумываясь в ее первоначальный смысл.

Необыкновенно красивый и выразительный напев в различных вариантах, четкий, медленный ритм, картины тяжелого труда и быта бурлаков — все это способствовало необычайной популярности бурлацких песен. Горький слышал «Дубинушку» на Волге в детстве и записал несколько вариантов ее. Песня привлекала не только изображением труда бурлаков и замечательным напевом, она воспринималась как выражение протеста против вековой «лямки», на которую обречен народ. Песня понималась как революционная. В 1865 году революционно настроенный морской офицер Ф. Богданов (1838—1866) создал песню, начинающуюся со слов: «Много песен слышал я в родной стороне...». Припевом к этой песне служила «Дубинушка». Эту песню несколько переработал поэт И. Ольгин (1829—1897). Эта переработка была впервые опубликована в 1885 году. Редакция оказалась чрезвычайно удачной; песня была широко подхвачена и пелась в студенческих и революционно-демократических кругах. Подлинной массовой песней она стала во время революции 1905 года, когда ее стали петь рабочие, крестьяне, передовая интеллигенция: песню пела вся страна.¹

Кроме песен самих бурлаков есть песни крестьян о бурлаках. Бурлак представляется крестьянину, прикованному к земле, вырвавшимся на волю бывалым человеком, зарабатывающим большие деньги. Но горькая действительность разбивала всякую идеализацию: бурлак возвращался таким же нищим, каким уходил. Кабала везде одна и та же. Есть песни прощальные: бурлака провожает на работу вся семья: родители, жена и дети. В других девушка ожидает возвращения любимого, который «в бурлаки подрядился». Все уже вернулись, но ее любимого друга нет, и вот наконец на реке завиднелась лодочка — она узнает своего друга.

Уход в батраки может рассматриваться как легальная попытка выйти из нищенства путем приработков на стороне. К чему эти попытки приводили, показывает сама песня. Но крестьянство издавна знало и другой путь ухода из-под крепостного гнета, а именно бегство и как следствие этого — разбой.

Разбойничьи песни распевались в широких кругах крестьян-

¹ Д. А. Автор «Дубинушки» Ф. И. Богданов. — «Краснофлотец», 1944, № 15—16.

ства и городского населения. Разбой в России был широко распространенным бытовым явлением.¹ О разбое знает уже летопись, он усиливается во время татарского гнета и впоследствии вновь и вновь распространяется после опустошительных и разорительных войн.

Разбойничьи песни — песни вольницы. Как мы увидим ниже, разбойник в песне — борец за поправленную справедливость. Он никогда не грабит бедных, а только богатых.

Разбойничьи песни довольно резко делятся на два вида. В одних — разбойник ярко положительная фигура. Песни оптимистичны, иногда они носят веселый и шуточный характер. Такие песни могут быть названы «удальными». В других идеализация уступает место жизненной правде и суровой действительности. Эти песни смыкаются с песнями о тюрьме, каторге и ссылке и по исполнению относятся к протяжным. Большинство исследователей относит к разбойничьим знаменитую песню «Вниз по матушке по Волге...» (стр. 419). Прямых данных для этого нет, но картина широких волжских просторов и свободного плавания по реке соответствует фону, на котором рисуется действие многих разбойничьих песен. В этой песне нет сюжета. Молодцы едут на лодках по широким волжским просторам. Они пристают к берегу, а к ним навстречу выходит девушка. Обычно песня этим кончается. Но по некоторым деталям можно судить о том, что гребцы не просто едут кататься, а направляются на разбой. Об этом же свидетельствует широкое применение этой песни в драме «Лодка». Здесь ватага молодцов едет в лодке; они поют песню «Вниз по матушке по Волге...», а затем пристают к берегу и грабят богача.

Как уже указывалось, в некоторых песнях разбойник — не просто человек, вырвавшийся из-под крепостного гнета на волю, он — народный мститель и борец за поправленную справедливость. В волжской песне «Что пониже было города Саратова...» (стр. 420) удалые «молодчики заволжские», «гребцы бурлацкие» устраивают засаду на волжском острове, поджидают астраханского губернатора, который проезжает на лодке, нападают на него и убивают. Насколько актуальна была эта песня, свидетельствуют более ранние варианты об убийстве князя Карамышева и более поздние — об убийстве князя Репнина, Гагарина и Голицына. Песня пронизана острой ненавистью к дворянско-помещичьей власти и выражает идеологию крестьянских бунтов.

¹ Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875.

Другие песни направлены против деревенских кулаков и богатеев. Такова широко распространенная песня «Усы», в которой в шуточной форме и с прибаутками повествуется о том, как удалые молодцы идут к мужику, который «богат добре»,

Живет на высокой горе, далеко в стороне,
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет.

У этого мужика они угощаются, а потом пытаются его, узнают, где спрятаны деньги, и уносят их.

Было высказано предположение, что песня «Усы» — камского происхождения.¹ Такое предположение вероятно для варианта из сборника Кириши Данилова, в целом же песня не содержит ничего типично камского, она носит общерусский характер. Количество записей невелико, но они далеко разбросаны, что свидетельствует о широком распространении ее. Песня прочно связана с действительностью. Прозвище и имя Ус было довольно распространено в древней Руси. С XVI—XVII века оно зафиксировано почти исключительно для казачества. Один из сподвижников Разина носил имя Васька Ус. В множественном числе слово «усы» превратилось в метафору, обозначающую разбойников.

Более многочисленны разбойничьи песни протяжного характера. Из них некоторые особенно интересны тем, что они показывают, каким образом молодой крестьянин становится разбойником, раскрывают социальные корни разбойничества. Такие песни в тюрьме поет «сироточка, сиротинушка горькая». Эти песни представляют собой как бы поэтическую автобиографию поющего. Сирота терпит лишения и голод, он бежит на Волгу, где его «воспитывают» легкие лодки и «лелеют» быстрые волны. Так он доходит до Астрахани и оттуда уже уходит на разбой (стр. 428).

Исторический опыт должен был вызвать смутное сознание, что разбой не выход из социального неравенства и что рано или поздно борьба в такой форме приведет к поражению. Многие разбойничьи песни кончаются предсказанием виселицы и плахи. Такова и знаменитая песня «Не шуми, мати зеленая дубровушка...» (стр. 425). Песня эта использована Пушкиным дважды: в «Дубровском» (гл. XIX), где, сидя верхом на пушке, ее поет один из

¹ П. С. Богословский. Песня об Усах из сборника Кириши Данилова и Камская вольница. — «Пермский краеведческий сборник», вып. 4. Пермь, 1926.

разбойников (здесь приведены только первые две строки ее), и в «Капитанской дочке» (гл. VIII), где песня приведена целиком и где ее поет Пугачев со своими сподвижниками. Влагая эту песню в уста предводителя крестьянского восстания, Пушкин вскрывает глубокий социальный смысл этой песни. Текст Пушкина заимствован из сборника Чулкова. Но описание пения и впечатления, которое оно производит на Пушкина, заставляет думать, что Пушкин слышал эту песню в живом исполнении, притом хоровом. Впоследствии эта песня была записана уже только как одногласная.

Пророчество о казни встречается не только в этой песне, но и в других: есть и такие, в которых эта казнь описывается. Часть песен о разбойнике, находящемся в заточении, смыкается с песнями тюремными.

Так в самих песнях выражается безнадежность борьбы с социальной несправедливостью путем разбоя. Тем не менее эти песни — яркое свидетельство свободолюбивых стремлений крестьянства, высказанных в столь ярких художественных формах, что разбойничьи песни принадлежат к числу наиболее популярных и любимых.

Особое место по своему содержанию, а частично и по своей поэтике занимают песни солдатские.

Солдат на своих плечах выносил всю тяжесть побед русского оружия при царском режиме. Как участник войн, солдат создавал исторические песни. Все военно-исторические песни начиная со времен Петра I созданы в солдатской среде. Эти песни носят не лирический, а эпический характер. Но помимо военно-исторических повествовательных песен солдаты создали огромное число бытовых и лирических солдатских песен. Из солдатской среды они переходили в крестьянскую и здесь исполнялись и распространялись наряду с крестьянскими лирическими песнями. Эти песни держались очень долго, и некоторые старинные солдатские песни были записаны советскими фольклористами в самые последние годы, хотя бытовая основа их давно ушла в прошлое.

Бытовые солдатские песни сопровождают всю жизнь солдата. Во времена рекрутчины проводы сопровождались причитаниями. К собственно солдатским песням их отнести нельзя: сам рекрут никогда не причитал и не может причитать. Как ни тяжел солдатский долг, рекрут понимает необходимость призыва. Причитали женщины: мать, сестра, жена, невеста. Эти причитания основаны на горьком жизненном опыте. В них выражены не только сетования, но подробно описывается жизнь солдата: тяжесть службы,

жестокое обращение с людьми, ужасы боя. Все это женщины знали из рассказов самих же солдат. Эти описания представляют собой драгоценный материал. Известны слова Ленина: «Какая это замечательная вещь! Какие богатые материалы о военных истязаниях, которые допускали цари, особенно Николай I. Как эти истязания отразились великолепным образом в народных сказаниях и песнях». ¹

Ленин особо подчеркивал глубокое историческое значение этих песен. Но он ценил и художественную форму их, что видно из воспоминаний Демьяна Бедного. Хотя содержание причитаний уже не соответствует современности, народная форма может быть использована для создания современных песен. Демьян Бедный пишет: «Надо было видеть, как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова. ² Взяв ее у меня, он ее мне не возвращал. А потом при встрече сказал: „Это противовоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть, старой песне противопоставить новую песню. В привычной, своей, народной форме — новое содержание”». ³

Первое рекрутское причитание было записано Радищевым. ⁴ Радищев уже понимал, что зло не в солдатской службе как таковой и не в призыве, а в злоупотреблениях при призыве, в продаже рекрутов за деньги, в полном бесправии крестьянина, который не мог пользоваться даже теми законами, какие были. Злоупотребления остались и тогда, когда рекрутчина сменилась солдатчиной. В ряде песен чрезвычайно реалистически рисуется вся картина призыва. Песни эти перекликаются с песнями о крепостничестве: призыв не обходится без «злой барыни», которая «раздала крестьян в солдатушки». Чтобы новобранцы не бежали, их ковали в железо, а потом увозили в город. Солдатские песни показывают, что на селе призывом распоряжаются богатые мироеды, которые на сходе отдают в солдаты не тех, кому по закону следует идти, а единственного сына беззащитной вдовы. Но как ни тяжела солдатская жизнь, находились охотники, которые сами вызывались на

¹ С. М. Буденный. Боец — гражданин. М., 1933, стр. 16.

² Имеется в виду книга Е. В. Барсова «Причитания северного края», тт. 1—3. М., 1872—1878. Том второй содержит рекрутские причитания.

³ Д. Бедный. Предисловие к книге Л. Войтоловского «По следам войны». Л., 1925, стр. 4. — Подробнее об отношении Ленина к материалам Барсова см.: В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4.

⁴ «Путешествие из Петербурга в Москву», глава «Городня».

службу, так как крестьянская жизнь представлялась еще более трудной, чем солдатская.

Песня рисует тяжелые семейные нелады: ни один из братьев не хочет идти, жертвует собой младший. Песня чрезвычайно реалистически описывает военное присутствие, писарей, которые пишут за столами, бритье головы, разгул призываемых, плач женщин. Но и плачи женщин иногда говорят о необходимости выполнения долга:

Послужи там, добрый молодец, верой-правдою,
Положи за нас свою буйну головку.

Ряд песен рисует картину тяжести солдатской службы. Солдат всегда живет воспоминаниями о доме. Та жизнь — жизнь в деревне — настоящая, так он хочет жить, а солдатская жизнь — невольная и временная. Солдат всегда помнит о жене и детях и тоскует о них. Он воображает себе свое возвращение: он придет седым, его состарила царская служба с частыми походами и редким отдыхом. Он припадает к земле, чтобы услышать, не плачут ли о нем родители, не горюет ли жена с малыши детушками.

В солдатских песнях очень подробно рисуется вся служба и солдатские будни: чистка пуговиц и амуниции, неподвижное стояние целыми часами, так что отекали руки и ноги, ученье, караулы, строй, холод и жара, короткий сон, а за малейшую провинность — битье, истязания, розги и палки, прогнание сквозь строй.

И при всем том солдат горд своим званием, любитесь строем. Он мысленно окидывает армию глазами врага: король шведский выходит из шатра, чтобы сквозь «ясное стекло» посмотреть на русскую армию:

Какова-то есть русска силушка во строю стоит,
Во строю стоит да по ружью держит.

Очень распространена была шуточная песня о том, что солдатские деды — это его победы, солдатские жены — ружья заряжены, сестры — сабли острые и т. д. Очень возможно, что эта песня насаждалась сверху в качестве маршевой для привития солдатам бодрости. Но песня эта отвечала настроениям самих солдат, привилась и широко распевалась.

Таким же настроением пронизаны и боевые песни солдат. Сол-

дат не боится похода. Он знает, что его, может быть, ждет смерть, но он хочет умереть простившись, в буквальном, исконном смысле этого слова, то есть получив прощение от всех, перед кем он провинился. Бой рисуется иногда совершенно реалистически, почти натуралистически, иногда с использованием старинной народной метафоры боя — пахоты и посева. Земля распахана не плугами, а лошадиными копытами, она засеяна головами и поливана кровью. Так поется, например, в песне о Полтавском бое, но так же поется в боевых солдатских песнях безотносительно к тому или иному историческому сражению. Наконец, есть песни о смерти солдата. Чаще всего песня рисует смерть в одиночку, под деревом, много реже — в сражении. Смерть связывается с песнями о возвращении солдата. Все возвращаются, но любимого нет — он присылает с товарищами свою окровавленную рубашку для жены, чтобы она омыла ее своими слезами. В других песнях говорится о возвращении к матери сына, умирающего от ран.

Так в солдатских песнях выражено противоречие крестьянского сознания в отношении к военному долгу. При царском строе солдат — раб и подневольное существо, терпящее мучения от бесчеловечного к нему отношения, и он же герой, стоящий за русскую землю, полагающий голову за тех, кого он ушел защищать.

В поэтике солдатских песен использованы традиционные приемы крестьянской лирики, но в них же видны начала новой поэтики. С одной стороны, солдат, тоскующий о родной деревне, изображается как лебедь, ожидающий половодья, чтобы покупаться в родной стихии. С другой стороны, совершенно реалистически описывается не только присутствие, где за чернильницами сидят писаря, но и подготовка к бою, приступ, ружейная стрельба, рукопашная схватка и море крови. Высокий патриотизм и глубокая лиричность солдатских песен при высоких художественных достоинствах обеспечили им необычайную популярность в народной среде.

Русская лирическая песня XVIII—XIX веков с трудом поддается расположению в хронологическом порядке, однако можно с уверенностью сказать, что песни тюрьмы, каторги и ссылки относятся к песням сравнительно поздним. Песни тюрьмы, каторги и ссылки можно делить на песни, которые поются о заключенных их близкими и на песни самих заключенных.

Песни о заключенных перекликаются с любовной лирикой и выдержаны в традиционных приемах этой лирики. Милый на-

ходится в тюрьме — и об этом тоскует девушка. Так же как в песнях о крестьянской неволе, первая мысль состоит в том, чтобы любыми средствами выкупить милого из неволи. О вине его, о преступлении заключенных в песнях никогда не говорится. То, что с точки зрения царских властей представляется преступлением, никогда не представляется преступлением в глазах народа. Заключенный — несчастный, который находится в неволе, и первый импульс состоит в том, чтобы помочь ему и освободить его. Девушка готова отдать все свое достояние: она берет фантастические золотые ключи, открывает свои ларцы, но судьи не берут выкупа («Ах, что ж ты, мой сизый голубчик...», стр. 469). Неволя оказывается неволей навсегда.

В песнях самих невольников иногда проглядывает, что причиной гибели была страстная любовь и какое-то связанное с этим преступление («Ты злодейка да злокоманка...», стр. 470). Но все же любовное содержание тюремных песен не определяет характера и смысла их.

Самое страшное — не та тюрьма, которая находится где-то близко. Самое страшное была ссылка в далекую Сибирь на каторжные работы. Знаменитая Владимирка, дорога, ведущая в Сибирь, нашла свое отражение и в песне.

Да горы мои, горы Зауральские —

так начинается песня об этой дороге, которая ведет в «темные остроги» и до каторги, о дороге, по которой звучат кандалы и которая усеяна крестами могил. Но эти бедствия не могут сломить гордости приговоренных.

Сибирские дороги знают фигуру не только закованного каторжника, но и беглого бродяги. О бродягах пели преимущественно в тюрьмах, так как бродяга представлялся вырвавшимся на волю. Песня «Седина ль моя, сединушка...» (стр. 471) говорит о человеке, постаревшем на сибирских дорогах, где самое страшное бедствие — одиночество, ибо бродяга боится всех. Но здесь он находит то, чего не нашел на воле, — «полоняночку красну девушку». «Полоняночка» здесь, конечно, означает не девушку, находящуюся в татарском плену, как это имеет место в исторических песнях, а плененную в тюрьме и бежавшую из нее. Эта песня пользовалась широкой популярностью и сохранилась вплоть до нашего времени в сельском песенном репертуаре.

Но счастье бродяги — счастье недолговечное. Бродяг выслеживали и ловили. Многие из них имели фальшивые паспорта. Та-

кие бродяги жестоко наказывались, и в песне вырывается стон — упрек матери:

Под которой ты меня звездой породила,
Ты каким меня счастьем наделила?

Тюрьма поглощает людей навсегда; она изображается как «тюрьма темная», «каменная»; молодец сидит за дубовой тяжелой дверью, заперт крепким немецким замком. Сам заключенный часто рисуется в образе птицы, обычно сокола, и тогда тюрьма уподобляется клетке («Бывало у соколика времечко...», стр. 474). Образ сокола дает намек и на те преступления, за которые молодец попал в тюрьму. Он «побивал гусей-лебедей, уток черных» — явный намек на разбой. Но, как мы уже знаем из разбойничьих песен, такой разбойник грабит только богатых, но не бедных. Таким же соколом в песнях о Разине изображается плененный Разин.

Если прислушиваться только к словам песни, она на первый взгляд не содержит ничего революционного. В ней нет призыва к ниспровержению социальной несправедливости. Тем не менее противопоставление воли и неволи имело определенный символический смысл, как его имели песни бурлаков. Этим объясняется широкое распространение этих песен. Пушкинский «Узник», лермонтовское «Отворите мне темницу...», песня «Солнце всходит и заходит...» пользовались особой популярностью в 1905 году и пелись как революционные песни. Как правильно заметила А. Н. Лозанова, в тюремных песнях «воля противопоставляется неволе и угнетению».¹ К более позднему времени относится записанная на Южном Урале песня «Во заводе парень жил...» (стр. 474), в которой заводской парень попадает в тюрьму за то, что по улице «знамя красное носил». Его подруга уходит с ним на каторгу и не думает о возвращении домой.

Прямой обличительный смысл имеют те песни, в которых почти натуралистически подробно изображается вывоз невольника на место наказания и самое наказание палачом Федькой, его страшный первый и последующий удары (стр. 477). В песне «Вы бродяги, вы бродяги...» подробно описывается, как бежавших проводят сквозь строй, а затем, обложив их мокрыми тряпками, отводят в госпиталь (стр. 478). Песни тюрьмы, каторги и ссылки,

¹ А. Н. Лозанова. Тюремные песни. — «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1. М. — Л., 1955, стр. 433.

созданные заключенными, частично обладают иным стилем, чем песни крестьян на земле. В своем замечательном исследовании о русской тюрьме и ссылке Н. М. Ядринцев посвящает целую главу острожной поэзии, музыке и тюремному творчеству.¹ Большое внимание уделяет этому вопросу и С. Максимов, включивший в свое исследование о сибирской каторге целый ряд песенных текстов.² Процент грамотных среди заключенных и каторжан был выше, чем среди населения. Большое количество грамотеев слагало иногда довольно наивные, иногда неплохие, но всегда интересные по своему содержанию стихи. Этим объясняется, что в песнях встречается некоторое количество книжных оборотов. В большом ходу были песни литературного происхождения, как «Александровский централ» («Далеко в стране иркутской...» — автор М. П. Розенгейм) или знаменитая песня «Арестант» («Ночь тиха, лови минуты...»), слова которой созданы Н. П. Огаревым, и многие другие.³ Традиция старой крестьянской лирики уже не удовлетворяет тем условиям русской жизни, которые складывались в борьбе за элементарные человеческие права и за справедливость, попранные мрачной системой наказаний, изобретенной напуганным правительством. Это же наблюдается в еще большей степени, как мы увидим, в поэзии рабочих.

10

Данный краткий обзор дает некоторое представление о содержании песен. Содержание это полно величайшего историко-общественного, этнографического и общечеловеческого интереса. Однако эмоциональное воздействие, которое до сегодняшнего дня производит на нас русская песня, определяется не только этим, но ее высокой художественностью.

Одно из средств эмоциональной выразительности русской песни состоит, как уже указывалось, в ее необычайных музыкальных красотах. Эта сторона здесь не может быть рассмотрена, так как она требует специального музыковедческого освещения.

Но песня — создание не только музыкального, но и словесно-художественного творчества, и с этой стороны она также до-

¹ Н. М. Ядринцев. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

² С. Максимов. Сибирь и каторга. СПб., 1871.

³ Песни литературного происхождения собраны в сборнике «Песни каторги и ссылки». М., 1930.

статочно богата, чтобы воздействовать не только при музыкальном исполнении, но и при чтении. Песня обладает специфической для нее высокоразвитой поэтикой, и эта поэтика должна быть рассмотрена хотя бы в общих ее очертаниях.

Лирическая народная песня имеет стихотворную форму. Частично эта форма совпадает со свойственной русской литературе тонической системой стихосложения, частично же резко от нее отличается. Тоническая система имеется в некоторой части игровых, хороводных и плясовых песен. В этих случаях каждая доля музыкального такта соответствует одному слогу стихотворной стопы:

Накануне Рождества
Сеял репу — не взошла,
Сватал Катю — не пошла.
Пересею, так взойдет,
Пересватаю — пойдет.

В этом случае мы имеем четырехстопный хорей с усеченной последней стопой. Присматриваясь ближе, мы увидим, что первая и две последних строки вместо четырех ударений имеют только два. Эта форма — типичный плясовой русский размер, которым исполняются очень многие плясовые песни. Он имеет следующую схему:

— — — | — — — (—)

Этим размером поются такие песни, как «Ах вы сени, мои сени...», «Хороша наша деревня...», «Как у Ванюшки жена...» и другие. Наряду с этим возможен четырехстопный хорей с четырьмя полными ударениями; по существу, это уже другой размер, не имеющий быстрого плясового характера:

Сею, вею бел леночек;
Уродись, мой бел леночек,
Тонок, долог, лен ленистый,
Лен ленистый, волокнистый.

При ближайшем изучении четырехстопный хорей окажется очень гибким и разнообразным по количеству и чередованию ударных и безударных стоп.

Реже встречается трехстопный хорей:

Жила-была Дуня,
Дуня тонкопряха;

Вáли-вáли, Дуня,
Дуня тонкопряха.

Напев не сообщен, но длительная пауза после каждой строки заставляет предполагать, что музыкальный размер — двухтактный и что здесь три стопы сводятся к четырем тактам. Плясовая песня тяготеет к четырехстопному хорю.

Эпизодически встречаются и другие размеры. Песня

Сижy я, млада,
На печке одна,
Заплатки плачу
Приплачиваю... —

целиком до конца выдержана в правильных двухстопных амфибрахиях с усечением последнего безударного слога и заменой его паузой. Схема такого стиха —

— ' — | — ' (—)

Однако совпадение музыкального такта со стопой стиха — явление сравнительно редкое. Чаще они не совпадают. Недостающий слог компенсируется либо паузой, либо растяжкой гласного, и обратно: в одну долю музыкального такта путем учащенного исполнения можно поместить не один слог, а больше.

Пример с применением пауз: строка «Вó поле береза стояла...» как стих не укладывается ни в какие размеры (1 дактиль + 2 амфибрахия). При пении же получается ярко выраженный шестистопный хорей. После третьей и пятой стопы имеется пауза, замещающая безударный слог. Мы обозначаем ее двумя вертикальными чертами:

Вó полé берé||зá стóя||лá.

Примером применения растягивания слогов может служить песня «Вниз по матушке по Волге...». При чтении она воспринимается как четырехстопный хорей, но при пении она имеет иной размер:

Внййíz по мáаáтушкéeé по Вóл||гé,

то есть исполняется как восьмистопный хорей.

Мы не будем приводить других примеров из области плясовых или игровых песен, так как более подробное освещение этого вопроса требует уже музыковедческих разысканий.

Несколько иную картину дают песни протяжные. Совпадение слогов стихотворной стопы с долями музыкального такта здесь возможно только как случайность. Следует подчеркнуть, что единой системы стихосложения русской народной песни вообще не существует, есть несколько различных систем в зависимости от жанров: плясовая песня, протяжная песня, причитание, былина обладают каждая своей особой системой. Легче всего определяется система плясовой песни. Труднее всего — песни протяжной.

Было несколько теорий, пытавшихся определить характер народного стихосложения, и в том числе протяжной песни. Мы не будем их ни приводить, ни повторять, ни вдаваться в полемику.¹ Ближе всего к истине, по-видимому, те теоретики, которые исходят не из текста, а из напева. В то время как для игровых и плясовых песен ритм есть основа всей песни, в протяжной песне ритм, наоборот, не имеет решающего значения. Поэзия ее определяется напевом, для которого характерен не столько ритмический, сколько мелодический рисунок. Этот мелодический рисунок и составляет «душу» песни. Широкий, протяжный напев не столько иллюстрирует текст, сколько выражает самую сущность его, выражает то, что не может выразить слово. Запись таких песен «под метроном» обычно невозможна, хотя и можно — иногда безболезненно, а иногда и с большой натяжкой — втиснуть мелодию в сменяющиеся такты $\frac{4}{4}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{5}{8}$ и т. д.

Напев доминирует не только над ритмом, который часто нерегулярен, но и над словом и над словесной фразой. Музыкальная фраза может не совпадать с словесной фразой; в таких случаях в пределах музыкальной фразы слова или даже части их могут растягиваться или, наоборот, обрываться недосказанными, части слов могут прерываться горестными восклицаниями. В большинстве случаев эти восклицания, разрывы, повторения и растяжения собирателями не записываются — они записываются только при нотной фиксации песни; обычно они также и не печатаются. Вот как выглядит песня при научной записи ее, сделанной более или менее точно:

¹ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

1. Эх! да уж вы нб...
Эх, уж вы ночи, ночи мои тѣ...
Эх, да уж вы темные,
Ночи темные!
2. Эх! да все я но...
Все-то я ночушки, млада, проси...
Эх, да я просиживала,
Я просиживала.

(Лопатин и Прокунин, № 60)

Следует заметить, что эта словесная запись не вполне точна. Восклицание «эх!» звучит как обрубленное, между тем как оно в пении имеет затакт, растягивается и содержит целую чрезвычайно красивую мелодическую фигуру.

В своде Соболевского эта песня перепечатана следующим образом:

Эх, да уж вы ночи, ночи мои темные!
Все-то я ночушки, млада,¹ я просиживала.

(Соболевский, т. 5, № 357)

Перепечатка сопровождается оговоркой: «Вторая половина стиха повторяется»; оговорка эта не соответствует действительности и не дает правильного представления о тексте.

Точную форму передачи неудобно читать, неточную невозможно петь так, как ее поет народ. Она дает совершенно искаженное представление о музыкальном лирическом звучании песни, о ее ритмике и строфическом строе. К этому следует прибавить, что при многоголосном исполнении песню начинает запевала, который показывает тональность, темп и начальную музыкальную фигуру, после чего вступает хор. Это разделение ролей между запевалой и хором в печати также часто пропадает, хотя оно обладает особой выразительностью и красотой.

Рифма в народной песне не входит в поэтическую систему лирики, но она встречается.

Народная песня обладает таким богатым арсеналом словесно-организационных и музыкальных средств, что она не нуждается в рифме. Но когда она является без усилий, как бы сама собой, певцы охотно ее ловят, и есть песни, богатые неожиданными и

¹ Слово «да» пропущено.

искусными рифмами. Среди певцов есть мастера рифм. Такие строки, как:

По новой по роще
Поехал зять к теще.
...«Здорово, мой зятек,
Здорово, касатик»

или:

Как у наших у ворот
Стоял девок хоровод —

и многие другие, могут создать впечатление, что в народной поэзии рифма, по существу, ничем не отличается от рифмы литературных стихотворений. Между тем эти выборочно взятые строки ничего не доказывают. В литературе рифма играет двоякую роль: созвучия ласкают слух, кроме того, рифма всегда стоит в конце строк и служит как бы знаком этого конца. Применение рифмы обязательно или необязательно в пределах одного стихотворения, но беспорядочное смещение рифмованных и нерифмованных строк в литературе не допускается.

В народной лирике рифма служит только средством благозвучия; она — один из видов звукового параллелизма. Она может стоять не только в конце, но и в начале и в середине. Применение или неприменение ее полностью свободны.

Заиграй, моя волынка,
Завалай, моя дубинка!

Здесь рифмованы два начальных и два последних слова. Такие случаи характерны для народной лирики: место рифмы свободно.

Ты поди, моя коровушка, домой,
Пропади, моя головушка, долой!

В этом случае рифмованы два первых слова («поди» и «пропади»), два вторых («коровушка» и «головушка») и два последних («домой» и «долой»).

Совершенно очевидно, что такая система не может проводиться сквозь всю песню. Народ подхватывает рифму при удобном случае, но никогда не гоняется за нею. Именно поэтому рифма в народной лирике производит такое впечатление легкости и естественности. Глагольные рифмы считаются полноценными

(как оно с точки зрения чисто звуковой действительно и есть), так же как и рифма суффиксов и окончаний, и применяются очень широко и удачно:

В понедельник млада жала,
Во вторник вязала,
В среду возила,
В четверг молотила,
В пятницу веяла,
В субботу меряла,
В воскресенье продала
И денежки пропила.

Встань, встань, встань ты сонливая,
Встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Парные рифмы создают известный параллелизм. Но народ обладает и иными средствами создания параллелизма, которые придают стиху симметричность и определяют его внутреннюю ритмику. Это — параллелизм синтаксический и строфический. Можно наблюдать, что особенно в хороводных и игровых песнях строфы строятся совершенно одинаково, а частично повторяются из слова в слово, отличаясь только концом. В знаменитой песне «Во лужах, во лужах...» девушка поет о том, что она не пойдет ни за старого, ни за малого, а только за ровнюшку. Из 23 строк каждой строфы 18 первых строк повторяются из слова в слово.

При строфическом параллелизме последние строфы обычно отличаются от предыдущих содержанием, но совпадают с ними по своему синтаксическому строению. Такой синтаксический параллелизм возможен и вне строфической аналогии. Приведем пример:

По лесам-то она идет —
Все леса к ней приклоняются;
Что лугами-то она идет —
Все луга под ней зеленеются;
Что полями-то она идет —
Все поля-то на нее красуются.

Такой параллелизм встречается чрезвычайно часто. Он особенно заметен, когда песня или часть ее имеют диалогическую форму.

Частным случаем синтаксического параллелизма являются перехваты, то есть использования последней строки куплета или части ее в качестве первой строки следующего куплета:

Я в лесе был, березку рубил,
Березку, березку, березку рубил.
Березку рубил, метелки вязал,
Метелки, метелки, метелки вязал.
и т. д.

Не совсем ясным представляется происхождение и роль столь характерного для народной лирики припева. Припев чаще встречается в хороводных песнях, чем в проголосных. Припев состоит, как правило, в повторении последних слов каждой строки (чаще — каждой второй или третьей строки), обычно, хотя и не всегда, сопровождающемся выкриками каких-либо отдельных слов. Могут выкрикаться и отдельные слова, без повторений последних слов строки:

Вдоль да по речке, речке по Казанке
Сизый селезень плывет.
Припев: Ой да люли-люли,
Ой да люли-люли,
Сизый селезень плывет.

Или:

Как у Кати, Кати,
Да у Катерины
Припев: Калина, малина,
Да у Катерины.

Одно ясно во всяком случае: припев резко рубит песню на части. Он замедляет ее словесное развитие, но дает простор ее ритмическому и плясовому исполнению. Припев придает песне конструктивную и ритмическую четкость, нужную в пляске. Припев поэтому более характерен для плясовых и веселых песен.

Рассмотренные особенности характеризуют народные песни со стороны некоторых внешних поэтических приемов. Но кроме них народная поэзия обладает глубоко-внутренними свойствами, непосредственно связанными с собственно лирическим характером этих песен.

Одна из особенностей русской лирической песни состоит в том, что она творится и выражается в самой тесной связи со всем окру-

жающим миром — природой и людьми. Взоры певца обращены не на себя, не во внутрь своей души, они обращены в окружающий мир, и только через то, что певец видит, он выражает то, что он переживает. Этим объяснимо столь характерное для народной песни начало через обращение к тому, что поющего окружает:

Ты заря ли моя, зорюшка, зорюшка вечерняя!
Долина моя, долинушка, долина моя широкая!

Характерно здесь и слово «мой», которое выражает не чувство собственности, а внутренней принадлежности, причастности. Мы воспринимаем его как поэтическое обращение к природе. Но обращение может быть направлено к чему угодно, ко всему, что окружает поющего, например — к близким людям: «Кумушка, голу-бушка», «Ах матушка, тошно мне», «Вспомни, моя любезная»; к предметам обихода, быта, жилья: «Ах вы сени, мои сени», «Что же ты, лучинушка»; к произведениям своего труда: «Ты ковер ли мой, ковер, шитый бархатный». Таково же, по существу, обращение к полевым растениям: «Конопля, конопля, зеленая моя». Обращение к животным часто имеет скрытый символический смысл, что раскрывается только к середине песни: «Утка, утушка, утка серая». Можно взять любой хороший сборник подлинной фольклорной песни, чтобы найти большое количество таких начал. Здесь уже можно обратить внимание на то, что предмет обращения всегда характеризуется поэтическим эпитетом: ночка темная, долина широкая, конопля зеленая и т. д.

Но и в тех случаях, когда нет прямого обращения, песня начинается с обстановки, в которую поставлен герой ее, то есть обычно сам исполнитель: «Как у ключика у гремучего», «Возле речки, возле мосту», «Как у наших у ворот», «Во саду ли, в огороде», «На речке на Клязьме» и т. д. Сходно: «Шла тропинка мимо кузницы», «Туманно красное солнышко, туманно» и т. д.

Уже с первых же строк поэтическое искусство песни определяется как искусство, основанное на использовании в лирических целях зрительных образов. Герой и мир слиты воедино, и, говоря о себе, лирический герой себя обычно не называет, а называет то, что он видит.

Обращение логически должно иметь продолжение. Чаще всего таким продолжением служит вопрос:

Ах ты ноченька, ночка темная,
Ночь ты темная, ночь осенняя!

Что же ты, ноченька, так нахмурилась?
Ни одной в небе нету звездочки!

Другой пример:

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, горишь, не вспыхиваешь?

Другая форма продолжения такого начала — просьба или предложение:

Солвей мой, залетная пташечка,
Не пой, не пой утром рано на заре,
Не буди ты моего милого в тереме!

Характерно, что из такого обращения не развивается диалога (хотя многие песни и имеют диалогическую форму). Это именно поэтическое обращение, точнее, лирическое обращение, выражение своих чувств, призыв к окружающему миру в свидетели и участники этих чувств. Обращение может иметь и другое продолжение. Оно может иметь целью обрисовать ту обстановку, в которой будут совершаться события, о которых поется в песне.

Долина, долина да ты зеленая!
По тебе, долина, — дорожка широкая.
Дорожка широкая, реченька быстрая.

Обращение может относиться не только к обстановке, но и ко времени, в котором протекают события:

Уж вы ночи, ночи мои темные,
Ночи темные!
Все я ночи, ночи все я просиживала,
Я просиживала.

Смысл обращения в этом случае логически теряется. Оно означает, что весь внешний мир показан сквозь призму эмоции.

Внешне этот признак эмоциональности может отсутствовать, и тогда мы имеем начало через простое описание обстановки:

Над озером верба,
Под вербою камень,

На камушке девка
Горчехонько плачет.

В этом случае обращения к вербе нет, но, по существу, такое начало только внешне, формально отличается от начала через обращение: эмоциональность выражается образами внешнего мира.

Последний пример интересен и в другом отношении: герой песни — плачущая девушка, предмет песни — горе этой девушки. Однако песня начинается не с девушки, а с обстановки, которая обрисовывается от далекого, к близкому: есть озеро, у озера верба, под вербой камень, и только теперь говорится о девушке. В этих немногих строках отразился определенный поэтический закон, по которому народная песня не начинается прямо с основного содержания, а подводит к нему постепенно. Так, песня о горе девушки начинается не с описания горя, а с терема, стоящего во дворе; в тереме есть горенка, в горенке — окошечко, у окошечка — девица, которая смотрит в «стеколушко оконное» или плачет у окна.

Приведенные нами примеры очень кратки. Но есть песни, в которых мы имеем цепь образов, предшествующих первому упоминанию главного лица. Замечено, что в этих случаях перечисление идет от дальнего к близкому, от общего к частному.¹ Так, предметом песни служит беседа матери с сыном о том, кто милее: жена, теща или мать? Песня эта начинается с обращения к зеленой долине; по долине течет речка, названная дорожкой, на речке — бережочек, на бережочке — лесочек, на песках три сада; в первом свищет соловей, во втором кукует кукушка, в третьем горюет мать с сыном.

Такую композицию можно назвать постепенным сужением образов. Оно характерно для песенных начал, но им может быть пронизана и вся песня целиком.

Отсюда видно, что по началу песни никогда нельзя судить о ее содержании. Песня, например, начинается со слов «Ой за речкою хмель...», а содержание ее — сетование молодой жены на брата, который побывал всего одну ночь и уехал (Соболевский, т. 3, № 166). Внешне здесь между началом и продолжением как

¹ Об этом см.: В. Пропп. Молодой Добролюбов об изучении народной песни. «Ученые записки» Ленинградского университета, № 229. Л., 1957; Б. М. Соколов. Экскурсы в область поэтики русского фольклора. — «Художественный фольклор», вып. 1. М., 1926.

будто нет связи. Однако внутренне, лирически (а не логически) эта связь есть. Но между началом и продолжением возможен и некоторый разрыв. Этим объясняется, что одинаковые первые строки возможны для совершенно разных песен («Вдоль по улице широкой...», «Как у наших у ворот...» и др.).

Говоря о поэтике и стиле народной лирической песни, следует упомянуть еще об одной особенности ее. Народная песня никогда не бывает чисто лирична, то есть никогда не говорит только о чувствах героев. Русская народная лирическая песня всегда до некоторой степени сюжетна, то есть в ней всегда говорится о каких-то событиях или обрисовывается некоторая ситуация. Народная песня всегда может быть пересказана в прозе; правда, она при этом теряет свой художественный характер и лирический смысл, но важна сама возможность такого пересказа; лирическая песня не очень четко отграничивается от народной баллады. Сюжетные ситуации лирических песен всегда очень просты и жизненны, как это видно по тематическому обзору, данному выше. Условное изображение действительности порождено реальной жизнью и отражает ее сквозь все условности стиля.

Наблюдение, что песня начинается не с героев и их чувств и не с изображения чувств поющего, приводит нас к другому наблюдению, к наблюдению параллелизма между изображением природы и человека.

Цель песни — раскрыть чувства. Но прямое, непосредственное раскрытие их в народной лирике почти невозможно. Этому противоречит весь психический уклад великорусского крестьянина, в том числе девушек, не склонных к излияниям своих личных чувств, а пытающихся их скрыть, но скрыть так, чтобы в этом сокрытии они были все же выражены. Этому же соответствует основное поэтическое стремление в лирике выразить себя не непосредственно, а через образы окружающей природы. Этим достигается высокая степень художественного совершенства.

Принцип иносказания есть один из основных художественных принципов народной лирики. Есть песни, в которых первая половина дает развернутый образ из области природы, вторая — его применение к жизни человека. Так, первая половина песни «Уж ты сад мой, садочек...» состоит в описании виноградного сада, который цвел и преждевременно увял: он зарастает корнем, засыхает с верхушек, вся земля усыпана листьями. Вторая половина содержит раскрытие этого образа: этот сад подобен преждевременно увядшей супружеской любви. Жена призывает мужа жить дружно и согласно. Таким образом картина увядания сада

привлекается для контраста картине верной, дружной и постоянной любви.

Другим примером такого строфического параллелизма может служить песня «Вниз по реченьке...». В первой строфе описывается, как плывут селезень с уткой. Но между ними прошла «быстрая река», то есть сильное течение, и разъединило их. Во второй строфе между мужем и женой «прошла чужая жена». Обе строфы строятся синтаксически и даже лексически совершенно одинаково.

Однако чаще параллелизм представляет собой не композиционный принцип, на котором строится песня целиком, а только частное явление, способ сделать невидимые переживания, отношения чувственно воспринимаемыми. При этом песня всегда исходит не из отвлеченности, а из конкретности, из зрительного образа, который в следующей строке (или образах) раскрывается, расшифровывается; например:

Цвели, цвели цветики, да поблекли,
Любил, любил милый друг, да покинул.

Другой пример:

Что твой перстень потускнел,
Что ты, девка, побледнела?

Вопрос «Что ты побледнела?» без предшествующей строки представил бы собой простую прозу. Такую же прозу представляет собой фраза «Я всю ночь не спала». Но в песне об этом говорится так:

Зеленая роща во всю ночь шумела,
А я, молоденька, всю ночь не спала.

Через параллелизм не только вводится материал для чувственного восприятия (шум зеленой рощи ночью), но факт личной жизни приобретает поэтическую значимость.

В приведенных случаях мы имеем зрительный образ, за которым следует его расшифровка, его применение к жизни поющего. Но расшифровка может отсутствовать. И поющий, и слушающий без всяких разъяснений понимают, что утушка — это замужняя женщина, а селезень — муж. В таком случае мы будем иметь метафорический образ или символ, чистое иносказание, значение которого надо разгадать.

Русская народная лирика чрезвычайно богата метафорическими образами.

Уже в некоторых приведенных примерах песенных начал наличие образности совершенно очевидно. Поблекшие цветы — это поблекшая любовь, потускневший перстень говорит об измене любимого, шум роши ночью во время бессонницы предвещает ужас, догорающая лучина означает гаснущую надежду и т. д. Эти и многие другие образы песни для крестьянина, знающего весь песенный мир, не требуют раскрытия, и с этой стороны безразлично, дается ли их раскрытие или нет.

Современный читатель также в большинстве случаев понимает значение поэтических символов. Так, если в свадебной песне поется, что отлетела лебедушка и пристала к стаду гусей, то вряд ли требуется разъяснение, что лебедушка — это невеста, увезенная в чужую семью. Однако может случиться, что символы настолько зрительно ярки и интересны, что приобретают интерес сами по себе, а смысл их постепенно утрачивается. Так, есть свадебная песня, в которой жених встречает в лесу золотого или золоторогого оленя и хочет его любить. Олень просит о пощаде и обещает прийти на свадьбу. На свадьбу он действительно является и всех радует своим видом (см. стр. 288). Песня эта имела очень широкое распространение и очень нравилась. Сказать, служит ли олень поэтическим символом или нет, мы сейчас не можем.

Более ясен для нас другой свадебный символ: перевод через реку по тоненькой жердочке или по мостику — один из любимых и популярных символов перевода из девичества в замужество.

Метафорические образы представляют собой отождествление по признаку сходства. Этой же цели служат и сравнения. Однако сравнение представляет собой уже акт некоторого рассудочного сближения, и оно в поэтике народных лирических песен играет сравнительно меньшую роль, чем метафора. Тем не менее лирика, в частности свадебные песни, довольно богата поэтическими сравнениями.

Из всего изложенного видно, как полно и правдиво в песне отражена русская крестьянская жизнь. Тем не менее вывод, что песня всегда реалистична, все же преждевременен, если понимать под этим изображение действительности такой, какова она есть. Песня дает стилизованное и опозитизированное изображение действительности, сквозь которое исследователь может определить создавшую эти песни конкретную действительность. Это касается как героев, так и происходящих с ними событий, а также изображения всей обстановки, в которой события совершаются.

Лирическая песня, как правило, не рисует портретов, не изо-

бражает людей: она передает свое отношение к ним. Тем не менее изображения людей проскальзывают: изображение их есть средство их оценки.

В любовных песнях рисуется идеальная пара: оба хороши собой, причем окажется, что красота определяется здоровьем и способностью к труду. Это — «разудал добрый молодец», у него «кудри русые», «лицо белое», «щечки алые». Соответственно рисуется и красная девица: она краснощека и черноброва. Ее брови лежат дугой и сравниваются с соболями.

Этот образ, однако, не представляет собой какого-то стандарта. В любовных песнях ценится не только физическая красота как знак здоровья, но и изящество, стройность, изображающие как бы внутреннюю красоту человека.

Выходила девчоночка
Тонка, высока,
Тонешенька, белешенька,
Собой хороша.

Изображение людей иногда напоминает тонкие и изящные очертания людей средневековой русской живописи или, позднее, палехских мастеров. Герои любовных песен обладают особой воздушностью и легкостью.

Гуляли мы, молоды,
По травке по шелковой,
По цветочкам лазоревым.
Под нами травка не мялася,
Цветочки не ломались.

В свадебном причитании невеста говорит о себе и своей молодости:

Как травинушка я недорослая,
Не скопившая смогутной силы,
Как ягодиночка незрелая.

Сходно в любовной песне изображается молодец:

Сохнет по девушке дружок,
Тонкий осиновый листочек.

Такому изображению людей соответствуют и пейзажи лирической песни. Собственно пейзаж никогда не описывается, как не

описываются и люди. Но по песням рассеяны отдельные мелкие упоминания, отдельные штрихи, которые показывают, как тонко певец чувствует свою родную природу. Природа так же поэтизируется, как и люди.

Выписываются мелкие детали, подобно тому как старинные мастера живописи выписывали каждый цветочек. Любимое дерево — береза, обычно — белая или кудрявая. Трава всегда «шелковая», цветы чаще всего — лазоревые. «Лазоревый» означает «небесно-голубой», но в народном обиходе это слово получило более широкое значение и означает яркость окраски любого цвета. Как остро певцы ощущают красоту деревьев, видно, например, по следующей строчке, в которой говорится о березе:

На горе ты стоишь, на всей красоте.

В песнях часто рисуются реки, песчаные берега, холмы, луга и сады:

По зеленому лужочку золота струйка бежит.

Также поэтически преобразуется вся житейская обстановка, в которой протекают события, происходящие с героями. Не следует верить каждому слову, когда говорится, что девушка сажает перед тыном мяту, которую никто не должен топтать, кроме милого; встречи происходят в прекрасных садах, где растет грушица или яблоня. Под ними происходит счастливое свидание, тогда как несчастливая встреча или горькое объяснение происходит под горькой осинкой.

Равным образом идеализируется и бытовая обстановка: дом, окна, сени, скамеечка, полотенца и платочки, все это представляется прекрасным; когда девушка хочет угостить своего любимого, о ней поется:

Я из горницы в горницу ходила,
Трой золоты ключи носила,
Трой ларчики отпирала.

Яркое зрительное, притом поэтизирующее восприятие мира определяется многочисленными и разнообразными очень яркими эпитетами. Деление эпитетов на определяющие и поэтические или украшающие для фольклора непригодно, так как все эпитеты имеют поэтическое значение, хотя бы они были одновременно определяющими.

Часть эпитетов подчиняется тем же законам стиля, что и изображение людей: эпитеты придают предметам характер воздушности и изящества при необычайной красочности, часть же применяется для создания ярких зрительных образов или метких, кратких характеристик. Вся природа сияет красотой; об этом говорят такие эпитеты, как красный день, зеленые луга, восхожее солнышко, талая земля, цветы алые и многие другие. Эпитет метко характеризует людей. У богатого — зубастая, злоречистая жена. Молодая девушка называется счастливая, талантливая, догадливая, тороватенькая.

В хороводных песнях она сама о себе говорит, что она гулливая и игреливая. Парень бывает пригожий, кудреватый; он — удалая головушка, у него резвые ноженьки, могучие плечи, удалая голова. В то же время над парнем издеваются: у него ноги длинные, кривые. Особенно богаты эпитетами свадебные венчальные песни, а также насмешливые в адрес свата, свахи и дружки. Красочные, разнообразные и очень меткие эпитеты применяются и в описании всей обстановки, окружающей героев песен.

Проследить историю поэтического стиля очень трудно, так как для этого нет записей разных столетий, а в пределах десятилетий эволюция почти не прослеживается. Но тем не менее можно заметить, что в XVIII веке появляются прослойки с иным способом изображения людей. Прекрасные герои, созданные поэтическим воображением, начинают сменяться героями, одетыми в костюмы XVIII века. Когда после реформы Петра появляются западноевропейские моды и новая офицерская форма, в песню начинают проникать и получают довольно широкое распространение образы изящно, по-городски одетых девушек и парней. В этом теперь состоит способ поэтизации. Изображение людей в песне сближается с изображением их в лубочных картинках. Так появляются девушки с цветами и веерами, «фигурные», «натуральные», «школьные», «манерные», а парни — в шляпах, с перчатками и тросточкой или военные, «майорники», которые обвораживают девушек. Такое изображение встречается даже в записях XX века.

11

Песни, сложенные рабочими, носят существенно иной характер, чем песни крестьян. Крестьянские песни создавались столетиями и выражали мировоззрение и чувства многомиллионного земледельческого населения. Рабочий пролетариат возникает

с созданием производственных предприятий, первоначально — мануфактурных, позднее — фабричных. Тульские заводы существуют с XVII века. Первоначально пролетариат малочислен. Рабочий — выходец из крестьян. Процесс пополнения пролетариата из крестьян продолжался долго. Такие выходцы из деревни приносят в город свой крестьянский взгляд на вещи, свои песни и песенные приемы. Эта крестьянская струя в поэзии рабочих прослеживается очень ясно примерно до середины XIX века. Но наряду с этим создается потомственный пролетариат, уже мало связанный с деревней. Этот пролетариат создает новые песни. В своем творчестве зрелый пролетариат не может опираться на традиционный крестьянский фольклор. Лазоревые цветики, лебедушки, березки и пташки здесь не могут найти себе места. Но вместе с тем нет никакой другой фольклорной традиции, на которую могла бы опереться новая песня. Свою опору она находит не в традиционном фольклоре, а в русской поэзии, и этот процесс начинается уже с XVIII века.

Первые данные о поэзии рабочих мы имеем от XVIII века. Уже эти песни показывают одну особенность поэтического творчества рабочих. Крестьянство не знает стихотворений в нашем смысле этого слова и их не создает. Крестьянство создает и знает только песни. В творчестве рабочих единства напева и слова уже нет. Создаются стихотворения, и эти стихотворения могут прочитываться вслух или про себя, но могут и распеваться. В большом числе случаев поэтическое творчество рабочих — это создания отдельных грамотных или полуграмотных людей. Литературное мастерство не всегда на высоте — и иначе оно быть не может. Требовать от таких произведений эстетического совершенства — значит не понимать исторических и историко-литературных закономерностей.

Неправильно также говорить, как это делалось в науке второй половины XIX века, что поэзия рабочих свидетельствует о падении народного творчества. Крестьянская поэзия XIX века *завершала* собой многовековую традицию, поэзия рабочих *начинала* новую традицию. Крестьянская поэзия XIX века есть завершающая ступень развития этой поэзии, поэзия рабочих XVIII—XIX века есть первая ступень новой традиции, нового качества. Мастерство постепенно возрастает, и, например, в период революции 1905 года из среды рабочих уже выходят песни и стихотворения необычайной силы.

Изучая поэзию рабочих, нужно иметь в виду, что в состав этой поэзии входит не только то, что было создано самими рабо-

чий, но что рабочая поэзия впитывала в себя всё, что соответствовало ее интересам и потребностям. Особенно заметно это к концу XIX века и в период революции 1905 года. Рабочие пели произведения классиков, стихотворения которых отвечали их настроениям («Узник» Пушкина, «Колодники» А. К. Толстого, «Из-за острова на стрежень...» Садовникова, «Назови мне такую обитель...» Некрасова и многие другие). Такие произведения мы не отнесем к рабочей поэзии. К рабочей поэзии мы будем относить не то, что *исполнялось* рабочими, а то, что ими было *создано*.

В состав поэзии рабочих входили также произведения, созданные для рабочих образованными революционерами-профессионалами, иногда обладавшими незаурядным поэтическим талантом. К таким можно отнести, например, стихотворение «Ткачи» Штрипана и Моисеенко. Сюда же можно отнести и большое количество так называемых гимнов («Интернационал», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу...», похоронные песни «Замучен тяжелой неволей...», «Вы жертвою пали...» и другие).

К собственно же рабочей поэзии в узком смысле этого слова следует отнести произведения, возникшие непосредственно в среде рабочих, созданные отдельными рабочими, подхваченные массами и превратившиеся в песни. Провести точную границу между произведениями поэтов-профессионалов и поэтов из народа не всегда возможно, да и не всегда в этом есть необходимость. Творчество рабочих подлежит изучению как историков литературы, так и фольклористов. Произведения, созданные людьми физического труда, тяготеют к фольклору. Произведения, созданные образованными революционерами за письменным столом, тяготеют к литературе или входят в ее состав. Произведения, созданные людьми физического труда, обладают для нас особым значением и особым интересом. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает о Ленине:

«Владимир Ильич особенно внимательным образом всегда относился к творчеству народных поэтов. Он любил слушать, когда они вдохновенно выступали в рабочих кварталах Парижа и других городов.

Сам Владимир Ильич очень любил революционное пение, принимал в нем всегда участие, читал новые революционные стихотворения и быстро запоминал те из них, которые были особенно популярны, которые перелagались на музыку и пелись в ссылке, на рабочих собраниях, в эмиграции».¹

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин о поэзии. — «На литературном посту», 1931, № 4, стр. 4.

В приведенных строках очень ясно обрисован процесс возникновения и распространения таких произведений. Неясно здесь другое: в какой степени такие произведения могут быть отнесены к области народного творчества, фольклора? Несомненно, что некоторые признаки фольклорности налицо: произведения эти возникают в среде, занятой физическим трудом. Разница между земледельческим и фабричным трудом приводит к отличию содержания, но этого еще недостаточно, чтобы исключить эти произведения из области народного творчества. Они обладают также признаком устности распространения. В процессе обращения их создаются варианты, и, наконец, по своему идейному содержанию они непосредственно выражают устремления эксплуатируемых масс трудящихся. Нет признака коллективности создания, характерного для традиционного фольклора (сказки, былины), но и в крестьянском творчестве индивидуальное творчество также отнюдь не исключается.

Для понимания поэзии рабочих необходимо изучить не только песни, созданные самими рабочими, но и песни крестьян о рабочих. Взаимоотношения между городом и деревней были сложны и отражены в поэзии рабочих очень ярко. От конца XVIII века мы имеем песню, записанную в Ярославской области, то есть в одном из центров текстильной промышленности. Эта песня может считаться типичной. Она поется от имени девушек. В таких девичьих песнях парень, ушедший на фабрику, идеализируется так же, как некогда идеализировался ушедший на заработки бурлак. Фабричные — это «удалые молодцы», которые устраивают около фабрики гулянье. Такие рабочие — мастера ткать ковры, играть на скрипке и писать письма. Никакие уговоры не могут удержать девушку от дружбы с такими ребятами («Близко-близко городочка...», стр. 483).

Более поздние песни уже далеки от такой идеализации: девушка знает, что ее любимый тяжело работает («Кому воля, кому неволя...», стр. 493). Во многих песнях она сетует на то, что она оставлена, брошена. В городе легко найти покупную любовь, брошенную девушку никто не берет в замужество.

Все эти песни — крестьянские, протяжные, в которых поется о любви. В этих песнях появилась новая фигура — фигура фабричного, но поэтика этих песен, их тон, стиль и отчасти содержание остались прежними. Совершенно иную картину дают песни, сложенные самими рабочими.

Самые ранние известные нам песни рабочих — это песни горняков Алтая. Чтобы лучше понять эти песни, необходимо иметь

В виду, что с конца XVIII века горные заводы находились в ведении казны. На горных заводах существовало военное положение, введенное еще при Екатерине. Срок службы рабочего нижнего чина горного завода устанавливался в 35 лет; на Алтае же нужда в рабочих руках была очень велика — здесь служили бессрочно, до полной потери трудоспособности. Эти рабочие со своими семьями были прикреплены к заводу. Но своей рабочей силы не хватало, и специальные эмиссары вербовали рабочих из государственных крестьян по договорам, кабальный характер которых безграмотным крестьянам при найме был неясен. Нанимались также подростки. Путь до горных разработок — от 1500 до 3000 верст — совершали пешком. Одна из самых ранних песен — это именно песня рабочей молодежи, подростков, взятых на сезонную работу («На разбор нас посылают...», стр. 485). Песня описывает длинный путь до Змеиногорска, упоминает о стоянках, ночевках и о работах, но главное содержание песни — описание жестокого обращения с детьми при непосильной ежедневной работе. Единственное спасение — бегство, но за бегство засекали и мучили детей до смерти:

Нас поймают
И тогда до смерти задирают и замают.

Потрясающая картина, даваемая этой песней, полностью соответствует действительности.¹

По стилю и содержанию очень близка к этой песне другая, также возникшая на Алтае, — а именно песня «О се горные работы...» (стр. 486). По форме — это незамысловатые стихи, состоящие из четырехстопных ямбов в парную рифму. Такая форма изобличает создание какого-нибудь грамотея конца XVIII или начала XIX века. Однако записана она была из уст рабочего в 1865 году; известно три варианта ее. Все это заставляет думать, что это стихотворение могло исполняться в форме песни. Не все детали этой песни ясны до конца, но в целом картина дается достаточно определенная. Вначале говорится о выплавке руды, а затем о промывке золота и разбивке золотой руды. Рабочие живут за решеткой; в пять часов побудка, раздача инструментов, затем начинаются работы. Работа ведется вручную — за каждым рабочим следят, каждому угрожает расправа рукой или «лозой». Настроение рабо-

¹ См.: В. П. Семевский. Рабочие на золотых промыслах. Историческое исследование, тт. 1—2. СПб., 1898.

чих унылое: «Наше сердце унывает». Надзор ведут офицеры, которые сами ничего не делают. Но рабочие не видят и не ищут никакого выхода. Они довольствуются тем, что, проходя мимо домов начальников работ, поют по их адресу насмешливые песни. Классовая ненависть и сознание, что рабочие трудятся для обогащения других, налицо:

Постарайся, друг и брат,
Чтобы Правдин был богат.

Но главное содержание песни — описание быта. Это описание и выражает настроение рабочих. Ужасающие подробности, которые описаны в этой песне и ее вариантах, также вполне историчны. Жизнь и быт рабочих на сибирских золотых промыслах были даже значительно тяжелее, чем это показано в песне.

Имеется небольшое количество песен о горняках и на Урале. В них сохранилась память о жестоких порядках, имевших место в XVIII веке и позже при Демидовых.

Положение горняков в Сибири и на Урале было иное, чем положение фабричных рабочих из числа крепостных в Европейской России. Горняки частично были посессионными рабочими. Завод принадлежал владельцу вместе с землями, лесами и людьми, но предприятия не могли дробиться, и люди были неотделимы от предприятия и не могли продаваться владельцами или уходить. Рабочие горных предприятий Сибири и Урала набирались также по найму из числа ссыльных, переселенцев и беглых. Такие могли уходить с предприятий и менять хозяина.

Положение рабочих в крепостнической Европейской России было иное. Крестьянин принадлежал помещику и уходил на фабрику с его разрешения и разрешения мира, внося оброк. Он был приписан не к предприятию или заводу, как горные рабочие, а к помещику и мог менять место работы или вернуться в деревню. Все это объясняет значительную часть ранних рабочих песен.

Крестьянин, пришедший из деревни на завод, еще верит в своего нового хозяина. Это видно по песне «Вы леса ль, мои лесочки...», записанной Киреевским в 30-е годы (стр. 490). «Фабричные молодцы» чисто по-крестьянски плачут и обращаются к своему хозяину за помощью, и тот обещает все, что угодно: новые светлицы, новые станки, хорошую оплату. Этим обещанием песня кончается. Рабочие этим обещаниям верят.

Иллюзия, что в городе на фабриках можно было заработать деньги, которые так нужны крестьянину в его хозяйстве, в скором времени рассеивается. Есть целый ряд песен, в которых молодой парень мечется между городом и деревней. В город его привлекает высокая номинальная плата, но на самом деле после внесения оброка, а также после обманов и обсчетов со стороны хозяина, при дорогой жизни в городе у такого рабочего ничего не остается, и он со слезами, оборванный и худой, возвращается в деревню, где его встречают с насмешками («Лет семнадцати мальчишка...», стр. 491). Есть и такие песни, в которых молодой парень не может устоять перед низкими соблазнами города и разоряет себя и свою семью. По своей форме такие песни частично сохраняют приемы крестьянской лирики, частично сбиваются на более или менее правильные стихи с наличием рифмовок.

Преобладающее большинство песен 60—90-х годов имеет содержанием описание тяжелой жизни рабочих, условий их труда и быта. Эти описания носят обличительный характер. Рабочие не только описывают трудную жизнь, но ищут виновных. Чисто по-крестьянски рабочие еще верят в хороших и худых хозяев. От одного хозяина с проклятием и угрозами бегут к другому, чтобы постепенно убедиться, что положение везде одно и то же: везде невыносимые условия жизни, быта, труда, питания, везде обманы, обсчеты и штрафы. С укрупнением производства хозяин становится недостижимым, и непосредственным виновником всех несчастий теперь считается тот, с кем рабочий имеет непосредственную связь, — а именно мастер и подмастерье, особенно если эти мастера иностранцы — немцы или англичане. Ненавидят также инженеров. Но постепенно вырастает и другая мысль: виноваты не люди, виноват завод, машина, фабрика. Фабрика калечит людей на всю жизнь. Этому заводу шлют проклятие.

Примерно такого же содержания и шахтерские песни 80-х годов. Работа шахтера, может быть, еще труднее, чем работа заводских рабочих: она протекает под землей и опасна для жизни. Получка по субботам пропивается в кабаке, а затем начинается все с начала.

Датировка этих песен затруднена, так как время записи еще ничего не говорит о времени их возникновения. Тем не менее общая тенденция в развитии этих песен ясна. Мотивы тяжелой жизни рабочих были подхвачены народнической интеллигенцией, которая создавала стихотворения жалостливого характера о тяжелой доле народа. Некоторые из таких песен получили довольно широкое распространение, так как в них правдиво изображалась

тяжелая жизнь крестьян и рабочих. Однако пронизывающее эти песни настроение иное, чем мрачное настроение песен, созданных самими рабочими. В собственно рабочих песнях сквозь описания тяжелой жизни слышен протест и призыв к борьбе, и эти боевые настроения постепенно нарастают и прорываются наружу. Песни 1880—1890-х годов иногда носят уже прямо агитационный, призывный характер. В этом отношении характерна песня «На Нижнетагильском заводе...» (стр. 504), где описывается появление агитатора, безбожника, который призывает рабочих:

Мы сами добьемся управы,
Не станем на бар работать.

Песня оканчивается описанием столкновения рабочих с казаками и отправкой закованного в кандалы агитатора за Байкал. Песни отражают стачечное движение, описывают столкновение с полицией. Рабочие предъявляют экономические требования, которые постепенно перерастают в требования политические. Одна из самых сильных песен — так называемая «Фабричная камаринская», памфлет на известного купца и предпринимателя Савву Морозова. Но виноват теперь не только хозяин, но вообще фабриканты, купцы и попы, а с ними и царское правительство, которое

Издает законы многие,
Для рабочих очень строгие,
Да без всякого стеснения
Учиняет притеснения.

Революционное значение песен все возрастало. Песня проникла в партийные журналы и газеты, в песенники, прокламации и листовки.¹ Ни один митинг, ни одна демонстрация, ни одна мавка не обходились без песен. Песня объединяла разбросанных людей в единый коллектив с единой волей. Большое значение в этом отношении имели так называемые революционные гимны, как «Марсельеза» и ее позднейшие русские обработки, «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу...», «Интернационал», а также похоронные гимны «Замучен тяжелой неволей...», позднее — «Вы жертвою пали...».

¹ Г. Владимирский. Массовая поэзия и фольклор на страницах большевистской печати эпохи «Звезды» и «Правды». — «Советский фольклор», 1941, № 7.

Эта революционная поэзия богата и значительна, и, хотя она не была создана рабочими и не может быть отнесена к фольклору или народной поэзии, она имеет с ним самое тесное соприкосновение. Но и собственно рабочая поэзия создает произведения значительной силы и выразительности. Такова, например, песня, названная «Памятка солдата» и начинающаяся словами «Как четвертого числа нас нелегкая несла» (стр. 508). Такие начала встречаются в старых солдатских походных и военных песнях. Песня эта сложена от имени солдат, которых во время демонстрации 4 марта 1901 года на Казанской площади в Петербурге спрятали по дворам, а затем выпустили в помощь полиции для внезапного нападения на демонстрантов. Картина происшедшего побоища вызывает острое возмущение и негодование. Неизвестно, исполнялась ли эта песня в солдатской среде; в рабочей среде исполнение ее засвидетельствовано документальными записями.

Песня эта создана накануне революции 1905 года и свидетельствует о росте революционного сознания масс. В числе песен 1905 года имеется некоторое количество песен солдатских, возникших во время русско-японской войны, а также позднее, когда солдат заставляли стрелять в рабочих. Одна из таких песен — «Братцы, гонят нас далеко...» (стр. 511) — хорошо выражает солдатские предреволюционные настроения во время русско-японской войны. В своей борьбе против рабочих правительство пыталось опираться на солдат, но солдаты быстро революционизировались.

Возможно, что песня «Стреляй, солдат, в кого велят...» (стр. 513) создана не простым солдатом, а автором, имеющим какое-то образование, но она была подхвачена солдатской средой. В ней с исключительной эмоциональной силой в четких ритмах выражено возмущение требованием стрелять в рабочих. Стихотворение Щепкиной-Куперник «От павших твердынь Порт-Артура...» стало подлинной народной песней не только по степени популярности, но и по тому, что оно подверглось фольклоризации, дало многочисленные и различные варианты (стр. 514).

Революционная литературная продукция этих лет была довольно богата, многие из стихотворений распевались, но большинство из них все же не привело к созданию вариантов, то есть не подверглось процессу фольклоризации.

Особую область поэзии 1905 года составляют сатирические песни. Они довольно многочисленны, но неравноценны в художественном отношении. Эти песни свидетельствуют о том, какой

силы достигла ненависть к царю после кровавого воскресенья 9 января 1905 года. Такова, например, песня-пародия «Славься, славься царь Николай...», а также пародия на царский гимн и другие песни.

Песни рабочих, солдат, матросов и крестьян, относящиеся к революции 1905 года, показывают, как исчезали последние царистские иллюзии, как развивалось и крепло революционное сознание масс.

В. Пронн

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕСНИ

**ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО КАЛЕНДАРЯ**

* * *

Проходила коляда
Наперед Рождества.
Виноградье красно-зѣлено мое!
Напала пороша
Снегу беленького;
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели, —
Коледовщички,
Недоросточки,
Недоросточки,
Красны девушки
Сочили, искали
Иванова двора.
А Иванов двор
Ни близко, ни далеко —
На семи столбах;
Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;
Вокруг этого тына
Всѣ шелковая трава;
На всякой тынинке
По жемчужинке.
Во этом во тыну
Стоят три терема
Златоверхие.
Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —

Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин во дому,
Красно солнышко —
То хозяйюшка,
Часты звездочки —
Малы деточки.
Как самого господина
Дома нетути,
Дома нетути,
Не случилось;
В Москву съехавши
Суды судить,
Суды судить
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,
Домой едет он;
Он жене-то везет
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своим-то сынам
По добру коню,
Своим доченькам
По злату венцу,
Своим служенькам
По сапоженькам.
Наша-то коляда
Ни мала, ни велика;
Она в двери не лезет
И в окно нам шлет:
Не ломай, не гибай —
Весь пирог подавай!
Виноградье красно-зелено мое!

* * *

Пришла коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку!
А дай бог тому,
Кто в этом дому,

Ему рожь густа,
Рожь ужиниста:
Ему с колоса осьмина,
Из зерна ему коврига,
Из полужерна — пирог.
Наделил бы вас господь
И житьем, и бытьем,
И богатством,
И создай вам, господи,
Еще лучше того!

* * *

«Ой овсень, ой коляда!
Дома ли хозяин?»
— «Его дома нету,
Он уехал в поле
Пашаницу сеять».
— «Сейся пашаница,
Колос колосистый,
Колос колосистый,
Зерно зернисто!»

* * *

Овсень, овсень
Ходил по всем
По заулочкам,
По проулочкам.
«Кишку, ножку
Сунь кочережкой
В верхнее окошко».
— «Здравствуй, хозяин
С хозяйюшкой!
Где хозяин
С хозяйюшкой?»
— «Уехали в поле
Пшеничку сеять».
— «Дай им бог
Из полна зерна пирог!»

* * *

Дайте коровку
Мазану головку!
Уж ты ласточка,
Ты касаточка,
Ты не вей гнезда
Во чистом поле,
Ты завей гнездо
У Петра на дворе!
Дақ дай ему бог
Полтораста коров,
Девяносто быков.
Они на реку идут,
Всё помыкивают,
А с реки-то идут,
Всё поигрывают.

* * *

Не дадите пирожка —
Мы коровку за рожка,
Не дадите вы кишочки —
Мы свинку за височки,
Не дадите вы блинка —
Мы хозяину пинка.

* * *

На новый год
Осиновый гроб,
Қол да могилу,
Ободрану кобылу.

*

Қолёдушка-коляда,
Вшивая борода!
Қак не дашь пирога,
Так корову за рога.

* * *

Покачу я колечко кругом города,
Слава!
А за тем я колечком сама пойду,
Слава!
Я сама пойду, до милого дойду,
Слава!

* * *

Кот кошурку
Звал спать ў печурку:
«Ў печурке спать
Тепло, хорошо».

* * *

А ты сей, мати, мучицу, пеки пироги,
Слава!
К тебе будут гости нечаянные,
Слава!
Как нечаянные и неведомые,
Слава!
К тебе будут гости, ко мне женихи,
Слава!
К тебе будут в лаптях, ко мне в сапогах!
Слава!

* * *

На корыте сижу,
Слава!
Я корысти гляжу,
Слава!
Я еще посижу,
Слава!

Я еще погляжу,
 Слава!
Я глядь-поглядь,
 Слава!
И корысть пришла на двор,
 Слава!
И корысть на двор, женихи за стол,
 Слава!

* * *

За рекой мужики живут богатые,
Гребут жемчуг лопатами.

Кому вынется —
Тому сбудется,
Не минуется.

* * *

Во саду хожу,
Полотенцы стелю;
А еще похожу,
И еще постелю.

* * *

Стоят санки у лисенки,
Хотят санки уехати.
Ладо ладу!
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

* * *

Сидит воробей
В перегороде,

* * *

А мы Масленицу дожидаем,
Дожидаем, душе, дожидаем.
Сыр и масло в глаза увидаем,
Увидаем, душе, увидаем.
Как на горке дубок зелененек,
Зелененек, душе, зелененек.
А Вержинский попск молоденек,
Молоденек, душе, молоденек.
Попадъихи пили,
Да попов пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.
А дьячихи пили
Да дьяков пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.
Пономарихи пили,
Да пономарей пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.

* * *

Мы Масленицу встречали,
Мы Масленицу встречали,
Люли, люли, встречали,
Гоголек, гоголечек!
На горушке мы бывали,
На горушке мы бывали,

Сыром гору набивали,
Сыром гору набивали.

Наши гóрушки катливы,
Наши девушки игривы,

Молодушки веселые,
Молодушки веселые;

Стары бабушки воркотливы,
Стары бабушки воркотливы:

Ены на печке сидят,
На нас воркотят.

«Вы бабушки, не ворчите,
Дайте Масленицу нам прогулять,

Дайте Масленицу нам прогулять,
С ребятами поиграть,

С ребятами поиграть,
С ребятами со холостыми,

Со холостыми, не женатыми,
Со холостыми, не женатыми,
Люли, люли, не женатыми,
Гоголек, гоголечек!»

* * *

Дорога́ наша гостья Масленица,
Авдотьюшка Изотьевна,
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная,
Платок беленький, новомодненький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, ластки красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленые!

* * *

Наша Масленица годовая,
Она гостика дорогая,
Она пешею к нам не ходит,
Всё на комонях разъезжает,
Чтобы коники были вороные,
Чтобы слуги были молодые.

* * *

Ой да Масленица, погостюй недельку,
Широкая, погостюй другую.
Масленица: «Я поста боюсь»,
Широкая: «Я поста боюсь».
Ой да Маслена, пост еще далече,
Широкая, пост еще далече!

* * *

Веселитесь, подружки,
К нам весна скоро придет,
Весна придет, солнце взойдет,
Сгонит снежки,
С гор белый мороз.
Разольются быстры речки,
Все мелкие да ручейки,
Расцветут в поле цветочки,
Все ракистовы кусты.
Промежу этих кусточков
Волга-речка протекла,
А на этих на кусточках
Мелки пташечки поют,
Мелки пташки, канарейки,
Весело больно поют.

* * *

Ты пчелынька,
Пчелка ярая!
Ты вылети за море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золотые.
Ты замкни зимыньку,
Зимыньку студеную!
Отомкни летечко,
Летечко теплое,
Летечко теплое,
Лето хлебородное!

* * *

Жаворонки, жавороночки!
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето теплое,
Унесите от нас
Зиму холодную;
Нам холодная зима
Надоскучила,
Руки, ноги отморозила.

* * *

Жаворонушки
На солонушке,
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето теплое,
Соху, борону.
Унесите от нас
Зиму холодную,
Зиму холодную —
Донце с гребнем.
Нам зима надоела,
Весь хлеб поела.

* * *

Весна, весна красная,
Приди, весна, с радостью,
С радостью, с радостью,
С великою милостью:
Со леном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебами обильными.

* * *

«Весна красна,
На чем пришла?»
— «На жердочке,
На бороздочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке».
— «А мы весну ждали
Клочки допрядали».
Летел кулик из-за моря,
Принес кулик девять замков.
«Кулик, кулик,
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай весну,
Теплое лето».

*

Дождь, дожди!
На бабину рсжь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен,
Поливай ведром!

* * *

Под дубравую лен, лен,
Под зеленою лен, лен.
«Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

— «Научи меня, мати,
Как белый лен полоть».
— «Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

— «Я полола, полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

Уж я дергала, дергала ленок,
Уж я дергала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:

Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

Уж я стлала, я стлала ленок,
Уж я стлала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

Я сушила, сушила ленок,
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

Уж я мяла, я мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,

Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

Уж я пряла, я пряла ленок,
Уж я пряла, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

* * *

«Ой мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладо, сеяли, сеяли!»

— «А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой дид-ладо, вытопчем, вытопчем!»

— «А чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ой дид-ладо, вытоптать, вытоптать?»

— «А мы коней выпустим, выпустим,
Ой дид-ладо, выпустим, выпустим!»

— «А мы коней переймем, переймем,
Ой дид-ладо, переймем, переймем!»

— «А чем же вам перенять, перенять?
Ой дид-ладо, перенять, перенять?»

— «А шелковым поводом, поводом,
Ой дид-ладо, поводом, поводом!»

— «А мы коней выкупим, выкупим,
Ой дид-ладо, выкупим, выкупим!»

— «А чем же вам выкупить, выкупить?
Ой дид-ладо, выкупить, выкупить?»

— «А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей!»

— «Нам не надо тысячи, тысячи,
Ой дид-ладо, тысячи, тысячи!»

— «А чего ж вам надобно, надобно?
Ой дид-ладо, надобно, надобно?»

— «А нам нужно девицу, девицу,
Ой дид-ладо, девицу, девицу».

— «В нашем полку убыло, убыло,
Ой дид-ладо, убыло, убыло!»

— «В нашем полку прибыло, прибыло,
Ой дид-ладо, прибыло, прибыло!»

— «В нашем полку слезы льют, слезы льют,
Ой дид-ладо, слезы льют, слезы льют».

— «В нашем полку пиво пьют, пиво пьют,
Ой дид-ладо, пиво пьют, пиво пьют!»

* * *

«Кто с нами, кто с нами
Пашенку пахати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Пашенку пахати,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами
Жито рассевати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито рассевати,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами
Жито косити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито косити,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами
Жито вязати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито вязати,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами
Жито возити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито возити,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами
Жито молотити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито молотити,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами
Жито перьявати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито перьявати,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами
Солод солодити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Солод солодити,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами,
Кто пиво варити,
Кто с нами?»

— «Мы с вами, мы с вами,
Мы пиво варити,
Мы с вами!»

— «Кто с нами, кто с нами,
Кто сына женити,
Кто с нами?»

— «Мы с вами, мы с вами,
Мы сына женити,
Мы с вами!»

* * *

Йо, йо, березынька,
Но, но, кудрявая!
Семик честной да Троица —
Только, только
У нас, у девушек,
И праздничек!

* * *

Не радуйтесь, дубы,
Не радуйтесь, зеленые!
Не к вам девушки идут,
Не к вам красные;
Не вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.
Йо, йо, Семик да Троица!

Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые!
К вам девушки идут,
К вам красные,
К вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.
Йо, йо, Семик да Троица!

* * *

А и густо-густо на березе листьё,
Ой ли, ой люли, на березе листьё.
Гуще нету того во ржи, пшеницы,
Ой ли, ой люли, во ржи, пшеницы.
Господа бояре, мужики крестьяне!
Ой ли, ой люли, мужики крестьяне!
Не могу стояти, колоса держати,
Ой ли, ой люли, колоса держати.
Буен колос клонит,
Ой ли, ой люли, буен колос клонит.

* * *

Березынька кудрявая,
Кудрявая, моложавая,
Под тобою, березынька,
Всё не мак цветет,
Под тобою, березынька,
Не огонь горит,
Не мак цветет —
Красные девушки
В хороводе стоят,
Про тебя, березынька,
Всё песни поют.

* * *

Вейся ты, вейся, березка,
Завивайся, белая.
Что же мне, березке, не виться?
Что же мне с милым не водиться?
Вечор на березку,
Вечор на белую
Сильный дождик поливает,
Белую, зеленую, ломает.

* * *

Ну-ка, кумушка, мы покумимся,
Ай люли, ай люли, мы покумимся.
Мы покумимся, поцелуемся,
Ай люли, люли, поцелуемся.
Приходи, кума, киселя хлебать,
Ай люли, киселя хлебать.

* * *

Венчик ли мой, веночек,
Ай да мой веночек!
Во саду розовый мой цветочек!
Ай да мой цветочек!
На кого этот веночек положить?
Ай да положить!
Положу этот веночек на головку,
Ай да на головку!
Я на душечку прекрасну на девицу,
Ай да на девицу!
На родиму на сестрицу,
Ай да на сестрицу!

Что не кум с кумой сокумился,
Ай да сокумился!
Среди кружка становился,
Ай да становился!
Среди кружка на лужочке,
Ай да на лужочке!
Что на крутеньком прекрасном бережочке,
Ай да бережочке!
Что на желтеньком на песочке,
Ай да на песочке!

Еще ты — мой кум,
Еще я — твоя кума;
Где мы сойдемся —
Поздороваемся.

* * *

Береза моя, березонька,
Береза моя белая,
Береза моя кудреватая!
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки,
На тебе, березонька,
Листья бумажные,
Под тобой, березонька,
Трава шелковая,
Близ тебя, березонька,
Красны девушки
В Семик поют,
Под тобой, березонька,
Красны девушки
Венок плетут.

Что не белая березонька
К земле клонится,
Не шелкова травонька
Под ней расстилается,
Не бумажны листочки
От ветру раздуваются —
Под этой березонькой,
Под этой березонькой
С красной девицей
Молодец разговаривает.

* * *

Уж ты венчик ли,
Мой веночек,
Ты лазоревый цветочек!
На кого тебя, веночек, положить?
Положу тебя, веночек,
На головку, на душечку
На молодца.
Что не кум с кумой покумилися,
Среди кружка становилися:

* * *

Жали мы, жали,
Жали, пожинали, —
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая,
Побстать широкая;
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали;
В краю не бывали,
Людей не видали.

* * *

Петрочкова женка
На свою нивку
Раненько выходила,
Дочек-лебедок,
Невесток-перепелок
С собой выводила.
«Пожинайте, невестки,
Пожинайте, дочки,
Дочки-лебедки,
Невестки-перепелки!
По утру раненько,
Вечерком поздненько, —
Чтобы было с чего жити
Добренько, ладненько».

* * *

Ох и слава богу,
Что жито пожали,
Что жито пожали
И в копны поклади,
На гумне стогами,
В клетки закромами,
А с печи пирогами.

«А кто ж то у нас
Кудреват, кудреват?»
— «Степанушка Борисович
Кудреват, кудреват.
Он кудрями, кудрями
Потрясет, потрясет,
Жницам горелочки
Поднесет, поднесет».

**ПЕСНИ
КРЕСТЬЯНСКОЙ НЕВОЛИ**

* * *

Во лесу, лесу дремучем
Тут поет, поет соловьюшка,
Тут кукует горька кукушечка,
Да никто ее голоса не слушает, —
Одна слушает сиротинушка,
Сиротинушка, сenna девушка:
«Государыня родная матушка!
Выкупи из неволюшки,
Из неволюшки — дому барского:
Пристоялись резвы ноженки,
Примахались белы рученьки,
Качаючи дитя барского».
— «Уж ты милое мое дитятко!
Золотой казны у нас нет с тобой.
Ты терпи, горя не сказывай:
Тебе стерпится, тебе слюбится;
Носи платья, не складывай:
Износя платьице, сложить можно, —
И стерпя горе, сказать можно».

* * *

Из-за леса, леса темного,
Из-за садика зеленого
Собиралась туча грозная
Со снегами со сыпучими,
Со морозами со трескучими.

Дочка к матке собиралася;
Пособравшись, дочь поехала.
Поехала дочь, не доехала,
Среди лесу становилася:
Лошаденка истомилася;
Лошаденка истомилася,
Тележенка изломилася,
Все каточки раскатилися;
Все каточки раскатилися,
Ко дубочку прикатилися.
На дубу сидит соловушка.
«Ах ты птушка, птушка вольная!
Ты лети, лети в мою сторонушку,
Ко бабушке во зеленый сад,
А к матушке во нов терем.
Ты неси, неси, соловушка,
Ах, бабушке да низкий поклон,
А матушке челобитьице:
Что пропали наши головы
За боярами за вбрами!
Гонят старого, гонят малого
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько».

Калинушку с малинушкой водой залило, —
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись с разумом, меня замуж отдала.
Я три года у матушки в гостях не была.
На четвертый год вздумала — пошла.
Я скинуса-сброшуся горькой пташечкой,
Полечу я, горькая, в матушкин садок,
Сяду я, горькая, на сладкую яблонь:
Слезами-то горючими весь сад затоплю,
Причетыми горькими живот-сердце иссушу.
А матушка ходит по новым сеням,
Невестушек-ластушек побуживает:
«Невестушки-ластушки, встаньте скорей!
Что у нас во садику пташечка поет?
Где она, горькая, причёты берет?»

Большой-то брат скажет: «Давай застрелим!»
Середний брат скажет: «Давай поймаем!»
А меньшой-то брат скажет: «На что нам ее?
Не наша ли горькая с чужой стороны?
Поди же ты, горькая, в наш высок терем,
Про свое горе расскажи, про наше спроси:
Как батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большого-то брата в солдаты куют,
А середнего-то брата в лакеи стригут,
А меньшого-то брата — в приказчики».

Злодей ты наша барыня,
Сжила всю свою вотчину.

Она молодых-то ребят
В солдаты отдает,

А середовых мужиков
Всё в винокурички,

Удалых молодцов
На фабрички,

Красных девушек
Всё в батрачушки,

Оставляет она сиротинками
Дробных детушек, малолетушек.

Старым-то она
Не дает отдохнуть,

Старикам не дает
За двором приглянуть.

Она гонит их на работушку,
На работушку ну всё тяжелую,

На тяжелую, подневольную,
Подневольную да пригонную.

* * *

Вы кудри ль мои, кудри,
Хорошо ль кудри расчесаны,
Как по плечикам лежат
И развитьись хотят.
Как завила, завила
Чужа дальна сторона.
Как плакала, тужила
Наша Обозерска слобода,
Наша Обозерска слобода,
Что нагуляться не дала.
Разорил нашу сторонку
Злодей боярин-господин,
Как повыбрал он, злодей,
Молодых наших ребят,
Молодых наших ребят
Во солдатушки,
А нас, красных девушек,
Во служаночки,
Молодых молодушек
Во кормилочки,
А матушек с батюшками
На работушку.
Собрались наши ребятушки
Что на круту горушку,
Отказали наши ребятушки
Своему боярину-господинушке:
«Ты злодей наш господин,
Мы тебе не солдатушки,
Красны девушки тебе
Не служаночки,
Молодые молодушки
Не кормилочки
И батюшки с матушками
Не работнички».

* * *

Как во городе во Устюжине,
Во деревне во Денисовой,

У крестьян Долгогреевых
Проявилась экзекуция,
Экзекуция царя белого,
Царя белого, православного.
Подходили храбры воины,
Храбры воины гарнизонные.
Квартирушки порасписаны,
Солдатушки порасставлены,
Не на долгое время — на два месяца.
И прошло красное лето,
Не явилось ни одной душеньки.
Скрывались добрые молодцы
По темным лесам;
Кинули свой хижинки,
Оставили малых детушек,
Молодых жен — на позор людской.
Вы терпите, малые детки,
Вы крепитесь, молодые жены,
Вы потерпите, после вам слюбится.
Собирайтесь в одно место,
Во остров во Костыжницу,
Напишем просьбу однокровную,
Однокровную, однослезную.
Выберем мы себе ходока,
По имени Трифона Петровича:
Ты ступай, наш родной брат,
Не жалей тоски-работушки,
Ты ступай во Петровский град,
Во Петровский град на Неву-реку.
На Неве-реке там стоит дворец
Царя белого, православного;
Ты подай, подай просьбушку
Царю белому, православному.

* * *

Уж мы сядемте, ребята, посидимте, господа,
Споем песню про себя,
Не сами про себя, про свое житье-бытье,
Про крестьянских мужиков.
Крестьяне завидуют лакейскому житью;

«Нет лучше на свете лакейского житья —
Они пашенки не пашут, косы в руки не берут».
Глупые крестьяне! Сами пожилы бы с нами,
Обо всем бы вы спознали,
Как лакеи-то живут:
Придет праздник воскресенье —
Нам хочется погулять,
Попроситься — не отпустят,
Не спросясь идти нельзя.
Дождуся вечеру — не спросясь гулять пойду!
А я, мальчик, зазевался,
С девчонкою застоялся;
Оглянулся я назад —
Ан мне палочьем грозят.
Придем рано поутру,
Изготовлено по кнуту;
Станем оправдаться,
Велят нам раздеваться,
Рубашонки сняли с плеч,
Начали нас больно сечь;
Хотя спины было больно,
Да погуляно довольно;
Хотя спины и избиты,
Да сударушки нажиты.
Наши господа нерассудливые и неразрядливые,
На работу гонят рано,
С собой хлеба дают мало,
Хотя брать не запрещают,
Да опосле укоряют:
«Работы мало работáли,
Хлеба много поедали».
Работали от рожденья,
С нас не пот — вода льет,
Господин веры неймет.

* * *

«Ох, хорошо житье лакеям
На боярском на дворе!
Они пашенки не пашут
И оброка не дают.

Ох, они пашенки не пашут
И оброка не дают,
И оброка не дают,
Косы в руки не берут».
— «Ах вы глупые крестьяне,
Посудите-ка вы сами!
Куда пошлют — беги скоро,
Чтобы дело было споро.
Засмотрелся, застоялся,
С сударушкой повидался,
Оглянулся назад —
Сзади палочкой грозят.
Воротился домой —
Кафтанишка с плеч долой,
На конюшню ведут,
Сзади палочку несут».

* * *

«Государь ты наш, Сидор Карпович,
Сколько тебе летушек?»
— «Семьдесят, бабушка, семьдесят,
Семьдесят, Пахомовна, семьдесят».
— «Государь ты наш, Сидор Карпович!
Сколько у тебя детушек?»
— «Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро!»
— «Государь ты наш, Сидор Карпович!
Что они есть-то будут?»
— «Хлебушка, бабушка, хлебушка,
Хлебушка, Пахомовна, хлебушка».
— «Государь ты наш, Сидор Карпович!
Где ж они хлебушка возьмут?»
— «По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру».
— «Государь ты наш, Сидор Карпович!
По миру ходить — собаки съедят».
— «С палочкой, бабушка, с палочкой,
С палочкой, Пахомовна, с палочкой».
— «Государь ты наш, Сидор Карпович!

Зимой по миру — ноги озябнут».
— «В лапотках, бабушка, в лапотках,
В лапотках, Пахомовна, в лапотках».

* * *

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито;
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебивано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы богу молимся:
Божья церковь — небо ясное,
Образа ведь — звезды частые,
А попами — волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес — то наши вотчины,
Тракт проезжий — наша пашенка,
Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим — слегию
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим:
Свистнет слегушка — кафтан сошьёт,
А вдругоряд — сапоги возьмет,
Свистнет втретью — шапка с поясом,
А еще раз — золота казна.
С золотой казной мы вольные.
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольица, —
Там нам смерти нет, ребятушки.

**ГОЛОСОВЫЕ ПЕСНИ
О ЛЮБВИ**

* * *

Туманы мои темные, ничегохонько было,
Да сквозь эти туманы ничегохонько не видно.
Ой да только виден было да один сыр дубочек,
Под которым было да я, красная девушка,
Да весь день я с милым простояла;
Я про всё то, про всё да с милым дружкой
говорила,
Одно тайное словечко сказать ему позабыла!

* * *

Ты изюминка-ягодка,
Наливной сладкий яблочек,
Он по блюдцу катается,
Сахаром рассыпается,
Молодцом называется.
Разудал добрый молодец
Что Иван-то Иванович,
У него кудри русые,
Что на каждой кудриночке
По златой бисериночке.
У него лицо белое,
Побелей снегу белого,
У него щечки алые,
Поалее маку алого.

Выйду, выйду за ворота —
Всё мхи да болота,
Выйду, выйду за другие —
Всё луга зеленые,
А на tych же на лужечках
Стояло древо,
Стояло древо
Тоненько высоко;
Тоненько высоко,
Корешком глубоко.
На том древе, на том тонком
Сизенький голубчик —
То мой друг Ванюша.

* * *

Вышла девка молода,
Порасхвасталась она,
Ой вы девки, ой вы бабы,
Бабы молодые!
Как вечер меня милой
Целовал да миловал,
Крепко к сердцу прижимал,
Сударушкой называл:
«Ты, сударушка моя,
Верно любишь ли меня?»
— «Как тебя мне не любить?
Не могу тебя забыть!»
Ой вы девки, ой вы бабы,
Бабы молодые!

* * *

Как на горке, на горе,
На высокой на крутой,
Стоял высокий терем;

Он не низок, не высок —
Девяносто семь венцов.
Красная девица по терему похаживала,
Она пялечки во рученьках понашивала,
В руках пялечки держала,
Всё узоры вышивала,
Клубок ниток потеряла.
Ах, за эти ль меня нити
Хочет мати больно бити!
Ах ты матушка, не бей,
Сударыня, не жури!
Я за эту за вину
Всю покорность принесу
И всю тайность объявлю:
Я молодчика люблю.

* * *

Под окошечком сироточка сидит,
Против ясного окошечка глядит.
В чистом поле цветет аленький цветок,
Он алеется, голубеется;
Цветок этот — миленький, возлюбленный
дружок.
Часто ходит мимо моего двора.
Понравилась мне походочка твоя,
Походочка твоя частенькая,
Разговоры твои ласковые.

«Да и кто же тебя породил, молодца?»
— «Породила меня маменька,
Возлелеяла чужа дальняя сторона,
Завила кудри сударушка моя,
Завивала, приговаривала:
„Когда кудрецы разовьются,
Быстры реченьки разольются, —
Тогда с миленьким разойдемся,
Чтоб повеки не видатися
И на встречу не встречатися!”»

* * *

Я по цветикам ходила,
Я по маленьким гуляла,
Алый цветочек искала;
Не нашла цветка такого
Сопротив дружка милого.
Мой миленький хорош,
Чернобров, душа, пригож,
Он любовь ко мне принес,
Да и подарок дорогой —
С ручки перстень золотой
На мизинец на право́й.
Люди бают-говорят,
Любить друга не велят.
Я людей-то не слушаю,
Люблю друга всей душой.

* * *

Уж на что ж это за месяц —
Ночью светит, а днем нет?
И на что это за милый —
Вечер любит, другой нет?
Походочка его, у сердечка моего,
Поговорочка его, у ретивого мово.
Милы на ноженьку ступаи,
Ума-разума пытай,
Мил за ручку крепко жмет,
Поцелуя себе ждет.

* * *

Одна горка высоко, а другая низко,
Один милый далеко, а другой-то близко.
Уж я дальнего милого в люди подарую;
А я ближнего милого сама расцелую.
У дальнего милого — кони да коровы,
А у ближнего милого — черные есть брови;

У того у далекого — всё пустые ласки,
У сего у ближненького — черненькие глазки;
У того у далекого — всё пустые бочки,
У сего у ближненького — аленькие щечки.

* * *

Устиньюшка по горенке ходила,
Епистимовна по новой гуляла,
Миндальные орешки щелкала,
Скорлупку в окошечко кидала;
Макару в кудри попала,
Макаровичу в черные попала.
Уж он ли оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Добро ж ты, Устиньюшка!
Добро ж ты, свет Епистимовна,
За твои ли я орешки
Отсмею тебе насмешки:
Не станешь над суженым смеяться,
Скорлупкою в него бросаться!»

* * *

На улице широкой, широкой,
На мураве зеленой, зеленой,
И кто у нас не женат, не женат?
Василий-свет — холостой, холостой,
Иванович — не женат, не женат,
Он бел лицом, кудреват;
На нем шапка соболья,
А в шапочке платочек,
Во платочку три узла:
Первый узел — василек,
Другой узел — маков цвет,
Третий узел — люб-трава.
Его девушки спросили:
«На что ж тебе василек?»

Туды-сюды погляжу:
Я милого не вижу.
Счастливым выход мой —
Что навстречу мой милой.

* * *

Ах ты мати моя, матушка,
Ах ты мати, государыня моя!
Ты на что, мати, хорошу родила,
На что, мати, пригожу родила,
Что счастливую, талантливую,
Что талантливую, догадливую?
Мне нельзя, мати, по улице ходить,
Мне нельзя, мати, по широкой гулять:
Мигуны, мати, помигивают,
Свистуны, мати, посвистывают,
Мне белилички-румянички сулят,
Мне белиться-румяниться велят.
Мне нельзя, мати, к обедне ходить:
Купцы богу не молятся,
Все дворяне усмеваются.

* * *

Девка в горенке сидела,
Сквозь околенку глядела,
Не работу работала —
Гребнем голову чесала;
Не гребешком чесала —
Русу косу плела,
В гости милого ждала.
Что ль нейдет ли, не летит ли
Где мой миленький дружок?
Полям миленький летит,
Милый резвым ноженькам потаптывает,
Мил могучим плечом поворачивает,
Своим русым кудеречкам потряхивает.
Приди прямо, мой милой, ко мне,
По крылечку в высокой терем!

* * *

Долина моя, долинушка, долина моя широкая,
Раздолье мое далекое!
Как по этой по долинушке выростала трава рушица;
Как по этой рушице туман расстилается;
Как из-под того туманушка заря занимается;
Как из-под этой зорюшки солнце выкаталось,
Ясное солнышко на зеленый луг.
Как на этом на лужочке девушки гуляли,
Красные молодца к себе манули:
«Ты, молодец разудалый, иди к нам на луг!
С тобою нам, миленький, веселее быть;
Без тебя нам, друг любезный, тошнехонько жить!»

* * *

Ах, на горе-горе,
На высокой на крутой,
 Ах люли, ай ладу,
 На высокой на крутой.
На высокой на крутой
Стоял зеленый садок;

Как во том ли во саду
Стоял зеленый дубок;

Как под тем ли под дубком
Стоит девка с молодцом,

Стоит девка с молодцом,
Тиху речь говорит:

«Ах, что это за садок,
За зеленый за такой!»

Ах, что в саду за цветы,
Что за алые таки!

Ах, если б те цветы
Во моем саду цвели!

Ах, что это за милой,
Что за ласковый такой!

Ах, если бы ты, милой,
Ко мне чаще ходил,

Ко мне чаще ходил,
Гостинчики носил!»
Ах люли, ай ладу,
Гостинчики носил.

* * *

«Помилашечка моя,
Сделай уваженье!
Стану-буду к вам ходить
Каждо воскресенье,
На неделюшке два раз,
Всё, хорошая, для вас!»
— «Ходи, милый, ходи, мой,
Ходи, хороший, дорогой!»
— «У вас поле каменисто,
Через речку моста нет!»
— «Ходи, милый, ходи, мой,
Ходи, хороший, дорогой!
Мы полюшко расчистим,
Через речку мост смостим!
Ходи, милый, ходи, мой,
Ходи, хороший, дорогой!»

* * *

Научить ли тебя, Ваня,
Как ко мне ходити?
Ходи летнею порой
Ты тропиночкой;
Ходи зимнею порой
Переулочком;

Ты не тросточкой стучи —
Соловьем свисти,
Соловьем свисти, Ванюша,
Снегу ком нажми,
Снегу ком нажми, Ванюша,
Во стену броси,
Чтобы я, молода,
Сдогадалася,
Со беседы домой
Собиралася.
Я подружкам скажу:
Меня домой зовут;
Родной маменьке скажу:
Голова болит;
Родну батюшку скажу,
Что я вся больна;
Ко тебе, милой, приду
Здоровешенька!

* * *

Как на талую землю
Выпала пороша,
Как по этой по пороше
Шел мальчик хороший,
Не путем шел, не дорогой —
Чужим переулком.
Он чужим шел переулком,
Чужою межою,
Набирает, нажимает
Ком белого снегу.
Он кидает, он бросает
Девушке в колени.
«Не шути, бел кудрявый!
Мне теперь не время,
Мне теперь не время,
Очень не свободно:
У батюшки гостят гости,
У матушки гости,
У мила братца компанья,
У меня подружки.

Я с тобою застоялась,
Подруг растеряла,
Я подружек растеряла —
Тебя целовала».

* * *

Ой ты зимушка-зима,
Непогожая была,
Всё метелица мела!
Замела пути-дорожки —
Нельзя к милому пойтить!
А я улицею —
Серой утицею,
Через черную грязь —
Перепелицею,
На высок терем взойду
Красной девицею.

* * *

Миленький, хорошенький,
Помяни дороженькой,
Помяни-ка, не забудь,
Ты купи чего-нибудь!

* * *

Куплю милому на манишечку.
Не останется ли лишечка?
Я из лишечка рукавчика сошью,
Носовой платочек в белый заверну,
Дружку милому на праздник отошлю.

* * *

Березничек кустоватый,
Осинничек листоватый.
И кто у нас холост ходит,
И кто у нас неженатый?
Василий-от холост ходит,
Иванович неженатый.
Он бел лицом, кудреватый.
Ему матушка говорила:
«Василий-свет, ты женися,
Иванович, ты женися!
Возьми себе хозяйшку.
Тебе с нею веселее,
А мне будет перемена».
— «На что, матушка, жениться?
И так меня девки любят,
Молодушки похваляют,
На высок терем меня водят,
Пивцом-винцом меня поят,
Калачами меня кормят».

* * *

Я по бережку ходила,
Я по крутому гуляла,
На горяч камень ступила,
Черевичек проломила,
Бел чулочек обмочила.
Я на милого взглянула,
Тяжелешенько вздохнула:
«Ах ты миленький дружок,
Не гляди, друг, на меня,
Не пойду я за тебя!»
— «И я рад бы не глядел,
Да глаза мои глядят!
Хоть отца-мать прогневною,
Да тебя, друга, люблю;
Хоть мне от дому отстать,
Да тебя, друга, достать!»

* * *

Во лугах, лугах, лужочках,
Во зеленых во лугах
Разливалась вода,
Расстилалась трава
Да расцветали всё цветы,
Да расцветали всё цветы.
Да там девушки хороши.
Одна девка лучше всех,
В хоровод гулять пошла
Да молодцу сердце зажгла.
«Как по имени зовут?»
— «Мое имя — Катерина,
Московского купца дочь.
Отходи, молодчик, прочь!
Говорить с тобой невмочь».
— «Хоть ни слова не скажу,
А всю ночь простою;
Всю ночь простою,
На милую прогляжу».

* * *

Соловей мой, соловей, соловушко молодой!
Не летай ты, соловей, во зеленый сад гулять,
Не садись ты, соловей, в зеленóm моем саду,
В зеленом моем саду, на ракитовом кусту,
Не пой рано на заре, не трави ты сердце мне!
И так тошно молодцу, сам не знаю почему;
Коли знать, так всё по ней, по сударушке моей.
Ах, кого бы мне нанять, за сударушкой послать?
Коли старого нанять — греха на душу принять:
До нее стар не дойдет, во дорожке пропадет;
Коли малого нанять — мал не знает, что сказать;
Коли ровнюшку нанять — ровня любит сам гулять.
Уж как, знать-то, молодцу подниматься самому,
Подниматься самому по сударушку свою!

* * *

Я в лесе был, березку рубил,
Березку, березку, березку рубил.
Березку рубил, метелки вязал,
Метелки, метелки, метелки вязал.
Метелки вязал, на возик складал,
На возик, на возик, на возик складал,
На возик складал, бечевкой стягал.
Бечевкой, бечевкой, бечевкой стягал,
Бечевкой стягал, коня запрягал.
Конёчка, конёчка, коня запрягал,
Коня запрягал, в Москву отправлял.
В Москву, Москву да в Москву отправлял,
В Москву отправлял, там девку видал.
Там девку видал, чернявку встречал,
Чернявку, чернявку, чернявку встречал:
Сидит под окном, играет цветком,
Играет, играет, играет цветком.

* * *

Ты заря ли моя, зорюшка, зорюшка вечерняя,
Ай да люли-люли, зорюшка вечерняя.
Зорюшка вечерняя, солнышко восхожее!
Высоко солнце восходило, далеко осветило —
Во всё чистое поле, через синее море,
Через синее море, через быструю речку,
Через быструю речку; там лежала дощечка,
Дощечка дубовая, перекладь кленовая.
Что никто по этой дощечке, здесь никто не хаживал,
Что никто не хаживал, никого не важивал.
Перешел детинушка, перевел девчоночку.
«Сердце мое, сам я догадался, я кого верно люблю:
Я кого верно люблю, я того платком дарю».
Мой платок тонешенек, мой милой милешенек.
Не хочу платка носить, хочу так дружка любить!
Я платок назад отдавала, за платок дружка целовала,
Ай да люли-люли, за платок дружка целовала.

* * *

Вечор сокол, вечер ясен
Сыры боры, сыры боры,
Сыры боры облетал,
Алексеюшко свет Яковлевич
Свои кудри, свои кудри
Свои русы расчесал,
Дарьюшке свет Матвеевне
Два словечка, два словечка,
Полдесятка сказал,
Полдесятка сказал:
«Дарьюшка свет Матвеевна,
Взгляни, радость, взгляни, радость,
Взгляни, радость, на меня,
Коль я хорош, коль я пригож,
Наливная ягодка, наливна сахарная,
Наливная ягодка, наливна сахарная».

* * *

Ваня в зеркало гляделся,
Сам собою дивовался:
«Какой я хороший,
Какой я пригожий!
Рубашечка красна,
Жилеточка атласна;
Жилетка с цветами,
Жилетка с цветами,
Голова с кудрями,
Голова с кудрями,
Пожалуйте с нами!»
Молодец удалый
По горенке ходит
В зеркало глядится,
Сам себе дивится:
«Хорош уродился,
Пригож снарядился».
Сам по полю гуляет,
Невест выбирает.

* * *

Ты береза моя, березынька!
Ты кудрявая моя, моложавая!
На горé ты стоишь, на всей красоте,
На тебе ли, березыньке,
Всё листья бумажные,
Под тобой ли, березынькой,
Травка шелкóвая.
Что косил эту траву добрый молодец,
Что гребла эту травку красна девица,
Красна девица, дочь купческа.

* * *

Что болит-шумит буйная голова,
Не глядят на свет веселые глаза,
Что не видят глаза с неба солнечных лучей.
Из лучей таки, лучей туманчик выпадал,
А из того тумана частый мелкий дождь пошел;
Он прибил-примял всю шелкóвую траву.
Сено тут косила красна девица душа.
По прокосыицу у ней добрый молодец идет.
«Тебе бог помочь, душа девица!»
— «Поди мне на помочь, душа добрый молодец!»
— «Не сечет у тебя булатная коса,
Притомилась ты, душа девица!
Помогу я тебе, свет-сударушка,
Разуважу тебя, государыня!
Не плачь, не горюй, душа девица!
Не тужи, не скорби ты, хорошая!
Положись ты на меня, на удаль молодецкую!»

* * *

По улице мостовой,
По широкой столбовой,
По широкой столбовой
Шла девица за водой.
За ней парень молодой,

Кричит: «Девица, постой,
Красавица, подожди!
Пойдем вместе за водой
За холодной, ключевой».
— «Ах ты парень-паренек,
Твой глупенький разумок!
Не кричи во весь народ,
Мой батюшка у ворот;
Зовет меня в огород
Чесноку, луку полоть.
И я в праву руку лук,
А во левую чеснок.
Я по цветикам пойду
По лазоревым гулять,
По лазоревым гулять,
Цвета алого искать.
Не нашла цвета ала
Супротив дружка мила.
Ах, мой миленький хорош,
Чернобров, душа, пригож,
Чернобров, душа, пригож,
Мне подарочек принес,
Подарочек дорогой,
С руки перстень золотой.
Мне не дорог твой подарок —
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Хочу так дружка любить.
Ты куда, надёжа-друг,
Собираешься куда?
Собирался мой милой,
Собирался дорогой
Что на Волгу на реку,
На крутой на бережок,
На крутой на бережок,
Он на желтенький песок.
Уж я по воду пойду,
На крутой берег взойду,
Туда-сюда погляжу,
Куда реченька бежит?
Волга реченька быстра —
Скоро судно пронесла».

Сеня-Косеня,
 Не бегай по сеням,
 Не топай ногой,
 Не качай головой, —
 Мне не быть за тобой:
 Мне не надо с бородой,
 Надо парень молодой,
 Надо дудочника,
 Балалаечника!

* * *

Сидела Катюшенька
 В новой горенке одна,
 Шила моя Катенька
 Тонки белы рукава;
 Вышивши рукавчики,
 В терем к батюшке пошла:
 «Родимый мой батюшка,
 Ты подумай обо мне!»
 — «Думаю-подумаю —
 В монастырь, Катя, поди!»
 — «Родимый мой батюшка,
 В монастырь я не гожусь —
 На старой игуменье
 Всю рясу разорву,
 Молоду священнику —
 Ему в щеку запалю,
 Молодых монашенок —
 А я всех их оскверню,
 Уж я всех оскверню».
 Сватался к Катеньке
 Из Сан-Питера купец, —
 Хвалил он, похваливал
 Он свое житье-бытье:
 «У меня, у молодца,
 Полтора ста кораблей!»
 — «Думаю-подумаю —
 Я за этого нейду!»

Сватался к Катеньке
Из Москвы генерал.
Хваливал-похваливал
Он свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Полтора ста душ крестьян!»
— «Думаю-подумаю —
Я за этого нейду!»
Сватался к Катеньке
Из трактира музыкант,
Хваливал-похваливал
Он свое житье-бытье:
«У меня, у молодца,
Только скрипка да гудок!»
— «Думаю-подумаю —
Я за этого пойду.
Сыта ли, не сыта —
Всегда буду весела;
Выду я на улочку —
Будет честь мне, похвала,
Честь мне будет, похвала,
Музыкантова жена!»

* * *

Ты заря ли моя, зоренька,
Ты заря моя вечерняя,
Ты игра наша веселая!
Поиграйте, девушки,
Поколь весело у батюшки,
У родимой своей матушки!
Неравно-то замуж выйдется,
Неравен-то черт навернется:
Либо старый удушливый,
Либо младый, но невзрачный,
Либо ровнюшка хорошая!
Я бы старого утешила:
Среди поля повесила,
Я на горьку на осинушку,
Я на самую вершинушку,

Черным воронам на грянье,
Добрым людям на дивованье!
Я бы молодого утешила:
Под кроватку спать забросила!
Я бы ровню уважила:
По охоте его делала,
По приказу исполняла всё!

* * *

Ты молоденький молодчик молодой,
Моему сердцу на свете дорогой!
Ты не стой, не дожидайся, милый мой!
Уж и так-то мне тошнехонько житье,
Уж и так-то мне грустнехонько, молодой!
Не велят-то на крылечке мне стоять,
Не велят-то мне оттуда тебя ждать!
Я пойду с горя в зеленый сад гулять,
Посмотрю ли я на милого дружка,
Хоть на время облегчу свою тоску.

* * *

На горушке ковыль-трава
Не стелется, вьется,
Она вьется, вьется, вьется.
У доброго молодца сердце бьется,
Ни на час сердце не уймется,
К сударушке рвется!
«Послушай, моя хорошая,
Не про нас ли люди судят?»
— «Пускай судят-рассуждают,
А мы наживемся,
Да врозь разойдемся!
Ни ты ко мне, ни я к тебе
Не будем ходить!»

Не свивайся, трава, с повиликой,
Не свыкайся, парень, с девкой!

Пойду выйду, млада, за ворота,
Там луга всё, болота;
Пойду выйду за новые,
Там луга всё зеленые.

* * *

Детина, детина,
Детинушка мой,
 Ой лели-лели, лели да ляли,
 Детинушка мой,
Белой, румяной,
Не стой ты со мной,
Со мной, молодой,
С казацкой женой!
А то люди скажут,
Что любишь меня,
Целуешь меня,
Целуешь-милуешь,
Надежей зовешь!
 Ой лели-лели, лели да ляли,
 Надежей зовешь!

* * *

«Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь,
Не ходи гулять в полночь, не прокладывай следов,
Не прокладывай следов мимо моего двора!
Как у моего двора приукатана гора,
Приукатана, углажена, водою улита,
И водою улита, чеботами убита».
И я скок на ледок, подломился каблучок,
Подломился каблучок, я упала на бочок,
Я упала на бочок. Погляжу, млада, лежу,
Погляжу, млада, лежу я на правом на боку.
Уж я глядь-поглядь — меня некому поднять.
Со гостиного двора идет купчик молодой,
Идет купчик молодой, не женатый, холостой.

Я не знала, как назвать, поучилась солгать,
 Поучилась, как солгать, я Павлушею назвать:
 «Павлушенька-душенька, сердце-радость, подыми!»
 — «Ах, я рад, душа, поднять — со стороны люди
 глядят,
 Со стороны люди глядят, поймать с тобой хотя!
 Поведут тебя рядами, меня — лавочками,
 Тебя станут бить батожем, меня — палочками,
 Меня палочками, перед лавочками!»

* * *

«Ах ты да душечка добрый молодец,
 Удалая твоя головушка,
 Что умильные твои ясны очи!
 Ты куда, мой свет, снаряжаешься,
 Во которую дальну сторону,
 Во которую незнакомую —
 Во Казань-город, или в Астрахань,
 Или в Новгород, или в Петербург,
 Иль во матушку в каменну Москву?
 Ты возьми, возьми меня с собой,
 Назови меня родной сестрой
 Или душечкой молодой женой!»
 — «Ах ты глупая красна девица,
 Неразумная твоя головушка!
 И рад бы тебя взять с собой:
 Про меня там люди ведают,
 Да что нет у меня родной сестры,
 Нет ни душечки молодой жены;
 Лишь одна у меня матушка,
 Да и та уже старешенька».

* * *

Волга-матушка родимая течет,
 Друга милого, касатика несет;
 Вниз красивая расшивушка плывет,
 Дорогой товар нарядная несет.

Подбодрился, мой хороший, дорогой,
Словно гоголь над кормой:
Кудри шелковы по плечикам бегут,
Ясны оченьки расшиву стерегут,
Друга милого путина далека,
Разделила нас широкая река.
Друга милого путина далека,
Не оставила следа широкая река.
Только струйка малая ко бережку бежит,
Как слеза моя, колышется-дрожит;
Растворю тесовые ворота я на двор,
Выйду рано я на утренней заре,
В синю далюшку туманну погляжу,
Друга милого хоть сердцем провожу.

* * *

Туманно красное солнышко, туманно,
Что в тумане красного солнышка не видно.
Кручинна красная девица, печальна;
Никто ее кручинушки не знает:
Ни батюшка, ни матушка родные,
Ни белая голубушка сестрица.
Печальна душа красна девица, печальна,
Не можешь ты злу горю пособити,
Не можешь ты мила друга забыти
Ни денною порою, ни ночью,
Ни утренней зарею, ни вечерней.
В тоске своей возговорит девица:
«Я в те поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скорые ноги,
Когда опустятся мои белые руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются белы груди досками!»

* * *

В далеком было, в далеком чистом поле,
Что еще того подале было во раздолье.
Стояла ли в поле чистом белая береза;

По корешку, березонька, она корениста,
По середочке, березонька, она кривлевата,
По вершиночке она, березонька, щепочиста.
Что под той ли было белой под березой.
Не сиз ли голубь с голубушкой сидит воркует,
Не девица ли с молодцем речи говорила.
У душечки ли у красной девицы
Не дождичком ли белое лицо смочило,
Не морозом ли ретиво сердце познобило.
Смочило ли лицо белое, лицо слезами,
Позябло ли лицо белое, лицо слезами,
Позябло ли ретиво сердце с тоски-кручины;
Тужит ли, плачет душа красная девица
По своем ли по миленьком дружочке,
По ласковом, по приятливом по словечке:
Хорош ли, пригож, душа миленький уродился,
Он возрастом, и дородством, и всей красотою,
И всей храброю поступочкой молодецкою.

* * *

Как прошла про девицу небылица,
Будто бы я батюшку обессудила,
Родную матушку обесчестила,
Что сама-то я ко милу другу приходила.
Ах, за то на меня батюшка осердился,
Родимая матушка распрогневалася.
Что построил мне сударь батюшка темницу,
Без дверей-то он построил, без окошек;
Что одна только у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
Проруби ты мне, сударь батюшка, три окошка:
Уж как первое окошко в чисто поле,
А другое-то окошко в сад зеленый,
Ах как третье-то окошко на сине море!
Как поутру я, красная девица, рано встану,
Погляжу-то я, красна девица, в чисто поле —
Ничего-то я, красна девица, не видала.
Погляжу-то я, красна девица, в сад зеленый —
Жалобнехонько в саду пташки распевали.

Погляжу-то я, красна девица, на сине море —
Как плывет тут, выплывает нов кораблик,
Как на том кораблике мой дружок.
Я в окошечко милу другу кричала,
Я платочком милу другу махала, —
Как не слышит мой сердечный друг, не видит;
Так я ручушкой милу другу махнула,
Во окошечко милу другу поклонилась:
Ты прости, моя надежа, мил сердечный друг!
Уж как знать что мне с тобою не видаться!

* * *

Закатилось солнышко, закатилось,
Да несчастная девушка уродилась,
Да куда ни пойду, млада,
Все журят-бранят девушку,
Журят-бранят, плакать велят.
«Заплачь, заплачь, девушка,
По своему горюшку по великому,
По своему Ванюше чернобровому».
Шелковая травушка расстилается,
Ванюша в дороженьку собирается,
С своею любезною прощается.
«Прощай, прощай ты, любезная,
Прощай, прощай, не забудь меня,
Прийду с дороженьки, заберу тебя».

* * *

Долина ль ты моя, долинушка,
Долина ль ты широкая!
На той ли на долине
Вырастала калина.
На той ли на калине
Кукушка вскуковала.
«Ты об чем, моя кукушечка,
Об чем кукуешь?»

Ты об чем, моя горемычная,
Об чем горюешь?»
— «Уж и как же мне, кукушечке,
Как не куковати?
Уж и как же мне, горемычной,
Как не горевати?
Один был зеленый сад,
И тот засыхает,
Один был у меня милый друг,
И тот отъезжает,
Одное меня, младешеньку,
Одное меня покидает».

* * *

Ты мой сизенький, мой беленький голубчик,
Ты к чему рано с тепла гнезда слетаешь,
На кого ты меня, голубушку, покидаешь?
Али я тебе, голубчик мой, не по мысли,
Не по твоему голубиному воркованью?

Ах ты душечка, удаленький молодчик,
Ты куда от меня, красной девицы, отъезжаешь,
На кого ты меня, красну девицу, покидаешь?
Али я тебе, мой милый друг, не по мысли,
Не по твоему молодецкому обычью?

* * *

Ты береза ли моя,
Ты моя березанька,
Ты моя березанька,
Ты кудрявая, молодежкая!
На горе ли ты стоишь,
Стоишь на всей красоте.
Под тобой-то ли, березанькой,
Молодец с милой расставается,
Горючьми слезами заливаается,
Расставаньице у них было явное,
Совыканьице было тайное.

* * *

Любил парень девку
До поры, до время —
Три зимы, три лета.
Подходит пора-время
С дружкой расставаться,
В кручине прощаться.
Прощай, прощай, моя милая,
Прощай, прощай, моя дорогая,
С русыми кудрями,
С черными бровями!

* * *

Не вечерняя заря занималась, занималась заря,
Полуночная звезда высоко взошла, высоко звезда
взошла.
Пора раздоброму молодцу с поля ехать домой.
Уж вы слуги мои, слуги мои верные,
Подайте мне тройку серопегих, серопегих лошадей!
Сяду я, раздобрый молодец, я поеду погулять!
Со всеми я, раздобрый молодец, со всеми простился;
С одной-то я не простился, со пути-дороженьки назад
воротился.
Ты прощай-прости, прощай, разлюбезная, ты размилая
моя!

* * *

При долинушке стояла,
Калину ломала,
В пучочки вязала,
На дорожку клала,
Приметы примечала,
Дружка ворочала:
«Воротися, моя радость,
Воротися, надежда!
Не воротишься, надежда, —
Хотя ж оглянися;

Не оглянешься, надежда, —
Махни черной шляпой,
Черной шляпой пуховую,
Правою рукою,
Лентой голубою!»

* * *

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелененький,
Ты зачем, садок, отцвел,
Осыпаешься?
Ты куда ли, милый мой,
Собираешься?
Ты во путь ли, во поход,
Во дороженьку?
Ты со всеми, милый мой,
Распрощаешься,
А со мною, молодой,
Всё ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: «Милая, прощай!»
Тут летела пава
Через синие моря,
Уронила пава
С крыла перышко.
Мне не жалко крыла —
Жалко перышка,
Мне не жалко мать-отца --
Жалко молодца,
Предстояла молодцу
Служба царская,
Служба царская,
Государская!

* * *

Не сокол летит по поднебесью,
Не сокол ронит сизы перушки —
Скачет молодец по дороженьке,

Горьки слезы льет из ясных очей.
Распростался он с своей родиной,
Со сторонушкой понизовую,
Где течет в красе Волга-матушка.
Распростался он с красной девицей:
Он оставил ей на помин себе
Дорогой перстень со алмазами;
На обмен же взял от красавицы
Золото кольцо обручальное;
При размене сам приговаривал:
«Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задушевный друг!
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я целовать кольцо,
К ретиву сердцу прижимаючи,
Об тебе, мой друг, вспоминаячи:
Коль помыслю я о другой любви —
Золото кольцо распаяется,
Если ты с другим под венец пойдешь —
Камень выпадет вон из перстеня».

* * *

Ах вы ветры, ветры буйные,
Вы буйны ветры осенние,
Потяните вы с эту сторону,
С эту сторону, со восточную,
Отнесите вы к другу весточку,
Что нерадостную весть, печальную!
Как вчор-то мне, младешеньке,
Мне мало спалось, много виделось;
Не хорош-то мне сон привиделся:
Уж кабы у меня, у младешеньки,
На правой руке, на мизинчике
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милого,
Свет дородного доброго молодца.

* * *

Нам не надо в чужие люди торопиться, —
Жить у батюшки дома хорошо.
В чужих людях поутру рано будят,
На работушку гонят с утра.
Мне чужая работа робить не по силам:
С той работы рученьки болят,
Болят рученьки по плечам,
Со сдыханья белая грудь болит,
Сердце бьется, печали предается,
Кого люблю, того дружочка жаль.
Жаль тошнехонько милóго, сердешнóго,
Сердешного дружочка своего.
Куда скрылся, мой милый, удалился
На всё летико теплое от меня,
На всю зиму, на весь кругленький годок?
На поминочки миленький оставил
Со правой руки золотó кольцо.
День до вечера колечико носила,
В ночи в голову колечико клала.
Мне не спится, девчонушке, всё манится —
Будто нет колечка в головах.
Поутру ранешенько вставала,
Умывалася горячими слезами.

* * *

Ах, не одна-то, не одна,
Эх, во поле дороженька, ах, одна пролегала;
Ах, зарастала та дорожка,
Эх, ельничком да березничком, эх, горьким частым
осинничком!
Ах, что нельзя-то, нельзя,
Эх, к любушке-сударушке, эх, нельзя в гости ехать
молодцу.
Ах, ты прости-прощай,
Эх, мил сердечный друг, эх, прощай, будь здорова!
Ах, коли лучше меня найдешь,
Эх, меня, доброго молодца, эх, меня позабудешь;

Ах, коли хуже меня найдешь,
Эх, меня, доброго молодца, эх, меня вспомнешь,
Ах, меня ты вспомнешь,
Эх, горючими слезами, эх, ты заплачешь!

* * *

Не спала-то я, младшенька, не дремала,
Я не думала, младшенька, не гадала,
Со правой руки ясного сокола опускала.
Подымался млад ясен сокол выше лесу,
Выше лесу, выше зеленой дубровы;
Опускался млад ясен сокол на синее море;
Он садился, млад ясен сокол, на кораблик.
По кораблику гостиный сын гуляет,
В звончатые он гуселечки играет,
Он душу красну девицу утешает:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
Наживай себе мила друга иного!
Буде лучше меня найдешь — позабудешь;
Буде хуже меня найдешь — вспомнешь,
Вспомянув меня, душа моя, заплачешь!»

* * *

«Ты о чем, горька кукушечка,
О чем ты кукуешь?»
— «Как же мне, горькой кукушечке,
Как мне не куковати?
Что один, один-то был зеленый сад,
И тот засыхает!
Что один-то во саду был соловьюшка,
И тот вылетает!»
— «Ты о чем, красная девушка,
О чем тужишь, плачешь?»
— «Ну и как же мне, красной девушке,
Не тужить, не плакать?
Что один-то, один разлюбезный был,
И тот покидает!

Что со всеми, ах да разлюбезный друг
Со всеми простился,
Что со мной, молодой, с молодешенькой,
Со мной постыдился!
С половины пути, со дороженьки
Назад воротился,
Со мной, с красной девушкой,
Со мной распростился:
„Ты прости-прощай, моя любезная,
Прощай, бог с тобою!”»
— «Если лучше найдешь, разлюбезный друг,
Меня позабудешь;
Если хуже найдешь, разлюбезный друг,
Меня вспомнешь!»

* * *

Не бушуйте вы, буйные ветры с вихрами,
Перестаньте бушевать вы, осенние!
Перестань тосковать ты, молодушка молодая,
Не тужи, не плачь ты, моя милая!
Не наполнить тебе сине море слезами,
Не возвратить мила друга словесами!
Я во сне другу милому кричала — он не слышит;
Правой рученькой махала — друг не видит;
Тяжелешенько вздохнула — друг оглянулся,
Он приподнял пухову шляпу, сам простился:
«Ты прости, моя милая, бог с тобою!
Оставайся, моя сударушка, поздорову,
Наживай себе мила друга иного!
Когда хуже наживешь — вспомнешь,
Когда лучше наживешь — позабудешь,
Вспомнявши, моя сударушка, заплачешь!»
Уж сколько мне, младой, ни жити,
Такого друга не нажити:
И ростом, и дородством-красотою,
И всей молодецкою поступкой
Что пришел мне сердечный друг по мысли.

* * *

Комарики спят,
А я, девушка, не уснула ни на час.
На белой заре приуснула с полчаса;
Я увидела своего милого во сне,
Будто мой милый отъезжает далеко,
Меня, девушку, спокладает одноё,
Как кукушечку во сырым во бору,
Меня, девушку, во высоком терему.
Мимо терема дороженька лежала.
Как по этую дороженьке ямска тройка бежала;
На ямской тройке мой размиленький сидит,
Разунывную с горя песенку поет,
Ко мне, девушке, в терем голос подает.

* * *

Вы молодчики молоденькие,
Дружки вы мои, вы мои!
Без огня мое сердце изожгли,
Без ветру мои мысли разнесли,
Разнесли мысли по чистым полям,
По чистым полям, по зеленым лугам.
Кабы мне волюшка от батюшки была дана,
Кабы нега мне от родной матушки была,
Не сидела б у окошка я одна,
Не лежала б белой грудью на окне,
Не роняла б горьки слезы за окно,
Не смотрела б в путь-дорожку далеко,
Не ждала бы друга милого мово.

* * *

Никак, никак не возможно мне без печали век прожить,
Любить дружка можно мне, нельзя по нем не тужить,
Нельзя по нем не тужить!

Вздумаю про милого — не мил белый свет.
Не мил, только не милешенек, ни мать, ни отец,
Ни мать, ни мать, ни отец.

С этого я с горюшка бежала я в темный лес,
Бежала я в темный лес.

Во темном во лесике никакой мне пользы нет.
Никакой мне пользы нет.

Только есть мне пользушка — на деревьях листья шумят,
На деревьях листья шумят.

Все мелкие пташечки жалостно поют,
Жалостно поют,

Всем нам с тобой, милый друг, разлуку-печаль дают,
Разлуку-печаль дают.
Разлука, разлука ли, чужа дальняя сторона.

* * *

«О чем, милая моя, тоскуешь,
Ну что сделалось, душа, с тобой?
Не промолвишь ты, радость, со мной!»
— «Приложи-ка праву руку,
Милый друг, к груди моей!
Ты почувствуй, друг любезный,
Как мое сердечко бьется!»

Пойду к берегу крутому
Следов милого искать.
Не нашла следов милого,
Залилась горьким слезам.
Собралась бы, улетела
Жить на родину домой.

* * *

Сторона ль моя, сторонushка,
Незнакомая здешняя!
На тебе, моя сторонushка,
Нетуть милого дружка,

На тебе ль, моя сторонущка,
Нету друга моего,
Нету друга, нет подружки,
Нетуть матушки родной.

* * *

«Канарейка, канарейка, канареечка моя,
Пропой, пропой, канарейка, песенку нову!»
— «Уж я песни петь не стану, —
На словах вам расскажу:
Мой миленький — во походе,
В чужой дальней стороне.
Ко мне письменно не пишет
И поклончиков не шлет.
Больше б счастья не желала —
Сизы крылушки себе:
Возвилась бы, полетела
Ко милому своему;
Села бы я, посидела
На правом его плече,
Посидела бы, посмотрела
На его белое лицо,
Целовала бы, миловала
Во сахарные уста».

* * *

Можно, можно по рощице разгуляться,
Тоску-скуку свою разогнать.
Как пойду я, девушка, на речушку,
Сяду я, млада, на крут бережку.
Не сама я, девушка, сидела,
Увидела свою тень на воде,
«Ох, тень моя, тень пустая,
Тень холодная, как в реке вода,
Ох, ты не видела, тень моя пустая,
Чи не видела здесь ты никого?»

Говорила речка, отвечала:
«Здесь проехал твой милый дружок
На своем вороном коню».
Стану, млада, да домой пойду,
Своего дружка назад сворочу:
«Воротися, мой милый дружочек,
На широкий да на мой двор.
Пускай коня у конюшеньку,
А сам ступай ко мне в дом».
— «Ох, как я завтра отъезжаю
В славный город Петербург».

* * *

Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет,
Веселая беседа, где батюшка пьет.
Он пить не пьет, родимый мой, за мной, молодой, шлет.
А я, млада-младешенька, замешкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За мелкою за пташечкой, за журушкою.
Как журушка по бережку похаживает,
Шелковую он травушку пощипывает,
Студеною водицею захлебывает,
За реченьку за быструю поглядывает.
За реченькой за быструю четыре двора,
Во этих ли во двориках четыре кумы.
Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
Пойдете вы в зеленый сад, возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне;
Вы станете венки плести, сплетите и мне,
Пойдете вы на реченьку, возьмите меня;
Вы будете венки бросать, вы бросьте мой!
Как все венки посверх воды, а мой потонул;
Как все друзья домой пришли, а мой не бывал!

* * *

Как во городе во Санкт-Питере,
Что на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове,

Как на пристани корабельные
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных.
Что из высока нова терема,
Из косящатого окошечка,
Из хрустальные из оконенки
Усмотрела тут красна девица,
Красна девица, дочь отецкая;
Усмотрев, выходила на берег,
На Неву-реку, воды черпати.
Почерпнувши, ведра поставила;
Что поставивши, слово молвила:
«Ах ты душечка, молодой матрос,
Ты зачем рано корабли снастишь
О двенадцати тонких парусов,
Тонких, белых, полотняных?»
Как ответ держит добрый молодец,
Добрый молодец, молодой матрос:
«Ах ты гой еси, красна девица,
Красна девица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу —
По указу ли государеву,
По приказу адмиральскому».
Подняла ведра красна девица,
Поднявши, сама ко двору пошла.
Из-под камня из-под белого,
Из-под кустичка из-под ракитова
Не огонь горит, не смола кипит —
Что кипит сердце молодецкое,
Не по батюшке, не по матушке,
Не по братце, не по родной сестре,
Но по душечке красной девушке.
Перепала ли ему весточка:
Красна девица немощна лежит;
После весточки скоро грамотка:
Красна девица переставилась.
Я пойду теперь на конюший двор,
Я возьму коня что ни лучшего,
Что ни лучшего, само доброго,
Я поеду ли ко божьей церкви,
Привяжу коня к колоколенке,

Сам ударюся об сыру землю.
Расступися ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица,
Ты простишь со мной, с добрым молодцем,
С добрым молодцем, с другом милым,
С твоим верным любовником!

* * *

Снежки белые, пушисты
Покрывали все поля,
Одного лишь не покрыли —
Горя лютого мово.
Есть кусточек среди поля,
Одинешенек стоит,
Он не сохнет, он не вянет,
И листочков на нем нет.
А я, горькая, несчастна,
Всегда плачу по милом.
День тоскую, ночь горюю,
Потихоньку слезы лью.
Слезка канет, снег растает,
Травка вырастет на нем.

* * *

С крыши снег тает, ох снег тает,
Вода с крыши льется,
Хозяина дома нет, хозяйка смеется.
А снежки белые, пушистые выпадали на моря,
Выпадали на моря, покрывали все поля.
Одно поле не покрыто — горе лютое мое!
Среди поля есть кусточек, одинешенек стоит.
Куст не вянет и не сохнет, и листочков на нем нет.
Каково тебе, кусточек, без зеленого листка!
Каково мне, бедной девушке, жить без милого дружка!

Без милого дружка тошно — обуяла грусть-тоска.
Пойду с горя в чисто поле, на крутенький бережок.
На крутом на бережочке есть подсушенный пенек.
Уж я сяду на пенечке — буду плакать-горевать.
У девицы на реснице навернулася слеза.
Слезка капнет — снежок тает,
В лужках вырастет трава.
В лужках вырастет травинка, и цветочки расцветут.
Как по этим по цветочкам мил дорожку проторил,
Истоптал милый сапожки, ко любезной ходючи.

* * *

Веселитесь, подружки:
К нам весна скоро придет,
С гор покатится вода;
С гор покатится водичка
Во зеленые луга.
В лужках травонька зелена,
Все цветочки расцвели;
Расцветут в поле цветочки,
Все ракиковы кусты.
Промежду этих кусточков
Волга-речушка лрошла.
Как на этой Волге-речке
Есть и есть, ох, крутые берега.
Как на этом бережочке
Куст калинушки растет;
Как на этом на кусточке
Соловей громко поет.
Ты не пой, не пой, соловьюшка,
Не пой рано ты весной,
Не пой рано да не пой грустно,
Возьми горечко с собой.
На воде горе не тонет,
И огнем горе не жгет.
Унеси горе далеко,
Не слышать бы про него.

* * *

Куда мне, красной девице, от горя бежать?
Пойду от горя в темный лес —
За мной горе с топором бежит:
«Срублю, срублю сыры боры,
Сыщу-найду красну девицу!»
Куда мне от горя бежать?
Бегу от горя в чисто поле —
За мной горе с косой бежит:
«Скошу, скошу чисто поле,
Сыщу-найду красну девицу!»
Куда ж мне от горя бежать?
Я от горя брошусь в сине море —
За мной горе белой рыбицей:
«Выпью, выпью сине море,
Сыщу-найду красну девицу!»
Куда ж мне от горя бежать?
Я от горя замуж уйду —
За мной горе в приданое;
Я от горя в постелюшку слегла —
У меня горе в головах сидит;
Я от горя в сыру землю пошла —
За мной горе с лопатой идет,
Стоит горе выхваляется:
«Вогнало, вогнало я девицу в сыру землю!»

* * *

Вострепенется сокол, на дубу сидючи,
Как расплачется девица, во тереме сидючи:
«Не давай, сударь батюшка, замуж за Волгу-реку,
Государыня матушка, ты меня за волжанина!
Как захочется, батюшка, мне у тебя побывать,
Государыня матушка, мне у тебя погостить.
Я на Волгу приду — я суденца не найду,
Хотя суденце найду — весельца не сыщу,
Хотя весельце сыщу — я гребца не найму,
Хоть гребца я найму — Волга-река протечет,
А меня, молодешеньку, вниз по реке понесет!..

Ах ты свет же мой красный день, уж мне тебя
не видать!
Ты надежа сердечный друг, мне у тебя не бывать!
Я пойду, молоденька, во зеленые луга;
Закричу, млада, громко, то-то мне злая беда:
Ах вы лютые звери, собирайтесь ко мне,
Вот вам сладкая пища, — терзайте меня,
Хоть едино оставьте ретивое сердце,
Вы отдайте милу другу во белые руки!
Ах, пускай мил посмотрит, как я его любила...»

* * *

Цвели в поле цветики, да поблекли,
Любил меня миленький, да покинул.
Ох, спокинул, душа моя, ненадолго,
Ах, на малое времечко, ох, на часочек.
Часочек мне кажется да за денечек,
Денечек покажется за недельку,
Неделька покажется за май месяц.

* * *

Что цвели-то, цвели, цвели в поле цветики,
Цвели да поблекли,
Что любил-то, любил, любил парень девицу,
Любил да покинул;
Что, покинувши парень красну девицу,
В глаза насмеялся,
Обесчестил-то парень красну девицу
При всем при народе,
Что он снял-то, сорвал с красной девицы
Шелковый платочек,
Что зажал-то, зажал парень у красной девицы
Золот перстенечек.
Что по городу был, городу Саратову
Девица гуляла,
Гербовой-то ли она лист бумаженьки,
Листок покупала,

Молодого себе писаря писать нанимала,
Писать нанимала,
Астраханскому она — она губернатору
Просьбу подавала:
«Уж ты батюшка ли, ты князь-губернатор,
Прими мою просьбу;
Ты суди-тка, суди ты нас, астраханский князь,
Суди по закону».
— «Не напрасно ли ты, красная девушка,
На молодца просишь?
Что сама ль, ты сама — сама, красна девица,
Сама виновата.
Без зари ль то, зари-зари красно солнышко,
Солнышко не всходит,
Без прилуки-то ли добрый молодец
К девушке не ходит».

* * *

Как бы я знала, млада, ведала
Неприятство друга милого,
Нелюбовь друга сердечного,
Не сидела бы поздно вечером,
Я не жгла б свечи воску ярого,
Не ждала бы я друга милого,
Не топила бы красного золота,
Не лила бы я золотá перстня
И не тратила бы я золотой казны.
Я слила бы себе крылушки,
Полетела бы я на иной город,
Что искать себе друга милого;
И я села бы среди площади,
И я стала бы клич кликати:
Кто бы стал со мной советати,
Как бы мне позабыть друга милого.
Проклинала б я разлучника:
Разлучил меня с другом милым,
Со милым другом, со сердечным.

* * *

Красная девица по бережку гуляла,
Самоцветные каменья выбирала,
Она камышек о камень разбивала;
Идучи, млада словечушко сказала:
«Не во всяком самоцветном камне искра,
Не во всяком добром молодце есть правда;
Он любил меня, девицу, да покинул,
Красоте моей девичьей насмеялся».
Не ясен сокол по табунам летает —
Добрый молодец по насаду гуляет,
Сам, душа моя, во скрипочку играет,
Всё душу красну девицу утешает:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
Я сошью тебе серебряну самару,
Уберу твою головушку всю в крону,
С дорогими-то каменьям с бриллиантам;
На праву руку солью я золот перстень,
Что со дорогим со камнем с изумрудом!»
Как что возговорит душа красна девица:
«Мне не дороги твои, сударь, подарки,
Дорога твоя, сердечный друг, насмешка,
Что любил меня, девицу, да покинул,
Красоте моей девичьей насмеялся».

* * *

«О чем ты, Машенька, плачешь,
О чем ты слезы льешь?»
— «Уж как-то мне не плакать,
Горьких слез не ронить?
Один был сад да зеленый,
И тот стал подсыхать,
Один был друг любезный,
И тот стал покидать!
Уж я птичкою быть желаю,
Везде чтобы летать;
Я за тем бы я полетела,
За тем, кого мне жаль»;

Я всё про всё узнаю,
Я не буду тосковать».

* * *

Государыня, тошно мне,
Голова болит!
Государыня, грустно мне,
Не знаю, как быть!
Да куда ни поеду я,
Глаза не глядят;
Да кому ни скажу я,
Все плакать велят:
«Да ты плачь, ты плачь,
Девка, о своем горе!»
Проторил милый дороженьку,
Проторил, да не стал ходить;
Любил парень меня, девицу,
Да не стал любить!

* * *

Ах ты сад ли ты мой, садочек,
Сад да зеленое винограде,
К чему ты рано, сад, расцветаешь,
Расцветавши, сад, засыхаешь,
Землю листьем, сад, устилаешь,
Не дождавши поры-времени?
Я сама тебя, сад, садила,
Я сама тебя поливала,
Живот-сердце надрывала,
Я не для кого иного —
Для своего ли друга милого.
Что в тебе ли, да во садочке,
Соловей песни воспеваает;
Что и тот ли вон вылетает,
А тебя, садик, пуст оставляет.

Ах ты друг ли мой, дружочек,
Сердце-радость, животочек!

Не в досаду ли тебе будет,
Не противно ль твоему сердцу,
Что я стану тебе говорить?
Ты зачем в гости не ходишь,
И не жалуешь, не гуляешь?
Али батюшка запрещает?
Или матушка не пускает?
Или я тебе не по мысли?
Буде хочешь, друг, — водися,
А не хочешь — откажися!
Я вечер, вечер, молоденька,
Долго вечера просидела,
Я до самого до рассвету;
Всю лучинушку припалила,
Всех подруженек утомила,
Всё тебя, мой друг, дожидалась.

* * *

Ах, матушка, тошно мне, голова болит,
Сударыня, грустно мне, сердечко ноет.
Болит моя головушка, — не знаю, как быть.
Сяду я на лавочку, погляжу ль в окно,
Погляжу ль в окошечко — на улице дождь,
На улице дождичек, во поле туман.
Во поле большой туман-туман затуманился,
А мой-то любезный друг припечалился,
Припечалился, душа моя, призадумался.
Вечер-вечер милый друг у девушек был,
У девушек был, про меня забыл.
Привел с собой душечку он лучше меня,
Забыл совсем милый друг, забыл про меня.

* * *

«Несмогу я, мамонька,
Нездорова, государыня,
Тяжко больно, тяжело!»
— «Не спомри-ка, дитятко,

Да не спомри, мое сердечное,
Без духовного отца!»
— «Не надо мне, мамонька,
Не надо, государыня,
Да мне духовного отца!
Приведи-ка ко мне, мамонька,
Да приведи, государыня,
Кого прежде любила!

Любила я детинушку,
Парня-сиротинушку —
Ну, раздонского казака.
Казачок малешенек,
Да разумом-умом глупешенек;
Ну, казак вольный человек.
Отрастил он волосы,
Отрастил русые
По могучим плечам;
Расчесал он волосы,
Расчесал он русые
Частым гребешком;
Подстригал он кудерцы,
Подстригал он русые
Выше мочек по бровям;
Надевал он шапочку,
Надевал он фуражечку
Поверх буйной головы;
Пошел он ко Сашеньке,
Пошел ко Наташеньке,
Да ко любезной ко своей;
Дошел он до речушки,
Дошел он до быстрой —
Да переходу на ней нет;
Пошел он по жердочке,
Пошел он по тоненькой,
Сронил шляпу с головы».

* * *

Кумушки-голубушки,
Не знаете моего горяшка:

Осердился мой миленький,
Прогневался на меня-то,
Что на красную девушку!
У меня, у красной девушки,
Ретивое сердце заныло
И замкам заперло.
Запирала замкам,
За крутым горам ключи потеряла;
Не найти их за крутым горам,
Сама слезно сплакала.

* * *

Вы туманы мои, вы туманушки,
Вы осенние сильные мои дожди!
Не пора ли вам, мои туманушки,
Прочь от синего моря долой?
Уж вы гости мои, гостечки,
Вы гости мои дорогие,
Вы зачем-то, зачем, мои гостечки,
Ко мне поздно вечер приходили,
Да какую корысть-радость мне приносили?
Мне самой-то, самой, хорошенькой бабочке,
Мне малым-мало ночкой спалось.
Как и нынешнюю ночь,
Всю я ноченьку не спала,
На правой-то руке ясного сокола
Всю ноченьку я проносила;
Вот как и мой-то милой,
Мой разлюбезный дружок,
Он убитый лежит;
Его буйная головушка,
Прочь отрубленная,
В стороне лежит;
Сквозь его ретивое сердечушко
Не лютая змея проползла —
Проползла-то сквозь его сердечушко
Пуля свинцовая.

* * *

Выйду я на море,
Там душенька мой,
Судно голубое,
Прекрасный убор,
Зеленые весельца
Держал над собой.
Гулял мой милый
Во зеленом саду;
С любушкой сошелся,
«Здравствуй» не сказал;
Другой раз сошелся,
Шапочки не снял.
Не смейся, мой милый,
В глаза надо мной,
Бог тебя накажет
Несчастной судьбой —
Немилой женой!

* * *

Грушица, грушица моя,
Груша зеленая моя!
Под грушей светлица стоит,
Во светлице девица сидит,
Слезну речь говорит:
«Катись, месяц, за лес, не свети,
Восходи, красно солнце, не пеки,
Стань, мой сердечный, в памяти!
Полно глаза ты мне жечь,
Полно из глаз слезы точить,
Полно бело лицо мочить;
Я и так много терплю,
Грусть превелику держу;
Грусть ко злодею отошлю:
Пусть злодей ведает и сам,
Сколь жить на свете тяжело
Без милого друга своего!
Пойду в зеленый сад гулять,

Сорву с грушицы цветок,
Совью на голову венок;
Пойду на быстрый на Дунай,
Стану на мелком берегу,
Брошу венок мой я в реку,
Погляжу в ту сторону —
Тонет ли, тонет ли венок?
Тужит ли, тужит ли дружок?
Не тонет мой аленький венок —
Не тужит мой миленький дружок!
Знать-то, иная у него,
Знать, он иную полюбил,
Знать-то, получше меня,
Знать-то, повежливее,
Знать-то, поприветливее!»

* * *

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя зеленая,
Ты к чему рано зашумела,
Приклонила ты свои ветви?
Из тебя ли, из дубровушки,
Мелки пташечки вон вылетали;
Одна пташечка оставалася,
Горемышная кукушечка.
Что кукует она и день и ночь,
Не на малый час перемолку нет;
Жалобу творит кукушечка
На залетного ясного сокола;
Разорил он ее тепло гнездо,
Разогнал ее малых детушек
Что по ельничку, по березничку,
По часту леску, по орешничку.
Что во тереме сидит девица,
Что во высоком сидит красная,
Под косящатым под окошечком.
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят,
Жалобу творит красна девица,

На заезжего добра молодца,
Что сманил он красну девицу
Что от батюшки и от матушки,
И завез он красну девицу
На чужую дальну сторону,
На чужую дальну, незнакомую,
Что, завезши, хочет кинуть.

* * *

Как у ключика у гремучего,
У колодезя у студеного
Добрый молодец сам коня поил,
Красна девица воду черпала;
Почерпнув, ведра поставила,
Как поставивши, призадумалась,
Призадумалась, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
«Хорошо тому жить на сем свете,
У кого как есть отец и мать,
И отец, и мать, и брат-сестра,
Ах брат-сестра, что и род-племя!
У меня ль, у красной девицы,
Ни отца нету, ни матери,
Как ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду-племени,
Ни того ли мила друга,
Мила друга полюбовника!»

* * *

Добрый молодец по улице похаживает,
В звончатые он гуселочки поигрывает,
Ко душе красной девице в терем голос подает:
«Ты когда, красна девица, побываешь у меня?»
— «Я тогда, добрый молодец, побываю у тебя,
Когда вырастет трава середь широкого двора
И разольется вода, с крутым бережком равна,
Как всплывет же бел горяч камень поверх матки
ВОДЫ».

— «Не загадочки, душа моя, загадываешь,
Ты в глаза меня, разлапушка, обманываешь!
Что не вырастет трава середь широкого двора,
Не разольется вода, с крутым бережком равна,
Не сплывет же бел горюч камень поверх матки
«воды!»»

* * *

Купил мне-ка миленький две косынки голубых,
На белу на рученьку — новый золотой перстень,
На белу на грудь мою — цепочку, два кольца,
Круг сердца, круг моего, семишелков поясок,
На белы на ноженьки мне бумажные чулки,
На чулочки — башмачечки, козловые башмаки.
Принес мне-ка миленький целый узел пряников,
На закуску мне крупичатый пирог,
Еще мне-ка миленький сладкой водки полуштоф.
Рассердилась на миленького: косынки разорву,
С руки золотой перстень в окошко выброшу,
Я цепочку на колечка разолью.
Я колечка по подружкам раздарю,
Белы чулочки я на нитки распушу,
Я из ниточек перчаточки свяжу,
Разудалым молодцам перчатки подарю,
Я башмачки на стуле рассеку,
Сладки прянички ребятам раскормлю,
Сладку водку на ворота разолью,
Бел крупичатый пирог я старушкам раздаю.

* * *

Я вечер, вечер, красна девица, во пиру была,
Я во честной, во смиренной во беседашке;
Я сидела, красна девица, с добрым молодцем,
Молодец меня, красну девицу, уговаривал:
«Я люблю тебя, красна девица, как душу свою;
Не могу на тебя, красна девица, наглядетися,
Что на летнее красное солнышко, на меженнее.
Что одним тебя, красна девица, не жалую,

Что летает к тебе млад ясен сокол —
Почастехоньку гуляет к тебе млад гостиный сын,
Без расчета он к тебе носит золоту казну.
Я боюсь тебя, красна девица, как лютой змеи,
Я боюсь тебя, красна девица, изведешь меня:
Пропадет-то моя головушка не за денежку,
Навалается тело белое по чисту полю».

* * *

Вспомни, вспомни, мой любезный, прежнюю любовь,
Как с тобою, моя радость, погуливали,
Как осенни темны ночи просиживали,
Как с тобою тайны речи говаривали:
Тебе, друг мой, не жениться, мне замуж нейти.
Скоро, скоро, мой любезный, передумали.
Ты женись, женись, мой милый, я замуж пойду.

При долине в чистом поле стоит нов терем;
Во том новом теремочке девушки поют;
Знать-то, знать, мою невесту замуж отдают.
Средь двора стоит крылечко раскрашенное;
Со крылечка под венец шла девица душа.
Один вел ее под ручку, а другому жаль;
Стоит третий, ронит слезы: любил да не взял.
«Ты постой, моя красотка, простися со мной!»
— «Я бы рада, друг, проститься, — не велит жених».

* * *

Добрый молодец похаживает,
Калену стрелу навязывает:
«Ты, лети, лети, калинова стрела,
Выше лесу по поднебесью,
Ниже солнца по сырой земле,
Ты убей, убей, калинова стрела,
На полете ясного сокола,
На походе удалого молодца,
Серу утицу на Волге на реке,

Сиза голубя на каменной стене,
Красну девицу в высоком тереме:
Сера утица — ества моя,
Красна девица — невеста моя,
Сизый голубь — забавушка моя,
Добрый молодец — досадушка моя!»

* * *

Полно, солнышко, из-за лесу светить,
Полно, красное, в саду яблони сушить!
Полно, девица, по милom те тужить!
«Ах, да как же мне не плакать, не тужить?
Мне вовек дружка такого не нажить
Ростом и пригожеством-красотой,
Всей поступкой, молодецкой чистотой».

Бела зорька мне в окошечко взошла,
Все утехи, все забавы принесла.
Ко мне Машенька сама в гости пришла.
В окошечко праву ручку подала,
Подав ручку, уверяла молодца,
Да, уверявши, чернобровым назвала:
«Чернобровый, ненаглядный, милый мой,
Нам недолго в любви пожить с тобой!
Тебя, молодца, женить ноне хотят,
А мне, девице, замужеством грозят!
Тебя женят, меня замуж отдадут!
Ты поедешь ко венчанию с иной —
Заезжай, милый, проститься ты со мной;
При прощанье я колечко подарю».

* * *

Не бела заря в окошечко взошла,
Ко мне милая сама в гости пришла,
В окошечко белу руку подала,
А другою привечала молодца:

«Чернобровый, черноглазый милый мой,
Нам недолго во любви с тобой пожить,
Нам недолго во садике погулять!
Слышу, вижу, мил, несчастье твое,
Слышу, вижу, что женить дружка хотят!
Тебя женят, меня замуж отдадут.
Если женишься — заезжай в гости ко мне:
На прощаньице я платочек подарю».

* * *

«Ах что ж ты, голубчик, не весел сидишь,
Не весел сидишь и не радостен?»
— «Как же мне, голубчику, веселому быть,
Веселому быть и радостному?
Вечор у меня голубка была,
Голубка была, со мной сидела,
Поутру голубка убита лежит,
Убита лежит, застреленная!»

— «Ах что ж ты, молодчик, не весел сидишь,
Не весел сидишь и не радостен?»
— «Как же мне, молодчику, веселому быть,
Веселому быть и радостному?
Вчера у меня девица была,
Девица была, со мной сидела,
Речи говорила и руку дала,
И руку дала выйти за меня,
А нынче девицу замуж отдают,
Замуж отдают, просватывают».

* * *

Ах как тошно мне, тошенько нынешний
годочек,
А еще того тошнее этот мне денечек!
Не пила бы я, не ела, на мила глядела,
Не спала б я, не дремала — совет советала,
Совет, совет советала со милым дружочком:

«Поживем, моя надежда, в любви хорошенько,
В любви, в любви хорошенько, хоть один годочек;
Нам покажется годочек за един денечек!»
— «И я рад бы с тобой жить, лихи на нас люди,
Лихи, лихи на нас люди, ближние соседи:
Беспрестанно на нас смотрят, а всё примечают,
И батюшке, и матушке на нас намучают».
Будто я, млада-младенька, вставала раненько,
Поутру рано вставала, друга провожала,
На крылечушке стояла, платочком махала,
Я платочком-то махала, чтоб мил воротился.
Воротись, моя надежда, воротись, сердце!
Не воротись, надежда, хотя оглянись!
Слышно, слышно, моя радость, хочешь ты жениться.
Как поедешь ты венчаться, заезжай прощаться;
Ты возьми тоску-кручину с меня, молоденьки,
Заплети тоску-кручину добру коню в гриву,
Ты размычь мою кручину по чистому полю!
Обратись, моя кручина, травой-муравою,
Травой, травой-муравою, алыми цветами!
Ах, как все цветы аленьки, один поалее,
Один, один поалее — аленький цветочек.
Хотя все друзья мне милы, один помилее,
Один, один помилее — миленький дружок.

* * *

Возле речки, возле мосту,
Возле речки, возле мосту трава росла,
Росла трава шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я в три косы косила,
И я в три косы косила ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогого.
Слышит-чует мое сердце,
Слышит-чует мое сердце ретивое,
Что задумал моя радость,
Что задумал моя радость, друг жениться;
Он не хочет со мной, бедной,

Он не хочет со мной, бедною, проститься.
Как поедешь, моя радость,
Как поедешь, моя радость, друг, жениться,
Заезжай ко мне, девице,
Заезжай ко мне, девице, друг, проститься!
Неравно, моя надежа,
Неравно, моя надежа, что случится:
Через реченьку поедешь,
Через реченьку поедешь, друг, утонешь;
Через быстру понесешься,
Через быстру понесешься, захлебнешься;
Про меня, красну девицу,
Про меня, красну девицу, вспомянешь,
Какова-то я, младенька,
Какова-то я, младешенька, бывала:
Поутру раным-раненько,
Поутру раным-ранешенько вставала,
На босу ножку башмачки,
На босу ножку башмачки надевала,
А на плечики салопчик,
А на плечики салопчик накидала,
На головушку платочек,
На головушку платочек повязала,
Встретить гостя дорогого,
Встретить гостя дорогого поспешала.

* * *

Уж как полно, моя сударушка, тужить-плакать!
Не наполнить тебе синя моря слезами,
Не утешить тебе мила друга словесами!
Говорила я милу другу, говорила,
Я в упрос мила друга просила:
Не женися ты, мой милый друг, не женися!
Не послушался душа моя, женился;
Он присыпал к сердцу бедному печали,
Он и налил мои ясны очи слезами,
Запечатал он уста мои кровью.

* * *

Говорила я дружку милому,
Слезно, жалобно дружка милого я просила:
«Не женись, мой мил-сердечный друг, не женися,
Покуль я живу, ныне, красная девица, замуж
не вышла».
Не послушался меня миленький, сердечный друг —
женился,
Не на душечке на красной на девице,
Что на горькой ли на злосчастной на вдовице.
Он зажег, зажег мою душечку,
Заронил, спустил искру с пламенем в мое сердце.
«Затем полно же, моя душечка, тужить-плакать!
Тебе сколько ни плакати, будет перестати:
Не наполнить будет синя моря слезами,
Не насыать будет чиста поля тоской-кручиной,
Не утешить будет мила дружка словами».
Красна девица по бережку ходит гуляет,
Она с камешка на камешек, девка, ступает,
Она камешек о камешек щелкает.
Не во всяком сером камешке есть огонь, искра,
Не во всяком добром молодце есть суца правда.

* * *

Уж вечер-то я, добрый молодец,
У любушки был.
Сказала мне любушка
Нерадостну весть,
Нерадостну весточку:
«Мил, отстать надо!
Отстань, отстань, миленький,
Отстань, вольный свет!
Женись, женись, миленький,
Женись, вольный свет!
Возьми, возьми, миленький,
Кого я велю:
Возьми, возьми, миленький,
У вдовиньки дочь —

У вдовиньки доченька,
Дочь Авдотьюшка.
Вспомни, вспомни, миленький,
Про прежнюю любовь:
Как мы с тобой, миленький,
Совыкались,
Под белой березою
Расставались.
На этом-то мѣстечке
Трава ль не растет;
Растет, растет травонька,
Все цветы цветут,
Цветут, цветут цветики,
Все алеются,
Зеленая травонька
Зеленеется.
У мово дружка милого
Кудри в три ряда,
В три ряда кудерушки
По плечам лежат,
По плечам кудерушки, —
Жениться велят!
Женись, женись, миленький,
Женись, вольный свет!»

* * *

Ты не пой, не пой, соловьюшко, не пой рано весной,
Не давай-то мне надзолушки, сердцу моему:
И так мое сердечушко изныло во мне.
Из-под бережка из-под крутого вода не течет,
Из-под камушка из-под белого вода ключом бьет,
За реченькой за быстрою зелен сад растет;
Во этом ли во садике черень цветет,
Несозрелую, неспелую нельзя заломать,
Не сосватавшись, красну девицу нельзя замуж взять.
Я повыгляжу да повысмотрю — я тогда возьму...

С того крыльца ведут к венцу красну девицу,
Один ведет за рученьку, другой за другую,
Третий стоит, слезы ронит: любил, да не взял.

Досталася сударушка другому, не мне.
«Красавица-забавница, простимся со мной».
— «Я рада бы простилась — кони не стоят,
Извозчички коломенски не смогут держать».
— «Красавица-забавница, взгляни на меня».
— «Я рада бы взглянула бы — глаза не глядят».
— «Красавица-забавница, платочком махни».
— «Я рада бы махнула бы — платка в руках нет!»

* * *

Недозрелая-то калинушка —
Ее нельзя заломать,
Не доросла красная девица —
Ее нельзя замуж взять.
«Милая да моя хорошая,
Ты постой, остановись!»
— «Рада бы, радым-радешенька,
Да добры кони не стоят».
— «Милая да моя хорошая,
Хоть ты рученькой махни».
— «Рада бы, радым-радешенька,
Да рука-то у жениха».
— «Милая да моя хорошая,
Хоть ты глазыньком мигни».
— «Рада бы, радым-радешенька,
Да все глазыньки-то во слезах».
— «Милая да моя хорошая,
Ты головушкой махни».
— «Рада бы, радым-радешенька,
Да на головушке венец».

* * *

«Не сиди-тка, Дуня, поздно вечером,
Ты не жги-тка, не жги свечи воску ярого,
Во-вторых, ты не тай свечи сальные
И не жди ты, не жди дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милого!»

Я не гость ведь пришел, я не в гости зашел,
А зашел я к тебе поспроситься,
За любовь твою поклониться;
Ты позволь, позволь мне жениться!»
— «Поженись-ка, женись, друг бессовестный,
Ты возьми-тка, возьми у соседа дочь,
У соседа дочь, мою подружку,
Я с которою да училась
Уж я шелком шить да и золотом!
Мы учились, как дружков любить,
Как дружков любить да домой ходить!»
— «Мне подружку взять — будешь гнев держать,
Будешь гнев держать, станешь гневаться!
Мне-ка взять ли, не взять самую тебя,
Самою тебя, прежню подружку!»

* * *

Красна девица коров доила,
Сквозь тряпичку молоко цедила,
Молоком молодца поила,
Поила, наговаривая:
«Не женись, не женись, молодец,
Не женись, не женись, удалой!
Промеж нами ты так проживешь,
Промеж нами, девушками,
Промеж нами, голубушками!»

* * *

Ах ты дума ль моя, думушка,
Ах ты мысль моя молодецкая!
Пригадай-ка, мысль молодецкая,
Что жениться ли мне, молодцу,
Или век холостому жить!
Что придумала моя думушка,
Пригадала мысль молодецкая:
Не женись-ка, добрый молодец,
Не теряй свою золоту казну!

Ты на те же деньги коня купи.
Не поглянется тебе добрый конь —
Ты продашь коня или променяшь,
Иль товарища-братца подаришь.
Не поглянется тебе худа жена —
Ни продать-то ее, ни променять;
Ни товарища-братца подарить!
Тебе век с нею горе мыкати!

* * *

Ты гуляй, гуляй, душа милый друг,
Ты потуль гуляй, как не женишься;
Ах, ты женишься — переменишься,
Переменишься, друг, успокаешься!
Ты возьмешь себе молодую жену,
Молодую жену, змею лютую:
Из норы ползет — озирается,
По песку ползет — извивается,
По траве ползет — мураву сушит.

* * *

Ой вы ночи мои, ноченьки,
Ночи мои темные!
Ой да надоели вы мне,
Да вы, мои ноченьки,
Да вы мне надокучили!
Ой да не могу-то я вас,
Мои ноченьки, проспять,
Да я, ноченьки, пролежать,
Пролежать я вас и продумать!
Хоть и уснетса мне,
Да мне, молодой-младешеньке,
Да мне всё грустнетса,
Младой-то мне во сне много видится:
Будто мой терем растворен стоит,
Да все окошечки в терему,

Да они все распечатаны,
Да все форточки приподняты;
Будто мой-то милой,
Он предо мною стоит,
Да жмет мои руки белые,
Да целует уста сахарные.
От сна-то я, млада, пробуждалася,
Да от страха-то я перепужалася.
«Не пужайся меня, моя любезная!
Я не вор к тебе пришел.
Да я не разбойничек,
Я пришел к тебе посоветоваться:
Что жениться мне аль не жениться?»
— «Ой да ты женись, только не ошибись:
Неровня-то жена навяжется —
Ни продать-то ее, ни променять,
Всё ни так ее отдать!»

* * *

Невелика птичка-пташечка
Много знала, много ведала,
На сине море летывала.
Что садилась птичка-пташечка
Среди моря на камешек.
Она слушала-выслушивала
Соловьёшка голосу,
Красных девушек песенки.
Говорила птичка-пташечка
Человеческим голосом,
Говорила любезному своему:
«Не женися, мой любезный друг!
Когда женишься — спокаешься,
С молодой женой намаешься!»
— «Полно, глупая, не дело говорить!
Люди женятся, не каются,
С молодым женам не маются,
Только в саночках катаются!»

* * *

«Конопля, конопля зеленая моя!
Что ж ты, конопля, невесело стоишь?»
— «Ах, как мне, конопле, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, водой подмыло,
Поперек меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюют».
— «Девка ты, девушка, девушка красная!
Что же ты, девушка, невесело сидишь?»
— «Ах, как мне, девушке, веселенькой быть?
Мой батюшка хочет замуж меня отдать,
А мачеха хочет в черницы постричь.
Мой батюшка пошел бояр собирать,
А мачеха пошла за игуменьюю.
Скрипнули ворота растворчатые,
Брехнула собака борзая на цепи, —
Мне чало — батюшка с боярами,
Ажно моя мачеха с игуменьюю».
— «Садись, мое дитяtko, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу!»
— «Пусти меня, матушка, на Дон погулять,
Белильца, румянца с лица посмывать!»
— «Смоешь, мое дитяtko, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатый рукавом!»

* * *

Родимая мамонька,
Дай понежиться, поспать,
Дай поспать, понежиться,
Приотважиться,
Покуда в красных девушках!
Во чужие люди отдадут —
Поспать мне не дадут.
Еще свекор да свекровушка
Всё журят да бранят;
Еще деверья да золовушки
Работать велят:
«Работай, невесточка,

Не поспайвай,
На родимую сторонушку
Не поглядывай!»
На родимой на сторонушке
Есть отец и мать,
Есть и брат-сестра,
Есть и милый друг!

* * *

По горам было по высоким,
По лужкам зеленым,
Расцветали там цветочки,
Всё цветы аленькие.
Уж как всё цветы аленьки,
Один поалее всех;
Уж как все дружки миленьки,
Один помилее всех.
А я своему милому, а я своему дорогому,
Я цветочков наберу, алой лентой перевью...
«Ты надежа, друг сердечный,
Что в гости не ходишь?»
— «Я бы рад к тебе ходити,
Да нечем дарити.
Случай будет в Питер ехать,
Привезу подарки,
Привезу тебе подарки —
Кумачу, китайки».
— «Кумачу я не хочу,
Китайки не надо!
Коли любишь, так и купишь
Золото колечко!»

* * *

Над озером верба,
Под вербою камень,
На камушке девка

Горчехонько плачет:
«Отдал меня батька
В турецкую землю,
В немецкую веру,
А я, молоденька,
Ничего не умею —
Ни прясть, ни ткати,
А только умею
Раненько вставати,
Косу заплетати».

* * *

По Немецкой по улице, по Немецкой
по широкой

Ходил гулял молодой немчин,
Ходил гулял молодой немчин;
За собою ведет немочку
Он за правую за рученьку.
«Молодая моя немочка,
Ты ужли ли, ты ужли ли ты моя?»
— «Нет, я, сударь, не твоя, не твоя,
Нет, я, сударь, не твоя, не твоя!
Воля, воля, воля — батюшкина,
Нега, нега, нега — матушкина!»

* * *

Рассыпалось ожерельице
По всему высоко терему.
Не собратъ, не собратъ жемчужок
Ни братцам, ясным соколам,
Ни сестрицам, белым лебедям.
Соберет, соберет жемчужок
Удалой добрый молодец
Со душой красной девицей.

* * *

Не по промыслу мальчишка заводы заводит,
Он заводушки заводит, трех девушек любит:
Перву Сашу во Казани, Машу в Ярославле,
Анюшеньку-раздушеньку в Тоболь-городочке.
«Будет случай в Москву ехать, я куплю подарки:
Первой, Саше, — алу ленту, Маше — голубую,
Анюшеньке-раздушеньке — золото колечко!
Золото вито колечко — то мое сердечко».

* * *

Не пыль, не курá в поле подымалася —
То белые лебеди с моря поднимались;
Как один-то с них лебедь не подыметя,
Лебедь не подыметя, лебедь не шелохнется.
Напрежь по ночам белый лебедь летал,
Лебедушке по зарям кричал:
«Отзовись-откликнись, лебедушка белая!
Ты скажи-покажи, где твое гнездышко?»
— «Как мое-то гнездо посеред моря,
Посред моря, посеред Каспицкого».

* * *

Захотелось мне проведать, где любезная живет.
Где живет моя милая, та привольна сторона.
Разливалась-растекалась быстра реченька по ней,
Быстра реченька по ней, с крутым бережком равна.
Через эту полу воду легку лодочку найму,
Легку лодку-белозерку, перееду за реку,
На привольну сторону;
На привольной, на веселой я повыстрою терем,
Я повыстрою терем со широким со двором.

Как по улице молодец идет,
 Вдоль по широкой удаленький.
 «Ах, кто ж меня вспородил, молодца?»
 — «Вспородила родна матушка,
 Вспородила родна матушка,
 Воспоил-вскормил родной меня отец,
 Воспоил-вскормил родной меня отец,
 Возлелеяла чужая сторона,
 Возлелеяла чужая сторона,
 Завила кудри сударушка моя;
 Завивала, приговаривала:
 «Когда речки разойдутся,
 У дружка кудри разовьются!»
 Быстры речки разливались,
 Кудерюшки развивались.
 Подай, миленький, рученьку
 Через быструю реченьку!
 Подай, миленький, свой голосок
 Через темненький, зелененький лесок!
 Перейди, милый, на наш бережок,
 Сделай, миленький, калиновый мосток!»

Молодка, молодка молоденькая,
 Головка, головка победненькая!
 Ах, с кем мне, головке, спать-ночевать,
 Спать-ночевать, темну ночь коротать?
 Обуяет тоска без милого дружка!
 Пойду с грусти в лес, разгуляюся,
 Со милым дружечком повидаюся.
 А вон мой милый стоит за рекой,
 На той стороне, машет милой,
 Машет мой милой своей правою рукой:
 «Перейди, сударушка, на мою сторонушку:
 На моей сторонушке есть нова забавушка!»
 — «И я рада б перешла — переходов не нашла;
 Переходы я нашла — переходинка тонка».

Брошу жердочку через быстру реченьку.
«Перейди, сударушка, на мою сторонушку,
На моей сторонушке жить веселешенько!»

* * *

Уродилася сильна ягода в бору;
Заблудилася красна девица во лесу;
Заблудившись, путь-дорожку не нашла.
Выходила на крутенький бережок,
Садилася под ракиновый кусток,
Расстилала бел-муравчатый платок,
Становила сладкой водки полуштоф,
На закуску сладких яблоков пяток.
Выходивши на крутенький бережок,
Закричала громким голосом она:
«Перевозчик, перевозчик молодой,
Перевези ты меня на ту сторону домой!»
— «Перевоз мой, перевоз мой очень дорогой».
— «Что ты хочешь, что ты хочешь, то с меня
бери».
— «Мне не надо, мне не надо твоего ничего,
Только надо: поди замуж за меня!»
— «В этом воля не моя, воля батюшкина,
Воля батюшки, воля матушки моей».

* * *

На речке на Клязьме купался бобер,
Купался бобер, купался черной;
Купался, купался, не выкупался,
На горку взошел, отряхивался,
Отряхивался, охорашивался.
Охотнички свищут, черна бобра ищут:
«Где бы нам найти, его застрелить,
Его застрелить, с него кожу снять,
С него кожу снять, кунью шубу сшить,
Кунью шубу сшить, бобром обложить,
Бобром обложить, девку полюбить,
Девку полюбить, кунью шубу подарить».

* * *

Не ясен-то ли сокол,
Сокол по горам летал,
По горам сокол летал,
Что летал-то ли, летал,
Летал, лебедей искал,
Всё лебедушек искал;
Что нашел-то ли, нашел
Стадо на синем море.
На крутеньком берегу
Все лебедушки сидят,
Все сидят белешеньки,
Ровно беленький снежок.
Что одна-то ли лебедь,
Лебедь побелые всех,
Побелые лебедь всех,
Побелые-то лебедь,
Лебедь понарядливее,
Понарядливее,
Понарядливей лебедь,
Лебедь посдогадливее,
Посдогадливее.
Из стада-стада перелетывала,
Перелетывала;
За собой-то ли стадо переманивала,
Переманивала;
На своего-то ли дружка
Часто взглядывала,
Часто взглядывала.

* * *

Не дождем березу
Водой поливает —

В хороводе девок
Прибывает.

Скачите, пляшите,
Красны девки!

А вы, молодые,
Не глядите,

В хороводе девок
Не судите!

Со гляденья вам девушек
Не взяти.

Уж взять ли не взяти
Вам по любви,

По батюшкиному
Хлебу-соли,

По матушкиному
Благословенью,

По сестрицыному
Повеленью,

По братилкиному
Приказанью.

**ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ
И ПЯСОВЫЕ ПЕСНИ
О ЛЮБВИ**

* * *

У ворот было, воротечек,
У ворот было решетчатых,
Сера утица купалася,
Лебедь белая умывалася.
«Ты душа ли, красна девица,
Ты пройди-ка вдоль по улице,
За собой коня выведи;
Ты по мыслям себе выбери
Удалого добра молодца!»

* * *

Мимо саду-винограду
Пролегала дорожка.
По этой по дорожке
Мала девушка шла.
Шла девушка маленька,
На ней шубка аленька,
Опушка бобровая,
Сама чернобровая.
Ходит, походит, —
«Пожалуйте в хоровод!»

* * *

Уж ты верба, вербушка,
Золотая вербушка!
Не расти, верба, во ржи,
Расти к полю на межи.
Вербу ветер не берет,
Соловей гнезда не вьет.
Как бы кустушек не мил —
Соловей гнезда не вил.
Соловей-то — Ванюшка,
Кинарейка — Марьюшка,
Походи-ка, погуляй,
Хороводы набирай.

* * *

Какая девушка хороша:
У ней кисейны рукава,
Кисейны рукава,
В косе ленточка ала.
Вы пожалуйста сюда!

* * *

По лужкам трава расстилается.
Что за травушка, за муравушка!
Что за молодцы разудалые!
Что за девица раскрасавица!
Я тебя люблю, в хоровод беру,
В хоровод беру красну девицу,
Красну девицу за себя возьму.

* * *

В огороде во саду́
Берет девка лебеду;

Она рвет и берет,
Во передничек кладет,

Во передничек кладет,
Приговаривает:

«Кого люблю, того возьму
Кого не люблю, того не возьму,

За собой не веду,
Молодым не зову.

Кому тошно по нам,
Тот и будет с нам,

Кому не тошно,
Того не пошто.

За собой не веду,
Молодым не зову».

* * *

Не стучи под окном,
Ступай прямо в хату!
Расскажу я молодчику
Как родному брату:
Чтобы трубок не курил,
Водочки не кушал,
Чтобы девок не любил,
Всё бы меня слушал.
Размолодчик молодой,
Бери девицу с собой!

* * *

Молодые крестьяне
Пошли рано молотить;

Жалко жонушек будить:
«Усни, жонка, усни, душка!
Вот те в голову подушка.
Усни, радость дорогая, —
Вот те в голову другая!»
— «Размолочник молодой,
Бери девицу с собой!»

* * *

Уж ты журав долгоногий,
Выходи большой дорогой,
Ты иди-ка стороной,
Борони-ка бороной,
Бороной железной, —
Выбирай, любезный!

* * *

Как на речке на Валдаике
Ехал миленький на палке:
Ноги длинные, кривые,
Портки белые, худые,
На босу ногу оборки,
Лапти под поясом,
Подпоясавши тряпицей.
«Выбирай, парень, девицу!»

* * *

Как у батюшки сынок
Был такой затейник:
Продал соху на нужду,
А купил себе кофейник.

Продал медные тазы,
Купил серебряны часы;
Часики в кармане:
«Пожалуйте с нами».

Х О Р О В О Д Н Ы Е, И Г Р О В Ы Е, П Л Я С О В Ы Е

* * *

«Царев сын хоробёр,
Да ты что ходишь-гуляешь?
Царев сын хоробёр,
Да ты что примечаешь,
Царев сын хоробёр?»

— «Я хожу, хожу гуляю,
Я хожу примечаю
Да свою я царевну,
Да свою королевну.
А моя-то царевна,
А моя-то королевна
В Нове-городе гуляет,
На ней венчик сияет,
Сарафан на ней камчатный».

— «Ты войди, царь, во город,
Ты возьми ее за ручку,
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько!»

* * *

Как во городе царевна, царевна,
Как во городе молодая, молодая,
Среди кругу́ стояла, стояла,

Дорогим кольцом брэнчала, брэнчала,
Золотым перстнем сияла, сияла.

Как во городе царев сын, царев сын,
Как за городом гуляет, гуляет.
«Проруби, сударь, ворота, ворота,
Проруби, сударь, другие, другие,
Проруби, сударь, и третьи, и третьи.
Ты взойди, сударь, во город, во город,
Подойди, сударь, к царевне, к царевне,
Поклонись, сударь, царевне, царевне,
Поклонись, сударь, пониже, пониже,
Как еще того пониже, пониже.
Ты возьми, сударь, царевну, царевну
Ты за правую за ручку, за ручку,
Поцелуй, сударь, царевну, царевну,
Поцелуй-то помилее, помилее,
Как еще чтобы помилее, помилее».

Какова ж наша царевна, царевна?
Какова ж наша молодая, молодая?
Она личиком белёнька, белёнька,
Она бровками чернёнька, чернёнька.

* * *

Летел сокол высоко да высоко,
Ронял перье золотое, золотое.
Я перышко подниму и подниму,
Грамоточку напишу и напишу,
Ко батюшке отошлю и отошлю.
Велит ли мне батюшка
Скакать, плясать, тешиться?
«Скачи, пляши, дитяtko,
Скачи, пляши, милое,
Доколь старость не пришла,
Доколь младость не ушла!»

Летел сокол высоко да высоко,
Ронял перье золотое, золотое.

Я перышко подниму и подниму,
Грамоточку напишу и напишу,
Ко матушке отошлю и отошлю.
Велит ли мне матушка
Скакать, плясать, тешиться?
«Скачи, пляши, дитятко,
Скачи, пляши, милое,
Доколь старость не пришла,
Доколь младость не ушла!»

* * *

Как пойду я, молодёнька,
Как пойду я, веселенька,
Вдоль долиною,
Вширь шириною;
Как навстречу молоденьке,
Как навстречу веселеньке
Косой серый зайка.
Наперед он забегает,
В глаза заглядает.
Не заглядывай, зайныка,
Не заглядывай, серенький:
У меня мать гробна,
Не пускает гулять поздно;
И врозь распротиться,
Велит разойтись.

* * *

Голова ль ты моя, головушка,
Ай да люли-люли, ты головушка,
Ты гульливая, баловливая!
Гулять хочется — гулять не велят.
Я украдуся, нагуляюся,
Со милым дружкой повидаюся.
Уж ты милый мой, ты сердечный друг!
Истомилось мое всё сердечушко,
Иссушил меня, словно травушку!
Ай да люли-люли, словно травушку.

* * *

Ах вы сени мои, сени, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые!
Уж знать что мне по сеничкам не хаживати,
Мне мила дружка за рученьку не важивати!
Выходила молода за новые ворота,
За новые дубовые, за решетчатые;
Выпускала сокола из правого рукава:
Полети ты, мой сокол, высокó и далекó,
И высокó, и далéко, на родиму сторону!
На родимой на сторонке грозен батюшка живет;
Он грозен, сударь, грозен да немилостивый:
Не велит поздо гулять, с холостыми мне играть!
Я не слушаю отца, а потешу молодца!
Я за то его потешу, что один сын у отца,
Он один сын у отца, уродился в молодца,
Зовут Ванюшкою-пивоварушкою.
Пивовар пиво варит, зелено вино курит,
Зелено вино курит, красных девушек манит:
«Вы пожалуйста, девицы, на поварню на мою!
На моей ли на поварне сладко пиво на ходу,
Сладко пиво на ходу, на холодном на леду!»

* * *

Как по травке, по муравке,
По лазоревым цветочкам
Бежит легонький детинка.
Он не в шубе, не в кафтане —
В полушелковом халате;
Под полою несет гусли,
Под правую звончатые.
«Заиграйте, мои гусли,
Заиграйте, звончатые!
Дома ль Марья, дома ль Дарья,
Дома ль душенька Катюша?
Я пришел в гости, Петруша!»

* * *

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота,
 Ой да люли, ой люли,
Отворяй-ка ворота,
Ты пушай-ка сокола.

Я бы рада растворила,
Ветер больно шибко бьет,
Ветер больно шибко бьет,
Сильным дождичком сечет.

Ветер больно шибко бьет,
Сильным дождичком сечет,
С головушки цветы рвет,
С белой шеи янтари.

Ты зачем меня, сударушка,
Повысушила?

Без лютого без морозу
Сердце вызнобила.

Допустила сухоту
По моему животу.

Ты рассеяла печаль
По моим ясным очам.

Ты заставила, сударушка,
Гулять по ночам.
 Ой да люли, ой люли.

* * *

Как за речкою, как за быстрою,
 Ай люли-люли, как за быстрою,
Как ходил-гулял добрый молодец,
Как на нем, на нем кудри русые;

Они чесаны-перечесаны.
Повстречались ему девушки:
«Ты продай-ка нам, добрый молодец,
Ты продай свои кудри русые!»
— «Ах вы глупые, неразумные!
Самому-то мне кудри надобны:
Еще сам-то я не женат хожу,
Не женат хожу, еще холостой!»
Ай люли-люли, еще холостой.

* * *

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Стоит озеро воды.
Стоит озеро воды,
Молодец коня поил.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Молодец коня поил.
Молодец коня поил,
К воротечкам подводил.
Ой ли, ой ли, ой люли!
К воротечкам подводил.
К воротечкам подводил,
К веревюшке привязал.
Ой ли, ой ли, ой люли!
К веревюшке привязал.
К веревюшке привязал,
Красной девке приказал.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Красной девке приказал:
«Красна девица душа,
Сбереги мово коня.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Сбереги мово коня.
Сбереги мово коня.
Не порвал бы повода.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Не порвал бы повода.

Повода шелковые,
Удила серебряные».
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Удила серебряные.
Красна девушка идет,
Словно павушка плывет.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Словно павушка плывет.
Словно павушка плывет,
Таки речи говорит.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Таки речи говорит:
«Не твоя, сударь, слуга!
Не держу твоего коня.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Не держу твоего коня.
Когда буду я твоя,
Сберегу тогда коня».
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Сберегу тогда коня.

* * *

Во саду ли, в огороде
 Девушка гуляла,
Она ростом невеличка,
 Собой круглоличка.
За девицей детинушка
 Бел-кудрявый ходит,
Он и ходит, он и ходит,
 Ничего не молвит.
«Что ж ты, молодец кудрявый,
 Ко мне редко ходишь?»
— «Ой, и рад бы я ходити,
 Да нечем дарити.
Подарю тебя, милая,
 Дорогим подарком,
Дорогим, душа, подарком,
 Жемчугом, китайкой».
— «Жемчугу я не хочу,
 Китайки не надо,

Когда любишь, мил, то купишь
Золото колечко;
Золотое я колечко
Прижму ко сердечку».

* * *

Я по сенюшкам хожу, млада, хожу,
Сквозь стеколушко на милого гляжу.
Мой милый друг и хорош, и пригож,
Душа моя, чернобров, черноглаз.
Я не знаю, к чему друга применить?
Применю друга к золотому перстенюку:
Золот перстень — на руке, на руке,
Мой милый друг — на уме, на уме.

Я по сенюшкам хожу, млада, хожу,
Сквозь стеколушко на милого гляжу.
Мой милый друг и хорош, и пригож,
Душа моя, чернобров, черноглаз.
Я не знаю, к чему друга применить?
Применю друга к жемчугу, к жемчугу:
Жемчуг — товар весовой, весовой,
Мой милый друг — часовой, часовой.

Я по сенюшкам хожу, млада, хожу,
Сквозь стеколушко на милого гляжу.
Мой милый друг и хорош, и пригож,
Душа моя, чернобров, черноглаз.
Я не знаю, к чему друга применить?
Применю друга к соколú, к соколú:
Сокол — птица вольная, вольная,
А я, млада, — горькая, горькая!

* * *

Я пойду ли, молоденька,
Во зеленый сад гулять.
Калина моя,
Ой малина моя!

Со травы сорву цветок,
Заверну его в платок.

Уж я погода маленько,
Помедливши часок,

Разверну этот платок,
Посмотрю на цветок:

Что не сохнет ли, не вянет ли
Мой аленький цветок,

Что не плачет ли, не тужит
Мой миленький по мне,

Мой миленький по мне
На чужой стороне.

Я сегодня, молода,
Всю ноченьку не спала,

Всю ноченьку не сыпала,
Всё милого собирала,

Всё милого собирала,
Русы волосы чесала;

Русы волосы чесала,
Кудеречки завивала;

Кудеречки завивала,
Черну шляпу надевала;

Черну шляпу надевала,
В синь кафтан оболокала;

Синь кафтан оболокала,
На добра коня сажала;

На добра коня сажала,
Шелков повод подавала;

Шелков повод подавала,
Вороточки отворяла;

Вороточки отворяла,
В чисто поле провожала;

В чисто поле провожала
И наказывала:

«Ты поедешь, молодец,
По чужим городам,

По беседам, по пирам
Не нахаживайся.

Хоть найдешь меня получше —
Не заглядывайся.

Я девица не стара,
А вековечная твоя.

Я надеюсь на тебя, —
Пойду замуж за тебя».
 Калина моя,
 Ой малина моя!

* * *

«Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!»
— «Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя, —
У тебя, кума, ведь улица грязна,
Что грязна-грязна-грязна-таки, грязна!»
— «Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу —
Через дорогу я мосточек намощу,
Намощу-мощу-мощу, намощу!

Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!»
— «Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя, —
У тебя ль, кума, ворота скрипучи,
Скрипучи-пучи-пучи, скрипучи!»
— «Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу —
Под ворота кусок сала положу,
Положу-ложу-ложу, положу!

Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!»
— «Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя, —
У тебя, кума, собачка лиха,
Что лиха-лиха-лиха-таки, лиха!»
— «Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу —
Я собачку на цепочку привяжу,
Привяжу-вяжу-вяжу, привяжу!»

* * *

Зайчика, по сеничкам
Гуляй-таки, гуляй,
Серенький, по новеньким
Разгуливай, гуляй!
Некуда зайчику
Выскочити,
Некуда серому
Выпрыгнуть:
Трѳи воротá
Призтворены стоят;
Все на них замочки
Крепко заперты висят,

А у каждых у ворот
По три сторожа стоят,
По три девицы сидят:
Первая в камкѣ,
Другая в тафте,
А моя-то любезная
Во всем золоте.
«Не хочу камки,
Не хочу тафты, —
Хочу ситчику
Полосатенького.
Люблю девицу
Тороватенькую».

* * *

«Заинька, ты где был-побывал?
Серенький, ты где был-побывал?»
— «Был, был, парень мой,
Был, был, сердце мой,
Я в лесе, леснику,
Я в сарае, тростнику».
— «Заинька, не видал ли кого?
Серенький, не видал ли кого?»
— «Видал, видал, парень мой,
Видал, видал, сердце мой:
Три девицы хороши,
Красавицы пригожи».
— «Заинька, не звали ль тебя,
Серенький, не звали ль тебя?»
— «Звали, звали, парень мой,
Звали, звали, сердце мой».
— «Заинька, встречали ль тебя?
Серенький, встречали ль тебя?»
— «Встречали, встречали, парень мой,
Встречали, встречали, сердце мой:
Катюша из сеней,
А Мавруша из дверей,
А и Дуня удала
Во горницу провела».
— «Заинька, угощали ль тебя?»

Серенький, угощали ль тебя?»
— «Угощали, угощали, парень мой,
Угощали, угощали, сердце мой:
Катюша-то блинами,
А Мавруша пирогами,
А и Дуня удала
Кашки с масельцем дала».
— «Заинька, дарили ль тебя?»
Серенький, дарили ль, тебя?»
— «Дарили, дарили, парень мой,
Дарили, дарили, сердце мой:
Катюша-то платком,
А Мавруша колпаком,
А и Дуня удала
Перчаточки с рук дала».
— «Заинька, провожали ль тебя?»
Серенький, провожали ль тебя?»
— «Провожали, провожали, парень мой,
Провожали, провожали, сердце мой:
Катюша из сеней,
А Мавруша из дверей,
А и Дуня удала
За ворота провела».

* * *

В темном лесе, в темном лесе,
В темном лесе, в темном лесе,
За лесью, за лесью,

Распашу ль я, распашу ль я,
Распашу ль я, распашу ль я
Пашенку, пашенку.

Я посею, я посею,
Я посею, я посею
Лен-конопель, лен-конопель,

Тонок, долог, тонок, долог,
Тонок, долог, тонок, долог,
Бел-волокнист, бел-волокнист.

Как повадился, как повадился,
Как повадился, как повадился
Вор-воробей, вор-воробей.

В мою конопельку, в мою конопельку,
В мою конопельку, в мою конопельку
Летати, летати,

Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.

Уж я ж его, уж я ж его,
Уж я ж его, уж я ж его,
Его изловлю, его изловлю,

Крылья-перья, крылья-перья,
Крылья-перья, крылья-перья
Ему ощиплю, ему ощиплю.

Он не будет, он не станет,
Позабудет, перестанет
Летати, летати,

Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.

Как за лесом, как за лесом,
Как за лесом, как за лесом
Хижина, хижина.

Во хижине, во хижине,
Во хижине, во хижине
Вдовушка жила, вдовушка жила.

У вдовушки, у вдовушки,
У вдовушки, у вдовушки
Дочка Маруся, дочка Маруся.

Как повадился, как повадился,
Как повадился, как повадился
Молодой казак, молодой казак

Во хижину, во хижину,
Во хижину, во хижину
Ходити, ходити,

Мою Марусеньку, мою молодую,
Мою Марусеньку, мою молодую
Любити, любити.

Уж я ж его, уж я ж его,
Уж я ж его, уж я ж его,
Его изловлю, его изловлю,

Руки-ноги, руки-ноги,
Руки-ноги, руки-ноги,
Ему изломлю, ему изломлю.

Он не будет, он не станет,
Позабудет, перестанет
Ходити, ходити,

Мою Марусеньку, мою молодую,
Мою Марусеньку, мою молодую
Любити, любити.

. * * *

«Дома ль кум воробей?»
— «Дома».
«Что он делает?»
— «Болен лежит».
— «Что у него болит?»
— «Плечики».
— «Сходи, кума, в огород,
Сорви травы гречки,
Попарь ему плечки».
— «Парила, кумушка,
Парила, голубушка.
Его пар не берет.
Только к сердцу придает».

— «Дома ль кум воробей?»
— «Дома».
— «Что он делает?»
— «Болен лежит».
— «Что у него болит?»
— «Животок».
— «Сходи, кума, в огород,
Сорви травки репеёк,
Попарь ему животок».
— «Парила, кумушка,
Парила, голубушка.
Его пар не берет,
Только к сердцу придает».

— «Дома ль кум воробей?»
— «Дома».
— «Что он делает?»
— «Болен лежит».
— «Что у него болит?»
— «Лыточки».
— «Сходи, кума, в огород,
Сорви травки сныточки,
Припарь ему лыточки».
— «Парила, кумушка,
Парила, голубушка.
Его пар не берет,
Только к сердцу придает».

— «Дома ль кум воробей?»
— «Дома».
— «Что он делает?»
— «Болен лежит».
— «Что у него болит?»
— «Пяточки».
— «Сходи, кума, в огород,
Сорви травки мяточки,
Припарь ему пяточки».
— «Парила, кумушка,
Парила, голубушка,
Его пар не берет,
Только к сердцу придает».

Уж как звали молодца,
 Почитали удальца,
 Дунай мой, Дунай,
 Сын Иванович Дунай!
 На пир в гости посидеть,
 На беседу поглядеть.
 Посадили молодца,
 Посадили удальца
 Против вдовушки на скамью,
 Против горькой на соснову.
 Я на вдовушку взгляну,
 Тяжелешенько вздохну;
 Пухову шляпу сниму,
 Против вдовушки брошу.
 «Ах ты вдовушка, подай,
 Горегорькая, подними!»
 — «Не слуга, сударь, твоя, —
 Я не слушаю тебя!»
 Сам я шляпу подниму,
 На головушку надену...

Уж как звали молодца,
 Почитали удальца...
 Посадили молодца,
 Посадили удальца
 Против девушки на стульчик,
 Против красной на ременчат.
 Я на девушку взгляну,
 Полегошеньку вздохну;
 Пухову шляпу сниму,
 Против девушки положу.
 «Ах ты девушка, подай,
 Раскрасотка, подними!»
 — «Я слуга, сударь, твоя —
 Я послушаюсь тебя:
 Пухову шляпу подниму,
 Черные кудри расчешу,
 Черные кудри расчешу,
 Пухову шляпу наложу,

Пухову шляпу наложу,
Поцелую, обниму!»
 Дунай мой, Дунай,
 Сын Иванович Дунай!

* * *

Ехал мальчик молодой
На лошадке вороной.
 Ай люли, ай люли,
 На лошадке вороной.
Против Машина окошка
Остановливался,
Остановливался,
С Машей здоровствовался:
«Здравствуй, Машенька моя!
Спала шляпа со меня.
Чернобровая моя,
Принадень на меня!
Принаденешь на меня —
Возьму замуж за себя,
Возьму замуж за себя,
Посажу подле себя,
Посажу подле себя,
Спрошу: любишь ли меня?»
— «Я любить-то не люблю,
Отказаться не хочу.
За праву руку возьму,
По горнице проведу,
По горнице проведу,
Поцелую и уйду,
 Ай люли, ай люли,
 Поцелую и уйду».

* * *

Сядемте по лавкам,
Взглянемте по девкам.
Все девки беленьки,
Все-то румяненьки.

Одна — кукомоя,
Дарья-неумоя;
Учучкалася, уварахталася.
За ней сидит купчик,
Ваня-голубчик.
Брус мыла носит,
Котел воды волочит.
Дарьюшка, умойся,
Васильевна, утрися!
Тебе-то — помилее,
Ему — полюбее.
С лавки встань,
Поклон воздай,
Ивана Петровичем свеличай!

* * *

Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке,
Лели-лели-лелюшки, вдоль по муравке,
Тут ходит-гуляет тут удаленький молодчик,
Ходит выбирает красавицу девóчку:
«Пойди-выйди, милая, за ворота,
Пойди-выйди, милая, за новые
Со мной, со молодчиком, погуляти,
Со мной, со молодчиком, речи говорить».
А девица к молодому выходила,
А девица с молодым речи говорила:
«А я тебя, миленький, обещаю».
Пуховую шапочку с кудрей сняла,
Русые кудерочки растрепала,
Серебряны пуговички расстегнула,
Шелкову рубашечку изорвала,
Смазные сапожечки замарала.
Пошел добрый молодец, сам заплакал:
«Несчастлива матушка зародила,
Несчастливой долюшкой наделила,
Меня красна девица невзлюбила.
— «А я тебя, миленький, не узнала».
Пуховую шапочку надевала,
Русые кудерочки исправляла,

Серебряны пуговички застегала,
Шелкову рубашечку зашивала,
Смазные сапожечки вытирала.
Пошел добрый молодец, взвеселился:
«Пресчастливая матушка зародила,
Пресчастливой долюшкой наделила,
Меня красна девушка возлюбила,
Лели-лели-лелюшки, возлюбила».

* * *

Ты не пой, соловей,
Ты не пой, молодой,
При долине!
Ты не вей гнезда,
Ты не вей гнезда
При тереме!
Как во тереме девица
Дорогой ковер вышивает;
Она золотом ковер вышивала,
Она жемчугом ковер унизала.
Уж кому мой ковер достанетсѧ?
Доставался мой ковер
Старому мужу!
Я могу ковра убавить
Я со всех сторон со четыриих,
Я со всех углов с золотых.

Как во тереме девица
Дорогой ковер вышивает;
Она золотом ковер вышивала,
Она жемчугом ковер унизала.
Уж кому мой ковер достанетсѧ?
Доставался мой ковер
Ладу милому!
Я могу ковра прибавить
Я со всех сторон со четыриих,
Я со всех углов с золотых.

* * *

Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю,
Хожу, млада, по тихому, ой, по тихому.
Зайду, млада, во беседу, ой, во беседу,
Зайду, млада, во смиренну, ой, во смиренну.
Во смиренной сидит старый, ой, кашливый;
На коленях держит гусли, ой, лубяные,
По гуслиам-то струны водит, ой, лычаные.
У меня, молодой-младеньки, ой, сердце ноет!
Сердце ноет, унывает, ой, унывает!

Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю,
Зайду, млада, во беседу, ой, во смиренну.
Во смиренной сидит малый, ой, сопливый;
На коленях держит гусли, ой, дощатые,
По гуслиам-то струны водит, ой, силяные.
У меня, молодой-младеньки, ой, сердце ноет,
Сердце ноет, унывает, ой, унывает!

Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю,
Хожу, млада, по быстрому, ой, по быстрому,
Зайду, млада, во беседу, ой, во веселу.
Во веселой сидит младый, ой, мой милый;
На коленях держит гусли, ой, звончатые,
По гуслиам-то струны водит, ой, золотые.
У меня, молодой-младеньки, ой, сердце радо,
Сердце радо, взрадовалось, ой, взрадовалось,
Резвы ножки заплясали, ой, заплясали,
Белы ручки защелкали, ой, защелкали.

* * *

Во поле береза стояла,
 Лей-ли-лей, стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Я ж пойду погуляю,
Белую березу заломаю;
Срежу с березы три пруточка,

Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку;
Пойду на новые на сени,
Стану в балалаечку играти,
Стану я старого будити:
«Встань ты, мой старый, проснися,
Борода седая, пробудися!
Вот тебе помои, умойся!
Вот тебе рогожка, утрися!
Вот тебе лопата, помолися!
Вот тебе борона, расчешися!
Вот тебе лапотки, обуйся!
Вот тебе шубенка, оденься!»

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Я ж пойду погуляю,
Белую березу заломаю;
Срежу с березы три пруточка,
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку;
Пойду на новые на сени,
Стану в балалаечку играти,
Стану я милого будити:
«Встань ты, мой милый, проснися!
Ты, душа моя, пробудися!
Вот тебе водица, умойся!
Вот полотенце, утрися!
Вот тебе икона, помолися!
Вот гребешок, расчешися!
Вот тебе башмачки, обуйся!
Вот тебе кафтанчик, оденься,
Лей-ли-лей, оденься!»

* * *

По горам девки гуляли,
По крутым красны гуляй,
Чеботом траву топтали,

Рукавом цветы ломали.
Мне-то батюшка наказывал:
«Ты дитя, мое дитяtko,
Как старьй идет — поклонись,
Молодой идет — прихоронись!»
Уж я батюшку не слшала,
Я, старьй идет, — прихоронюсь,
Молодой идет — поклонюсь!

По горам девки гуляли,
По крутым красны гуляли,
Чеботом траву топтали,
Рукавом цветы ломали.
Мне-то матушка наказывала:
«Ты дитя, мое дитяtko,
Как старьй идет — поклонись,
Молодой идет — прихоронись!»
Уж я матушку не слшала,
Я, старьй идет, — прихоронюсь,
Молодой идет — поклонюсь!

* * *

Ах, во поле липинка,
Под липою бел шатер;
Во том шатре стол стоит,
За тем столом девица,
За тем столом красная.
Рвала цветы со травы,
Вила венки с городы,
Со дороги яхонты.
Кому венок носить?
Носить венок старому.
Старому венка не сносить,
Мою молодость не сдержать.

Ах, во поле липинка,
Под липою бел шатер;
Во том шатре стол стоит,
За тем столом девица,
За тем столом красная.

Рвала цветы со травы,
Вида венки с города,
Со дороги яхонты.
Кому венок носить?
Носить венок младому.
Младому венок сносить,
Мою молодость сдержати!

* * *

Во лугах, во лугах,
Еще во лугах, зеленых лугах,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке.
«Бабушка, бабушка,
Ах ты бабушка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старого замуж!
Старого, старого,
И я старого насмерть не люблю,
С старым, с старым,
Я со старым гулять не пойду!»

Во лугах, во лугах,
Еще во лугах, зеленых лугах,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.

С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке.
«Бабушка, бабушка,
Ах ты бабушка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за младого замуж!
Младого, младого,
И я младого насмерть не люблю,
С младым, с младым,
И я с младым гулять нейдю!»

Во лугах, во лугах,
Еще во лугах, зеленых лугах,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке.
«Бабушка, бабушка,
Ах ты бабушка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое!
Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку замуж!
Ровню я, ровню я,
Уж я ровню душой люблю,
С ровней я, с ровней я,
Уж я с ровней гулять пойду».

Ах, по речке, ах, по Казанке,
Сизый селезень плывет.
Как по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет;
Чешет свои кудри, чешет свои черны
Частым гребнем-гребешком;
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает:
«Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?»
Доставались кудри, доставались черны
Старой бабе чесать.
Она не умеет, она не горазда
Чесать кудри гребешком.

Ах, по речке, ах, по Казанке
Сизый селезень плывет.
Как по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет;
Чешет свои кудри, чешет свои черны
Частым гребнем-гребешком;
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает:
«Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?»
Доставались кудри, доставались черны
Молодой вдове чесать.
Она не умеет, она не горазда
Чесать кудри гребешком.

Ах, по речке, ах, по Казанке
Сизый селезень плывет.
Как по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет;
Чешет свои кудри, чешет свои черны
Частым гребнем-гребешком;
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает:
«Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?»

Доставались кудри, доставались черны
Красной девице чесать.
Она ведь умеет, она и горазда
Чесать кудри гребешком.

* * *

Не ходи, Саша, по сеням,
Ты не топай ногой,
Ты не топай ногой,
Мне не быть за тобой!
Уж я буду ли, не буду ль
За Николинькою!
У Николы Кудряша
Нету денег ни гроша,
Нету денег ни гроша —
Походочка хороша.
За походочку люблю
И за рученьку возьму;
Я за рученьку возьму,
По горнице проведу,
По горнице проведу,
Поцелуем подарю.

* * *

Захотела меня мать
За Ивана отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Ивана в саду яма,
Завсегда я буду тамо».

Захотела меня мать
За Степана отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Степана три стакана,
Завсегда я буду пьяна».

Захотела меня мать
За Филиппа отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Филиппа в саду липа,
Завсегда я буду бита».

Захотела меня мать
За кошатника отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
Кошатник кошек драть,
А мне ножки держать».

Захотела меня мать
За боярина отдать, —
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
Как боярин крестьян бить,
А мне милости просить».

Захотела меня мать
За писаря отдать, —
«Иду, иду, маменька,
Иду и подумаю:
Как писарь писать,
А мне деньги считать».

* * *

Хмель мой, хмелюшко,
Хмелевое перушко!
Перевайся, мой хмелюшко,
На мою сторонушку.
На моей сторонушке
Приволье великое,
Раздолье широкое.
По тому раздольицу
Ходил гулял молодец,
Ходил пригорюнившись,
Ходил опечалившись.

Завидела матушка
С высокого терема:
«Дитя мое милое!
Что ты угорюнилось?
Что ты опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое,
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну боярыню».
— «Сударыня матушка!
Та мне не жена будет,
Тебе не невестушка,
В поле не работница,
В доме не кукобница,
Гостям не приветница,
Ко мне не привёрнется».
— «Возьми ж, возьми, дитятко,
У соседушки девушку».
— «Сударыня матушка!
Та мне женой будет,
А тебе невестушкой,
Во поле работница,
Во дому кукобница,
А гостям приветница,
И ко мне привёрнется».

* * *

Коваль, коваль, ковалечек,
Коваль, коваль, ковалечек,
Ковалек, ковалек, ковалечек,
Ковалек, ковалек, ковалечек!

Коваль миленький дружочек,
Коваль миленький дружочек,
Ты дружок, ты дружок, ты дружочек,
Ты дружок, ты дружок, ты дружочек!

Скуй мне, коваль, топорочек,
Скуй мне, коваль, топорочек,

Топорок, топорок, топорочек,
Топорок, топорок, топорочек!

Поди, коваль, во лесочек,
Поди, коваль, во лесочек,
Во лесок, во лесок, во лесочек,
Во лесок, во лесок, во лесочек!

Сруби, коваль, мне дубочек,
Сруби, коваль, мне дубочек,
Мне дубок, мне дубок, мне дубочек,
Мне дубок, мне дубок, мне дубочек!

Сострой, коваль, мне домочек,
Сострой, коваль, мне домочек,
Мне домок, мне домок, мне домочек,
Мне домок, мне домок, мне домочек!

* * *

Чарочки по столику похаживают,
Рюмочки походя всё речь говорят:
Сватался-присватался к девице богатый купец,
Сказывал-рассказывал житье-бытье,
Житье-бытье, всё богатство свое:
«Есть у меня, девица, семь деревень,
Есть у меня, красная, семь деревень,
Семь деревень, что с приселочками».
— «Думаю-подумаю: пойти ли за него?
Разумом раскину — не быть делу так:
Ты поедешь на море,
Меня покинешь на горе».

Чарочки по столику похаживают,
Рюмочки походя всё речь говорят:
Сватался-присватался к девице богатый музыкант,
Сказывал-рассказывал житье-бытье,
Житье-бытье, всё богатство свое:
«Есть у меня, девица, скрипочка, дудок,
Есть у меня, красная, скрипочка, дудок,
Скрипочка, дудок, балалаечка, смычок».

— «Думаю-подумаю: пойти ли за него?
Разумом раскину — быть делу так:
Ты будешь мне играть,
А я буду тебе танцевать».

* * *

Светит, светит месяц
Далеко, не близко, —
То-то люли, то-то люли,
То-то люлюшки мои!

Далеко, не близко
Высоко, не низко.

Как во поле, поле
Девка просо полет,

Девка просо полет,
Белы руки колет.

Жалко мне девицы, —
Снял бы рукавицы,

Снял бы рукавицы,
Подарил бы их девице:

Пускай просо полет,
Белых рук не колет,

Зашлю к ней свата,
За себя посватать.

А поп-то не венчает,
За сыночка чает,

А дьякон не служит,
По девице тужит.

А дьячок-то говорит,
Сам за сына норовит;

Пономарик не поёт,
Грусть-тоска его берет.

«Поедемте, братцы,
Да в лес по охоту,

Наловимте, братцы,
Разных зверков много,

Убьемте зверков, братцы,
Всем-то им по зверю:

Попу-то — куницу,
Дьякону — лисицу,

А дьячку-то бедному —
Белу горностаюку,

Пономарю-то горюну —
Хоть серого зайку,

Просвирне-горюше —
Хоть заячьи уши,

Чтоб они не мешали,
С девкой обвенчали.
То-то люли, то-то люли,
То-то люлюшки мои!

* * *

Уж как ты мать моя, маменька,
Госпожа моя, сударынька,
Зачем хорошу породила меня,
Хлопотливую, талантливую,
Баловливую, забавливую?
Мне нельзя будет к обедне ходить:
Худо люди богу молятся,
На меня все дивуются,
На меня да на мою красоту.
Поп-то в ризе заплетается,

Пономарь звонит — мешается,
Два половича с ума сошли,
Два приказчика плясать пошли.

* * *

Уж ты мать моя, матушка,
Мать, бела лебедушка!
Ты на что меня хорошу родила,
Черноброву, приглядчивую?
Мне нельзя к обедне сходить,
Нельзя богу молиться,
Добрым людям поклониться.
А на меня ли люди зарятся,
А попы-то запеваются,
А дьячки-то зачитаются.
Просвирнин сын по церкви ходил,
Он тихохонько на ножку ступил,
Пол-осмины мне просвир посулил.
Мне просвиры-то хочется,
А полюбить-то не хочется.
Полюбил меня из лавочки купец,
Посулил он мне китаечки конец.
Мне китаечки-то хочется,
А полюбить его не хочется.
Полюбил меня крестьянин молодой,
Посулил мне сноп соломы аржаной.
Мне соломки-то не хочется,
Полюбить его хочется.

* * *

Селезень мой сиз-косатый,
Сиз-косатый, жудреватый,
Поплывай, мой селезенько,
Вниз по тиху по Дунаю!
По Дунаю спогуляю!
Поприметь, мой селезенько,
Как старушки скачут-пляшут.

«Они эдак и вот эдак!»
— «Поприметь, мой селезенько,
Как молодки скачут-пляшут».
— «Они эдак и вот эдак:
Склавши ручки на головку!»
— «Поприметь, мой селезенько,
Как девицы скачут-пляшут».
— «Вот эдак и вот эдак:
Склавши ручки ко сердечку!»

* * *

У бабушки у нашей
Супрядка была,
Супрядка была.
«Что ты, бабушка, прясти даси?»
— «Старым-то старушкам
Шерсти кужелек,
А молодым-то молодушкам
Беленький ленок,
А молодцам-то, прощелыгам,
Конёвый хвост».

«Чего ты нам, бабушка,
Исти даси?»
— «Старым-то старушкам
Кисель по зубам,
А красным-то девицам
Белый пирожок,
А молодцам-то, прощелыгам,
Дуранды кусок».

«Чего ты нам, бабушка, пить-то даси?»
— «А старым-то старушкам пивушка,
А молодым-то молодушкам наливушки,
А молодцам-то, прощелыгам,
Воды из пруда».

«А куда ты нас, бабушка, спать повалишь?»
— «А старым-то старушкам на печке уголок,

А молодых-то молодухек в горницу,
А молодцов-то, прощелыг,
К свиньям во хлев».

* * *

Хороша наша деревня,
Только улица грязна,
 Ай люли да ай люли,
 Только улица грязна.
Хороши наши ребята,
Только славушка худа!
Как пошли наши ребята
Вдоль по городу гулять,
Вдоль по славному,
Вдоль по стройному.
Что навстречу молодчикам
Толпа старых баб идет.
Стары бабы молодцам кланялись,
А молодцы черны шляпы понахлобучили.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна,
Хороши наши ребята,
Только славушка худа!
Как пошли наши ребята
Вдоль по городу гулять,
Вдоль по славному,
Вдоль по стройному.
Что навстречу молодчикам
Молодиц идет толпа.
Молодицы молодчикам низко кланялись,
Молодчики чуть лишь шляпы подняли.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна,
Хороши наши ребята,
Только славушка худа!
Как пошли наши ребята
Вдоль по городу гулять,

Вдоль по славному,
Вдоль по стройному.
Что навстречу молодчикам
Красных девушек толпа.
Молодчики девкам низко кланялись,
А девушки знать их не хотят,
 Ай люли да ай люли,
 А девушки знать их не хотят.

* * *

Уж как по саду-саду,
Саду зеленóму,
Тут стояла кровать,
Кровать нова тесова;
Как на этой на кровати
Перинушка перова,
Подушечка пухова;
Как на этой на перине
Лежит удал добрый молодец
Свет Василий Васильевич.
Приходили же к нему
Слуги верные его;
Говорили же ему
Слуги верные его:
«Корабль с золотом пришел.
То ли сам пойдешь,
Али нас пошлешь?»
— «Уж я и сам не пойду,
Уж и вас не пошлю!»

Уж как по саду-саду,
Саду зеленóму,
Тут стояла кровать,
Кровать нова тесова;
Как на этой на кровати
Перинушка перова,
Подушечка пухова;
Как на этой на перине
Лежит удал добрый молодец
Свет Василий Васильевич.

Приходили же к нему.
Слуги верные его;
Говорили же ему
Слуги верные его:
«Корабль с серебром пришел.
То ли сам пойдешь,
То ли нас пошлешь?»
— «Уж я и сам не пойду,
Уж я и вас не пошлю!»

Уж как по саду-саду,
Саду зеленóму,
Тут стояла кровать.
Кровать нова тесова;
Как на этой на кровати
Перинушка перова,
Подушечка пухова;
Как на этой на перине
Лежит удал добрый молодец
Свет Василий Васильевич.
Приходили же к нему
Слуги верные его;
Говорили же ему
Слуги верные его:
«Корабль с девицей плывет —
Свет Катерина Евграфовна!
То ли сам пойдешь,
То ли нас пошлешь?»
— «Уж вас я не шлю,
Сам пойду, сам пойду!»

* * *

Как по морю,
Как по морю,
Как по морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому
Плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятками,
Со малыми со дитятками,

А утушка,
А утушка,
Сера утушка с утятками.
Она плывет,
Она плывет,
Она плывет да окунется,
Окунется да встряхнется.
Под ней вода,
Под ней вода,
Под ней вода не шелохнется,
Под ней вода не шелохнется.
А откель взялся,
А откель взялся,
Откель взялся млад сизой орел,
Откель взялся млад сизой орел.
Убил-сгубил,
Убил-сгубил,
Убил-сгубил серу утку на воде,
Убил-сгубил серу утку на воде:
Он кровь пустил,
Он кровь пустил,
Кровь горячу во земелюшку пустил,
Кровь горячу во земелюшку пустил,
А перушки,
А перушки,
А перушки да вдоль моря разбросал,
Серы перушки вдоль моря разбросал,
А мелкий пух,
А мелкий пух,
Мелкий пух да вдоль по улице,
Мелкий пух да вдоль по улице.

* * * *

Накануне Рождества
Сеял релу — не взошла,
Сватал Катю — не пошла.
Пересею, так взойдет,
Пересватаю — пойдет.

* * *

Не спасибо те, игумну, тебе,
Не спасибо те, бессовестному,
Молодешеньку в монашки постриг,
Зеленешеньку посхимнил меня.

Не мое дело к обедне ходить,
Не мое дело молебны слухать,
Не мое дело молебны слухать,
Что мое дело скакать да плясать.

Ин я посох-от под лавку брошú,
Манатеичку на стол положу,
Подари поди подружку мою,
Подари душу молоденькую.

* * *

Уж ты вен ли мой, веночек,
В саду розовый цветочек!
Мне куда тебя, веночек, положить?
Положу тебя, веночек,
В саду розовый цветочек,
На головку ко девице,
Ко названой ко сестрице.
Как не брат с сестрой сходилися,
Как не брат с сестрой поклонилися,
Поздоровалися и распростилися.

* * *

Как по полю, полю, по чистому полю
Соловейко, канарейка, лебедушка лучше всех!
Летели две птички, собой невелички,
Сели на елину, на саму вершину;
Сели посидели, извились, полетели.
Соловейко, канарейка, лебедушка лучше всех!

Молодец девицу за рученьку водит,
Соловейко, канарейка, лебедушка лучше всех!
За правую водит, колечко снимает,
Колечко снимает, со своим меняет:
«Ты, душа девица, подойди близенько,
Пойди близенько, поклонись низенько,
Поклонись низенько, поцелуй миленько».
Соловейко, канарейка, лебедушка лучше всех!

* * *

Чем нам песенку начать,
Чем ее окончить?
Разговорами начнем,
Поцелуем кончим.

* * *

В саду яблонька стоит,
Соловей на ней сидит,
Громко песенки поет,
Вам покою не дает,
К себе девицу зовет.
Где сойдемся — поклонимся,
Разойдемся — распростимся.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Благослови, боже господи,
Мать божья, богородица!
Уж мне сести, молодешеньке,
На брусчатую лавочку,
Мне запеть, молодешеньке,
Невеселую песенку.
Не с веселья со радости —
С горя со кручинушки,
Со печали великие,
Со причетам со жалостным,
Со слезами горючими.

* * *

Кормилец мой, желанный батюшка!
Знать, я вам, горькая, надоела, надоскучила,
Знать-то, я вам не слуга была?
Знать-то, я вам не посол была?
Вдруг-то я вам теплым гнездом отгеснила,
Хлебом-то я солью вас обездолила,
Цветным-то платьем я вас обносила.
Знать-то, я вам была во чистом поле
не работница,
В теплом-то гнезде не куковница?

* * *

Схожо красно мое солнышко,
Родитель мой (батюшко!
Чего я у тебя попрошаю,
Я не с хитрости и не с мудрости —
С девья глупого ума-разума.
Да приходил ты, солнце красное,
Со грозой со великою,
Да приказал мне, солнце красное.
Белехонько да умываться,
Наряднехонько да наряжаться.
Это что же у вас да, солнце красное,
Что за праздники за большие,
Что за гости за частые?
Вы куда меня выводили
Да перед кого меня становили?
Хошь не скажешь, солнце красное,
Я сама про то разумею:
Выводили да становили
Перед чужого да чуженина,
Перед незнаемого человека.

* * *

Ты кормилец государь (батюшко!
Обострочь меня, девушку,
Хоть на летышко красное:
Ваша думушка часовая,
Моя жирушка вековая.

Ты родитель моя матушка!
Ты денна моя заступница,
Ты ночная богомолица,
В день по красному солнышку,
В ночь по светлomu месяцу.

Уж ты братец, мое красное солнышко,
Братец, тонкая тониночка!
Обострочь меня, красную девушку,

Хоть на летышко красное,
Полюбоваться со девушками,
Погулять лето красное.

* * *

Чьи это хоромы,
Чьи это высокие?
В них живет-то
Родной дядюшка
Со болезною со тетушкой, —
Вы простите молодехоньку
В чем сгрубила, вас прогневала.

* * *

В темных лесах кукушечка куковала,
В тереме Авдотьюшка плакала,
В высоком Ивановна рыдала,
Слезно свою батюшку просила:
«Не отдавай, мой батюшка, от себя,
Остается зеленый сад у тебя,
В том саду три цветика расцвели:
Алый цвет и лазоревый, голубой.
А станешь ли, мой батюшка, цветики поливать?
Цветики поливать утренней, вечернею порою?
Цветики поливать утренней, вечернею порою
Свежею ключевою водою?»
— «Стану я, мое дитяtko, твои цветики поливать,
Утренней, вечерней зарею —
Своею горячею слезою».

* * *

У ворот трава шелковая:
Кто траву топтал,
А кто травушку вытоптал?

Топтали травушку
Всё боярские сватья,
Сватали за красную девушку,
Спрашивали у ближних соседушек:
«Какова, какова красна девушка?»
— «Ростом она, ростом
Ни малая, ни великая,
Личиком, личиком
Бело-круглоликая,
Глазушки, глазухи —
Что ясного сокола,
Бровушки — что у черного соболя.
Сама девка бравая,
В косе лента алая».

* * *

Вы голубушки подруженьки,
Вы лебедушки да белые,
Вы соседухи болезные,
Что вы долго снаряжались,
Иль посылку дожидались?
Мне послать-то было некого,
Мне самой-то идти не время:
Мне подрезали скоры ноженки.
Не пришли, знать, вы за спесию
Да за гордостью великою!
Не за спесию, не за гордостью,
А за делом за домовым.
Не прогневайтесь, подруженьки
И соседухи болезные,
Что не вышла, вас не встретила
Среди улицы широкия,
Среди мостика калинового,
Середь лесенки брусовыя,
Не становилась я, красна девица,
Супротив креста поклонного,
Что поклонного да богомольного,
Среди креста дороженьки,
Среди польныя, проезжия.

Не могу встать-приподняться
Я от лавочки-то от дубовыя,
От опушечки-то от кленовыя, —
Скоры ноженьки-то подогнулись,
Белы рученьки-то опустилися,
Ретиво-то сердце испугалося, —
Испугал кормилец батюшка
И родимая-то матушка,
Испугали меня, девицу,
Что чужой злодейкой стороной,
И злодеем злым чужим людям,
И дородным добрым молодцем.

* * *

Благослови меня-ка, господи,
Пресвятая мать, богородица,
Благослови, кормилец батюшко
И родимая моя матушка,
Мне садиться-то, красной девице,
Мне во место-то во печальное,
Во печальное да горегорькое!
Вы, соколики, братцы милые
И голубушки невестушки,
Осердились да распрогневались
На меня, на красну девицу;
Вы пропили меня, желанные,
За стакан за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была для вас скорая,
Обносила вас, желанные,
Обносила платьем цветным,
Вас объела куском сахарным.

* * *

Не давай, кормилец батюшко,
Ты своо-то слова верного,
Не крепи-ка меня, девицу,
Крепко-накрепко и навеки.

Ты не бей-ка рука об руку,
Не мирися ты с разлучником.
Не пропивай, кормилец батюшко,
За стаканом зелена вина
Ты мою-то красу девичью:
То вино из слез сделано
Да на слезы сватом куплено.
Уж как мне-то, красной девице,
Знать, досыта будет плакаться,
А слезами умыватися.

* * *

Мне нощь, молодешеньке,
Мне нощь мало спáлося,
Мне во сне много виделось.
Мне привиделось, молоденьке,
Всё горы-то крутые,
Всё речки-то быстрые,
Всё леса-то темные,
Всё звери-то лютые.

Что горы-то крутые —
Мое горе-кручинушка,
Что реки-то быстрые —
Мои горючі слезы;
Что леса-то темные —
Чужá дальня стóрона,
Что звери-то лютые —
Чужи люди незнамые.

* * *

Ох ты волюшка вольная,
Воля вольная, незаемная!
Не на век ты нам доставалася.
Доставалася волюшка, доставалася
Красным девушкам до замужества:

(ВОЛЫНАЯ)

Замуж вышедши, ни в чем воли нет —
Ни в житье-бытье, ни в богатстве,
Только есть она во тяжелой работушке;
А одиноким добрым молодцам — до женитьбы,
А женатым, семейным — до солдатчины.

* * *

Не выходи, сударь батюшка,
Ты на свой на широкой двор,
Не встречай, сударь батюшка,
Ты своих дорогих гостей!
Не води дорогих гостей
Во свой во высок терём!
Не коли ретивá сердца,
Не клони буйны головы,
Не запоручивай, родимый,
Ты меня, молодешеньку,
На чужу дальнюю стóрону!

* * *

Вы пойдете, мои родимые,
На злодейку чужу сторону,
На злодейку незнакомую,
Не садитесь, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобраные,
Не сдавайтесь на слова сладкие,
На поклоны их на низкие;
Их поклоны-то покуплёные,
А слова-то все заучёные.
Питья, яства в дом понабраны,
Платья цветны в прокат заняты.
Не давайте, кормилец батюшко
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Через столы-то чрез дубовые,
Через скатерти самобраные;

Не заporučайте меня, девицу,
За поруки вы за крепкие,
Что за крепкие-то, вековечные,
Чтобы мне, молодой, не плакаться,
С вам, желанным, не расстаться.

* * *

Затоплялася банюшка,
Разгоралася каменка
До единого камешка.
Расплакалася Марьюшка
Перед своим родным батюшкой:
«Ты родимый батюшка,
Не ходи к дубову столу,
Не примай золотой чары,
Ты не пей зеленá вина,
Не пропей меня, молоду,
Мою русую косоньку,
Мою девью-то красóту
На чужу дальнюю сторону
Ко чужому чуженину!
Как чужой он чуженин
Без плеточки выучит,
Без морозу сердце вызнобит.
У родимого батюшка,
У его сердце каменно,
В железо сковано,
В булате сварено.
Он сходил к дубову столу,
Он принял золоту чару,
Он выпил зелено вино,
Он пропил меня, молоду,
На чужу дальнюю сторону.

* * *

Уж ты свет сударь батюшка,
Уж как я тебе говорила,
Уж как я тебе наказывала!

Не послушал, сударь батюшка,
Моего наказаньица,
Запоручил, сударь батюшка,
Ты меня, молодешеньку,
За поруки за крепкие,
За письма вековечные.
Выкупать, да не выкупить,
Выручать, да не выручить
С чужедальних стóроны.
Не коня ведь ты запродад,
Не пшеницу белоярую.
Я гораздо, сударь батюшка,
Я много надосадила,
Живучи́ напрокучила.
Уж я, кажется, батюшка,
Слуга была верная
И посылочка скорая,
Я дело-то делала
И работу работала.
Я гораздо, сударь батюшка,
Не сусек хлеба выела,
Не колодезь воды выпила;
Уж я, кажется, батюшка,
Я жила, молодешенька,
Потише воды великия,
Пониже травы шелковыя.

* * *

Ну господь же с тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,
И соколики, братцы желанные,
И голубушки невестушки!
Не послушались наказу крепкого —
Запоручили вы красну девицу
За поруки-то за крепкие,
За письма-то вековечные.
Вы почто так рассердились,
Рассердились, распрогневались?
Запрошу я, красна девица,

У тебя, родимый батюшко, —
Я себе беру приданое:
Города все с пригородками,
Все леса с полями чистыми,
Все ключи с водами чистыми
Да и реченьки-то быстрые.
Ты подумал бы, кормилец батюшко,
Я слуга-то была тебе и работница,
Я в семье была покорная,
На работушки дотошная,
Имя честно не бесславила,
Красу девичью не кинула.
А ты не дал мне, кормилец батюшко,
С умом-разумом собраться,
Со подружками сверстаться.
Я в чужих людях, младехонька,
От работушки замаюся,
За столбом я потихохоньку
От чужих людей наплачуся.
Уже как этим ли чужим людям
Мои слезы сладким кажутся.
Мое горе им весельицо,
Мне кручинушка — им радости.

* * *

Мое сердце испугалось,
Резвы ноженьки подогнулись,
Белы рученьки опустилися.
У меня ли, сизой пташечки,
Горегорькой сиротинушки,
Голова с плеч покатилася,
Во устах речь помешалася.
Запоручил милый дядюшка
И кормилица тетушка
За поруки-то за крепкие,
За замки вековечные.
От замков ключи потеряны,
Во сине море опущены.
Ты взойди, красно солнышко,
Обсуши ты сине море!

Уж вы свет мои подруженьки,
Мои милые голубушки,
Вы сходите на сине море,
Поищите золотых ключей!

* * *

На море лебедь воду пила,
Напившись воды, на берег взошла,
На берег взошла — сама сплалакала:
«Как-то я с морюшком расстануся?
Придет зима да студеная,
Выпадут снега глубокие,
Западут следы да лебедушкины, —
Тут-то я с морюшком расстануся».

В тереме высоком красна девица дары шила,
Шила дары, слезно всплакала:
«Как-то с матушкой расстануся?
Первые растаны — середь горницы,
Другие растаны — на новом крыльце,
Третьи растаны — за воротами, —
Тут-то я с матушкой расстануся!»

* * *

«Соколы вы, соколы!
Куда вы летали?»
— «Мы летали-летали
На синне на моря».
— «Вы что тама видели?»
— «Мы видали-видели
Мы серую утицу».
— «Вы что ее не взяли?»
— «Мы взяти ее не взяли,
Мы ей крылушки подшибли».

* * *

«Уж вы гуси да лебеди,
Вы далёко ли лётали?»
— «Уж мы лётали-лётали
С моря на море».
— «Уж вы что там видели?»
— «Уж мы видели-видели
Белу лебедь на заводе».
— «Для чего вы ее
С собой не взяли?»
— «Хотя мы ее не взяли,
Мы ее заметили —
Право крылышко залобмили».

— «Вы бояра, бояра,
Вы далёко ли ездили?»
— «Уж мы ездили-ездили
С городу на город».
— «Уж вы что же там видели?»
— «Уж мы видели-видели
Красну девицу в тереме».
— «Для чего вы ее
С собой не взяли?»
— «Хотя мы ее не взяли,
Мы ее запоручили,
За поруки за крепкие,
За замки да за верные».

* * *

«Ты поди-тко, моя тетушка,
Ты поди-тко, добро жаловать
К моему горю великому,
На мою свадьбу несчастную!
Ты подумай со мной думушку,
Что думушку крепкую!
Я спрошу-то тебя без лести,
Ты скажи-тко мне безо лжи,
Каково жить во чужих людях?»

-- «Ты послушай, мое племечко,
Я скажу тебе по тайности:
Во чужих-то людях живучи,
Много нужды попримаешься,
И холоду, и голоду.
Ты носи платье, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай.
Резвым ноженькам надо быть подходчивым,
Белым рученькам подносчивым,
Буйной голове поклончивой,
Ретиву сердцу покорливу,
Всем добрым людям приветливой
И на всяко дело сметливой».

* * *

«Ты голубушка тетушка!
Ты скажи-ка, голубушка,
Уж ты как расставалася
Со родимым-то батюшкой,
Со кормилицей матушкой,
С соколом милым братом,
Со голубушкой милой сестрой,
Со тетушкам, со бабушкам,
Со подружкам-голубушкам,
Со душам красным девушкам,
Со девьей-то красотой,
Со девичьим украшеньицем?»

— «Я скажу тебе, голубушка:
Тяжело я расставалася,
Расставалась я, бедная,
Оставалась я, горькая!
Не помню я, мблода,
На ногах ли меня вывели,
На руках ли меня вынесли.
Тяжело да расставатися
Со родимым-то батюшкой,
Со родимой-то матушкой,
Со своим-то родом-племенем;

Как еще того тяжёлее
Как со девьей-то красо́той,
Со девичьим украше́нием.
Как еще скажу, голу́бушка,
Про чужую дальню сторо́ну,
Про злодейку прокля́тую:
Тяжело, моя голу́бушка,
Тяжело жить на чужой стороне,
Тяжело жить в чужих людях.
Надо жить-то умеючи,
Говорить разумеючи.
Надо старого звать дядюшкой,
А старую-то звать тетушкой,
Молодых-то по имени,
Величать по отечеству.
Как родимая-то матушка
Во первой-от раз побудит —
По головушке погла́дит:
«Уж ты спи, мое дитя́тко,
Уж ты спи, мое милое!»
Как второй-от раз побудит —
Куньей шубкой оку́тает,
Как в третей-то раз побудит:
«Ты вставай, мое дитя́тко!
У меня всё дело сделано
И работа наработана!»
Уж я встану, молодешенька,
Ключевой водой умоюся,
Полотенечком у́труся.
Всё дело-то сделано,
Вся работа приработана.
У родимой-то матушки,
У родимого-то батюшки
Я не знала, молодешенька,
Где восходит-то солнышко,
Закатается красное.
На чужой-то на стороне
Я спознала, молодешенька,
Где восходит красно солнышко,
Где оно закатается.
На чужой-то на стороне
На злодейке-то прокля́той,

У чужого отца-матери —
Как ходит чужая мать
По поветям-то скрипучим,
По переводам-то зыбучим:
«Ты вставай, сноха сонливая,
Ты вставай, сноха дремливая!
Я всё дело-то приделала,
Всю работу приработала». —
Уж я встану, молодешенька,
Горючим слезам умоюся,
Я рукавчиком утруся.

* * *

«Ты здорово, милая сестрица-голубушка!
Живешь здраво на ознобной чужой дальней стороны.
Чего я спрошу, душа красная девица,
У тебя, милая сестрица-голубушка:
Каково там, сестрица-голубушка,
На ознобной чужой дальней стороны,
У чужих богоданных родителей
Доставать ласкоту-добродетель великую,
Серебряной иголочкой прищивитися,
Золотым клубочком прививатися?»

— «Ты послушай, душа красна девица!
Мудрено жить на ознобной чужой дальней стороны,
Серебряна иголочка затупится.
Наб покорному быть сердцу ретивому
И склонной младой буйной головы,
Всех по имени звать, по отчеству:
Поутру наб вставать-то раным-ранешенько,
А вечером ложиться поздним-позднешенько.
Как зачнешь вставать, душа красная девица,
Попрекать станут твоего-то мужа богоданного,
Что ленивая у него взята, не станливая,
Не трудница взята, не работница».

— «Спасибо за совет, сестрица-голубушка,
Что научила душу красну девицу,
Как жить на ознобной чужой дальней стороны».

Уж ты свет моя голубушка,
Моя прежняя подруженька!
Тяжело да расставатися
Со своим-то отцом-матерью,
С доропими-то сестрицами,
Со всем милым родом-племенем.
А еще того тяжёлее
Расставаться с вольной волею,
Со девичьей своей красотою.
Не запомнила, младешенька,
Расставанья я тяжелого —
На руках-то меня вынесли,
На конях-то меня вывезли
Ко матушке божьей церкви,
Под венцы под золоченые,
От венца от золоченого
На чужую дальнюю сторону;
Увезли меня, подневольную,
Ко чужому-то чуженину.
Что хвалить-то чужу сторону —
Мое сердце не воротится,
А что хаять чужу сторону —
Твое сердце испугается.
Уж ты свет моя подруженька!
Тяжело жить во чужих людях,
У чужого отца с матерью,
У чужого сына отецкого,
У грозы-то молодецкия.
Ты живи, моя голубушка,
На чужой дальней сторонкушке
Осторожненько, умеючи,
Говори да разумеючи.
Не держи на чужой стороне
Ты подружки задушевные;
Ты держись, моя голубушка,
Всё подушечки пуховые:
Что подруженька-голубушка
На чужой на дальней стороне
Тебя выдаст да и высмеет,

А подушечка пуховая
Твоих жалоб не поведает.

* * *

Мы тебе, сестрица-душа, без людей говорим,
А при людях мы тебя на ум поучим:
Пойдешь ты, сестрица-душа, во чужи люди,
Держи ты головушку да поклонливую,
Ретивое сердечушко да покорливое.
Не тебя кликнут — ты откликнися!
Не тебя пошлют — ты сама пойди!

* * *

Пустая хоромина,
Все углы развалилися,
По бревну раскатилися!
На печище котище лежит,
А по полу — гусыня,
А по лавочкам — ласточки,
По окошечкам — голуби.
Как пустая хоромина,
Все углы развалилися,
По бревну раскатилися!
На печище котище лежит --
То лютой свекор бабушка,
А по полу гусыня —
То лютая свекровь матушка;
А по лавочкам ласточки —
То золовки-голубушки;
По окошечкам голуби —
Деверья ясны соколы.

* * *

Шла молода,
Шла молода
Из-за лесу темного,

Видела,
Видела
Черную смородину:
Вызрела,
Вызрела
Черная смородина.
Вызнала,
Вызнала
Да люта свекра-батюшку:
То-то лют,
То-то лют
Да и свекор-батюшка;
То-то люта,
То-то люта
Да люта свекровь-матушка.

* * *

Родимая моя матушка!
Пройдет зима студеная,
Настанет лето теплое,
Порастет в лугах зелена трава,
Расцветут цветы лазоревы, —
Пойдут мои подруженьки,
Пойдут мои задушевные,
Задушевные, полюбовные,
Во зеленые луга гулять;
Сорвут они по цветочку,
Совьют они по веночку.
Мой цветочек при путе стоит,
При путе стоит, при дороженьке:
Никто его не сорвет,
Никто венка не совьет,
Он и сохнет-посыхает —
Мое сердце занывает
На чужой дальней сторонушке,
У чужого отца-матери:
Чужой-от отец-мати
Чомливы, спесивы и гордивы,
Они любят чомы и ломы
Да пренизки поклоны.

А я-то, горегорькая,
А я-то, горемычная,
Не умею им покориться,
Не умею им поклониться.
А я-то у тебя, родима матушка,
Была дитя нежное.
Не знаю-то я ни чомов, ни ломов,
Не знаю я низких поклонов.

* * *

Сборы, сборы широкие,
Широкие сборы девичьи!
Собирала подружек за круглый стол,
Садила подружек высоко;
Сама садилась повыше всех,
Наклонила голову пониже всех,
Думала думушку покрепче всех:
«Как будет прийти во чужи люди,
Как будет назвать люта свекра?
Батюшком назвать — не хочется,
Свекром назвать — рассердится.
Как назвать люту свекровушку?
Матушкой назвать — не хочется,
Свекровью назвать — рассердится.
Подружки мои, голубушки!
Придумайте-ко, пригадайте.
Убавлю я спеси-гордости,
Прибавлю ума-разума:
Назову свекра — батюшком,
Люту свекровушку — матушкой.
С этого я худа не буду,
С белого лица не спаду,
С алых румянец не сойду».

* * *

Как ездил млад отецкой сын
По деревни красивыя,
Он по волости гульливыя;

Уж он ездил да посвистывал,
Своей волюшкой помахивал:
«Уж я возьму молодую жену,
Уж я так ее повыучу,
Уж я так ее повышколю —
К воротам пойдет дороженькой,
От ворот пойдет тропиночкой;
Уж я так ее повыучу,
Уж я так ее повышколю,
Чтоб заложечка не шелкнула,
Перекладинка не скрипнула».

* * *

Не кладу я судьбу-жалобу
Не на тятеньку с маменькой,
Положу я судьбу-жалобу
Ай на свата на прелестничка,
На злодея-приговорщика.
Он ходил к нам почастехонько,
Говорил речь полегохонько,
Он хвалил чужую сторону:
Как чужая-то сторонушка,
Она сахаром усеяна,
Медовой сытой сполівана,
Виноградом огорожена.
Не жила млада — не ведала,
Пожила млада — испроведала.
Не ходи, любезный сватушка,
Не хвали чужую сторону!
Как чужая-то сторонушка,
Она горяшком усеяна,
Горючим слезам сполівана,
Пустословьем огорожена.

* * *

Сват-от сватался да порасхвастался:
Что изба-то у нас пятистенная,
Что двор-то у нас на семи верстах,

Что скотинушки у нас полон двор,
Среди-то двора шатер стоит.
Три поля у нас хлеба насеяно,
Частым дождичком поливано,
Всё весельем огорожено.

Обманули меня, бедную:
Что изба-то — безугольная,
Что двор-от на семи шагах,
Что скотинушки — одна коза,
Среди двора пестер стоит;
Три поля горя насеяно,
Горючим слезам поливано,
Всё кручиной огорожено.
Я пойду с горя в темны́ леса, —
Я хожу в лесах, аукаюсь.
Никто в лесе не отукнется,
Что ни бабушка, ни матушка,
Ни соколы братцы милые,
Ни голубушки белы сестры.
Чуть надносит голос матушки:
«Ты родимое мое дитяtko,
Не в лесу ли заблудилося,
Не в траве ли заплеталося,
Не в росе ли замочилося?»
— «Ты родимая моя матушка!
Заблудилась я в чужих людях,
Заплелась я в горе-кручинушке,
Обмочилась в горячих слезах».
— «Ты родимое мое дитяtko!
Ты носи платье, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай».
— «Ты родимая моя матушка!
Понося-то платье, сложится,
Потерпя горе да скажется».

* * *

Вечером поздним-позднехонько
К Авдотьину отцу, к матери
Приходила сваха-сводница,

Постучалась под окошечком,
Выкликала мать Авдотьюну,
Ей хвалила чужу сторону:
«На чужой дальней сторонущке
Поля сахаром засеяны,
Виноградом огорожены,
Медом-сытою поливаны;
Середь поля стоит горница,
Ровно светлая-то светлица,
Три окошечка косящаты
И карнизики узорчаты».
— «Соврала ты, сваха-сводница!
На чужой дальней сторонущке
Кто живал, так всё изведывал:
Там поля горем засеяны,
Да кручиной огорожены,
Горючим слезам поливаны,
Середь поля стоит келейка,
Как конурка — развалилася;
В ней одно окно разбитое.
Околеть бы тебе, свяхонька,
Без родной семьи, без сродников,
На тот свет идти без савана
И без гроба бы валятися!
Повезли бы сваху-сводницу
Во леса-то во дремучие
Да во грязи во топучие,
Посвалили б сваху-сводницу,
Не в могилу — поверх матушки
Сырой земли валятися!»

* * *

Как вечер, моя матушка,
Прилетала кукушечка,
И садилась кукушечка
На кутнее окошечко.
Говорила кукушечка
Человеческим голосом:
«Уж ты плачь, красна девица,
Уливайся, дочь отецкая!

На чужой-то на сторонушке
Три поля горя насеяны,
Печальёй-то огорбжены,
Горючим слезам поливаны.
Течет реченька слезяная,
По ей жилочка кровяная».
А сегодня вот, матушка,
Прилетал млад ясен сокол,
Что садился млад ясен сокол
На переднее окошечко;
Говорил млад ясен сокол
Человеческим голосом:
«Ты не плачь, красна девица,
Веселись, дочь отецкая!
На чужой дальней стороне
Три поля пшена насеяны,
Весельем да обгорбжены,
Радостью да исполваны.
Течет реченька медовая,
По ей жилочка золотая».

* * *

«Ты голубушка невестушка,
Ты сударушка моя болезная,
Что заприметила ты, голубушка,
На чужой-то на сторонушке,
Что на этой-то незнакомой мне, —
Каковы там чужи люди
И дородный добрый молодец?
Он не пьет ли пива пьяного,
До увалу — зелена вина?
Ты скажи, моя болезная,
Ничего не опасючи,
Всеё правды не утаючи!»
— «Ты родимая моя золовушка!
Я скажу-то правду-истину,
Ничего-то не утаючи,
Никого не опасючи:
Я заметила чужих людей

И дородна добра молодца,
Что они-то все, чужи люди, —
Люди добрые, смиренные,
Роду честного, богатого,
А дородный добрый молодец
Будто яхонтец катается,
Ходит полом — улыбается,
Будто лебедь — лицо белое,
Очи ясны, как у сокола.
Шлет тебе свои подарочки:
Перстенек с руки золоченый,
Шелковóй платок со цветикам.
Пива пьяного и в рот не взял,
В руки белы — зелена вина».

* * *

Во тереме свечка не ярко горит,
Не ярко, не жарко, не вспыхивает,
Ярого воска вытаеает.
В тереме Прасковья печально сидит,
Горючие слезы выранивает,
Часто в окошко посматривает:
Что ж долго, что ж поздно, сокол, не летишь?
Погоди немножко, сокол, с крутогор,
Погоди маленько — Иван к нам во двор.
На двор въезжает — весь двор осветил.
На крыльце ступает — крыльце зыбится,
У сени всходит — сени ломлются,
В íзбу входит — богу молится.
«Здравствуйте, здоровеньки ль красны
девушки,
Жива ли, здорова ль княжна моя?»
— «Уси живы-здоровы красны девицы,
Одна нездорова Прасковья твоя».

* * *

Дорогй гости, гости милые,
Поезжана вы хорошие!
Уж ты дружка с полудружьем,
Ты душа добрый молодец!
Погляжу я, молодешенька,
Во среднее окошечко.
Как у нашей светлой светлицы,
Как у дому благодатного,
Не купцы-купцы наехали,
Не палатки поисставили —
Поезжане наехали
Со добрым да добрым молодцем
Что ко мне, молодешеньке.
Благослови меня, господи,
Пресвятая богородица!
Мне садиться, молодешеньке,
Во местечко во упальное
Со своим со подруженькам —
Причитать мне, молодешеньке,
Что последнее-то времечко,
Мне последнюю-то ноченьку
Со своим со подруженькам.

* * *

«Ах, не тесно ль тебе, реченька,
Не тесно ль тебе, быстрая,
По подлесью было текучи?»

— «Ах, когда было бы не тесно,
Я текла бы, не мутилась,
Не обмывала бы крутых берегов,
Не осыпала бы с гор желтых песков,
С гор желтых песков рассыпчатых!»
— «Ино как тебе, Анна-душа,
Сговореной сидеть не скучно?»
— «Ах, когда бы не было скучно,
Я сидела бы не плакала,
Не слезила лица белого,
Лица белого, румяного!»

* * *

Расплетите, подруженьки,
Вы мою девью красоту,
Вы мою красовитую
В достальные, последние.
Не бывать-то мне, мблode,
Не бывать-то мне, зéлене,
Со подружкам-голубушкам
На веселых гуляньицах.
Как о летних о праздничках
Гуляли мы, мблode,
По травке по шелковой,
По цветочкам лазоревым.
Под нам травка не мялася,
Цветочки не ломались,
Над нам люди дивовались:
«Это чьи идут дéвицы?
Это чьи раскрасавицы?
Не родимые ли сéстрицы,
Не одной ли мáти дочери?»

* * *

Я возьму свою красоту
Во свои руки белые,

Я снесу свою красоту
Во леса во дремучие,
Повешу свою красоту
Я на белую березоньку.
Тут не место ей, не местечко:
Как придет зима холодная,
Нападут снега белые,
И придут люди добрые
С топорами со острыми,
Подсекут белу березоньку, —
Упадет моя красота
На снега-то на белые.
Как придет весна красная,
Как растают снега белые,
Потекут реки быстрые,
Унесут мою красоту
Во луга во зеленые,
На травы на шелковые,
На цветы на лазоревы.
И придет лето теплое,
И пойдут люди добрые
Со косами со острыми,
Подкосят люди добрые
Те травы-то шелковые,
Упадет моя красота
Что на щетку колючую, —
Тут не место ей, не местечко.
Я снесу свою красоту
Ко Ивану Предтече,
Положу свою красоту
За престол божьей матери.
И придут люди добрые
Во церкву божественну,
И увидят люди добрые
Мою девью-то красоту:
«Ужо чья это красота?
Она красно красовалася,
Она баско наряжалася
У родимого батюшки,
У родимой-то матушки».

Уж ты мать-то моя, матушка,
Уж ты мать-то, моя разродимая,
Ты поди, моя родимая,
Что во мой-то нов высок терем,
Во всю во нову горницу,
Под перед сядь, под окошечко,
Погляди, моя родимая,
На мою-то на русу косу,
Что на девичью на красоту,
Что недолго, моя матушка,
При косе мне красоватися,
Мне при русой радоватися:
Наутро, моя матушка,
Ко злату венцу ехати,
Под златым венцом стояти.

Меня батюшка жалует
Не великою радостью —
Удалым добрым молодцем.
Меня матушка жалует
Невеликою радостью —
Меня кикой-то белою.
Уж как кика-то белая
Влагает желтизну в лицо,
Сухоту в ретиво сердце.
Уж как девичья красота
За сто верст она слышна,
Уж как кика-то белая
Со печи не видна
И за порог не слышна.

Спасибо, матушка ласковая,
Дорогая и умильная!

Ты берегла меня, матушка,
Во девичестве моем долгом,
Укрывала меня, матушка,
От людских переговоров слов,
Ты дарила мне, матушка,
Каждый год волю вольную.
А теперь у меня, девушки,
Отнимают эту волюшку,
Да-й сама-то ты, матушка,
Даешь на то свое согласице.
Ты прощай же, родимая,
Ненаглядное солнышко!
Благослови меня, матушка,
Благослови, не прогневайся,
Не помни, родименька,
Моих глупостей девических,
Моих слов неумильных!

* * *

Вы цветы ли мои, цветики,
Отцвели вы, оталели
По лужкам по зеленом,
По крутым горам высокоем.
Что по речкам-то по быстрем,
Как по быстрым, каменистым,
Как плывут тут три кораблика:
Уж как первый-то кораб проплыл
Со периной со пуховою;
А второй-то кораб проплыл
С сундуками-то со дубовыми;
Уж как третий-то кораб проплыл
С Катериной Константиновной.
Выходила ее маменька
Во чисто поле широкое,
Закричала громким голосом:
«Ты дитя ли мое милое,
Чадо милое, любимое!
Не ключи ли ты оставила?»

— «Позабыла я, оставила
Что свою-то волю вольную,
Что и девичью-то красоту».

* * *

Вы лебедушки подруженьки,
Вы лебедушки мои белые!
Уж придет-то к вам весна красная,
Расцветут-то и все цветики,
Расцветут и все лазоревы;
Вы пойдете во зелены луга,
Вы сорвете-тко все по цветику,
Вы совете-тко все по венчику,
Уж останется один мой цветик,
Уж не совется-то один мой венчик.
Вы лебедушки мои подруженьки,
Вы лебедушки мои белые!
Вы сорвите-тко и мой цветок,
Вы совьте-тко и мой веноч.
Вы пойдете-тко по улице,
Вы пойдете-тко по широкой,
Вы пойдете-тко мимо батюшки,
Мимо-то батюшки, мимо матушки,
Положите-тко вы к ним на окошечко:
Не ужаснется ли их сердечушко,
Не ужаснется ли их ретивое?

* * *

Угрюм, угрюм ходит
Марьин батюшка;
Угрюма, угрюма ходит
Марьина матушка:
Мела свой высок терем,
Потеряла свой золот перстень,
Не золот перстень потеряла —
Потеряла свое дитяtko,

Потеряла свое милое,
Марью Андреевну.

Весел, весел ходит
Васильев батюшка;
Весела, весела ходит
Васильева матушка:
Мела свой широкий двор
И свою новую горницу,
Нашла золот перстень
С дорогим с камешком.
Не золот перстень нашла —
Нашла себе дитяtko,
Нашла себе милую,
Марью Андреевну.

* * *

«Воробушек-воробей,
Сколь далеко отлетал?»
— «Я от сада до сада,
До красного вишенья,
До черной смородины!»
— «Ай молодец-то, молодец,
Константин Димитриевич,
Сколь далече отъезжал?»
— «Я от села до села,
До тестева до двора,
До тещинова терема,
До девичей комнатки:
Девушка, отопрись,
Красавица, отворись!»
— «Я бы рада отперлась,
Я батюшки боюся,
Я матушки стыжуся».
— «Ох, девушка, уеду,
Красавица, уеду:
Дробен дождик плечи льет,
Красно солнце лице жжет,
А буен ветер шляпу рвет».

Ермил-господин по двору гуляет,
 Он добра коня выбирает,
 Совсем его снаряжает,
 К тещину двору приезжает:
 «Ты теща моя, теща ласковая;
 Ты пусти меня на двор,
 Ты пусти меня к моей суженой!
 Я ли платье ей привез,
 Я платье самоцветное!»
 — «Ей платьице не надобно,
 А надобно другое что!
 У ней платьице и дома есть».

Ермил-господин по двору гуляет,
 Он добра коня выбирает,
 Совсем его снаряжает,
 Ко тещину двору приезжает:
 «Ты теща моя, теща ласковая!
 Ты пусти меня к себе на двор,
 Ты пусти меня к моей суженой!
 Я ли жемчуг ей привез,
 Жемчуг со алмазами,
 Со алмазами и со яхонтами!»
 — «Ей жемчуг со алмазами
 И со яхонтами не надобны,
 А надобно другое что!
 У ней ли то и дома есть».

Ермил-господин по двору гуляет,
 Он добра коня выбирает,
 Совсем его снаряжает,
 К тещину двору приезжает:
 «Ты теща моя, теща ласковая!
 Ты пусти меня на двор к себе,
 Ты пусти меня к моей суженой!
 Я ли золот перстень привез,
 Золот перстень со алмазами,
 Со алмазами и со яхонтами!»
 — «Изволь, сударь, въезжать,

Изволь к своей суженой,
Изволь к своей ряженой!
Ей золот перстень надобен,
Ей надобен и со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами;
Ей тем ли перстнем обручатися».

* * *

Ты вставай-ка, родима матушка!
Проспала ты среди темны ночки,
А мне, молодой, не уснулося.
Уж такой ли мне сон привиделся:
Ходила я по горам по крутым,
Собирала я крутыя ягоды.
Что круты горы — мое горе,
Круты ягоды — мои слезы.

* * *

Мне прошедшу темну ноченьку
Не спалось красной девице,
Во просонках много виделось:
Будто я-то, красна девица,
Выходила рано в улицу,
Где заря-то занимается,
Красно солнце где красуется.
Там узнала вас, подруженьки!
Мне навстречу — злы чужи люди,
Подзывали, силой забрали,
Полоном-то заплонили,
Увезли в леса во темные;
Там мне страшно показалось,
И я с плачем просыпалася.
А другое мне привиделось:
У моего кормильца батюшка
Развалилася хоромина,

Середь улицы рассыпалась,
Бревна врозь все раскатились,
Углы прочь поотвалились.
На трубе сидит да гаркает
Черный ворон громким голосом;
А на ясно красно солнышко
Тучи темные надвинулись,
Грянул гром, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалась.

* * *

Я пошла, молодешенька,
Во теплую баенку
Со милыма со подружками
Помыться-попариться, —
Не смыть бы мне девью красу,
Отроду мне не во первые,
А во девьей красе в последние.
Растопись, моя банюшка,
Разгорись, сыра каменка!
Ты рассыпсья, крупен жемчуг,
Не по атласу, не по бархату,
А по браной по скатерти!
Ты поплачь, красна девица,
Перед родителем-батюшкой
И родителью-матушкой!
Ах вы батюшко-матушка!
Благословите мне, девушке,
Идти в парную баенку,
Хоть не в первую, не последнюю,
А во девичью последнюю!

* * *

Уж тебе бы, бане-пáруше,
По бревну бы раскатиться,
По кирпичику развалиться.
Уж как баня-то пáруша

На лютых-то зверях вожена,
На лихо место поставлена.
Уж ты свет кормилец дядюшка
И кормилица тетушка,
Уж вы встретьте меня, бедную!
Уж вы дайте мне, родимые,
Ключевой воды напиться!
Подойди, кормилец дядюшка
И кормилица тетушка,
Вы ко мне, к сиротинушке.
Посмотрите-ка, родимые,
На мое лицо белое, —
Как берестечка, блеклое,
Зла тоска на нем написана;
Как мои щечки алые —
Что листочки лежалые.
Я немного попарилась,
А уж много с себя спарила
Что своей-то девьей красоты.

* * *

Поля ли мои, поля чистые,
Лужки мои зеленые,
Травушки шелковые,
Цветки мои лазоревые!
Любила я по вам гулять,
Я по вам гулять, красоватися,
Своей путевой косой выхвалятися;
Уж одна была у меня коса,
Да две волюшки,
Две волюшки, и обе вольные;
Хоть две у меня будет косы,
Да одна волюшка,
Одна волюшка, и та невольная.

* * *

Не в трубушку трубили рано по заре —
Расплакалась Прасковья по русой по косе:

Коса ль, моя косынька, коса ль моя русая!
Вечор мою косыньку девушки плели,
Жемчужными камушками увязывали,
Шелковыми плетушками уплетывали.
Прислал Иван ко мне сватушку
Немилостивую, нежалостливую:
Начала она косыньку рвати-метати,
Шелковые плетушки выплетывати,
Жемчужные камушки вынизывать,
Распустила мою косыньку по белым плечам,
Разлила мои слезыньки по румяным щекам.

* * *

Раструбилась трубонька рано по заре,
Расплакалась девушка по русской косе:
«Сегодня мою косыньку подружки плетут,
А завтра мою косыньку сваха расплетет,
Разделят мою косыньку на две косы,
Обвертят мою косыньку вокруг головы,
Наденут на головушку бабую красу́,
Красуйся-ка, подруженька, отнынь до веку́».

* * *

«Подружки-голубушки,
Подруженьки мои милые», —
Говорила Маланьюшка
Свет Сидоровна, плачучи,
Говорила красным девушкам,
Говорила, сама молила:
«Не отпирайте, не отпирайте,
Не отпирайте ворот гостям,
Чужим гостям, неизвестным!
Не пускайте, не пускайте.
Не пускайте чужих гостей,
Чужих гостей, неизвестных,
Гостей на широкий двор!

Запирайте, запирайте,
Запирайте сенную дверь,
Сенную дверь во светелочку!
Не отворяйте, не отворяйте,
Не отворяйте дверь ко терему,
К терему ль моему высокому!
Не пускайте, не пускайте,
Не пускайте чужих гостей,
Чужих гостей, незнаемых!»
— «Ой не плачь, не плачь,
Не плачь, душа Маланьюшка,
Не плачь, свет наша Сидоровна!
Не чужой гость, не чужой,
Не чужой идет — твой суженый,
Идет к тебе твой ряженный!»

* * *

Ветры буйные, разбушуйтесь,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехать
Что за мной, молодой, чужим людям!
Затворитесь, воротечка,
Вы широки, крепко-накрепко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозная,
Туча грозная да громовитая, —
Напустися ночью темною,
Рассыпайся, крупный дождичек,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехать
Ко мне злым чужим людям!

Ты послушай, сокол милый брат,
Я об чем тебя просить буду:
Ты сходи-ко, сокол милый брат,
Во поля, в луга во чистые,
Во леса-то во дремучие,
Во дубравушки зеленые,

Где сырой бор с ветром спорится,
Там все звери люты водятся.
Ты поймай-ка зверя лютого,
Зверя лютого, едучего,
Из рта его — огонь пламенем,
Из ушей его дым столбом валит,
Из очей его искры сыплются.
Привези ты мне зверя лютого,
Привяжи его к двору батюшки;
Как подъедут-то злы чужи люди
К широку двору ко красному —
Они зверя-то испугаются,
От меня, молодой, прочь отступятся.
Я еще бы покрасовалась
У кормильца моего батюшки,
У родимья у матушки,
У соколиков братцев милых,
У голубушек невестушек.

* * *

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Своему-то брату милому,
Ивану Васильевичу:
«Ты сокол мой, братец миленький,
Ты запри крепко вороточки
Тремя замками немецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Иванычу
Чтоб за мной сюда не въехать,
На широкий двор на батюшкин».
Как возговорит Иван-то молодец,
Как возговорит Иванович:
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой слесаря,
Из немецкой земли мастера:

Ототрет замки немецкие,
Все запоры ваши крепкие».

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась,
Говорила речь милой сестре:
«Ты голубушка, мила сестра,
Заплети мне русу косыньку
И увей мне крепче золотом,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы».
— «Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой свяхоньку
Расплетать твою русу косу,
Разовьет всё с косы золото».

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Подружкам-голубушкам:
«Вы голубушки подруженьки,
Вы улейте-ка круту гору,
Чтоб нельзя было разлучнику
За мной въехать на круту гору».
— «Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю коней под горой,
А пешком взойду на круту гору
Со друзьями, со товарищами
И возьму за руки белые,
Поведу тебя под злат венец».

* * *

«Свет мой сестрицы,
Вы сестрицы-голубушки,
Схороните меня за себя!

Вон идет разоритель мой,
Вон идет погубитель мой,
Вон идет расплети-косу,
Вон идет потеряй-красу».

Василий возговорил,
Григорьевич промолвил:
«Не я разоритель твой,
Не я погубитель твой.
Разоритель твой — сват большой,
Погубитель твой — тысяцкий,
Расплети-косу — свахонька,
Потеряй-красу — друженька».

* * *

Не от ветру, не от вихорю .
Вереюшки пошатилися,
Воротечка растворилися,
Кони-то на двор заехали,
Удалые на широкий двор,
Тут гость ступил в горенку,
Да князем во светлицу.
Полна горница столов стоит,
Полна светлица гостей сидит.
Тут Марьюшка испугалася,
Со бела лица переменялася,
Белы рученьки попустилися,
Резвы ноженьки подкосилися,
Из глаз слезы покатилися,
В устах речь помешалася;
Во слезах я слово молвила,
Во слезах речь говорила:
«Вон идет погубитель мой,
Вон идет разоритель мой,
Вон идет потеряй-красу!»
Тогда Павлушко слово молвил,
Свет Иванович речь говорил:
«Не я погубитель твой,
Не я разоритель твой.

Твой разоритель — родной брателко,
Разорительница — сношенька,
Расплетай-косу — свашенька,
Потеряй-красу — подруженька».

* * *

Шумел бор
Перед тучею,
Перед грозною;
Стукался Антон
У девицы под окном:
«Отдайте мое,
Мое суженое, мое ряженое!»
Вынесли ему
Сундуки-животы.
«Это не мое,
Это не суженое,
Это не ряженое!»
Вывели ему
Душу девицу.
«Это мое,
Это суженое,
Это ряженое!
Пойду я к ней,
Поцелуюся, поцелуюся!»

* * *

Дорогие мои матушка
Да родимый батюшка!
Ты сажай гостей нежданных,
Нежданных, незнакомых,
Всех по лавкам, всех по рядушкам!
Посади-ка свата-сводника,
Посади-ка по конец стола,
По конец стола дубового!

Ты дай-ка свату-своднику,
Ты дай хлеба невеяна,
Ты дай ложку без стебеля,
А ножичек без чéренка.

* * *

Как сказали-то, Иванушка хорош да хорош! —
Черт у него, не хорошество!

Сам шестом,
Голова пестом,
Уши ножницами,
Руки грабельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.
Соловьины-то глаза
По верхам глядят;
По верхам глядят,
Они каши хотят.
Вчера каша сваренá,
Вчера съедена была.
Шея-то синя́,
Будто в петле была!
Нос-от синь, —
Это свахин сын!

* * *

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку прóлили,
Всю капусту по́лили.
Верее молилися:
«Верее, вереюшка!
Укажи дороженьку
По невесту ехати!»

Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся;
А копейка ребром становится,
Она к девушкам норовится!

* * *

Уж тому ли свату-своднику
На печи бы заблудиться,
Сквозь напыльник провалиться,
Киселем бы подавиться,
Под шесток бы закатиться,
Чтоб клюкой грести, не выгрести,
Помелом мести, не вымести!
А еще бы свату-своднику
Три бы чирья ему в бороду,
А четвертый-то под горлышко,
Вместо красного солнышка.
Уж ему ли, свату-своднику,
Мы дадим же провожатого —
Таракана-то рогатого,
Еще мышь полосатую.

* * *

Сваха-неряха,
Немытая рубаха,
Неколоченая,
Немолоченая.
Свахоньку
Надо выколотить,
Свахоньку
Надо вымолотить.
Надо рощи нарастить,
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить.

Выпустим кота
Из-за заднего хлевá,
Обдерет он тебя,
Ровно сковороду.

* * *

Красные девицы,
Пирожные мастерицы,
Блинные пагубницы,
Сметанные лакомицы!
Ваше дело не по свадьбам ходить,
Не на свадьбы глядеть,
Ваше дело в клеть залезть,
Сметану снимать, лепешки печи,
Под забор хоронить,
Ребят кормить.

Молодые молодицы!
Ваше дело не по свадьбам ходить,
Не на свадьбы глядеть —
Ваше дело дома сидеть,
Веревочки вязать,
Ко омету сходить,
Беремя соломы взять,
Постелю мягкую себе стлать
С хозяевами крепко спать.

Старые старухи!
Ваше дело не по свадьбам ходить,
Не на свадьбы глядеть —
Ваше дело дома сидеть,
Ребят кормить, снох смущать,
Чтобы они чаще бранились.

Маленькие ребятки!
Вы с полатей глядите,
Сопли не уроните,
Князю новобрачному

Головы не проломите!
Сопли подотрите,
По горох подите!

* * *

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Как на друженьке кафтан
Голубой, парчевой,
Как на друженьке штаны
Черны бархатные,
Как на друженьке чулки
Белы шелковые,
Смазные башмаки,
Пряжки с искорками,
Вон повыскакали.
Как на шейке-то платок,
Будто аленький цветок,
Во кармане-то другой,
Италианский голубой.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!

* * *

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Что у друженьки сапожки сафьяновые.

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Что на друженьке кафтан тонкосинего сукна.

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Что у друженьки поясочек шелковенький.

Друженька хорошенький,^{*}
Друженька пригоженький!
У нас есть для тебя много пива и вина.

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
У нас есть про тебя красна девица-душа.

* * *

Ты садись-ка, добрый молодец,
Поплотнее со мной рядышком,
Чтобы век-то нам не разлучатися,
Друг на друга не пенятися.
Ты садись не с спесью-гордостью,
А садись с господней милостью,
Чтобы жить-то нам не маяться,
А проживши, не спокаяться.

* * *

Ты изволь-ка, добрый молодец,
Ты прими-ка да и выкушай
Стакан пива пьяного,
Пиво пьяное разымчивое,
Ведь оно тебе, надеженька,
Слаще сахара покажется,
Виноградиной подкатится
К твоему ли ретиву сердцу.

* * *

Ты приятный, желанный батюшко!
Ты какого же выбрал мне чуже-чуженина?
Он ломливый-то да и чомливый-то,
Не берет-то он пива пьяного,
От меня-то, души девицы!
До поры-то он до времени
Надо мной-то накуражится.

Видно мне-то, красной девице,
Приподняться на резвы ноги,
Поклониться чужу-чуженину.

* * *

Свет Марьюшка по сенюшкам ходила,
Ивановна по новеньким гуляла,
Своего батюшку, своего родного будила:
«Ты встань-ка, мой батюшка, пробудись,
В окошечко, родимый мой, погляди:
Что каков-каков Иванушка на коне,
Что каков-каков Иванович на вороном?»
— «Ох хорош, хорош, мое дитяtko, — что сокол,
Да пригож, пригож, мое милое, — что ясен!»
Во лугах, во полях цветы-то расцвели,
У моего-то у милого кудерушки завились.

* * *

Ты взойди, Анна-душа, на новы сени,
Ты взойди, Михайловна, да на новые!
Посмотри, Анна-душа, во чисто поле,
Посмотри, Михайловна, да во чистое!
Сколь силен едет Иван-то князь,
Сколь силен едет Александрович:
По одну сторону пятьдесят человек,
По другую сторону еще пятьдесят!
Гляючи, Анна-душа испугалася,
Гляючи, Михайловна испугалася:
«Зашатри, батюшка, шатром ворота!
Занавесь, матушка, камкою терём!
Оберните, сестрицы, меня полотном!»
Едучи, Иван-то князь похваляется,
Едучи, Александрович похваляется:
«Быть, быть шатру да разломанному!
Быть, быть камке да разодранной!
Быть, быть Анне-душе во полон взятой!
Быть, быть Михайловне во полон взятой!»

* * *

«Часовая наша гостюшка,
Наша милая Аленушка!
Ты войди-ка в нову горенку,
Сядь-ка ты там на лавочку,
Погляди-ка в окошечко,
Сквозь хрустальное стеколышко,
Сколь велик, сколь мал едет поезд твой?
Сколь хорош, пригож твой жених сидит?»
— «Мой-то поезд великím-велик,
А жених-то мой хорошím-хорош.
Уж на нем ли шуба — шуба новая,
Шуба новая, кушак шелковый,
На головке шапка каракульчата,
А на ножках сапожки сафьяненькие».

* * *

Ваня ходит по двору,
На нем кунья шубонька.
Люди-то спросят:
«Чей ходит такой?»
Батюшка-то скажет:
«Мой сын родной».
Матушка-то скажет:
«Я родилá»,
Брателко-то скажет:
«Я коня седлал»,
Сестрица-то скажет:
«Я кудри завила»;
Поликсена скажет:
«Мой господин!»

* * *

А у месяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные;
У Иванушки кудри русые

По плечам лежат,
Словно жар горят.
Чьи ж это были вымыслы,
Чтобы Ванюшку женить?
Это были вымыслы
Родной матушки,
Сидя в горенке,
Под окошечком,
Под окошечком
Под хрустальным
И под стеклышком.

* * *

Наша княгиня-душа Агафья Ивановна!
У нашей княгини-души Агафьи Ивановны
Сережки яхонтовы — лицо разгорелось,
Монисты золоты — шею обломили;
У нашей княгини-души Агафьи Ивановны
Тело бумажное, кости лебединые,
Со бровей соболю бежит, со очей сокол летит,
Повздыханье — белкино, поговорка — кункина,
Повздохнет — в сто рублей,
Проговорит — в тысячу.

* * *

Собирались красны девицы
В одное толпу гулять,
Зеленую грушу ломать.
Мы думали: грушица,
Ан душа красна девица,
Что Авдотья-то Ивановна.
По лесам-то она идет —
Все леса-то к ней приклоняются;
Что лугами-то она идет —
Все луга-то под ней зеленеются;
Что полями-то она идет —
Все поля-то на нее красуются;

Что улицей идет —
На нее любуются;
Ко двору-то она подходит —
Ее братья встречают,
По имени ее называют,
По отчеству величают;
Ко сеням она подходит —
Ее матушка встречает;
Ко дверям-то она подходит —
Родной бабушка встречает,
За белы руки хватает,
Золоты перстни снимает,
За дубовый стол сажает.

* * *

Ах, кто у нас умен,
Кто у нас разумен?
Как Иван-то умен,
Максимиыч разумен:
По горенке ходит,
Тихо наступает,
Сапог не ломает,
Чулок не марают.
На крыльцо выходит,
К нему коня подводят,
Ему коня подводят,
Конь веселится.
Он плеткой машет,
Под ним конь пляшет.
Со двора съезжает,
Под ним конь играет.
Он улицей идет —
Вся улица стонет.
Лугами едет —
Луга зеленеют.
Садами едет —
Сады расцветают,
Пташки расппевают,
Девушки встречают,

Вина наливают,
Ивану подносят.
«Я не пью, молодчик,
Вино зеленое.
Только пью, молодчик,
Сладенький медочек».

* * *

Не соболь дыблет по улице,
Что не черный сибирский по широкой:
Еще ходит-гуляет сам млад князь;
Он часто ко терему привертывает,
Под окошечком часто колотится,
У Анны тайно выспрашивает,
У Петровны тайно выведывает:
«Неужели, Анна Петровна, моя да моя?»
— «Уж я, право, сударь, не твоя да не твоя,
Уж я божья, да божья, да батюшкова;
Уж я батюшка Петра Ивановича,
Уж я матушки Татьяны Ивановны».

* * *

Уж как вьется хмель по болоту,
По болоту хмель, по болоту,
Прививается хмель ко воротам;
Просится хмель ночевати,
Ночевати хмель, ночевати:
У кого бы двор просторен,
Просторен двор, просторен?
У кого бы изба большая,
Большая изба, большая?
У кого бы семья веселая,
Веселая семья, веселая?
У кого бы жена молодая,
Молодая жена, молодая,
Ровно ягода налитая?

Хоть бы у Ивана двор просторен,
Просторен двор, просторен;
Хоть бы у Марьи изба большая,
Большая изба, большая;
Хоть бы у нас семья веселая,
Веселая семья, веселая;
Хоть бы у Николая жена молодая,
Молодая жена, молодая.

* * *

Нé были ветры, нé были ветры,
Навеяли, навеяли.

Нéжданы гости, нéжданы гости
Понаехали, понаехали.

Пóдломились, пóдломились
Сени новые, сени новые.

Рáспривели, рáспривели
Красну девицу-душу, красну девицу-душу,

Василису-ту, Василису-ту,
Свет Никифоровну, свет Никифоровну.

Рáстужится, рáсплается
Красна девица-душа, красна девица-душа:

«Кто у меня, кто у меня
Соловей во саду, соловей во саду?»

Кто мне состроит, кто мне состроит
Сени новые, сени новые,

Сени новые, сени новые,
Косивчатые, косивчатые?

Кто меня станет, кто меня станет.
В úтрях рано будить, в úтрях рано будить?»

Сгóворит, спрогóворит
Добрый мóлодец, добрый мóлодец,

Добрый молóдец, добрый молóдец
Егор Антонович, Егор Антонович:

«Не плачь, не тужи, не плачь, не тужи,
Красна девица-душа, красна девица-душа,

Я у тебя, я у тебя
Соловей во саду, соловей во саду,

Я тебя стану, я тебя стану
В ўтрах рано будить, в ўтрах рано будить,

Я тебе построю, я тебе построю
Сени новые, сени новые,

Сени новые, сени новые,
Косивчатые, косивчатые.

Сколько гóродов, сколько гóродов
Я ни ежживал, я ни ежживал,

Этакой девицы, этой девицы
Не нахаживал, не нахаживал,

Сколь она статна, сколь она статна
И сколь хороша, и сколь хороша!

Лицо-то у ей, лицо-то у ей —
Будто белый снег, будто белый снег,

Щечки у ей, щечки у ей —
Будто алый цвет, будто алый цвет,

Брови-то у ей, брови-то у ей —
У черна соболя, у черна соболя!

Очи-то у ей, очи-то у ей —
У ясна сокола, у ясна сокола!

Звон-от был, звон-от был —
Яренгский звон, Яренгский звон.

Славна-то была, славна-то была
У Никифора дочь, у Никифора дочь,

У Никифора дочь, у Никифора дочь,
У Леонтьевича, у Леонтьевича».

* * *

Пошел дружка,
Веселая ножка,
Из дому угощен
И хозяином улещен.
Накупил дружка
И жуниц, и лисиц,
И красных девиц.
Дружка на коня садится,
Конь-то веселится,
К церкви катит.
Земля дрожит.
Шапки долой!
Едет князь молодой
Со княжущкой.

* * *

Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не заливай зеленые луга!
В тех ли лугах есть ковыль трава,
Во той ли траве ходит белый олень,
Ходит белый олень — золотые роги.
Мимо ехал да Иван сударь,
Мимо ехал да Спиридонович,
Стебнул оленьюшку плеточкой.
«Не бей меня, да Иван сударь,
Не бей меня, Спиридонович!

Не в кое время пригожусь я тебе:
Жениться будешь — на свадьбу приду,
На двор взойду — я весь двор освечу,
В горницу взойду — всех гостей развеселю,
Да и больше всех да Марью твою,
Чтобы она меньше плакала,
Чтобы она не огорчалась».

* * *

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка.
Во светелочке Татьянаушка,
Во новой Ивановна.
Приходил-то к ней батюшка,
И он звал ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянаушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой».
— «Нейду я, не слушаю:
Ночь темная, не месячна,
Реки быстры, перевозу нет,
Леса темны, караулов нет».

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка.
Во светелочке Татьянаушка,
Во новой Ивановна.
Приходила к ней матушка,
И она звала ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянаушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой».
— «Нейду я, не слушаю:
Ночь темная, не месячна,
Реки быстры, перевозу нет,
Леса темны, караулов нет».

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка.
Во светелочке Татьянаушка,
Во новой Ивановна.

Приходил-то к ней Василий,
Приходил-то к ней Николаевич,
И он звал ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянаушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой».
— «Иду я, сударь, слушаюсь:
Ночь светла и месячна,
Реки быстры, перевоз есть,
Леса темны, караулы есть».

* * *

Вспомни-тко, Пётро-князь,
Как холост ходил,
Вспомни-тко, Васильевич,
Как холост ходил!
Холост ходил Пётро-князь,
Да никто не журил,
Холост ходил, Васильевич,
Да никто не журил;
А теперича, Пётро-князь,
Офросинья жури,
А теперича, Васильевич,
Алексеевна жури:
«Не ходи, Пётро-князь,
Да теперь хоборёр!
Не ходи, Васильевич,
Да теперь хоборёр!
Не чеши голову
Да не вей кудёр!
Не надевай чулочки
Белы шелковые,
Не обувай башмачки
Да со пряжечками!
Я тебя, Пётро-князь,
Я и так люблю!
Я тебя, Васильевич,
Я и так люблю!»

Сидит наша гостинька выше всех,
 Выше всех,
 А держит головушку ниже всех,
 Ниже всех,
 А думает думушку крепче всех,
 Крепче всех.

Селезень по реченьке сплавливает,
 Сплавливает,
 Ванюшка Машеньку выпрашивает,
 Выпрашивает:
 «Скажи, скажи, Машенька, кто тебе мил,
 Кто тебе мил?»
 — «Мила-то мне милешенька матушка родна,
 Матушка родна».
 — «Машенька мила, мила, неправда твоя,
 Неистинная.
 Неправду сказываешь, всё ложь говоришь,
 Всё ложь говоришь,
 Свое сердце тешишь, а мое гневишь,
 А мое гневишь».

Селезень по реченьке сплавливает,
 Сплавливает,
 Ванюшка Машеньку выпрашивает,
 Выпрашивает:
 «Скажи мне, Машенька, кто тебе мил,
 Кто тебе мил?»
 — «Мил-то мне милешенек батюшка родной,
 Батюшка родной».
 — «Машенька мила, мила, неправда твоя,
 Неистинная.
 Неправду сказываешь, всё ложь говоришь,
 Всё ложь говоришь,
 Сама себя тешишь, а меня гневишь,
 А меня гневишь».

Селезень по реченьке сплавливает,
 Сплавливает,

Ванюшка Машеньку выспрашивает,
Выспрашивает:
«Скажи, скажи, Машенька, кто тебе мил,
Кто тебе мил?»
— «Мил-то мне милешенек ты, господин,
Ты господин».
— «Машенька мила, мила, то правда твоя
Истинная,
Всё ты правду сказываешь, не ложь говоришь,
Не ложь говоришь,
Свое сердце тешишь, мое веселишь,
Мое веселишь».

* * *

На горы, на горы да зеленый сад;
В этом саду в том зеленом
Пётро гулял да Васильевич,
Чесал голову, завивал кудры,
Надевал чулочки белы шелковые,
Обувал башмачки да со пряжечками;
Целовал-миловал Степаниду-душу:
«Ты друг моя Степанида-душа!
Ты друг моя, Охромеевна!»

* * *

Во горенке во новой,
Во новой,
Стоял столик кедровой,
Кедровой,
Обит парчой голубой,
Голубой,
Серебряной бахромой,
Бахромой;
На столике убранным
Убрано,
Графин водки ставлено,
Ставлено.

Николай господин,
Дворянин
По горнице проходил,
Проходил,
К столику подходил,
Подходил,
Графин водки в руки брал,
В руки брал,
В рюмку наливал,
Наливал,
Катюше подносил,
Подносил,
Васильевну просил,
Он просил:
«Выпей рюмку от меня
Для меня,
Роди сына-сокола,
Сокола;
А тебе я подарю,
Подарю,
Куплю нитку жемчугу,
Жемчугу.
Носи жемчуг, не жалей,
Не жалей,
Роди сына да лелей,
Ты лелей».

* * *

Стелется, вьется
По лугам травка зеленая:
Андрей жену целует,
Васильевич милует:
«Душа моя Авдотьюшка,
Сердце мое Никитична!
Роди ж ты мне сыночка,
Роди сына ў меня,
А дочерю ў себя!
Учи сына грамоте,
А дочерю шелком шить!»

* * *

Сколько в лесу пеньков,
Столько вам сынков;
Сколько в поле кочек,
Столько вам и дочек.

* * *

Как со вечера родна матушка
Нов корабль она строила,
Как со полуночи матушка
Нов корабль она грузила,
На восхожем красном солнышке
Нов кораблик спускала.
Оставалась родна матушка
На крутом берегу;
Говорила родна матушка:
«Ты постой-ка, постой,
Родное дитятко!»
— «Мы простимся с тобой,
Родимая матушка.
Уж я рада бы постоять,
Да кораблик-то не стоит,
Уж я рада бы слово вымолвить,
Да суженый не велит».
— «Ты постой, постой, дитятко,
Я забыла слово выговорить».
— «Уж я рада бы постоять,
Корабельщики не стоят,
Уключинки прирасхотились,
Веселышки приразмахались».
Оставалась родна маменька
На крутеньком берегу.

* * *

«Ой маменька родная, что во поле дымит?»
— «Ой родное дитятко, там пожары горели!»

- «Ой маменька, бояре там едут!»
 — «Ой дитяtko родное, не бойся,
 Пускай они едут, я тебя не выдам!»
- «Ой маменька, к двору подъезжают!»
 — «Ой доченька родная, я тебя не выдам!»
- «Ой маменька родная, ворота растворяют,
 Во двор заезжают!»
 — «Не бойся ты, дитяtko, я тебя не выдам!»
- «Ой маменька родная, в хижину заходят,
 За столы садятся!»
 — «Не бойся ты, дитяtko, я тебя не выдам!»
- «Ой маменька родная, за руки берут,
 Из-за стола выводят!»
 — «Ой доченька родная, я тебя не выдам!»
- «Ой маменька родная, со двора выводят!»
 — «Ой дитяtko родное, езжай, бог с тобою!»

* * *

Уж как знать-то, красной девице,
 Мне сидеть не отсидетися,
 Горючим-то слезам не отплакаться.
 Мне вставать-то на резвы ноженьки,
 Выходить-то из-за стола дубового,
 Из-за питья, яства сахарного,
 Из-за снадобья-то матушки...
 Раздвигайтесь, столы дубовые,
 Собирайтесь, скатерки самобраные!
 Благослови-ко меня, кормилец батюшко
 И родимая моя матушка,
 От раденья ретива сердцá,
 Чтобы жить-то мне не маяться,
 На меня бы вам не плакаться.
 Ваше-то благословеньице
 Мне дороже злата-серебра,
 Кроме солнышка мне красного:

Я ведь с ним-то, красна девица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бедную,
На чужой дальней сторонушке,
В чем сгрубила — не прогневайтесь!
Я была глупа, не ведала,
Что придется с вам расстаться.

* * *

Встану я, добрый молодец,
Со лавочки со дубовые,
От прибоинки от кленовые,
Из-за столика крашеного,
Из-за скатерки самобраные,
Из-за яства сахарного,
Из-за питья медвяного,
Из-за сгибня сдобленого.
Будем хозяина благодарить
Да новореченного князя
И молодую княгиню
Из-за стола выводить.
Извольте, сватушко и сватыюшка,
Под злат венец благословить
Свое чадо милое.

* * *

Уж ты свет да сокол милый брат!
Я об чем буду просить тебя,
Просить буду, низко кланяться:
Ты сходи-ка, сокол милый брат,
На свой-то на широкий двор;
Обуздай ты воронá коня,
Запряги ты разудалого
Во дубовы новы саночки;
С сиротой, со мной, поедешь ты

Ко приходу-то господнему,
К отцу нашему духовному.
Мы попросим золотых ключей
От матушки церкви божией
И взойдем с тобою, милый брат,
На высоко колоколенку
И ударим, сокол милый брат,
В заунывный большой колокол,
Чтобы звон-то перекатами
Разбежался по святой Руси
И проник бы во сыру землю:
Не расступится ль мать сыра земля,
Не раскроется ль гробова доска,
Не распахнется ль тонко полотно,
Не отведутся ль руки белые,
Ко груди плотно прижатые,
У моего отца с матерью
И не вымолят ли горькой мне
Благословеньице великое
На чужую дальню сторону.

* * *

Разлилась, разлелеялась
По лугам вода вешняя,
Унесло, улелеяло
Три кораблика по морю.
Первый корабль унесло
С сундуками с окованными;
Второй корабль унесло
Со периной пуховою,
Со подушками пуховыми;
Третий корабль унесло
Со душой красной девицей
С Натальей Ивановной.
Оставалась мамонька
На крутом славном берегу,
Она кричала-зычала:
«Воротись, моя мила дочь,
Забыла трои золоты ключи,

На аловой на ленточке,
На фарфоровой тарелочке,
Во твоей новой спаленке,
На дубовом на столике,
На фабричной салфеточке».
— «Не горюй, моя мамонька,
Не одни ключи я оставила —
Позабыла волю тятенькину,
Позабыла негу мамонькину,
Приласканыца братцевы,
Разговоры сестрицыны».

* * *

«Береза белая,
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься,
Куда поклоняешься?»
— «Я туда клонюсь,
Туда поклоняюсь,
Куда ветер повеет».
— «Княгиня-душенька!
Куда ты лядишься?»
— «Туда я лажуся,
Куда батюшко отдает
С родимой матушкой».

* * *

Увели, увели нашу милу подружку,
Нашу милу подружку, нашу лебедь белую,
Нашу лебедь белую, дитю береженую,
Дитю береженую, калачом воскормлену,
Калачом воскормлену и сытой выпоену.
Береги ты, князь молодой, нашу подружку,
Нашу милую подружку, дитю береженую,
Дитю береженую, калачом воскормлену,
Калачом воскормлену и сытой выпоену:
Не давай печалиться, не давай кручиниться!

* * *

Вы простите-ка, подруженьки,
Мои милые голубушки,
В чем сгрубила — не прогневайтесь!
Вы пойдете, мои милые,
На работушку на летнюю;
На гулянья на веселые,
На беседушку на зимнюю, —
Вспомяните меня, милые,
Вы весной, в лугах зеленых,
Когда будете плести венки
Для меня, для красной девицы.
Голубой веночек не надобен:
Я плела его в последний раз
И бросила в речку быстрюю, —
Унесло веночек в чужую сторону,
Кю синю морю Хвалынскому.

* * *

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого
Вылетало стадо лебединое,
А другое стадо гусиное;
Отставала лебедушка
Что от стада лебединого,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко серым гусям.
Не умела лебедушка
По-гусиному кричати —
Ее стали гуси щипати.
«Не щиплите меня, гуси серые,
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею».

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого
Выходила толпа девушек,
А другая шла молодущек;

Отставала Марья-душа
От толпы от красных деvушек,
Приставала Марья-душа
Ко толпы ли да молодушек,
Не умела Марья-душа
На головушке оправити —
Ее стали люди хаяти,
Уж как Марья стала плакати:
«Вы не хайте, люди добрые!
Не сама я к вам заехала,
Завезли меня кони добрые,
Завезли меня кони добрые,
Что Василья Афанасьевича».

* * *

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролежала тут дороженька,
Пробегал тут добрый конь;
За конем бежит добрый молодец,
У ворот стоит красна девица.
Как возговорит добрый молодец:
«Перейми коня, красна девица!»
— «Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены».
Возговорит добрый молодец:
«Не приманывай, красна девица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены —
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горячьми слезами!»

* * *

У нашего князя
Дворы широкие,
Терема высокие;
У нашего князя

Много пива варено
И вина накурено.
«Любо ль тебе, матушка,
Приведенье мое?
Любо, так на двор пусти,
А не любо, назад отошли!»
На жениховом дворе
И черна смородушка:
Налетят лебедушки
И клюют смородушку;
Одна лебедушка
Не клюет смородушки;
Пала лебедушка
В тоску-кручинушку,
По своей по волюшке,
По родимой сторонушке.

* * *

Дружка идет
И князя ведет;
Князь идет
И княгиню ведет;
Позади княгини
Посыпальня сестра;
Сыплет она,
Посыпает она
И житом, и хмелем:
Пусть от жита
Житье доброе,
А от хмеля
Весела голова!

* * *

Ой заря ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнушко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко осветило,

Через лес, через поле,
Через синее море,
Через речку быстрюю.
Тут лежала жердочка
И тонка, и быстрая;
Вот по этой жердочке
Что никто не хаживал,
Никого не важивал.
Перешел детинушка,
Перевел девчинушку;
Перевемши девчинку,
Он стал выпрашивать,
Из ума вываживать:
«Цветик-мой, ты чей такой?»
— «Радость моя, ты сам догадайся!»

* * *

Раным-рано на заре
Стояли кони на дворе;
Никто коней не взлюбил,
Взлюбила коней Катенька,
Сыпала сахар вместо овса,
Становила меду вместо воды,
Отошедши, кланялася:
«Пейте вы, кони, кушайте!
Мне завтра ехать
Дале-подале от батюшки,
Ближе-поближе к свекру в дом,
Дале-подале от матушки,
Ближе-поближе к свекрови в дом,
Дале-подале от девушек,
Дале-подале от красных».

* * *

Кудрявый повозник,
Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтобы я не слыхала,

Как батюшка тужит,
Тяжело вздыхает,
Меня вспоминает;
Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтоб я не слыхала,
Как матушка плачет,
Тяжело вздыхает.

* * *

Мы далеко ездили,
Мы дородну привезли
В дому кукобницу,
А в поле работницу:
И бела и румяна,
Личиком написана,
А умом насыпана.

* * *

Ты заря ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнушко восхожее!
Высоко всходила,
Далеко осветила —
Через лес, через поле,
Через синее море.
Там лежала жердочка,
Жердочка еловая,
Досточка сосновая.
По той по жердочке
Никто не хаживал,
Никто не важивал.
Перешел Данила-свет,
Перевел Настасьюшку,
Перевемши, целовал,
Целовавши, миловал:

«Друг моя Настасьюшка,
Ты меня состарила,
Ты меня состарила,
Без ума поставила».

* * *

Сокóл сокóльевич,
Дородный добрый молодец,
Летал-полетывал
По зеленому садику,
Понимал лебедушку,
Лебедушку белую —
Да Глеб Ипатьевич
Пелагею Михайловну.

* * *

Как по погребу бочоночек катается,
Как Иван-сударь над женою надругается:
«Ты и Марьюшка, разуь, ты Егоровна, разуь!»
— «Я бы рада разула, я не знаю, как назвать;
Я бы рада разула, я не знаю, как назвать;
Я к соседушке пойду, я спрошу, как назвать,
Я к соседушке пойду, я спрошу, как назвать».
Я и ноженьку разула, я Иваном назвала,
Я и ноженьку разула, я Иваном назвала,
Я другую-то разула, я Степановичем назвала.

**ГОЛОСОВЫЕ ПЕСНИ
О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ**

* * *

Уж и свет мои высокние хоромы,
Что на улицу красным крыльцом стояли,
Что на улицу красным крыльцом стояли,
А во зелен сад истворчистым окошком!
Что под тем ли под истворчистым окошком
Там сидела душа красная девица;
Она шила-вышивала три узора.
Как и первый узор девица вышивала —
Она красное солнце со лучами;
Другой узор душа девица вышивала —
Она светел-светел месяц со звездами;
Уж и третий узор девица вышивала —
Она горькое горе со слезами.
«Не пеняю я на свата дорогого,
А пеняю я на батюшку родного,
Что отдал меня батюшка не к месту,
Не к моему роду-племени приезду».

* * *

Полоса ли моя да полосонька,
Полоса ль моя да не паханая,
Не пахана, не боронена!
Зарастай, моя полосонька,
Частым ельничком да березничком,
Еще горькиим да осинничком!

Уж я по лесу хожу-брожу,
Во сыром бору я грибы беру;
Никто в лесе не аукнется.
Откликались пастушки-дружки,
Государевы да охотнички,
Моей матушки да помощнички.
Припаду-то я ко сырой земле,
Припаду-то я да послушаю.
Чу, заносит голос матушки:
«Ты ау, ау, мое дитячко!
Не в лесу ли ты заблудилась,
Не в траве ли ты да запуталась,
Не в росе ли ты замочилась?» —
— «Ты родима моя матушка!
Заблудилась я в чужой стороне,
Я запуталась в чужих людях,
Замочилась я в горячих слезах!»
— «Ты родимое мое дитячко,
Ты носи платье, да не складывай,
Ты терпи горе, да не сказывай!»
— «Ты родимая моя матушка!
Понося платье, да сложить будет,
Потерпя горе, да сказать будет!»

* * *

Ах ты горе мое, горе великое,
Что великое горе со кручиной!
Я от бабушки мала осталась,
Своей матушки не вспомню.
Как вспоил-то, вскормил родной братец,
Возлеяла меня родна сестрица.
Уж как брателко сестру любит,
По вечерочкам сестру водит,
На коленочки сестру садит,
По головушке сестру гладит:
«Не ходи-ка ты, сестра, замуж,
Ты ни в пород, сестра, ни в деревню,
В несогласную большу семью;
Ты ни к свекру, сестра, ни к свекровке,
Ни к деверьям, сестра, ни к золовкам!»

* * *

Соловей мой, соловеюшко,
Соловей мой, родной батюшко!
Полети, мой соловеюшко,
На родимую сторонушку,
Ты спроси, соловеюшко:
Кому воля, кому нет воли гулять?
«Красным девушкам есть волюшка,
Молодушкам нету волюшки;
У молодой у молодушки
Три великие заботушки:
Уж как первая заботушка —
Чужа дальняя сторонушка;
А другая-то заботушка —
Что лиха больно свекровушка;
А третья-то заботушка —
Муж удалая головушка!
Не пускает муж на улицу гулять,
Не велит мне ни скакать, ни плясать,
Ни с молодцами в короводы поиграть,
А всё с ним, как с идолом, сиди,
И день, и ночь всё ниточки пряди!»

* * *

Кабы волюшка девушке у батюшки была,
Не сидела б я во горенке одна,
Не чесала б свои русы волоса,
Не плела бы русу косу в три косма,
Не вплетала б алу ленту в три рубля,
Не лежала б белой грудью на окне,
Не ронила б я горячи слезы за окно,
Не считала б каждую малу птичку на лету,
Не бранила б чужу дальнюю сторону:
«Ты злодей ли, лиходей — чужа дальняя сторона,
Разлучила с родом-племенем меня,
Во-вторых, ты разлучила с отцом-матерью меня,
А во-третьих, ты, злодеюшка, разлучила с родимой
стороной.

* * *

Родимая ты моя мати,
Матушка!
Ты дай мне поспать,
Понежиться,
Покуда я, младешенька,
Во девушках;
Замуж выдадут —
Поспать не дадут,
Поспать не дадут,
Работать велят:
«Работай, наша невестушка,
Не постаивай!
На родимую сторонушку
Не поглядывай!»
На родимой на сторонушке
Три зазнобушки:
Еще первая зазнобушка —
Родный батюшка;
Другая зазнобушка —
Родная матушка;
А третья-то зазнобушка —
Еще брат с сестрой.

* * *

Не по реченьке лебедушка плывет,
Не ко мне-то с горя матушка моя идет,
Не ко мне-то с горя матушка идет.
Ты иди-ка, иди, мать, родимая, ко мне,
Да погляди-ка, мать, на несчастну, на меня,
Как я с малых лет во чужих людях живу,
Как я с малых лет во чужих людях живу.
Ой да не по плису ль я, ох, не по бархату хожу,
Не по плису ль я, не по бархату хожу,
Ой да я хожу, хожу всё по острому ножу.

* * *

Ах да у соловушки крылья примахались,
Примахались,
Ах да сизы перушки, ах да поломались,
Поломались.
Ах да у молодчика кудри завивались,
Завивались.
Ах да теми ли кудерками девки дивовались,
Дивовались.
Дивовавши кудерками, замуж похватались,
Похватались.
Вышедши молодушкой, жизнью обижались,
Обижались:
«Ах да распроклятая жизнь наша замужняя,
Жизнь наша замужняя.
Ах да я у матушки жила, как цветок цвела,
Как цветок цвела.
Ах да я у батюшки жила, как веноч плела,
Как веноч плела.
Ах да я молодушкой живу, как в огне горю,
Как в огне горю».

* * *

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого
Заходила туча грозная,
А другая непогожая,
Со дождями, со морозами,
Со снегами со глубокими.
Собиралась дочка к матери;
Поехала, не доехала,
Среди лесу становилася;
С соловьями думу думала,
С молодыми думу крепкую:
«Соловей ты, мой соловьюшко!
Полети ж ты, мой соловьюшко,
На мою ли на сторонущку,
Ты скажи ли моей матушке,
Ты скажи ли ей низкий поклон:

То-то, матушка, неволюшка,
Государыня, боярский дом!
Посылают меня, молодую,
Во полночь одну по воду,
И разутую, и раздетую,
И холодную, и голодную.
На мое горе, на несчастье,
Налетели гуси серые,
Возмутили воду свежую.
Уж той ли я воды час ждала,
А другой я час проплакала».

* * *

Калинку с малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала,
Замуж отдала за неровнюшку,
За неровнюшку в чужу сторону,
В чужу сторонушку — во лиху семью.
Чужая сторонушка — без ветру сушит,
Чужой отец с матерью — без дела бранят;
Посылают меня, молодую, во полночь по воду;
Зябнут-зябнут ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки к коромыслицу,
Текут-текут слезоньки по белу лицу,
Утираю слезоньки белым платком.
Не буду я к матушке ровно три года;
На четвертом годике — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой-кукушечкою;
Сяду я у матушки в зеленом саду,
На любиму яблоньку — на матушкину.
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу,
Закукую я в садике жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
«Вставайте, невестушки, голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?»

Что у нас зеленый сад без ветру посох,
Без дождя без сильного садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу дает?»
Большая невестушка возговорила:
«Что за пташечка, пойдем поглядим!»
Середня невестушка: «Пойдем изловим!»
А малый-то братец: «Пойдем застрелим!»
Жена ему молвила: «Пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка — сестрица твоя,
Прилетела горькая с чужой стороны,
Со чужой сторонушки из лихой семьи!»
— «Али ты безумная! Сестрица моя
Белая, румяная, всегда весела,
А эта хозяйюшка худа и бледна».
— «Оттого худа-бледна — в чужой стороне,
На чужой сторонушке — плохое житье».

* * *

Выдала матушка далече замуж;
Хотела матушка часто езжати,
Часто езжати, подолгу гостити.
Лето проходит — матушки нету;
Другое проходит — сударыни нету;
Третье в доходе — матушка едет.
Уж меня матушка не узнавает:
«Что это за баба, что за старуха?»
— «Я ведь не баба, я не старуха,
Я — твое, матушка, милое чадо».
— «Где твое девалось бело тело,
Где твой девался алый румянец?»
— «Белое тело — на шелковой плетке,
Алый румянец — на правой на ручке:
Плеткой ударит — тела убавит;
В щеку ударит — румянцу не станет».

* * *

Я по улице ходила,
Я полынь-траву ломила,
Животинушку сбирала,
А я с вечера да до кур,
А с частых кур — до свету.
Я гоню, млада, ко двору,
А свекор ходит по двору.
«Отворяй, свекор, ворота,
Успущай своего живота!»
— «Ты невестушка-ластушка,
Назови свекра батюшкой!»
— «Я заборинку разберу,
Всю по бревнушку размечу,
Животинушку упусти —
Свекра батюшкой не назову!»

* * *

Батюшке я говорила
Света государя упрашивала:
«Батюшка, побывай у меня,
Свет государь, погостюй у меня!
У меня ли, молодой, сине море у ворот,
Гуси, лебеди купаются,
Щучки, плотички хлобыщутся,
Малые карасики по бережкам лежат,
Красные девушки умываются,
Белятся и румянятся,
Русые волосы расчесывают,
Дробные косы заплетывают,
Алые ленты воплетывают,
Батюшка, побывай у меня,
Свет государь, погостюй у меня!»

* * *

Давно я, давно у батюшки была;
Уже ж моя дороженька муравой заросла,

Калиною-малиною понависла,
Когда захочу, мураву притопчу,
Калинушку с малинушкой посломаю,
У батюшки родимого побываю.

* * *

Туча с громом сговаривалась:
«Пойдем, гром, погуляем, гром!
Ты с дождем, а я с молонью,
Ты грянешь, я освечу».
Как на той ли на березе
Не кокушка кокует —
Соловей распевает.
Соловей, соловейко,
Полети, проведай,
Когда батюшка-матушка будет?
Я бы мост мостила,
Дубовые переклады,
Золотые пластины.

* * *

Зеленейся, зеленейся,
Мой зелен сад в огороде,
Расцветайте, расцветайте,
Мои алые цветочки,
Поспевайте, поспевайте,
Изюм-ягоды, скорее!
Ко мне будут, ко мне будут,
Ко мне гости дорогие.
Сударь батюшка родимый
Будет по саду ходити,
Изюм-ягоду щипати,
Меня, младу, похваляти:
Что горазда сад садити,
Что горазда поливати,
От морозу укрывати.

* * *

Пойду ль я, пойду ль я
По своим по новым сеням;
Гляну ль я, гляну ль я
По всем по милым гостям:
Все ль мои, все ль мои
Милые гости съехались?
Нет мово, нет мово,
Мово гостя милого —
Батюшки родимого!
Или мне, или мне
Запречь было нечего?
Или мне, или мне
Послать было некого?
Запрягу, запрягу
Своего коня воронá;
Пошлю я, пошлю я
Своего слугу верного,
Своего друга милого;
Привезу, привезу
Батюшку родимого;
Сустрену, сустрену
Посередь широка двора;
Посажу, посажу
По конец дубова стола;
Поднесу, поднесу
Чару зеленá вина.

* * *

Возле садика, млада, хожу,
Возле зелена, млада, гуляю,
Соловьевых песен слушаю.
Хорошо в саду соловей поет,
Он поет-поет, припеваючи,
К моему горю применяючи,
К моему житью ко несчастному.
Не пеняю я, молодешенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,

Ни на братца, на ясного сокола,
Ни на сестрицу, лебедь белую;
Что пеняю я, младешенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясные.
Ах вы очи, очи ясные,
Вы глядели — да огляделися,
Вы смотрели — да осмотрелися:
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю!

* * *

Матушка моя, я нега твоя,
Не отдавай ты меня далеко от себя,
Хоть отдай меня поближе к себе!
Я по воду пойду, к тебе забегу,
Про свое горе расскажу,
Что муж меня любит, а я его нет;
Покупочки купит, а я не беру;
Сшил мне муж шубочку, а я не ношу, —
В руках подержу и опять положу,
В комнате повешу, полотенцем завешу:
Виси, моя шубушка, да меньшей сестре.

* * *

Ах ты хмель мой, хмель, веселая голова,
Веселая голова, широкая голова!
От чего, мой хмель, зарождаешься?
По чему, мой хмель, подымаешься?
Зарождался хмель от сырой земли,
Подымался хмель по тычинке вверх,
По той по тычиночке по тоненькой,
По тоненькой, по еловенькой.
Кто за хмелем повадится, тот будет человек.
Повадился за хмелинушкой детинушка,
Детина-сиротина, нет уса, ни бороды, ни ума
в голове.

На кабак идет детина — будто маков цвет;
С кабака идет детина — будто мать родила.
Встречала, привечала молодая жена:
«Поди, плешник, домой! поди, курвяжник, домой!
Поди, пьяница, домой! поди, пропойца, домой!
Пропил-прожил житье-бытье свое,
Житье-бытье свое, всё приданое мое,
Всё приданое мое — данье матернее!»
— «Помолчи, бедна жена, ты не будешь голодна!
Теплых ден дождусь — в казаки наймусь,
В казаки наймусь — три рубля возьму,
Три рубля возьму — гарнитур куплю,
Гарнитур куплю — сарафан сошью!
А нет, так и тот сниму!
Как тот сниму, мешок сошью,
Мешок сошью, женку в мир пушу!
Ты ходи, бедна жена, по подоконью,
Ты сбирай, бедна жена, куски ломаные,
Куски ломаные, ломти резаные!»

* * *

Вы раздайтесь, расступитесь, люди добрые,
Вы на все ли на четыре на сторонки,
Уж вы дайте мне, младеньке, погуляти,
Мне шелковые травы да потоптати,
Мне лазоревых цветочков посрыватьи,
Покудова батюшка-сударь замуж не выдал,
Покудова матушка-сударыня не сговорила
За того ли за детину, за невежу;
Во кабак идет детина, скачет,
С кабака идет невежа, восклицает:
«Еще дома ли жена-то молодая?
Отпирала бы жена да широки ворота!»
Уж как я ли, молоденька, была тороплива,
Поскорешенько с постелюшки вставала,
Я покрепче воротички запирала,
Посмелые со невежей говорила:
«Ты ночуй, ночуй, невежа, за воротми!
Тебе мягкая постеля — снегова пороха,

А высокое зголовье — подворотня,
Шитый браный положок — часты звезды,
Крепки, строги караулы — серы волки.
Каково тебе, невежа, за воротми,
Таково-то мне, младеньке, за тобою,
За твоею за беспутной головою!»

* * *

У всех-то мужья молодые,
У меня у одной старичище,
У меня, молодой, старичище
Со большою седой бородищей,
У меня, молодой, старичище
Со большою седой бородищей.
Не отпустит меня старичище,
Не отпустит меня на гульбище.
Я от старого уходом уходила,
Цветно платице в подоле уносила,
У соседа под сараем снаряжалась,
Ключевой водой под горкой умывалась,
Всю я ноченьку, младая, прогуляла,
С молодыми со ребятами гуляла.
У соседа под сараем разряжалась,
Я домой, млада, бежала, торопилась.
Скок-поскок, молода, на крылечко,
Стук да бряк, молода, во колечко:
«Пропусти-ка меня, старичище,
Расседая большая бородища!»
— «Где была ты, жена молодая,
Где была ты да с кем ты гуляла?»
— «Я ни с кем не была, не гуляла,
Я телушку во хлевушку загоняла,
Тут со мною беда приключилась —
Распроклятая вертушка завернулась,
Всю я ноченьку, млада, простояла,
Всю я ночь на морозе продрожала».
— «Кабы знал бы, кабы знал бы, отворил бы,
В теплу горенку погреться пустил бы».
Слава богу, слава богу, обманула
Расседаю большую бородищу.

* * *

Житье мое, житье,
Житье, горькое житье,
Ты, житье мое, беда:
Муж — старик, я — молода.
Ему надобны полати,
Мне охота бы гуляти,
Погулять бы с молодым,
Не со старым со седым.
Это всё бы ничего,
Что старость-то его;
Нам бы старость нипочем, —
Как он сварлив-то притом.
Как бы не был он сварлив!
Он ревнует-то — беда,
Не спускает никуда,
Запирает ворота.
Это всё бы не запор —
Запирает он забор.
Впрочем, забор нипочем —
Перескачем, перейдем!

* * *

Кабы знала я, ведала,
Молоденька чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужества,
Замуж не ходила бы,
Доли не теряла бы!
Пустила бы долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цветам лазоревым,
Отдала бы я черны брови
Ясному соколу:
Красуйся, красота,
По цветам лазоревым,
Гуляй, гуляй, воля,
По чистому полю,

Белейся, белёта,
По белой березе,
Чернейтеса, очи,
У черного ворона.

* * *

У дородного добра молодца
В три ряда кудри завивалися,
Во четвертый ряд по плечам лежат.
Не сами кудри завивалися —
Завивала красная девица
По единому русому волосу.
Завивши кудри, сама задумалась:
«Как бы я знала, млада, ведала
Про свое горе, про несчастье,
Про замужье про бездельное,
Я бы сидела век во девушках
У родимого своего батюшки,
У родимой своей матушки;
Я бы чесала буйну голову,
Я плела бы трубчату косу,
Вплетала б я ленту алую,
Ленту алую шелку красного,
Шелку красного шемаханского.
Как бы знала я, млада, ведала,
Что просватал меня сударь батюшка
Не в любимую во сторонушку,
Не за прежнего полюбовника,
Не за ладушку за милгого,
А отдал меня батюшка
Не в согласную семью,
Не в покрытую избу».

* * *

Как болит-то ли, болит у мужа головка,
На чужих-то ли глядя на жен на хороших,
Что на девок-то ли, девок на пригожих.

У меня-то ли жена, жена некорыстна,
Некорыстная жена, ах, да не по мыслям.
Куда пошлешь-то жену — ее не дошлешься;
Хоть дошлешься-то жену — ее не дождешься;
Как придет-то ли жена — да правды не скажет.
Она стелет постелюшку — сама слезно плачет,
Во зголовьице кладет — она възрыдает,
Своего прежнего дружка она вспоминает.

* * *

Ах, кабы на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
Ох, кабы на меня не кручина,
Ни о чем-то бы я не тужила,
Не сидела бы я подпершися,
Не глядела бы я в чисто поле.
И я батюшке говорила,
И я свету своему доносила:
Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, государь, не за ровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не с хоромами жить — с человеком,
Не с богатством жить мне — с советом!
Много цветного платья на грядке,
А неровня лежит на кровати;
Он велит разувать, раздевати.
Мне ж не хочется рук марати,
Золотых перстней поломати.
Уж как я за сапог, а он в щеку;
Уж как я за другой, он в другую.
А меня, молодую, горе взяло,
Я канальей его называла:
Не тебе было мною владети,
А владеть было мной другу,
Я которого во девушках любила,
Золотым кольцом подарила!

* * *

Соловей мой, залетная пташечка,
Не пой, не пой утром рано на заре,
Не буди ты моего милого в тереме!
Я думала, что мой милый спит, не чувствует,
А мой милый сидит, плеточку готовит.
Я думала, что плеточка — шуточка,
А плеточка — из сыромятного ремня:
И где ударит — приподнимется шкурочка.

* * *

Не сон мою головушку клонит,
Хмелинушка в головушке бродит,
Бродит, бродит да вон не выходит.
Пойду, млада, да вдоль долиною —
Искать свою счастливую долю...
Мне навстречу едет казак с Дону.
Пойду я, спрошу у казака правду:
Куда эта дороженька пала,
Куда пала, куда пролежала —
Либо в лесик, либо в чистое поле?
В темном лесе соловьюшко свищет,
Меня, младу, свекор лютой ищет.
Хоть кличь не кличь, я к тебе не иду,
Хоть я йду, я к милóму другу.

* * *

Горе, горе, кто кого не любит,
А еще того горшее — кто с кем расстается.
Расставался парень со девчонкой,
Сомыкался парень со бабенкой.
Как приходит темная ночь,
Стучит-гремит милый в окошко.
«Выйди, выйди ты, моя милáя,
Выйди, радость моя дорогая!»

— «Я бы рада, голубчик мой, выйти,
Законный муж за рученьку держит,
Держит, милый, меня не пускает.
Намолю я тучу градовую:
Убей, убей, туча градовая,
Моего законного мужа!»

* * *

Ах ты ноченька, ночка темная!
Ночь ты темная, ночь осенняя!
Что ж ты, ноченька, так нахмурилась?
Ни одной в небе нету звездочки!
С кем мне ноченьку ночевать будет,
С кем осеннюю коротать будет?
Нет ни батюшки, нет ни матушки;
Лишь один-то есть мил сердечный друг,
Да и тот со мной не в любви живет.

* * *

Нападала роса на темны леса;
Нападала грусть-тоска на мила дружка,
Что на милого дружка, всё на Ванюшку.
Говорила я дружку, говорила, всё приказывала:
Не женись-ка, мой дружок, ходи холостой, парень!
Если женишься, мой друг, — успокаешься;
Неравно тебе жена-жененка шельма те навяжется!

Навязалась мне жена — что лютая змея;
Что журит меня, бранит день до вечера.
Что придет-то к нам, придет темна ноченька —
Распостылая жена на руке лежит,
На руке она лежит, во глаза глядит,
Во глаза она глядит, целовать велит.
Целовать-то мне ее мне не хочется,
Мое сердце вот и к ней, сердце мое не воротится.

* * *

Ах ты молодость моя молодецкая!
Не видал я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, миновалася,
С угрюмой женой живучи.
Не продать жену, не променять ее, —
Что никому-то она не надобна:
Ни брату, ни свату, ни товарищу.
Как пойду-то я, добрый молодец,

на конюшный двор,
И куплю я, добрый молодец, нов тесов корабль,
Посажу ль на него свою жену-боярыню.
«Ты прости, прости, моя жена-боярыня!»
Корабль побежал, как сокол полетел.
Вот тут я, добрый молодец, одумался:
«Воротись ты, моя жена-боярыня!
Уж мы будем жить с тобой лучше прежнего».
Закричала жена громким голосом:
«Не кричи ты муж, татарин злой,
Нам не жить с тобой лучше прежнего!»

* * *

«Мальчик моложеватый,
Белый, кудреватый,
Что ты рано женат?»
— «Не хочу я с женой жить,
Хочу девушек любить,
Им гостинчики носить,
А жену свою сушить!
Уж я высушу жену
Суше ветру-вихорю,
Суше травы-ковылю.
Уж ты девушка-сударушка,
Не ходи ты в лес одна:
Из лесочку, из куста
Распрестрашна смерть пришла!
Уж я, мальчик молодой,
Этой смерти не боюсь,
В пояс смерти поклонюсь:

Воротися, смерть, назад,
Умори мою жену!
Не успел слова сказать,
Подъезжаю ко двору —
Впереди жена лежит,
Под передним окном,
Под хрустальным стеклом,
Под белым полотном!»

* * *

Ой ты роща ты моя, роща, рощица березовая!
Ах да ничего-то в роще, в роще, в роще не родилось;
Ах да уродились в роще, в роще, в роще грибы, ягоды.
Ах да что брала-то грибы, грибы, брала красна девица;
Уж бравши-то она, бравши, она заплуталася,
Ах да заплутамши она, Маша, стала аукаться:
«Ах да ты ау-ка, ты ау, ау, ау, мил сердечный друг!
Уж ты что, ты, милый, милый, что мне
не откликнешься?»
— «Мне нельзя-то, Маша, нельзя, нельзя мне
откликнуться!»

Да за мной-то стоят, стоят трое сторожи:
Что и первый сторож, сторож, сторож — тещь-ет
батюшка;
Да другой-ет сторож, сторож, сторож — теща-матушка;
Что и третий-ет сторож, сторож, сторож — молода
жена!
Ты возмой-ка, возмой-ка, возмой, возмой, туча грозная,
Ты убей-ка, убей, убей, убей тещя-батюшку!
Прострели-ка ты стрелой, ой, стрелой тещу-матушку!
Молоду-то жену, ох, жену, жену я и сам убью!»

* * *

Была я у камушка, была я у белого.
Там молодец коня поил;
Напоимши коня, стоит призадумавшись:
«Уж как же мне жену загубить?»

Жена мимо его проходила — покорилася,
Низехонько ему поклонилася:
«Не губи же ты меня, муж, со вечеру,
Загуби ж ты меня со полуночи,
Пока малы детушки угомонятся».
Заря белая занимается,
Малы дети просыпаются.
«Родимый наш батюшка!
Где же наша матушка?»
— «Не плачьте вы, детушки!
Ваша матушка в новой горнице
Белится, румянится,
В гости собирается».
— «Родимый наш батюшка!
Это не наша матушка,
Это красная девушка
Белится, румянится,
В гости собирается».
— «Не плачьте вы, детушки,
Не плачьте вы, малые!
Я сострою вам горницу новую,
Складу печь голландскую».
— «Сгори, батюшка, твоя горница новая!
Развались ты, печь голландская!
Провались, мачеха молодая!
Встань, наша матушка родная!
Из зеленого садику,
Из дубового гробика!»

* * *

Ох да как на молодца тоска-горе нападала,
Ох нападала,
Ох да как у молодца жена-шельма захворала.
Ох да ты хворай, хворай, хворай, жена, тяжелее,
Ох да ты умри-ка, умри, умри, жена, поскорее,
Ох да ты пусти-ка, пусти, пусти молодца на волю,
Ох да на волюшку, ох, на легку работу!
Ох да я пойду-то, пойду, пойду в зеленую рощу,
Ох да я срублю-то срублю, срублю сосенку жарову,

Ох да я выстрою себе горенку новую,
Ох да я выстелю себе полы дубовые,
Уж я выведу трубы новы дымовые,
Ох да я возьму, возьму, возьму жену молодую,
Ох да малым детушкам возьму мачеху лихую.
Ох да малы детушки, они богу возмолились:
«Ох да ты сгори, сгори, сгори, горенка новая!
Ох да ты умри, да ты умри, мачеха лихая!
Ох да ты восстань-ка, ты восстань, матушка
родная,
Ох да родная!»

* * *

Уж я пашенку пашу,
Сам на солнышко гляжу.
Стало солнышко к обеду поворачивать,
Мужики сошнички соколачивать.
Еще все жены мужьям хлеба несут,
А моя шельма жена не устряпялась.
Уж я выпрягу лошадку, поеду домой,
Я заеду во ракизовы куста,
Уж я вырежу лозу
Про свою шельму жену.
Подъезжаю, подвожу:
Ходит жена по двору
Во кумачном сарафане,
Во парчовых рукавах,
Во кокошничке-рогаче,
В коноватною фате.
«Где ты, женушка, была?»
— «У попа, сударь, была,
За твое, сударь, здоровье
Рюмку водки выпила».
— «Спасибо тебе, жена,
Не забыла ты меня!»
— «Еще как тебя забыть,
Не могу тебя избыть!»

* * *

Вот идет-идет постылый муж домой,
Он несет-несет подарок немилый:
Со правой руки колечко золото,
На колечушке написаны слова,
Что слова-то те — великая гроза.
Я не знаю, молодешенька,
Я не знаю, зеленешенька,
За собой я ни пени, ни вины.
Только знаю, молодешенька,
Только знаю, зеленешенька,
За собою провиночку одну:
Что из горницы во горницу прошла,
За собою холостого привела,
Холостому стакан водки налила.
Холостой-от неучтиво принимал,
Ко стакану белу руку прижимал,
Принародно сестрою называл,
Без людей-то меня душечкою:
«Ах ты душечка, Катюшечка моя!
Мне понравилась походочка твоя,
Полюбилась очень речь хороша.
Где ни пройдешь — утетишь молодца,
Слово скажешь — украсишь на речах».

* * *

У меня ль муж не удала голова,
Не купил он мне черного соболя,
А купил он мне коровушку,
Погубил мою головушку:
Перво дело-то коровушку подой,
Другое дело-то подойничек помой,
Третье дело-то теленочка напой.
Погоню ли я коров на росу,
Попадался мне медведь во лесу;
Я медведя испугалася,
Во часты кусты бросалася,
Я за те кусты дубовые,
Я за прутья за кленовые:
«Ты медведюшка, мой батюшка!

Обдери мою коровушку,
Обдери мою коровушку —
Слобони мою головушку!»

* * *

Долина, долина, да ты зеленая!
По тебе, долина, — дорожка широкая,
Дорожка широкая, реченька быстрая,
Реченька быстрая, круты бережочки.
Как на крутеньком бережочке,
На нем желтые песочки;
На желтеньких на песочках
Стоят три садочка.
Как во первом во садочке
Соловьюшек свищет;
А во втором во садочке
Кукушка кукует;
А во третьем во садочке.
Мать с сыном горюет.
Мать с сыном гуляла,
Мать сына пытала:
«Скажи, скажи, мой сыночек,
Кто из трех милее:
Жена, теща иль мать родная?»
— «Жена мне — для совета,
Теща — для привета;
А милее, лучше в свете
Нету матушки родимой:
Она меня породила,
Три ночки не спала,
Три ночки не спала,
Плакала-рыдала,
Вскормила-вспоила,
На конь посадила,
На конь посадила,
В службу проводила,
В службу проводила,
Речи говорила:
Служи, служи, мой сыночек,
Царю ты вернее!»

* * *

В зеленом-то саду груша
Зашумела, зашумела.
Отчего же в саду груша
Зашумела, зашумела?
Как повеяли тонкие, буйные
Ветерочки, ветерочки.
У Михайла в дому радость
Учинилась, учинилась,
У Ивановича в дому радость
Учинилась, учинилась.
Отчего же в дому радость
Учинилась, учинилась?
Молода его жена сына
Породила, породила,
А свет Федосья-душа сына
Породила, породила,
Свет Петровна-душа
Сына породила, породила.

* * *

Теща зятя провожала,
Ума-разума пытала:
«Ты, зятюшко, мой батюшко,
Скажи, кто из трех милее:
Я ли, теща, али женка, али матушка
родная?»
— «Люблю тещу для привету,
Жену для совету,
Свою матушку родную
Вовек не забуду».

* * * ~

На улице дождь, дождь,
На широкой — сильный.
Не ситечком сеет —
Ведром поливает,

Ведром поливает,
Землю пробивает.
А братец сестричку
В зыбочке качает.
В зыбочке качает,
Еще величает:
«Сестрица родная,
Расти поскорее.
Расти поскорее
Да будь поумнее.
Отдам тебя замуж
В согласную семью.
Куда ни поеду,
К сестрице заеду.
Здорово, сестрица,
Здорово, родная!»

* * *

Выду на улицу,
Сяду я, молода,
На камушке,
Вдарю, вдарю я в ладони,
Свекор услышит:
«Легонько, легонько, невестушка!
Потише, голубка!
Не перебей ладоней,
Не переломай золотых колец!»

* * *

Жил-был курилка,
Жил-был голубчик.
Не умри, курилка,
Не умри, голубчик!
Шейка тоненька,
Дума коротенька.
У голубя золотая голова,
У голубки позолоченная.

Свекровь называет лютою змеей;
Деверья называют доможилкою;
Невестки называют расточиною;
Золовки называют щеголихою.
А я со милым другом в совете жила;
Научил меня милый друг,
Как свекру сказать, свекровье отказать:
Медведица, бабушка, — во темных лесах;
Люта змея, матушка, — во чистых полях;
Доможилка, деверьюшки, — собака на дворе;
Расточица, невестушки, — то мышь в закреме;
Щеголиха, золовушки, — утка на воде».

* * *

Как жила-была вдовушка-вдова,
Как у той ли у вдовы было три дочери.
Уж отдам ли я первую дочь за боярина,
Я вторую дочь отдам за крестьянина,
А как третью-то дочь за татарина.
Пишет письмо что любимая дочь:
«Ах, любимая моя матушка!
У мово-то мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку всё огни горят —
На мое ли тело белое
Всё куют прутья медные».
Уж как пишет середняя дочь:
«Ты любимая моя матушка!
У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку да всё огни горят —
Как и ткут, и шьют платья бархатные
На мое ли тело белое,
На мое ли тело нежное».
Пишет мне меньшая дочь:
«Ах, любимая моя матушка!
У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку, темную, осеннюю,
Осеннюю, да ночьку долгую, всё огни горят —
Уж на то ли мое тело белое
Они ткут и шьют золоты парчи».

Ой не сырый бор загорается,
 Не туман с моря подымается,
 А Иван-судырь собирается,
 А Васильевич в свою отчину,
 Он во женину, во приданую.
 А за ним народ — что пчела летит:
 «Воротись, Иван ты Васильевич!
 А твоя жена сына родила».
 — «Для сына я не ворочусь домой:
 Ой и сын-от мой вековой гостёк,
 Вековой гостёк, собери-домок,
 Домок батюшкин».

Ой не сырый бор загорается,
 Не туман с моря подымается,
 А Иван-судырь собирается,
 А Васильевич в свою отчину,
 Он во женину, во приданую.
 А за ним народ — что пчела летит!
 «Воротись, Иван ты Васильевич!
 А твоя жена дочь родила».
 — «Для дочери я ворочусь домой:
 А дочь у меня часовой гостёк,
 Часовой гостёк, расточи-домок,
 Домок батюшкин».

Заболело мое сердечушко, заболело ретивое.
 Полюбил парень девонюшку,
 Любил, да и сам покинул.
 На что ты меня покидаешь?
 Разве чего знаешь, знаешь, замечаешь?
 Во путь уезжаешь,
 Путь-дорожка несчастлива.
 Я дома остаюся, горя наберуся.
 Я со этого со горя сяду под оконко,
 На лавочку подопруся.

Где мой милый едет?
Со которой сторонушки дует ветерок?
Со ночной сторонушки мой милый идет.
Он идет-едет, как сокол летит;
По полечку едет — песенки поет;
По деревне едет — насвистывает;
По ограде едет — нагаркивает;
По лесенке идет — китайна шубонька
пошумливает,
Серебряны пуговицы побрякивают.
Он стукнулся-брякался во колечко —
Мое возрадовалось сердечко: мой милый идет.
Я ждала тебя всю ноченьку,
Все лучинки присветила,
Огарочки завела, сама спать легла.

* * *

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, горишь, не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка, в печи не была,
Или ты, лучинушка, не высушена,
Или свекровь лютая водой подлила?

Подружки-голубушки, ложитесь спать!
Ложитесь, подруженьки, вам некого ждать!
А мне, молодешеньке, всю ночьку не спать!
Всю ночьку не спать, младой, постелюшку стлать,
Постелюшку стлать-то мне, мила друга ждать!
Первый сон заснула я — мила друга нет;
Другой сон заснула я — сердечного нет;
Третий сон заснула я — заря-белый свет!
По белой по зорюшке мой милый идет:
Сапожки на ноженьках поскрипывают,
Соболина шубушка пошумливает,
На шубушке пуговицы погремливают.

* * *

Уж вы горы мои, горы Воробьевские,
Ничего вы, горы, ничего не породили,
Породили горы один бел-горюч камень.
Из-под камушка течет, течет быстра реченька,
Как на этой на реке стоит куст ракитовый,
На кусту том сидит, сидит млад сизой орел,
Во когтях держит, держит черна ворона.
Он и бить его не бьет, всё выпрашивает:
«Где ты, ворон, братец, был, где полетывал?»
— «Уж и был я на дикіх, на дикіх степях
на саратовских,
Уж и видел я там, видел чудо дивное:
Там лежит, лежит тело белое.
Никто к тому телу, никто не подступится.
Как вокруг того тела вьются лишь три ласточки.
Как и первая ласточка — его родна матушка,
А другая ласточка — его сестра рódная,
Как и третья ласточка — его молода жена.
Как и мать по нем кричит, что быстра река течет.
А сестра по нем кричит, что с горы ручьи текут.
А жена по нем кричит — словно утрешня роса:
Как и солнышко взойдет — роса высохнет».

* * *

Ах пал туман на синё морé
Вселилася кручина в ретиво сердцё,
Не схаживать туману со синя моря,
Злодейке кручине с ретива сердца! -
Что далече, далече во чистом полé
Стояла тут дубровушка зелена,
Среди ее стоял золотой курган,
На кургане раскладен был огничек,
Возле огничка постлан войлочек,
На войлочке лежит ли добрый молодец,
Припекает свои ранушки боёвые,
Боёвые ранушки кровавые.
Что издалека, далёка, из чиста поля

Приходят к нему братцы-товарищи,
Зовут ли доброго молодца на святую Русь.
Ответ держит добрый молодец:
«Подите, братцы, на святую Русь,
Приходит мне смертонька скорая,
Отцу-матери скажите челобитьице,
Роду-племени скажите по поклону всем,
Молодой жене скажите свою волюшку
На все ли на четыре на сторонушки,
Малым детушкам скажите благословеньице.
Ах, не жаль-то мне роду-племени,
Не жаль-то мне молодой жены,
Мне жаль-то малых детушек,
Остались детушки малешеньки,
Малешеньки детушки, глупешеньки,
Натерпятся голоду и холоду».

* * *

Уж ты степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
От Саратова ты, степь, до села Царицына,
До Царицына;
Пролежала по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проезжали по ней молодцы извозчики,
Молоденькие;
Как лошадки у них буланые,
Все буланые,
Хомуты-то у них серебряны,
Серебряны;
Как узды-то у них все наборные,
Все наборные;
Как тележки-то у них все шиновные,
Все шиновные...
Солучилося у них несчастьеице,
Да немалое:
Захворал да занемог у них добрый молодец,
Млад извозчикек...

Он просил-то, он просил своих товарищей,
Товарищей:
«Ах вы братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней.
А свезите вы, братцы, батюшке низко́й поклон,
Низко́й поклон,
Родной матушке челобитьице,
Да челобитьице,
Малым детушкам мое благословеньице,
Благословеньице,
Молодой моей жене полною волюшку,
Всё свободушку».

* * *

Во славном было городе во Черкасске,
Построилися там палатушки новые каменные;
Во палатушках-то столы стоят всё дубовые,
За столом-то сидит удовушка молодая,
Сидит, сама слезно плачет,
Во слезах-то она причитает,
Ретиво свое сердечко проклиняет:
«Распроклятое ретиво во мне сердечко!
Полно тебе, моему сердечушке, болети!
Пора-то тебе, сердцу, дружка забывать!
Ото сна-то проснись, возгадаю:
Да когда-то мои резвы ноги притомятся,
Да когда моя буйная головушка с плеч свалится,
Тогда-то я своего дружка мила позабуду».

* * *

Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!
Не можете ли, ветры, горы раскачати?
Гусли мои, гусли, звончатые гусли,
Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?

У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины, да пятое горе,
Да пятое горе, что нет его боле!
Первая кручина — нет ни дров, ни лучины;
Другая кручина — нет ни хлеба, ни соли;
Третья кручина — молода овдовела;
Четвертая кручина — малых детушек много;
А пятое горе — нет хозяина в доме.
Я посею горе во чистом поле.
Ты взойди, мое горе, черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полынью!

* * *

Ой и всплакнула вдовушка,
Вдова молодая,
Глядячи на высокие хоромы:
«Вы хоромы мои, хоромушки,
Высоки ль мои терёмы!
Ой и что ж вам, хоромушкам,
Да хозяина нету?
А моим ли милым детушкам
Нету батюшки родного;
А и мне ли, молодой вдове,
Нету милого дружочка!»
Что озвался холостой,
Холостой, не женатый:
«Ты не плачь, не плачь, вдовушка,
Вдова молодая!
Как и я твоим хоромушкам
Да хозяином буду;
А твоим малым детушкам
Буду батюшкой родимым;
А тебе, молодой вдове,
Буду миленьким дружочком».
— «Что не быть, не быть калинушке
Против ягоды-малины,
Что не быть тебе, холостому,
Против милого дружочка».

**ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ
И ПЯСОВЫЕ ПЕСНИ
О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ**

* * *

Взойди, взойди, солнце,
Не низко взойди — высоко,
 Ай, лёшуньки-люли,
 Не низко взойди — высоко,
Не низко взойди — высоко,
Не близко взойди — далеко!
Зайди, зайди, братец,
Кю сестрице зайди в гости,
Спроси, спроси, братец,
Про сестрицыно здоровье:
«Здорова ль, моя сестрица,
Здорова ль, моя родная?»
— «Родимый ты мой братец,
Не очень я здорова,
Не очень я здорова,
Есть четыре горя,
Есть четыре горя,
Пятая кручина.
Есть первое мое горе —
Свекор-батюшка журливый.
А второе мое горе —
Свекра очень хлопотлива.
А третье мое горе —
Деверечек мой насмешник.
Четвертое мое горе —
Золовка моя смутьянка.
А пятая кручина —
Муж жену свою не любит».

— «Потерпи, моя сестрица,
Потерпи, моя родная,
Потерпи, моя родная,
До поры терпи, до время.
Приидет нам пора-время —
Свекор в землю по́йдет.
Свекра твоя хлопотлива,
Себе добра она хочет,
Деверечек твой насмешник
Сам будет он жениться,
Золовка твоя смутьянка
Сама в люди она по́йдет,
Муж тебя, сестра, не любит —
Другую себе не вóзмет,
Другую себе не вóзмет,
Тебя, сестра, не минует,
Тебя, сестра, не минует,
Семь раз поцелует,
 Ай, лёшуньки-люли,
Семь раз поцелует!»

* * *

Вдоль по улице репей, вдоль по широкой репей,
 Ой диди, мой репей, ой лада, молодой.
Репей стелется, свекровь сердится.
Не бывать репью вровень с тынником;
Не бывать свекру против батюшки!
Не бывать репью вровень с тынником;
Не бывать-то свекрови против матушки!
 Ой диди, мой репей, ой лада, молодой.

* * *

У Катюши муж — гуляка,
Он гуляка-запивака;
Приходил поздно, не рано,
Приносил добра не мало,
Ай не мало — три кармана;

Первый карман — с орехами,
Второй карман — со изюмом,
Третий карман — со бобами.
От орехов — зубам больно,
От изюму — было тошно,
От бобов мне — живот пухнет.

* * *

Чарочки по столику похаживают,
Рюмочки походя поговаривают,
Старым бабам полено сулят.
В старых корысти-то нет,
Только их дело на печи лежать.

Чарочки по столику похаживают,
Рюмочки походя поговаривают,
Молодым молодкам плеть сулят.
Та ли-то плеть о семи хвостах,
Первый раз ударит она — семь рубцов,
Другой раз ударит — четырнадцать,
Третий раз ударит — двадцать один.

Чарочки по столику похаживают,
Рюмочки походя поговаривают,
Красным девушкам хворостину сулят;
Та ли хворостина в лесу не выросла,
Хоть выросла, да не вывезена.
Мне, красной девушке, битой не быть.

* * *

Пбдойду, пбдойду
Вб царь-город пбдойду,
Вышибу, вышибу,
Кбпьем стену вышибу.
Вынесу, вынесу,
Зблот венец вынесу,
Пбдарю, пбдарю
Лютую свекровушку,

Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы.

Пóдойду, пóдойду,
Вó царь-город пóдойду,
Вышибу, вышибу,
Кóпьем стену вышибу.
Выкачу, выкачу,
Злáта бочку выкачу,
Пóдарю, пóдарю
Лютого я свекора,
Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы.

Пóдойду, пóдойду,
Вó царь-город пóдойду.
Вышибу, вышибу,
Кóпьем стену вышибу.
Выведу, выведу,
Дóбра кóня выведу,
Пóдарю, пóдарю
Лютого я деверя,
Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы.

Пóдойду, пóдойду,
Вó царь-город пóдойду,
Вышибу, вышибу,
Кóпьем стену вышибу.
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу вынесу,
Пóдарю, пóдарю
Лютую золовушку,
Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы.

* * *

Заиграй, моя волынка,
Завалай, моя дубинка!
Любо, любо, любо дочке,
Завалай, моя дубинка!

Свекор с печки совалился,
За колоду завалился.
Любо, любо, любо дочке,
За колоду завалился.

За колоду завалился,
Говядиной подавился,
Любо, любо, любо дочке,
Говядиной подавился.

Кабы знала, возвестила,
Я повыше б подмостила,
Любо, любо, любо дочке,
Я повыше б подмостила.

Я повыше б подмостила,
Свекру голову сломила,
Любо, любо, любо дочке,
Свекру голову сломила.

* * *

Вы белильцы, румянцы мои,
Вы катитесь со бела лица долой!
Едет, едет мой ревнивый муж домой,
Он везет мне подарок дорогой —
Во правой руке шелковую плетку.
Он и хочет меня, молодую, побить,
Я не знаю, не ведаю за что,
Какие виновности-провинности мои!
У суседа на беседе пробыла,
Холостому стакан меду подала.
Холостой стакан меду принимал,
Ко стакану белы руки прижимал,
При народе кумою называл,
А после того — душечкою:
«Уж ты душечка Катюшечка моя!
Поноравилась походушка твоя,
Походушка тихенькая,
Поговорушка вежливая,
Сударушка приветливая!»

* * *

На горе калинушка стояла,
Разными цветами расцветала,
На той ли на калине сидит соловейко,
Веселы песни распевает,
Холостому молодцу весть подает:
Пора тебе, молодец, жениться,
Тебе, красной девице, постричься!
Пойду ли я на матушку на Волгу
К набольшему там атаману:
Чем меня государь батюшка подарует?
Подарил меня государь батюшка женою,
Глупую женою, неразумною:
Я за гудок, а она за прялку;
Я в гудок играти, а она мотати!
Незачем в люди на кручину:
Дома кручинушки довольно!

На горе калинушка стояла,
Разными цветами расцветала.
На той ли на калине сидит соловейко,
Веселы песни распевает,
Холостому молодцу весть подает:
Пора тебе, молодец, жениться,
Тебе, красной девице, постричься!
Пойду ли я на матушку на Волгу
К набольшему там атаману:
Чем меня государь батюшка подарует?
Подарил меня государь батюшка женою,
Умною женою и разумной:
Я за гудок, а она за песни;
Я в гудок играти, а она плясати!
Незачем в люди по веселье:
Дома весельица довольно!

* * *

Как со вечера дождь, со полуночи мороз,
Со полуночи мороз, ко белу свету метель.
Как по этой метели трое саночек летели,

Прилетели эти сани к Акулинину двору.
«Акулинушка-душа, отворяй ворота,
Отворяй ворота, принимай сокола!»
Акулинушка бежит, на ней шубочка дрожит.
Акулинин муж, он догадлив был —
Он в конюшенку вошел, там жеребчика нашел.
«Акулина, это что?» — «А тебе, сударь, на что?
Вчера по торгу ходила, жеребца тебе купила,
Жеребца тебе купила, пятьсот рубликов дала».
Акулинин муж, он догадлив был —
Он во сенечки вошел, там седелечко нашел.
«Акулина, это что?» — «А тебе, сударь, на что?
Вчера по торгу ходила, я седло тебе купила».
Акулинин муж, он догадлив был —
Он во горенку вошел, кушак с шапкою нашел.
«Акулина, это что?» — «А тебе, сударь, на что?»
Он во спаленку вошел, там молодчика нашел.
«Акулина, скверно! Григорьевна, дурно!»
— «Я к обеденке ходила, сиротинушку нашла».
— «Я прошу те, Акулина, напоить-накормить,
Напоить-накормить, за ворота проводить!»

* * *

Мой муж домой едет,
Постылый домой едет.
Некуда гостя дети,
Некуда схоронити.
Я гостя — в лукошко,
Войлоком накрыла,
Под лавку подбила.

Как муж приезжает,
Он жену пытается:
«Жена моя, женка,
Жена-боярыня,
Что у тебя в лукошке
Войлочком накрыто,
Под лавку подбито?»

— «Уж ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Черная овечка барана родила
С крутыми рогами,
С головой кудрявой,
С длинными ногами».

— «Жена моя, женка,
Жена-боярыня,
Покажи мне барана
С крутыми рогами,
С длинными ногами!»

— «Да ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Этого барана
До трех дней не кажут,
До трех не любят».

Денечек проходит,
Другой наступает,
Муж жену пытается:
«Жена моя, женка,
Покажи мне барана
Черного, кудрява!»

— «Этого барана
Я в сад относила;
Свинья дверь отбила,
Барана упустила;
Этого барана
Серы волки съели».

* * *

«А скажи-ка мне, жена,
Ты и где, жена, была?»
— «Я была, сударь, была,
У попа в гостях была».
— «А скажи же мне, жена,

Что ты ела и пила?»
— «Я пила, сударь, пила
Много пива и вина».
— «А скажи-ка мне, жена,
Вспоминала ли меня?»
— «За твое, сударь, здоровье
Стакан квасу выпила».
— «Погоди же ты, жена,
Поколочу же я тебя!»
— «А я старому хрычу
Сама вдвое отплачу,
Сама вдвое отплачу;
Спину набок сворочу
И найду себе молодчика
Молоденького,
Что молоденького,
Да хорошенького,
Да хорошенького,
Да холостенького».

* * *

Я поеду ль, я поеду ль
В Китай-город гуляти.
Я куплю ли, я куплю ли
Молодой жене поупку,
Молодой жене поупку —
Предиковинную шубку;
Я примерю-приложу,
На тебя, свет, погляжу:
Поглядите, люди добры,
Как жена меня не любит:
Она не любит меня,
Не глядит на меня;
К людям ходит личиком,
Ко мне правым плечиком!

Я поеду ль, я поеду ль
В Китай-город гуляти.
Я куплю ли, я куплю ли
Молодой жене поупку,

Молодой жене поупку —
Шелковую плеточку;
Я примерю-приложу,
На тебя, свет, погляжу.
Посмотрите, добры люди,
Как жена-то меня любит:
Она любит меня,
Всё глядит на меня;
К людям ходит плечиком,
Ко мне своим личиком!

* * *

Обещался мещанин
Мещаночку взять.
Она ему отвечала:
«Не умею жать, жать!»
Вот взяла она серпок
И нажала снопок.
В понедельник млада жала,
Во вторник вязала,
В среду возила,
В четверг молотила,
В пятницу веяла,
В субботу меряла,
В воскресенье продала
И денежки пропила.

* * *

Тетушка Арина по рыночку ходила,
На три денежки куделюшки купила,
На алтышек веретешек прихватила;
Пришла домой, на полицу положила.
Ты лежи, моя куделя, всю неделю,
У хорошия прядеюшки другую!
Что по пятницам добры жены не пряли;
По субботам по родителям давали;

В воскресенье на веселье выходили;
В понедельник баню-парушу топила;
Во вторник я париться ходила;
А во среду с угару пролежала;
В четверг я буйну голову чесала;
Я во пятницу ранешенько вставала,
Три я ниточки тонешенько напярла,
Три мозоли кровавые навертела.
Пришла, милому мозоли показала:
«Посмотри-ка, мой любезный, на работу!»
— «Наплевай, моя сударушка, не майся,
Три недели во постельке проваляйся!
Нарастут в саду широкие лопушки,
Мы сошьем те сарафанчик-раздуванчик,
Сарафанчик-раздуванчик-размаханчик,
Воротушку из лопушки, поясочек-деделечек.
Не ходи, моя милая, мимо саду,
Мимо саду, мимо саду зеленого,
Чтобы там тебя солдаты не признали,
Сарафана-раздувана не содрали!»
Тут увидели поповы овцы, козы, —
Сарафанчик-раздуванчик изорвали,
Сарафанчик изорвали, воротушку изжевали,
Поясочек изглодали, в грязь втоптали.

* * *

Сижу я, млада,
На печке одна,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Я мужа браню,
Прибраниваю:
«Какой ты мне муж?
Какой муженек?
Борзой кобелек!
Продай, муж, корову
С лошадушкою!
Купи, муж, саян —
Широкий подол,

Душегрейку —
Камчатненькую.
Купи, муж, кокошник —
Косой, золотой,
Еще ожерелье
Жемчужненькое.
Молода снаряжуся,
К обедне пойду.
Ах, люди-то скажут:
„Чья эта така?
Чья эта така?
— Купецка жена!“»
Обедня отходит —
Мой милый идет;
Мой милый идет,
Саночки везет;
Саночки везет
И хомутик несет:
«Младая жена,
Впрягайся сама!
Впрягайся сама
Да в лес по дрова!»
Заехал в целик,
Наклат воз велик.
На горку он едет —
Прихлыстывает,
Под горку он едет —
Присвистывает;
Не то мне досадно,
Что воз велик,
А то мне досадно,
Что муж на возу;
Что муж на возу,
Об одном глазу.

* * *

Пошел козел в огород,
Поел козел лук, чеснок,
Всю белую капусту.
Возьму козла за рога,

Поведу козла на базар,
Продам козла на мыло,
На белое белило,
На алые румяна,
На черное сурмило.
На ту пору муж на двор.
«А что, жена, ты бела?»
— «Муку, сударь, сеяла».
— «А что, жена, румяна?»
— «Против пыли стояла».
— «А что, жена, бровь черна?»
— «Лучинушку изымала,
За бровушкихватила».
— «А где, жена, бел козел?»
— «Пошел козел под гору,
Сломил себе голову!»
— «А где, жена, голова?»
— «За водою уплыла».

* * *

Ты поди, моя коровушка, домой,
Пропади, моя головушка, долой!
Ай дилили, калинка моя,
В саду ягода малинка моя.
Уж как все мужья до жен добры:
Покупали женам черные бобры.
Уж как мой-то мужичоночко,
И он весь с кулачоночко,
Он купил мне коровушку,
Погубил мою головушку —
Снарядил мне роботушку,
Некошную заботушку.
«Отворяй, жена, широки ворота,
Принимай, жена, корову за рога!»
Уж я встану ли ранешенько,
Я умоюся белешенько,
Погоню ли я корову на росу.
Как навстречу мне медведь из лесу.
Я медведя испугалася,
Я за кустики бросалася.

Ах во лугах зеленых, во лугах
Принимала я корову за рога:
Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоеная!
У нас горенка нетопленая,
А ребятушки некормленные,
А телятушки непоеные!
Как ворчит на меня муж-супостат,
Он велит мне детей кормить,
Приказал мне коровушку доить:
«Ты коровушку подой да подой,
А подоиначек помой да помой,
А телятушек напой да напой!»
 Ай дилили, калинка моя,
 В саду ягода малинка моя.

* * *

Все мужья до жен добры,
Накупили женам тафты.
Мой муж неласков до меня,
Не купил он мне шелкова платка;
Он коровушку купил,
Мне заботку снарядил.
Лучше б масла пуд
Да муки купил мешок;
Я б стряпейку наняла,
Стряпеюшка постряпывала,
А я, млада, похаживала,
Каблучками приколачивала.

Вы белильца, румянца мои,
Дорогие, новокупленные,
В зелено вино разложенные,
На бело лицо положенные!
Вы скатитесь с бела лица долой:
Едет добрый муж домой;
Любимые подарочки везет:
Шелкову плеть несвистанную
На молодую жену избалованную.

* * *

Как у Ванюшки жена
Работящая была:
Три дня хату не топила,
Полну сору накопила,
Под белые лавочки,
Под красны окошечки.
Пойду я к дядюшке,
 Попрошу лошадушки:
«Родимый мой дядюшка,
Пожалуй лошадушки:
Мне не пашню пахать,
Не дрова в лесу возить,
Из избы сор вывозить!»
— «Милая племянница,
У нас так не водится —
С избы сор не возится;
У нас так ведется —
Веничком метется.
Вот шумочек за порог,
А веничек под порог».

* * *

Мой муженька, работяшенька,
Работал, работал, работяшенька.
Поехал муж на гумно,
Позабыл, позабыл, позабыл вилы.
А я, молода, не ленивая была,
Не ленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу вилы, да за ним в тылы,
Да за ним, да за ним, да за ним на гумно.

Поехал муж на мельницу,
Позабыл, позабыл, позабыл мешки.
А я, молода, не ленивая была,
Не ленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу мешки, да за ним в бежки,
Да за ним, да за ним, да за ним
да на мельницу.

Поехал муж боронити,
Позабыл, позабыл, позабыл борону.
А я, молода, не ленивая была,
Не ленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу борону, да за ним дерну,
Да за ним, да за ним, да за ним в поле.

Поехал муж за водой,
Позабыл, позабыл, позабыл бочку.
А я, молода, не ленивая была,
Не ленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу бочку, да за ним вскачку,
Да за ним, да за ним, да за ним за водой.

* * *

Три родные сестрицы на улицу идут.
Как сестрица сестрицу спрашивает:
«Каково тебе, сестрица, за старым жить?»
— «Мне за старым жить — только стариться,
Только стариться да печалиться!»
— «Каково тебе, сестрица, за малым жить?»
— «Мне за малым жить — только век должить!»
— «Каково тебе, сестрица, за ровней жить?»
— «Мне за ровней жить — всё скакать да
плясать,
Всё скакать да плясать да таночки водить,
Да таночки водить, по сговорам ходить».

* * *

Невеличка птичка-пташечка
Много знала, много ведала,
Синее море перелетывала;
Как садилася пташечка
Середы моря на камушке;
Она слушала-выслушивала,
Как во высоке во тереме
Красная девица плакала,
За старого мужа идучи:
«Уж ты стар, ты мой старый муж,

Уж ты стар — погубитель мой:
Погубил мою голову,
Всю девичью красоту!»

Невеличка птичка-пташечка
Много знала, много ведала,
Синее море перелетывала;
Как садилась пташечка
Среди моря на камушке;
Она слушала-выслушивала,
Как во высоке во тереме
Красная девица радовалась,
За молодого мужа идучи:
«Уж ты млад, ты мой молодой муж,
Уж ты млад — украститель мой:
Украсил мою голову,
Всю девичью красоту!»

* * *

По заре да по зорюшке
По заречью мил ходит.
Милый в скрипочку играет,
Меня, молоду, забавляет.
У меня ль, молодешенькой,
Старый муж старешенек,
На печи лежа — кашляет,
И ложится спать — кашляет,
И встает — перхает,
Меня, молоду, ругает.

По заре да по зорюшке
По заречью мил ходит.
Милый в скрипочку играет,
Меня, молоду, пробуждает.
У меня ль, молодешенькой,
Младой муж молодешенек,
А и весел-веселешенек,
Он ложится — целует,
Уставаает — обнимет,
Он мне спать не мешает.

* * *

Ты пчела ли моя, пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая,
Пчела по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы нянюшки, вы мамушки мои!
Вы подите в чисто поле гулять,
Ко крестьянину на пашенку!
Вы возьмите часту борону,
Расчешите седу бороду,
Что его-то стару голову,
У моего у стара мужа,
У моего у постылого!
Он не садит на коленочки меня,
Не обнимает своей правою рукой,
Не целует во сахарные уста!

Ты пчела ли моя, пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая,
Пчела по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы нянюшки, вы мамушки,
Вы подите во зеленый сад гулять!
Вы возьмите частый рыбий гребешок,
Расчешите младу голову,
Что его-то кудри черные,
Моего ли друга милого!
Он посадит на коленочки меня,
Он обоймет своей правою рукой,
Поцелует во сахарные уста!

* * *

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
«Пусти меня, старичок,
В чисто поле погулять,

А я тебе, старичок,
Много ягод принесу».
— «А я ягод не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу».

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
«Пусти меня, старичок,
В зеленый сад погулять;
А я тебе, старичок,
Много яблок принесу».
— «А я яблок не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу».

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
«Пусти меня, старичок,
На быстру реку погулять;
А я тебе, старичок,
Много рыбы принесу».
— «А я рыбы не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу».

— «Спасибо тебе, старичок,
Что ты меня не пустил,
Подле себя сокрушил!
В чисто поле просилась —
Уйтить, млада, хотела;
В зеленый сад просилась —
Удавиться хотела;
На быстру реку просилась —
Утопиться хотела!»
Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!

Ах лужайка моя,
 Ты зеленая моя!
 Ах ты травушка моя,
 Ты шелковая моя!
 Ах вы цветики мои,
 Вы лазоревые!
 Потеряла я на вас
 Мои золоты ключи,
 И со шелковым со поясом,
 Моего ларца кованого,
 Моего братца названого!
 Ах, кто б мои ключики нашел,
 За того бы я замуж пошла!
 Уж как старый мои ключики нашел.
 Я за старого замуж пойду,
 И я старому пирог испеку:
 Еще корочка еловая,
 А начиночка сосновая,
 А помазочка смоленая.
 Ах ты старый, ты старый муж,
 Ах ты старый, разоритель мой!
 Разорил ты мою голову
 И девичью мою красоту!

Ах лужайка моя,
 Ты зеленая моя!
 Ах ты травушка моя,
 Ты шелковая моя!
 Ах вы цветики мои,
 Вы лазоревые!
 Потеряла я на вас
 Мои золоты ключи,
 И со шелковым со поясом,
 Моего ларца кованого,
 Моего братца названого!
 Ах, кто б мои ключики нашел,
 За того бы я замуж пошла!
 Уж как младый мои ключики нашел.
 Я за младого замуж пойду,
 И я младому пирог испеку:

Еще корочка пшеничная,
А начиночка яичная,
А помазочка медовая!
Ах ты младый, ты младый муж,
Ах ты младый, взвеселитель мой!
Взвеселил ты мою голову
И девичью ты красоту!

* * *

Ах ты матушка родная,
На что на горе породила,
Зачем глупого женила?
Жена мужа не влюбила;
Постелюшку жестко стлала,
Она клала, проклинала:
«Недоросток, недоносок,
Глупый маленький ребенок!»

* * *

Выдала матушка за старого замуж меня.
Ох, старость, ох, старость — печаль со кручиною!
Как-то мне, как-то мне про старого постель стлать?
Эдак, вот эдак про старого постель стлать.
Как-то мне, как-то мне про старого зголовье класть?
Эдак, вот эдак про старого зголовье класть.
Как-то мне, как-то мне старого одевать будет?
Эдак, вот эдак старого одевать будет.

Выдал меня батюшка за молодого замуж меня.
Ой, младость, ой, младость — веселье со радостью!
Как-то мне, как-то мне про молодого постелю стлать?
Эдак, вот эдак про младого постелю стлать.
Как-то мне, как-то мне про младого зголовье класть?
Эдак, вот эдак про младого зголовье класть.
Как-то мне, как-то мне младого одевать будет?
Эдак, вот эдак младого одевать будет.

Как на море волны бьют;
Черный ворон воду пил,
Он не испил — возмутил,
Возмутивши, улетел,
Да на лету речь говорил:
«Быть тебе, девка, замужем,
За тем мужем за старым!»
— «Я старого не люблю,
Да постелюшку постелю —
В три рядочка кирпичу,
В четвертый ряд крапивы,
Да крапивы жигучие,
Да шипицы колючие;
Я старого утреплю
Да своей ручкой правою;
Я взголовья положу —
Да колоду дубовую;
Я старого утреплю
Да дубиной вязовою;
Да я старого одежду
Да дубиной вязовою!»

Черный ворон воду пил;
Он испил, возмутил,
Возмутивши, улетел,
Да на лету речь говорил:
«Быть тебе, девка, замужем,
Да за тем мужем за младым!»
— «Я младому сноровлю,
Да постелюшку постелю —
Перину пуховую;
Да я взголовья положу
Подушечки новые,
Да новые пуховые;
Да я младого одежду
Да одеялом пуховым;
Да я младого утреплю
Да своей ручкой правою!»

Вечор Дуню обманули,
 За старого, за старого замуж отдали.
 За старым жить недолго,
 Всего только три денечка.
 На четвертый день, на четвертый день зовет в поле:
 «Пойдем, старый, пойдем, старый, в чисто поле!
 В чистом поле, в чистом поле сине море,
 А на острове, а на острове расцвел цветик,
 Пойди, старый, пойди, старый, сорви цветик».
 — «Боюсь, жена, боюсь, жена, утону я!»
 — «Небось, старый, небось, старый, черт не возьмет».
 Первый ступень, первый ступень по колено,
 Второй ступень, второй ступень стал по пояс,
 Третий ступень, третий ступень стал по шейку.
 Кричит: «Жена, кричит, жена, утонул я!»
 — «Слава богу, слава богу, утопился,
 Слава богу, утопился!»

Сам толку,
 Сам мелю,
 Сам по воду хожу,
 Сам и щи, кашу варю,
 Кашеварничаю,
 Пивоварничаю.
 Посажу я жену
 На перину пухову:
 «Шей-ка, жена,
 Мне кисейны рукава,
 Мне не долог стан,
 Не короток стан,
 Не по лавочкам гулять,
 По тому ковру,
 По узорчатому,
 Чайны чашки разливать,
 Переполнивать».

* * *

На угорышке часовенка стояла,
Да стояла, стояла, стояла;
Через речку черемушка лежала,
Да лежала, лежала, лежала.
Что никто по той черемушке не пройдет,
Да не пройдет, пройдет, пройдет,
Две ягодки переходят,
Две наливные переходят.
Еще Федор Катерину переводит:
«Уж ты, Катенька, не свалися,
За сибирочку задержися,
Задержися, задержися, задержися!»
Чтобы Катенька не упала,
Не упала, не упала, не упала,
Она к Федору в семью попала,
Что во эту семью торовату,
Торовату, торовату, торовату,
Во природушку вожевату,
Вожевату, вожевату, вожевату.

* * *

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:
«Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:
«Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Мил-любезный по сеничкам похаживает,
Легохонько, тихохонько поговаривает:

«Спи, спи, спи ты, моя умница,
Спи, спи, спи ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдана».

* * *

Не ель-сосна раззыбалася,
Ай люли-люли, раззыбалася!
Там Аксиньюшка разгулялася.
За ею батюшка посылочку,
Гонец за гонцом, посол за послом.
Я того гонца не убоялася,
Первый кур попел — я домой нейду,
Другой кур попел — я не думаю,
Третий кур попел — я домой пошла,
Я домой пошла — заря взошла.
Прихожу я ко двору ко широкому,
Ко терему ко высокому:
Мой высок терем растворён стоит,
Мой браный полог распышен висит,
Мой ирливый муж в переду сидит,
А ременна плеть на гвоздю висит.
Он на лавице подвигается,
За ременну плеть принимается,
Он и бьет жену лонапрасницу,
По чужим речам, по моим плечам:
«Ты не ходи, жена, на улицу,
Не играй, жена, со ребятами,
Со ребятами, всё женатыми,
Ай люли-люли, всё женатыми».

* * *

Ой на улице воробышек поспрашивает;
Ойли, ойли, ойли; ли-ли-ли-ли-ли-ли,
Уж он девушек, молодух на улицу зовет:
«Уж вы, девушки, молодухи, сходитесь играть,
И скакать, и плясать, и в ладоши трепать!»
Вот девушки говорят: «Нам своя воля гулять, —
Отцы-матери велят, не заказывают,
Не заказывают — всё приказывают.
Молодушки говорят: «Нам нет воли погулять,
Нам нет воли гулять, — нам мужья не велят,
Нам мужья не велят, всё приказывают,
Всё приказывают и заказывают».
Уж я мужнину грозу в узелочек завяжу,
В узелочек завяжу, в уголочек положу,
В уголочек положу, а сама гулять пойду;
Где узел-то лежит, там угол задрожит...
Прихожу я ко двору — лежит свекор на полу,
Лежит свекор на полу — я ногою топону,
Я ногою топону и под лавку скопону.
А свекруха на печи — ровно сучка на цепи;
А деверья, как кобелья, по подлавочью лежат,
По подлавочью лежат, по-собачию рычат;
А золовки-колотовки против печки стоят;
А мой миленький дружок, он на лавочке лежит,
Он на лавочке лежит, одну речь говорит:
«Ой и полно вам, собаки, на мою жену рычать,
На мою жену рычать, и кутить, и мутить,
И кутить, и мутить, наговаривати!»
Ойли, ойли, ойли; ли-ли-ли-ли-ли-ли.

* * *

Уж вы кумушки мои, голубки!
Вы которому святителю молилися,
Вы которому чудотворцу обещалися,
Что у вас-то мужья молодые,
У меня ли, у младеньки, старичище?
Не пускает старичище на игрище.

Я уходом от старбго уходила,
Под полою цветно платье уносила,
У соседу под навесом одевалась,
Я белым-то снежком умывалась,
Я кисейным рукавом утиралась.
Я не долго и не мало проходила:
Со вечерней зари до бела дня.
Я не знаю, как старому подъявляться.
Уж я утушкою прилётала,
А косаточкою подъявилась:
Уж я бряк-то бряки! у калитки,
Уж я стук-то стуки! за колечко,
Как за то ли золотое, за витое.
Как не лютые медведи заревели,
Не борзые ли собаки завизжали —
Заревел-то мой старый старичище.
Солезает старичище со печища,
Он снимает с черна крюка плетище,
Он бьет ли не бьет полегоньку,
Что на каждое место по десятку.
Как и тут я старому возмолилась:
«Ты прости, сударь, меня, я не буду;
Как другой-то раз уйду — я не приду».

* * *

Во горнице, во светлице
Лежат доски тонки, хлестки.
Я по тем доскам ходила,
Я ходила и гуляла;
На одну доску ступила,
Тое доску перломила.
За то меня свекор журил,
Журил-бранил не за дело,
За игру мою, за пляску,
Что я, млада, игрелива,
Игрелива и шутлива.

* * *

Как у наших у ворот,
Ай-люли, у ворот
Стоял девок хоровод,
Молодушек табунок.
Меня девки кликали,
Молодушки манили.
Ходит свекор по двору,
Расчесавши бороду:
«Поди, сноха, погуляй,
С ребятами поиграй!»
Хоша пустил, — пригрозил:
«Гуляй, сноха, до поры,
До вечерней до зари!»
Как зоренька занялась,
А я, млада, поднялась.
Подхожу я ко двору, —
Ходит свекор по двору,
Растрепавши бороду.
«Свекор-батюшка, пусти!»
Свекор-батька не пушать...
«Милый ладушка, пусти!»
Он ворота отворил
И меня, младу, пустил,
Ай-люли, младу пустил.

* * *

Скажу матушке —
Голова болит,
Худо можется,
Гулять хочется!
Я украдуся —
Погуляюся,
Уворююся —
Поцелуюся.
«Ох ты миленький!
Научи, милый,
Как домой ходить».

— «Ходи, умная,
Ходи, разумная:
Частой уличкой —
Серой утичкой,
Через черну грязь —
Перепелочкой,
К широку двору —
Рябой курочкой,
Широким двором —
Красной девушкой,
Во высок терем —
Молодой женой».
Мой высок терем
Растворен стоит,
Все окошечки
Распечатаны.
Мой постылый муж
За столом сидит,
Хлеб-соль кушает.
«Тебе хлеб да соль,
Мой постылый муж!»
Уж как мой-то муж
Подымается,
За шелкову плеть
Принимается.
Шелкова плеть
По мне хлыстнула,
А как я, млада,
Очень взвизгнула.
Уж я думала,
Подумала:
Кому ж мне-то
Возмолитися?
Возмолилась я
Свекру-батюшке:
«Свекор-батюшка,
Отойми меня,
От таких побой,
От тяжелых!»
Свекор-батюшка
На печке лежит,
На печке лежит,

Как кобель ворчит,
Велит больше бить,
Велит кровь пролить.
Уж я думала,
Подумала:
Кому ж мне-то
Возмолятся?
Возмолилась я
Свекровь-матушке:
«Свекровь-матушка,
Отойми меня,
От таких побой,
От тяжелых!»
Свекровь-матушка
На печи лежит,
Как змея шипит,
Велит больше бить,
Велит кровь пролить.
Уж я думала
Подумала:
Кому ж мне-то
Возмолятся?
«Ох ты милый мой,
Муж хорошенький!
Возлюби меня,
Ты не бей меня,
Ты не бей меня,
Поцелуй меня!»

* * *

Ты заря моя, ты заря вечерняя!
Ты игра моя, ты игра веселая!
Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у отца, у матери!
Батюшка у ворот стоит, батюшка домой кличет.
«Батюшки не слушаю, от игры домой неиду:
Не доиграна игра, не допета песенка!»

Ты заря моя, ты заря вечерняя!
Ты игра моя, ты игра веселая!

Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у отца, у матери!
Матушка у ворот стоит, матушка домой кличет.
«Матушки не слушаю, от игры домой нейдю:
Не доиграна игра, не допета песенка!»

Ты заря моя, ты заря вечерняя!
Ты игра моя, ты игра веселая!
Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у отца, у матери!
Свекор у ворот стоит, свекор домой кличет.
«Хоть не рада, да слушаю, от игры домой пойду,
Хоть не доиграна игра, хоть не допета песенка!»

* * *

Дрема дремлет, спати хочет.
Тебя, дрема, свекор кличет!
«А я дары, а я дары не напряла,
Шелковые продремала!»

Дрема дремлет, спати хочет.
Тебя, дрема, свекровь кличет!
«А я дары не напряла,
Шелковые продремала!»

Дрема дремлет, спати хочет.
Тебя, дрема, муж кличет!
«А я дары все напряла,
Шелковые все напряла!»

* * *

Сею, вею бел леночек.
Уродись, мой бел леночек,
Тонок, долог, лен ленистый,
Лен ленистый, волокнистый,
К шитью ниткой шелковою!
Стал леночек поспевати,
Я, младенька, — горевати:

С кем мне, мати, лен-от рвати?
Свекор молвит: «Я с тобою,
Я с тобою, со снохою,
Со снохою, с молодою!»
Черт, не рванье — гореванье!

Сею, вею бел леночек.
Уродись, мой бел леночек,
Тонок, долог, лен ленистый,
Лен ленистый, волокнистый,
К шитью ниткой шелковою!
Стал леночек поспевати,
Я, младенька, — горевати:
С кем мне, мати, лен-от рвати?
Ладо молвит: «Я с тобою,
Я с тобою, со женою,
Со женою молодою!»
То-то рванье — милованье!

* * *

Ходила калина,
Ходила малина —
Кáлина, мáлина!

Ходила малина
Тихими шагами,
Тихими шагами,
Крутыми берегами.

Кликали калину
Во пять голосочков.

Первый же голос —
Да свекорко кличет;

Да свекорко кличет,
Работы пытае.

А я к свекру —
С мягким калачами,

С мягким калачами,
С сладкою сытою.

А второй же голос —
Свекровушка кличет,

Свекровушка кличет,
Работы пытае.

А я ко свекрови —
С белым кужелечком.

Третий же голос —
Золушки кличут,

Золушки кличут,
Да чесаться хочут.

А я ко золовкам —
С частым гребешочком,

С частым гребешочком,
С шелковым уплеточком.

А четвертый голос —
Девэрьюшки кличут,

Девэрьюшки кличут,
Да гуляти хочут.

А я ко девэрьям —
С красною девицей,

С красною девицей,
С веселой музыкой.

Пятый же голос —
Мило ладо кличет.

Мило ладо кличет —
Да спатиньки хочет.

А я к милой лады —
С пуховой подушкой,

С пуховой подушкой,
С крутым изголовьем,

С крепким обниманьем,
С сладким целованьем.
Кáлина, máлина.

* * *

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
 Заинька, беленький!
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу я, смотрю богатого тестя.
Нашел я, выбрал богатого тестя.
Будь ты мне тесть, а я тебе зять буду!

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю я ласкову тещу.
Нашел я, выбрал ласкову тещу.
Будь ты мне теща, а я тебе зять буду!

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю молодого шурина.
Нашел я, выбрал молодого шурина.
Будь ты мне шурина, а я тебе зять буду!

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю молоду свояченицу.
Будь ты мне свояченица, а я тебе зять буду!

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю хорошу невесту.
Будь ты мне невеста, а я тебе муж буду!

«Покажи-ка, зятюшка, свое лицо бело!»
— «А вот мое лицо, а вот бело!»
— «Покажи-ка, зятюшка, свои брови черны!»
— «А вот мои брови, а вот мои черны!»
— «Покажи-ка, зятюшка, свои русы кудри!»
— «Вот мои кудри, вот мои русы!»

Все добрые люди, желаю на свадьбу!
У моего у тестя пива, вина много,
Пива наварено, вина накурено,
Вина накурено, сюды привезено,
Сюды привезено, ко всем разнесено.
Я, выпивши пива, а тестя-то в рыло;
Я, испекши пирожки, тещу-матушку в толчки.
Молодой шурин, заложи своего коня,
Заложи своего коня, поезжай долой с двора!
Молодой свояченице дорогой подарок,
Дорогой подарок — шелковую плетку.
Весел я, весел, что один остался,
Что один остался с молодой хозяйкой!
Я свою милую, чем хочу, дарую,
Чем хочу, дарую, семь раз поцелую.
Зайнъка, беленький!

* * *

Ах, теща к обедне идет,
Молодая к обедне идет;
На ней юбочка вишневая,
Епанечка коришневая;
На ней шапочка аленькая,
Башмачки-то пукетовые.
Как навстречу ей зять молодой,
Как навстречу зять дорогой.
Ах, чем мне зять дарить?
Подарю ли зятюшку
Черна соболя на муфточку.
Ах, зять на меня не смотрит,
Ах, зять мне не кланяется!

Подарю я зятюшку селом,
Еще тысячу с рублем.
Ах, зять на меня посмотрел,
Ах, зять мне кланяется:
«Ты иди, иди ко мне, матушка, жить!
У меня дельца немножко:
В субботу полы перемой,
По досугу баню истопи,
После бани зварцу свари,
А ночью дитя покачай!»
— «Благодарствую, зятюшка,
На твоём на добром житье!»
— «Не прогневайся, матушка,
Ведь не даром хлебом кормится!»

* * *

По новой по роше
Поехал зять к теще
На жену просити.
Теща его встрела:
«Здорово, мой зяттик!
Здорово, касатик!»

— «Сударыня теща!
Не дюже здоров я:
Жена дома била».
— «За что тебя, зяттик?
За что, мой касатик?»

— «Сударыня теща,
Я сам глупо сделал:
Залез в погребочек,
Поел всю сметанку,
Ни много ни мало —
Двенадцать горшочков».

— «Моя дочка дура:
Чего мало дула!»

— «Прощай, моя теща,
Прости, расканалья!»
— «Прощай, мой зятник,
Прости, мой сметанник!»

* * *

Ходили девушки по бережку,
Сеяли, красные, ярый хмель,
Сеяли хмель, приговаривали:
«Расти, наш хмель, по тычинкам вверх!
Без тебя, хмелюшки, не водится,
Пьяное пивушко не варится,
Пьяное пивушко не варится,
Добрые молодцы не женятся,
Красные девушки замуж нейдут».
Вздумала Дуняша, замуж пошла.
Теща про зятя пирог пекла;
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару да изюму на восемь рублей,
Стал весь пирог-то двенадцать рублей.
Думала теща: пятерым не съесть;
Зять-то сел, за присестом съел.
Теща по горницы похаживает,
Тихонько зятюшку побранивает:
«Как тебя, зятюшку, не розорвало,
Как тебя, зятюшку, не розорвало!»
— «Спасибо, тещенька, на хлебе, на соли
Да на сладком пироге,
Что ты, тещенька, употчевала,
Что ты, тещенька, употчевала!
Милости прошу об великом посту:
Я ж тебя, тещенька, отпотчеваю,
Я тебе всю честь воздам,
Я тебе всю честь воздам:
В четыре дубины березовые,
Пятый кнут, по заказу свит.
Ходи-гуляй, тещенька,
Ходи-гуляй, тещенька!»
Рвалась теща, чуть вырвалась,

Бежала теща, насили ушла.
Прибежала теща ко двору,
Прибежала теща ко двору,
Бросилась теща в избе средь полу.
«Гляньте, ребята, не зять ли идет?»
Зять у ворот на похмелье зовет,
Зять у ворот на похмелье зовет.
«Скажите зятю: со вечер хмельна,
С пива да с вина болит голова,
С сладкого меду я вся-де больна,
С сладкого меду я вся-де больна!»

* * *

Ходила чечетка,
Гуляла лебедка
На дворянском дворе.
Поймали чечетку,
Поймали лебедку
На дворянском дворе.
Посадили чечетку,
Посадили лебедку
За решеточку.
Прижила себе чечетка,
Прижила себе лебедка
Ровно семь дочерей:
Марью да Дарью,
Анисью, Антониду,
Акулину, Стефаниду,
А седьмую Катерину,
Душу Катеньку.
Прижила себе чечетка,
Прижила себе лебедка
Ровно семь зятьев:
Степана, Романа,
Дементя, Клементя,
Евстигнея, Евсифея,
А седьмого Алексея,
Душу Алексеюшку.
Прижила себе чечетка,

Прижила себе лебедка,
Ровно двадцать внучат.
Два сидня, два лежня,
Два по́ползня;
Два на лавочке сидят,
Два учиться хотят;
Две Акульки в люльке
Качаются,
Две Аленки в пеленках
Валяются,
Две Дарьюшки у краюшки
Подвизаются,
Две Наташки у кашки
Копаются,
А на суднице сметана,
У сметаны два Степана
Наслаждаются.
Стала же чечетка,
Стала же лебедка
Гостей угощать:
И Степану блин,
И Дементью блин,
И Клементью блин,
Евстигнею блин,
Евсифею блин,
А Никитушке с Акулинушкой
Целу криночку со сметанушкой.
Стала же чечетка,
Стала же лебедка
Гостей укладывать:
И Степана — на полати,
И Романа — на полати,
И Евстигнея — на полати,
И Клементя — на полати,
Дементя — на полати,
Евсифея — на полати,
А Никитушку с Акулинушкой —
На перинушку на пуховую.
Стала же чечетка,
Стала же лебедка,
Гостей будить:
И Степана в бок,

И Романа в бок,
И Дементя в бок,
И Клементя в бок,
Евстигнея в бок,
Евсифея в бок,
А Никитушку с Акулинушкой —
Потихохоньку, полегохоньку.
Стала же чечетка,
Стала же лебедка
Гостей провожать:
И Романа за ворота,
И Степана за ворота,
И Дементя за ворота,
И Клементя за ворота,
Евстигнея за ворота,
Евсифея за ворота,
А Никитушку с Акулинушкой —
В калиточку в тесовую,
Вдоль всей улицы пречинехонько.

* * *

Было у тещи
Семь зятьев:
Хомка зять,
И Пахомка зять,
И Гришка зять,
И Гаврюшка зять,
И Макарка зять,
И Захарка зять,
Зятюшка Ванюшка
Милей всех зятьев.

И стала теща
Зятьев в гости звать.
Хомка идет,
И Пахомка идет,
И Гришка идет,
И Гаврюшка идет,

И Макарка идет,
И Захарка идет.
«Зятюшка Ванюшка,
Иди поскорей!»

И стала теща
Зятьев за стол сажать.
Хомка сел,
И Пахомка сел,
И Гришка сел,
И Гаврюшка сел,
И Макарка сел,
И Захарка сел.
«Зятюшка Ванюшка,
Поди вот тут сядь!»

Стала теща зятьев
Вином потчевать:
Хомке рюмка,
И Пахомке рюмка,
И Гришке рюмка,
И Гаврюшке рюмка,
И Захарке рюмка,
Зятюшке Ванюшке
Рюмочка с винцом.

Стала теща с зятьев
Деньги обирать.
С Хомки — рубь,
И с Пахомки — рубь,
И с Гришки — рубь,
И с Гаврюшки — рубь,
И с Макарки — рубь,
И с Захарки — рубь,
С зятюшки Ванюшки —
Пара серебра.

Стала теща
Зятьев провожать:
И Хомке — в шею,
И Пахомке — в шею,
И Гришке — в шею,

И Гаврюшке — в шею,
И Макарку — в шею,
И Захарку — в шею,
А зятюшку Ванюшку —
За святые волоса.

**БЫТОВЫЕ ШУТОЧНЫЕ
И САТИРИЧЕСКИЕ ГОЛОСОВЫЕ,
ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ
И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ**

* * *

Я на горке стою,
Слезки катятся;
Женить меня хотят, —
Мне не хочется.
Без меня меня женили, —
Я на мельнице был.
Приманили домой,
Да и потчуют женой,
Хозяюшкой молодой.

* * *

«Ходи изба, ходи сени,
Мово мужа черти съели!»
— «Что ты? что ты? что ты?
Я на улицу пойду,
Семерых еще найду».

* * *

Ой, матушка, не могу,
Сударочка, не могу,
Ступил комар на ногу,
Всю ноженьку отдал, —
Все суставы повредил;
Все суставы повредил,
На неделю охромил.

* * *

Я с комариком плясала,
Мне комарик ножку отдал,
Все суставчики повредил.
Я кричала ж матери:
«Ты подай, мати, косыря,
Мне по-русскому — топора,
Рубить-казнить комара.
Я срублю ему голову
Я по самые плечи».
Покатилась голова
Вдоль широкого двора,
За задние ворота.

* * *

Что задумал наш комаричек жениться,
Что задумал наш комарик муху взять.
Прилетел слепец — муху расхаял:
«Это что же тебе муха за невеста?
Она прясть-то, ткать не умеет,
Она шелком шить не училась,
Она золото класть не горазда.
Она с клеточки на клеточку летала,
Она с криночки на криночку садилась,
Из-под крайчика сметанку выедала».
Полетел наш комарик в чисто поле,
Уж как сел комарик на дубинку,
На осинку на осинку.
Вот свалился комарик с дубинки,
Свалился тут и убился.
Тут шли-прошли два прохожих —
Один-то поп, другой да разбойник.
«Это что это лежит да за покойник?
По одеже-то похожий сын попович,
По окладистой бородке сын торговый».
Еще сделали ему гробочек
Из ореховой скорлупинки,
Его ноженки да не уходят.

Схоронили комарика в чисто поле,
В чисто поличко, да во раздолъе.
Ты зачем же, комарик, не держался,
Большеглазенький, да оборвался!

* * *

Велела мне мати
Зелен ячмень жати.
«Жни, жни, моя Дуненька,
Жни, моя серденько!»

Ячменю нажала,
На межи лежала.
«Лежи, моя Дуненька,
Лежи, моя серденько!»

Снопочек нажала,
К сердечку прижала.
«Прижми, моя Дуненька,
Прижми, моя серденько!»

Ячменное зернечко
Уколело в сердечко —
«Терпи, моя Дуненька,
Терпи, моя серденько!»

* * *

Жила-была Дуня,
Дуня-тонкопряха.
 Вали-вали, Дуня,
 Дуня-тонкопряха!
Пряла наша Дуня
Ни толсто, ни тонко,
Ни толсто, ни тонко,
Потолще каната,
Потолще каната,
Потоньше оглобли.
Стала наша Дуня
Холсточек сновати.

Сновала, сновала —
Колья поломала.
Стала наша Дуня
Холсточки ткати.
Семь сел проходила,
Берда не добыла.
В огороде ткала,
Колом прибивала.
Ехали бояре,
«Бог помощь, — сказали, —
Бог помощь, — сказали, —
Рогоженьку ткати».
— «Брешет ваша рожа,
Это не рогожа,
Это не рогожа —
Тонкая холстина».
Стала наша Дуня
Рубашонку краить:
Долотом примерит,
Обухом ударит.
Стала наша Дуня
Рубашонку шити:
Буравлем прокрутит,
Бечевкой протянет.
Стали нашей Дуне
Рубашку надевати:
Семеро держали,
Девять надевали.
Семь годов носила —
Смены не просила.
Смены не просила,
В баню не ходила.
Вáli-вáli, Дуня,
Дуня-тонкопряха!

* * *

У меня квашня
По избе прошла,
Ну да, ну да, ну да, ну,
По избе прошла.

По избе прошла,
До дверей дошла.

До дверей дошла,
Двери выставила.

Двери выставила,
Избу выстудила.

А веселочко по сеничкам
Поаживает,

Петух на шестке
Наговаривает,

Что ушла наша хозяйка
Вдоль по улице гулять,

Вдоль по улице пошла
Воробеюшку искать.

Нашла воробья
В огороде в коробье.

Сварила воробья
Во семи горшках,

Во семи горшках,
В семи латочках,

В семи латочках —
Черепенничках.

Поставила воробья
На передний стол.

«Маремьяна-попадья,
Ты покушай воробья!»

— «Я не кушаю, не рушаю
И не ем, не хочу,

Я не ем, не хочу,
Понедельничаю.

Понедельничаю,
Да пуще модничаю.
Ну да, ну да, ну да, ну,
Пуще модничаю».

* * *

Во городе во Ростове
У боярина толсто́ва,
На широком на дворе
Жили-были два братенника,
Два складенника,
Ерема да Фома.
Они жили больно славно,
Пили, ели сладко,
Ходили хорошо.
Ерема ел редьку,
Фома чеснок,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
Сладко нам ести?
Станем-ко, брателко,
Щепетко ходить».
Ерема в балахоне,
Фома в шабуре.
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
Щепетко ходить
И у барина жить?
Станем-ко, брателко,
Дом заводить».
Топор купил Ерема,
А Фома долото,
У Еремы не рубит,
У Фомы не берет,

Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Да не полно ли, брателко,
Дом заводить?
Станем-ко, брателко,
Пашенку пахать».
Ерема впрег кота,
А Фома петуха.
У Еремы не тянет,
У Фомы не везет,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
Пашенку пахать?
Станем-ко, брателко,
Рожь засевать».
Ерема-то посеял,
А Фома-то не поспел,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
Рожь засевать?
Станем-ко, брателко,
Рожь зажинать».
Ерема-то взял шило,
А Фома кодочиг.
У Еремы-то не режет,
У Фомы-то не берет,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
Рожь зажинать?
Станем-ко, брателко,
Кладушеньку класть».
Склали же кладушку
На печной на столб,
Котик скочил,
Кладушку уронил.

«Не полно ли, брателко,
Кладушку класть?
Станем-ко, брателко,
Рожь молотить».
Ерема-то с бичом,
А Фома-то с кулаком.
У Еремы-то не брызжет,
У Фомы-то не летит,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
Рожь молотить?
Станем-ко, брателко,
Рощицу мочить».
У Еремы прокисло,
У Фомы промозгло,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
Рощицу мочить?
Станем-ко, брателко,
Солод продавать».
Ерема продает,
Фома так отдает,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
За торговлею ходить,
Барыши приводить?
Станем-ко, брателко,
За охотою ходить,
Зайчиков ловить».
Ерема-то с котом,
А Фома с петухом.
У Еремы-то не ловит,
У Фомы-то не бежит,
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно ли, брателко,
За охотою ходить,
Зайчиков ловить?
Станем-ко, брателко,
В церковь ходить,
Богомолиться».
Ерема пришел в церковь,
А Фома в алтарь,
Ерема запел,
Фома-то заревел.
Пришел строгий пономарь,
Фому в шею протолкал.
Фому горе берет,
Фому горе берет.

«Не полно-ли, брателко,
В церковь ходить
Богомольничати?
Станем-ко, брателко,
Рыболовничати».
Ерема купил сеть,
Фома тенета,
Ерема купил лодку,
Фома ботник.
Лодка да утла,
А ботник безо дна.
Ерема закидал,
А Фома-то заметал.
Ерема говорит:
«Ко Петрову дню им быть».
А Фома-то говорит:
«Как нам господи велит».
Ерема-то сболтался,
А Фома-то сколыбался.
Ерема упал в воду,
Фома ко дну.
От Еремы-то валы,
А от Фомы пузыри.
По Ереме-то блины,
По Фоме пироги,
По Фоме пироги.

* * *

Я по келейке хожу, я черничку бужу:
«Ты, черничка, встань, спасеничка, встань,
Ведь к обедне звонят и часы говорят,
Люди сходятся, богу молятся!»
— «Не могу я встать, головы поднять:
У меня спина болит, наклониться не дает!»

Я по келейке хожу, я черничку бужу:
«Ты, черничка, встань, спасеничка, встань!
Музыки пришли и скрипицы принесли!»
— «Ах, встать было, поплясать было,
Поломать костей, взвеселить гостей!»

«Ты, черница, — грех, спасеница, — грех!»
— «Я голик возьму и грехи подмету:
И под лавкой грехи, и на лавке грехи,
По всей келье грехи!»

* * *

Что во городе было во Казани,
Здунинай-най-най, во Казани,
Молодой чернец постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Что за те ли за святые за ворота.
За воротами беседушка сидела.
Как во той ли во беседе стары бабы.
Уж как тут чернец не взглянет,
Чернечище кlobучище принахлупит.

Как во городе было во Казани,
Молодой чернец постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Что за те ли за святые за ворота.
За воротами беседушка сидела.
Как во той ли во беседе молодежи.
Уж как тут чернец привзглянет,
Чернечище кlobучище приподнимет.

Как во городе было во Казани,
Молодой чернец постригся.

Захотелось чернецу погуляти,
Что за те ли за святые за ворота.
За воротами беседашка сидела.
Как во той ли во беседе красны девки.
Уж как тут чернец привзглянет,
Чернечище клобучище долой сбросит.
«Ты сгори, моя скучная келья,
Пропади ты, мое черное платье!
Уж как полно мне, молодцу, спастись!
Не пора ль мне, добру молодцу, жениться
Что на душечке на красной на девице,
Здуниной-най-най, на девице?»

* * *

На горе-то монастырь стоял,
А монахов-то было многое множество.
Они все были горькие пьяницы,
Пили водочку из скляницы.
А игумен-то у них старший был,
Не велел им вина помногу пить.
«Вот мы давайте, братья, порассердимся,
Не пойдем мы ни к обедне, ни к заутрене».
И прикатил он им бочку зелена вина.
«Вот мы тут и поднатянемся
И за бочку спать уладимся».

* * *

Жил-был старец один-наедине,
Построил старец келью себе,
Келью себе соломенную.
Пошел старец с корцом за водой.
Навстречу старцу девок хоровод.
Пошел старец скакать и плясать;
Оглянулся назад: келья горит.
Много добра погорело в той хороmine:
Ольховые лапти, дубовые сапоги,
Коробка с табаком березовая.

«Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи, молоденький,
Как старые ходят,
Как они гуляют?»

— «Они эдак и вот эдак,
А все они эдак!»

— «Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи, молоденький,
Как молоды ходят,
Как они гуляют?»

— «Они эдак и вот эдак,
А все они эдак!»

— «Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи, молоденький,
Как молодцы ходят,
Как они гуляют?»

— «Они эдак и вот эдак,
А все они эдак!»

— «Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи, молоденький,
Как девицы ходят,
Как они гуляют?»

— «Они эдак и вот эдак,
А все они эдак!»

— «Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи, молоденький,
Как попы-то ходят,
Как они гуляют?»

— «Они эдак и вот эдак,
А все они эдак!»

— «Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи, молоденький,
Как ихни-то жены,
Как ихни-то жены?»

— «Они эдак и вот эдак,
А все они эдак!»

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

* * *

Кот на печи
Сухари толчет,
Кошка в лукошке
Ширинку шьет,
Маленьки котята
В печурках сидят
Да на котика глядят,
Что на котика глядят
И сухарики едят.

* * *

У кота, кота
Колыбелька золота,
А у дитятки мово
И получше того:
Люля точеная,
Позолоченная!
У кота, кота
И подушечка бела,
У мово ли у дитя
И белее того.
У кота, кота
И постелюшка мягка,
У мово ли у дитя
И помягче того.

У кота, кота
Одеялечко тепло,
У мово ли у дитя
И теплее того.

* * *

А баю-баю-баю!
Ходит кошка по краю.
Она лыка дерет,
Она лапти плетет,
А коту-то не дает.
Ему сына женить
Да и дочь отдавать.

* * *

Баю-баю за зыбою,
Отец пошел за рыбою,
А матушка дрова рубить,
А бабушка уху варить.
Спи, спи, дитя милое!
Укачаю я тебя,
Убаюкаю.

* * *

Баюшки-баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
Полна горница ребят.
Все по лавочкам сидят,
Кашу с масличком едят,
На окошечке студят.

* * *

Бай-бай да люли,
Хоть сегодня умри.
Завтра мороз, ...
Снесут на погост.
Мы поплачем-повоем,
В могилу зароем.

с

*

* * *

Потягунушки, потягунушки!
Поперек толстунушки,
А в ножки ходунушки,
А в ручки фатунушки,
А в роток говорок,
А в головку разумок.

* * *

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая:
Ножками — топ! топ!
Глазками — хлоп, хлоп!
Кто кашки не ест,
Кто молока не пьет,
Того забодает, забодает.

* * *

Ах ты деточка,
Золотая цветочка!
Виноградная веточка,
Сладкая конфеточка!

* * *

Куколка, куколка,
Боярыня куколка!
У боярыни вдове,
У посадской жене
Бежит, бежит зайныка,
Бежит горностаенька.
«Погоди, зайныка,
Погоди, горностаенька!»
— «А мне некогда годить:
У волка-то свадьба —
Отдает лисичку,
Муха — стряпуха».

* * *

Пегушка пегая
Мимо двора бегала,
Диковинку видела:
Едет барин на козе,
А барыня на баране,
А малые барчата,
Словно поросята:
В закоулках хрючат, —
Знать, спать не хотят.

* * *

Улита, улита,
Высунь рога!
Дам конец пирога.

* * *

«Кисанька! где была?»
— «На мельнице».
— «Что делала?»
— «Муку молола».
— «Что вымолола?»
— «Грошик».
— «Что купила?»
— «Калачик».
— «С кем съела?»
— «Одна».

* * *

Стучит-брячит на улице,
Фома едет на курице,
Тимошка на кошке
Туды ж по дорожке.
«Куды, Фома, едешь,
Куды погоняешь?»
— «Сено косить».
— «На что тебе сено?»
— «Коровок кормить».
— «На что тебе коровы?»
— «Молоко доить».
— «На что тебе молоко?»
— «Ребяток поить».

**ПЕСНИ БУРЛАКОВ
И О БУРЛАКАХ**

* * *

Ой-ё-ёй,
Ой-ё-ёй,
Дует ветер верховой.
Мы идё-о-óm,
Бóсы, голодны,
Каменьё-о-ом
Ноги порваны.
Ты пода-а-ай,
Мíколá, помóчи,
Доведи-и-и,
Мíколá, до ночи!
Эй ухнем да ой ухнем!
Ша-агай
Крепче, друже,
Ло-ожись
В лямку туже,
Ой-ой,
Оё-ёй.

* * *

За п е в а л а
Дубина, дубинушка,
Дубина зеленая,
Зеленая, подернем!

Хор

Подернем!
Подернем!
Вот пошла! Пошла!
Сама пошла, сама пошла!

Запевала

Ой люли! Ой люли!
Барка стала на мели.
Вот подернем!

Хор

Подернем!
Подернем!
Вот пошла! Пошла!
Сама пошла, сама пошла!

Запевала

Эх да на речке, на лугу ли,
Эх да потянем, потянули,
А ну подернем!

Хор

Подернем!
Подернем!
Вот пошла! Пошла!
Сама пошла, сама пошла!

Запевала

Эх да тyani, тyani до поту,
Грош надбавят за работу.
А вот подернем!

Хор

Подернем!
Подернем!
Вот пошла! Пошла!
Сама пошла, сама пошла!

* * *

Во всю ночь мы темную,
Осеннюю,
Долгую,
Ухнем!
Грянем!
Нам кричит дядя «давай» —
Мы даем,
Сильно гребем...
Ухнем!
Грянем!

* * *

Эй ухнем! Эй ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эй ухнем! Эй ухнем!
Еще разик, еще раз.

Раскачаем березу!
Развалием кудряву!
Ай-да, да, ай-да, ай-да, да, ай-да,
Развалием кудряву!

* * *

И-эх-ма, бра-атцы, дюже жарко,
И-эх! Никому-то нас не жалко!
О-ой, ду-убинушка,
У-ухнем!

* * *

Волга матушка река,
Пожалей-ка бурлака.

* * *

Ой лю-ли! Ой лю-ли!
Барка стала на мели.
Вот подернем!
Подернем!
Подернем!
Ее сняли, повели,
И на водку нам дали.
Гу-у-у-у!

* * *

Ой ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села!

Ой ребята, собирайся!
За веревочку хватайся!

Чтоб прибавить барке ходу,
Побросаем девок в воду!

Чтобы барка шла ходчее,
Надо лоцмана по шее.

* * *

Да вы, ребята, бери дружно!
Тащить сваюшку нам нужно!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

Да вы, ребята, не робейте,
Свою силу не жалейте!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

Да вы, ребята, дери глотку!
Нам хозяин даст на водку!
Эх, дубинушка, ухнем!
Вот, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

Да вы, ребяташки, старайтесь,
За дубинушку хватайтесь!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

* * *

Поутру-то было раным-рано,
На заре-то было на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымались —
Подымались добры молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со детками.

* * *

Не пора ли нам, братцы-ребятушки,
Идти на работу?
Нам на легкую работу,
Легку струговую.
Мы пойдете-ка, братцы-ребятушки,
В зеленую рощу,

Уж срубайте, братцы-ребятушки,
В роще по весельцу,
Уж мы сложимтесь, братцы-ребятушки,
Денег по полтинке,
Уж мы купимте, братцы-ребятушки,
Мы легкую лодку,
Уж мы сядемте, братцы-ребятушки,
Сядем по местечкам,
Мы возьмемте-ка, братцы-ребятушки,
В руки по весельцу,
Уж мы грянемте, братцы-ребятушки,
Вниз по Волге!
Уж вы стойте-ка, братцы-ребятушки,
Стойте, не гребитесь,
Уж вы дайте-ка, братцы-ребятушки,
Волге устояться;
Мы послушаемте, братцы-ребятушки,
Не плачут ли жены?
Если плачет моя молода жена —
Назад ворочуся,
Назад ворочуся,
С женой распрощуся:
«Ты прощай-ка, моя молода жена,
Прощай ненадолго,
Ненадолго поры времечка,
На один часочек,
На единый-то на часочек,
На кругленький на годочек,
На кругленький на годочек —
В Казань-городочек!»

* * *

Перед нашими ворота,
Перед нашими широки,
Перед нашими широки
Разыгрались ребята,
Всё ребята молодые,
Молодые, холостые;
Они шуточку сшутили,

Во новы сени вскочили,
Во новы сени вскочили,
Новы сени подломили,
Новы сени подломили,
Красну девку подманили,
Красну девку подманили,
В новы сани посадили;
«Ты садися, девка, в сани,
Ты поедем, девка, с нами,
С нами, с нами, молодцами,
С понизовыми бурлаки;
У нас жить будет добренько,
У нас горы золотые,
У нас горы золотые,
В горах камни дорогие».
На обман девка сдалася,
На бурлацкие пожитки,
А бурлацкие пожитки
Что добры, да невелики,
Что добры, да невелики,
Одна лямка да котомка,
Еще третья-то оборка.

* * *

Вольная птичка-пташечка, перепелочка,
Куда она захотела, туда и полетела.
Где местечко излюбила, тут и села.
Садилась вольная пташечка в чистом поле
При широкой при московской при дороженьке,
Во белую яркую во пшенушку,
Горемышную свою песенку запела:
«Не пой, не пой, ретивое сердечко.
Не плачь, не плачь, душа красна девица,
Не батюшка, не матушка замуж выдали,
Сама ты, девица, похотела
За вольного за низового бурлака,
Сказали, у бурлака денег много —
У него один алтын во котомке
Да вязовая дубинка за плечами».

* * *

Мне не жаль-то платка, платка алого,
Только жаль-то дружка, дружка милого.
Покрывала платок аленький, покрывала,
Потеряла не знай где, не знай где.
Мне не жаль-то платка, платка алого,
Только жаль-то дружка, дружка милого;
Хорош миленький уродился,
Во бурлачушки подрядился —
Во всё лето-летичко до Покрова праздничка.
Ой ли Покров праздничек к нам приходит.
Ой ли все бурлачушки с Волги идут,
А моего-то дружка долго нету.
Ой ли пойду-то я сразу во светлицу,
Уж и погляжу-то я, погляжу из окошка в окошко:
Не плывет ли лодочка с Волги?
Уж сверху лодочка завиднелась,
Черна шляпа зачернелась.

РАЗБОЙНИЧЬИ ПЕСНИ

* * *

Вниз по матушке по Волге
По широкому раздолью,

По широкому раздолью
Поднималась бурь-погода.

Поднималась бурь-погода,
Погодушка немалая,

Погодушка немалая,
Немалая волновая,

Немалая волновая.
Ничего в волнах не видно,

Ничего в волнах не видно,
Только видно красну лодку,

Только видно красну лодку.
Красна лодочка краснеется,

Красна лодочка краснеется,
На гребцах шляпы чернеются,

На гребцах шляпы чернеются.
Сам хозяин во наряде,

Сам хозяин во наряде,
Во коричневом халате,

Во коричневом халате.
«Вы притроньте-ка, ребята,

Вы притроньте-ка, ребята,
Ко крутому бережочку,

Ко крутому бережочку,
Ко желтому ко песочку».

* * *

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке матушке Камышенке
Выплывают ли стружочки есаульские,
На стружочках тех сидят гребцы бурлацкие —
Всё бурлаки, всё молодчики заволжские.
Хорошо все удальцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены,
Галуном рубашки шелковы обложены,
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли да пели песенки,
К островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возгворят бурлаки тут удалые:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторски:
Кого ждали-поджидали, того ляд несет».
Астраханский губернатор догадался тут:
«Ой вы гой еси бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские!»

Как возговорят удалы люди вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна,
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские —
Дорога нам твоя буйная головушка».
Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу-матушку,
Сами молодцы ему тут насмехались:
«Ты добре ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылавал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!»

* * *

Ах доселева усов и слыхом не слышать,
А слыхом их не слышать и видом не видать.
А нонеча усы проявились на Руси,
А в новом Усолье у Строгонова.
Они щепетко по городу похаживают,
А кораблики бобровые, верхи бархатные,
На них смурые кафтаны,
С подпушечками с камчатными,
А и синие чулки, астраханские черевики,
А красные рубашки, косые воротники, золотые
плетни.

Собиралися усы на царев на кабак,
А садилися молодцы во единый круг.
Большой усище и всем атаман,
А Гришка Мурышка, дворянский сын,
Сам говорит, сам усом шевелит:
«А братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и надо чем усам голова кормить,
На полатях спать и нам сытым быть.
Ах нуте-тко, усы, за свои промыслы!
А мечитесь по кузницам,
Накуйте топоры с подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сделайте бердыши
И рогатины и готовьтесь все.

Ах знаю я крестьянина, богат добре,
Живет на высокой горе, далеко в стороне,
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит,
А прохожих-то людей ночевать не пушат,
А прямые дороги не сказывает.
Ах надо-де к крестьянину умеючи идти:
А по полю идти — не посвистывать,
А и по бору идти — не покашливать,
Ко двору его идти — не пошаркивать.
Ах у крестьянина-то в доме борзые кобели
И ограда крепка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крепко заперты».
Пришли они, усы, ко крестьянскому двору,
А хватался за забор да метался на двор.
Ах кто-де во двери, атаман в окно:
А и тот с борку, иной с борку,
Уж полна избушка принабуркалася.
А Гришка Мурышка, дворянский сын,
Сел впереди под окном,
Сам и локоть на окно, ноги под гузно,
Он сам говорит и усом шевелит:
«А и ну-тко ты, крестьянин, поворачивайся!
А и дай нам, усам, и попить и поесть,
И попить и поесть и позавтракати».
Ох метался крестьянин в большой анбар;
И крестьянин-ат несет пять пудов толокна,
А старуха-то несет три ушата молока.
Ах увидели усы, молодые молодцы,
А и кадь большу, в чем пива варят.
Замешали молодцы они теплушечку,
А нашли в молоке лягушечку.
Атаман говорит: «Ах вы добры молодцы, вы
не брезгуйте!
А и по-нашему, по-русски, — холоденушка».
Они по кусу хватили — только голод заманили,
По другому хватили — приоправилися,
Как по третьему хватили — ему кланялися:
«А спасибо те, крестьянин, на хлебе на соли,
И на кислом молоке, на овсяном толокне,
Напоил нас, накормил, да и животом надели,

Надели ты нас, усов, по пятидесят рублей,
А большому атаману полтора ста рублей».
А крестьянин-ат божится: «Право, денег нет».
А старуха ратится: «Ни полушечки».
А дурак на печи, что клеит, говорит:
«А братцы усы, удалы молодцы!
А и есть-де ведь у батюшки денежки,
А и будет вас, усов, всех оделять,
А мне-де, дураку, не достанется;
А всё копит зятьям, растаким матерям».
А проговорит усище, большой атаман:
«Братцы усы, за свои промыслы!
Ох ну-тко, Афонас, доведи его до нас!
Ах ну-тко, Агафон, да вали его на огонь!
А берите топоры с подбородышами,
Ах колите заслон да щепайте лучину,
Добывайте огонь, кладите на огонь среди избы,
Валите крестьянина брюхом в огонь,
А старуху валите <...>на огонь».
Не мог крестьянин огня стерпеть,
Ах стал крестьянин на огонь <...>,
Побежал крестьянин в большой анбар,
Вынимал из-под камня с деньгами кубышечку,
Приносил крестьянин, да бряк на стол:
«Вот вам, усам, по пятидесят рублей,
А большому-то усищу полтора ста рублей».
Вставали усы, они крестьянину кланяются.
«Да спасибо те, крестьянин, на хлебе на соли,
И на овсяном толокне, и на кислом молоке,
Напоил нас, накормил, животом наделил.
Ах мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя уьем, и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возьмем».

* * *

Хороша наша деревня,
Только улица грязна.
Хо-хо! О-хо-хо!
Только улица грязна!

Хороши наши ребята,
Только славушка худа.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Только славушка худа!
Величают нас ворами,
Всё разбойничками.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Всё разбойничками!
Мы не воры, мы не плуты,
Не разбойнички.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Не разбойнички!
Государевы мы люди,
Рыболовнички.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Рыболовнички!
Мы ловили эту рыбу
По сухим по берегам.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 По сухим по берегам!
По сухим по берегам —
По амбарам, по клетям.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 По амбарам, по клетям!
Как у дяди у Петра
Заловили осетра.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Заловили осетра!
Заловили осетра —
Белогривого коня.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Белогривого коня!
Как у тетки у Арины
Заловили три перины.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Заловили три перины!
А у кума у Степана
Унесли горшок сметаны.
 Хо-хо! О-хо-хо!
 Унесли горшок сметаны!
Заловили сорок щук,
Из которых шубы шьют.

Хо-хо! О-хо-хо!
Из которых шубы шьют!
Заловили мы белугу,
Что калачиком рога!
Хо-хо! О-хо-хо!
Что калачиком рога!
Вот за эфтаки дела
Посадили в кандала.
Хо-хо! О-хо-хо!
Посадили в кандала!
Посадили на неделю,
Продержали круглый год.
Хо-хо! О-хо-хо!
Продержали круглый год!

* * *

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью — самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?»
— «Я скажу тебе, надежа православный царь,
Все правду скажу тебе, всю истинну,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ — темная ночь;
А второй мой товарищ — булатный нож;
А как третий-от товарищ — то мой добрый конь;
А четвертый мой товарищ — то тугой лук;
Что рассыльщики мои — то калены стрелы».
Что возговорит надежа православный царь:
«Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладной».

* * *

Не леса шумят,
Не дубровушка —
Разыгралась волюшка
Атаманская,
Всё-то братская.
Все ли мы — братцы,
Все ли мы — родные,
Однокровные:
Спородила нас
Ночка темная,
Сосватала нас
Сабля вострая;
У нас сватушка —
Кистень-батюшка,
А свахонька наша —
Сабля вострая.

* * *

Как светил да светил месяц во полночи,
Светил в половину;
Как скакал да скакал добрый молодец
Без верной дружины.
А гнались да гнались за тем добрым молодцом
Ветры полевые;
Уж свистят да свистят в уши разудалому
Про его разбои.
А горят да горят по всем по дороженькам
Костры стражевые;
Уж следят да следят молодца-разбойника
Царские разъезды;
А сулят да сулят ему, разудалому,
В Москве белокаменной каменны палаты.

* * *

Ты взойди-ка, красно солнышко,
Над горой взойди над высокой,

Над дубровушкой взойди над зеленою,
Над полянушкой взойди над широкою,
Обогрей-ка нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, сирот бедных,
Сирот бедных, солдат беглых,
Солдат беглых, беспачпортных!
Как по Волге, Волге-матушке,
Повыше было села Лыскова,
Пониже села Юркина,
Против самого села Богомолова,
Вытекала тут быстра речушка,
Про прозванью речка Кержинка;
По речушкѣ бежит лодочка,
Бежит-то лодочка не ловецкая,
Не ловецкая — молодецкая,
Молодецкая, воровская, косная;
Посередь лодки стоит деревцо,
На деревце бел тонкий парус,
Под парусом бел тонкий шатер,
Под шатром лежит дорогая кошма,
Под кошмой лежит золота казна,
На казне лежит платье цветное,
На платье сидит девица;
Сидит девица — призадумалась,
Призадумавши, пригорюнивши, —
Нехорош-то ей сон привиделся:
Атаманушке быть зарезану,
Есаулушке быть повешену,
Молодцам-гребцам во тюрьме сидеть,
А мне, девушке, быть на волюшке,
На родимой на своей сторонушке,
У своего батюшки и у матушки.

* * *

Сирота ли, сирота ты, сиротушка,
Сиротец, удалец, горе-вдовкин сын!
Да ты спой, сирота, с горя песенку!
«Хорошо песни петь, да пообедавши;
А и я ли, молодец, лег — не ужинал,
Поутру рано встал — да не завтракал;

Да плохой был обед, коли хлеба нет,
Нет ни хлеба, нет ни соли, нет ни кислых щей!
Я пойду ли, молодец, с горя в темный лес;
Я срублю ли, молодец, я иголочку,
Я иголочку я дубовую,
Да я ниточку я вязовую.
Хорошо иглой шить, под дорогой жить:
Уж и раз-то я стебнул — да я сто рублей;
А другой-то раз стебнул — да я тысячу;
А как третий раз стебнул — казны сметы нет!
— «Сирота ты, сирота, ты сиротушка,
Где твоя казна?»
— «А моя, братцы, казна во сыром бору,
Под сосною,
Под сосною под зеленою».

* * *

«Сиротка ты, сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная,
Запой-ка ты, сиротка, с горя песенку».
— «Хорошо вам, братцы, петь — вы пообедали,
А я, сирота, лег не ужинавши,
Лег не ужинавши, встал не завтракавши.
У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли,
Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых щей,
Одна корочка засушенка, и та летошняя».
— «Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспроизвел?»
— «Воспроизвела меня, сиротку, родна матушка,
Воспоила-воскормила меня Волга-матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветляньенька,
Возлелеяли меня няньки-мамки — волны быстрые,
Возрастила меня чужа дальняя сторона
Астраханская,
Я со этой со сторонушки на разбой пошел».
— «Ты скажи, скажи, сиротка, с кем разбой держал?»
— «Не один я разбой держал, с тремя товарищами:
Первый мой товарищ — ночь темная,
Другой мой товарищ — конь, добра лошадь,
Третий мой товарищ — стально ружье».

Вы леса мои, лесочки, леса темные!
Во лесах-то садики, садики зеленые;
Во садах кусты, кусты позаломаны.
Все дружочки наши, все-то позаловлены,
Во немецки во железы все-то позакованы,
Во большой домок все-то посажены.

Сидят-то они, богу молятся,
Со слезами в землю все-то кланяются:
«Ты возмой-ка, возмой, туча грозная!
Ты пролей-ка, пролей, батюшка силен дождь!
Ты размой-ка, размой стены каменны,
Ты выпусти-ка нас на святую Русь!»

Из острога-то они все разбежались,
По темным лесам все-то размырялись,
На полянушку они, соколы, собирались,
Во кружок они, удалые, сажались.

Как бывало мне, ясну соколу, да времечко:
Я летал, млад ясен сокол, по поднебесью,
Я бил-побивал гусей-лебедей,
Еще бил-побивал мелку пташечку,
Как, бывало, мелкой пташечке пролету нет.
А нонеча мне, ясну соколу, время нет:
Сижу я, млад ясен сокол, во поиманье,
Я во той ли в золотой во клеточке,
Во клеточке, на жестяной нашесточке;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженьках путички шелковые;
Занавесочки на глазоньках жемчужные!

Как бывало мне, добру молодцу, да времечко:
Я ходил-гулял, добрый молодец, по синю морю,
Уж я бил-разбивал суда-корабли,
Я татарские, армянские, бусурманские;
Еще бил-разбивал легки лодочки;

Как, бывало, легким лодочкам проходу нет.
А нонеча мне, добру молодцу, время нет:
Сижу я, добрый молодец, во поиманье,
Я во той ли во злодейке земляной тюрьме.
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженьках оковушки немецкие,
На рученьках у молодца замки затюремные,
А на шеюшке у молодца рогатки железные.

* * *

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Добрый молодец сидит в темнице.
Пишет грамотку к отцу, к матери.
Он просит того жавороночка:
«Отнеси ты, млад жавороночек,
На мою ли, ах, дальну сторону,
Ты сие письмо к отцу, к матери!»
Во письме пишет добрый молодец:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя родна матушка,
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, вам родимого!»
Как отец и мать отказались
И весь род-племя отрекались:
«Как у нас в роду воров не было,
Воров не было и разбойников!»

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Добрый молодец сидит в темнице.
Пишет грамотку к красной девице.
В другой раз просит жавороночка,
Чтоб отнес письмо к красной девице.
Во письме пишет добрый молодец:
«Ты душа ль моя красна девица,
Моя прежняя, полюбовница,
Выкупай-выручай добра молодца,
Свово прежнего полюбовника!»

Как возговорит красна девица:
«Ах вы нянюшки мои, мамушки,
Мои сенные верные девушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорей кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте скорей добра молодца,
Мово прежнего полюбовника!»

* * *

Ты не пой-ка, не пой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке,
На проталинке — на проталинке,
А воспой-ка, воспой, млад жавороночек,
Воспой-ка, воспой при долине.
Что стоит ли тюрьма,
Тюрьма новая,
Тюрьма новая,
Дверь дубовая,
Что сидит ли там, сидит
Добрый молодец,
Он не год сидит,
Он не два года,
Сидит ровно семь годов.
Заходила к нему матушка родная:
«Что я семь-то раз,
Семь раз выкупáла,
Что и семь-то я,
Семь тысяч потеряла,
Что осьмой-то,
Осьмой-то тысячи не достала».

* * *

«Ах ты душечка, жена моя молодая,
Что на улице застоялась,
На приказ, мой свет, загляделась,
На приказное на окошко?»

— «И ты душечка, мой сердечный друг,
Я на улице застоялася,
На приказ, мой свет, загляделася:
Во приказе в государевом,
Что во той ли темной темнице,
За решеткою за железною
Сидит душечка добрый молодец.
И он пишет себе грамотку,
Не пером пишет, не чернилами —
Он своими горячими слезми,
Не ко батюшке, не ко матушке —
Он ко душечке к молодой жене:
«Ах ты душечка, молода жена,
Продавай свое житье-бытье,
Выкупай меня из неволюшки,
Как из той ли темной темницы!
Буде мало тебе всего покажется —
В кабалу отдай малых детушек!»
На ответ пишет молода жена:
«Ах ты душенька, мой сердечный друг,
Не продам своего житья-бытья,
Не отдам в кабалу малых детушек!
Уж и так тебя бог помилует,
Государь тебя царь пожалует!»

Как далече, далече во чистом поле
Стоят два столбичка высокие,
Перекладинка лежит кленовая
И петелька лежит шелковая...
«Уж как я тебе, друг, говорила,
Честью-лестию вас упрашивала:
Не седлай коня поздно вечером,
Не съезжай с двора пополуночи,
Не вози платье кровавое!
Уж как ты, мой друг, меня не послушался,
Ты седлал коня поздно вечером,
Ты съезжал со двора пополуночи,
Привозил платье кровавое;
Ты за то сидишь в темной темнице,
Не считай меня своей женой!»

Добры мѡлодцы все на волюшке живут,
Один Ванюшка в победушке сидит,
В каменной, Ваня, государевой Москве,
В земляной тюрьме, за решетками,
За железными дверями,
За висячими замками.
Заутрѧ Ваню к наказаньицу ведут,
К наказаньицу — ко ременному кнуту,
К столбу крашеному, дубовому.
По праву руку отец с матерью идут,
По леву руку молода жена с детьми,
Молода жена с детьми малыми;
Позади его православный весь народ.
Как и стал Ваня говорить жене:
«Ты сними с меня шелковѡй пояс,
С позолоченными на нем ключиками,
Отопри, жена, окован сундук,
Уж ты вынь оттоль золотой казны,
Ты дари, жена, молодого палача,
Чтобы молодой палач меня легче наказывал!»

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

* * *

Как со вечера кочета поют;
Со полуночи дружка куют,
Куют дружка во железушки,
Везут дружка во солдатушки,
Во молоденьки некрутики.

Мимо лесу мимо темного,
Мимо садику зеленого,
Мимо ельничку-березничку,
Мимо частого орешничку,
Пролегала тут дороженька,
Дороженька не широкая,
Не широкая, не торная,
Не торная, не набойная,
Да никто по ней не хаживал,
Никто следу не прокладывал.
Только шли-прошли извозчички,
Извозчички не тяжелые,
Не тяжелы — нагруженные,
С солдатскою амуницией.
Наперед идут охотнички,
Позади идут невольнички.
Охотнички песни взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
«Сторона ль наша, сторонушка,
Ты знамая и знакомая!
На сторонушке слободушка,
На слободушке зазнобушка,
Зазнобушка — красна девушка!»

* * *

Расхороша наша барыня
Что Арина-то Ивановна:
Разорила село теплое Пилютино,
Раздала крестьян в солдатусшки,
Во молоденьки рекрутики.
Охотники наперед идут,
Невольнички позади тянутся,
Охотнички песню взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
«Сторона ль моя, сторонущка,
Гулливая наша, прохладливая».

* * *

Ох ты пей-ка, моя головушка, прохладися
Что за батюшкиной, за матушкиной головою!
Тошно жить вдове грешной с сиротою,
А еще тошней жить с богатыми мужиками:
Богатые мужики — мироеды;
Собирали они сходы частые, потайные,
Они думали думу крепкую заедино:
«Нам кого отдать будет во солдаты?
Нам богатого отдать — прогневити,
Одинокого отдать — разорити.
На ряду-то живет вдова грешная с сиротою,
У нее есть один сыночек-сиротина, —
Отдадим-то мы его во солдаты!»

* * *

У отца было, у матери три сына любимых.
Отец с матерью всю ночь не спят,
Всю ночь не спят, за столом сидят,
За столом сидят, думу думают:
«Нам которого сына в солдаты отдать?»

Большого-то отдать — детей много;
Среднего отдать — жена хороша,
Жена хороша, больно услужлива.
Уж отдать ли, нет ли сына малого,
Сына малого, неженатого».
А меньшей-ет сын расплакался,
Отцу с матерью разжаловался:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Или я вам не тот же сын?
Или я вам не кормилец был?»
— «Уж вы дети мои милые!
Уж вы все-то мне милехоньки,
Милехоньки и больнехоньки!
Вы возьмите-ка по ножичку,
Уж вы срежьте-ка по прутику;
Сами сделайте по жеребью
И метните-ка по жеребью,
Что которому достанется!»
Доставалось большому брату.
Большой брат расплакался,
Перед батюшкой с матушкой стоячи:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Не покиньте мою молодую жену,
Молодую жену, малых детушек!»

* * *

У мужика было богатого,
Да и три сына были хорошие.
Вот и вышло на них несчастье —
Да невольщина-некрутчина!
Да и старшего сына жаль отдать,
А среднего не хочется;
Что идти ль не идти сыну меньшему.
Как и меньший сын расплачется:
«Ох, и я ли вам не родный сын?»
Как возговорит-то и батюшка:
«Ах, и дети мои вы родные,

Ах, идите-тка во зеленый сад
Да вы срежьте по жеребью,
Ну вы бросьте-тка жеребий!»
Как досталось сыну старшему.
Старший сын пригорюнился,
Молода жена его расплакалася,
Малы дети разрыдалися.
Как возговорит да и меньший сын:
«Да не плачьте ж вы, да и родные:
Я иду за вас охотою».

* * *

Попила-то моя буйная головушка, попила, погуляла
Что за батюшкиной, да за матушкиной большой
головой,
Что за братцевой, за невесткиной тяжелой работой.
Как не бел гребень головушку чешет — чешет пора-
время,
Чешет пора-времечко, гульба-воля, удаль молодецкая,
вольное раздолье.
Вдруг почувало мое сердечушко невзгоду.
Та невзгода ли, невзгода — частые наборы.
Что хотят-то меня, молодца, всем миром поймать,
Белы рученьки связать, резвы ноженьки сковать;
Не поймавши добра молодца, как же в рекруты отдать?
Не сыскавши красной девушки, кого ж замуж
обвенчать?
Как поймали добра молодца у прилуки красной девицы,
Белы рученьки связали, резвы ноженьки сковали;
Посадили меня, молодца, на мирски подводы,
Повезли-то меня, молодца, во город Саратов.
Во городе во Саратове бреют кудри не жалеючи.
Приводили молодца в приемную,
Становили разудалого под меру казенную
И обрили добру молодцу кудри русые.
Не видать моим кудерюшкам уже прежней холюшки;
Уж не будет добру молодцу гульбы-волюшки!
Соберите, братцы милые, мои кудри русые,
Завяжите их в миткалевый платок,
Отошлите к матушке в терем высок!

* * *

Не белы снеги во чистом поле,
Снеги забелелись, забелелись, —
Забелелися моего дружка
Каменны палаты, то палаты.
У палатушек стоят два шатра,
Шатры шелковые, шелковые;
Что во тех шатрах стоят два стола,
Столы дубовые, дубовые;
У столов стоят там два стулика,
Стулья кленовые, кленовые;
Что сидят на них два молодчика,
Двое молодые, молодые;
На столах стоят две чернилицы,
Обе золотые, золотые.
У молодчиков по перу в руках,
Перья лебедины, лебедины.
Добры молодцы пишут грамотки
По белой бумаге, по бумаге.
Против них стоит красна девица,
Сама горько плачет, горько плачет.
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не плачь, не печалься, не печалься!
Что не быть, не быть твоему дружку,
Не быть во солдатах, во солдатах;
А что быть-то, быть твоему дружку
Во донских казаках, во казаках!»

* * *

Уж вы ветры мои, ветерочки,
Тоненькие голосочки,
Вы не дуйте на лесочки,
Вы не дуйте в бору сосну:
И так сосенке стоять тошно,
Стоять тошно, стоять грустно!
Стоит сосенка на рыночке,
На крутеньком бережочке;
Не водою сосенку подмывает —

Горностай к сосенке подбегает,
Злы коренья подъедает.
С вершинушки сосны сучки гнутся.
К этой сосенке пчелы вьются;
Они вьются, не привьются,
Они гнутся, не пригнутся.
У молодца кудри вьются;
На молодце печаль-горе:
Отдают дружка в солдаты!

* * *

Наша пыльная дороженька
Запылена она пылью,
Эх, запылена она пылью.

По той пыльной по дороженьке
Много ходу по ней, ездю,
Эх, много ходу по ней, ездю,

По той по пыльной по дороженьке
Да шла молодка молодая.
Эх, шла молодка молодая.

Она, горькая молодка,
Сама слезно она плакала,
Эх, сама слезно она плакала.

«Как же мне, горькой молодушке,
Как же мне слезно не плакати?
Эх, как же мне слезно не плакати?»

Моего дружка любезного
В прием принимают,
Эх, в прием принимают,

С моего дружка любезного
Русы кудельки сймают».

* * *

Всю ночь не спал, всё ходил да гулял;
Ко белой-то заре ко двору я пришел.
Молодая жена со постели встает,
Со постели встала, слезой залилась:
«Без тебя, мой друг, постелюшка холодна,
И одеялице призаинчело в ногах,
Подушечка потонула во слезах».
Со стыда, молодец, я вниз личиком упал,
Сам себя сругал, про гуляньице сказал:
«Ты гулянье, ты гуляньице мое!
Довело ты молодца до конца!
Распрогневал я родную матушку, отца;
Через то, младец, на службицу пошел.
А на службице последнее житье;
По немногу там нам жалованья дают:
По три денежки у суточки,
По пяти плетей у спинушку кладут!

Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка!
Не плачь, не печаль доброго молодца,
Ты не жди, ты не жди младца через три года;
На четвертый год сам письмо пришлю,
Во письме пропишу строку черную,
Строку черную, печальную;
Поминай ты меня тогда, родимая матушка, хлебом-
солью».

* * *

Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушка в зеленом саду громко свищет —
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет,
Обливается горячими слезами.
Как берут меня, доброго молодца, в неволю,
Уж как вяжут добру молодцу белы руки,
Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Везут-везут добра молодца во город,
Отдают там доброго молодца в царску службу,
Что во ту ли царску службу — во солдаты.

Уж никто-то по мне, молодце, не тужит;
Только тужит одна матушка родная.
Молодая ли жена проклиняет,
Красны девушки про молодца вспоминают,
Весь род-племя меня, молодца, провожают:
«Послужи там, добрый молодец, верой-правдой,
Положи за нас свою буйну головку!»

* * *

Как отдал меня батюшка замуж,
Он далече-далече, в иной город,
Что в иной город замуж за солдата.
Ах и горькая солдатская женитьба!
Он ни ноченьки дома не ночует,
Хоть ночует, да всю ночку протоскует,
Во косящато окошечко просмотрит,
Что не идут ли, не едут ли солдаты;
Вот и старые солдаты едут-скачут,
Молодые новобранцы слезно плачут,
А их старые солдаты унимают:
«Вы не плачьте, не тужите, новобранцы!»
— «Ах и как же нам, солдатушкам, не плакать?
Наши новые дома запустели,
Молодые наши жены завдовели,
Наши малые дети осиротели!»

* * *

По горам-горам
По высокиим
Млад сизой орел
Высоко летал,
Высоко летал,
Жалобно кричал.
Во строю солдат
Тяжело вздыхал:
«Мне не жаль, не жаль
Самого себя,

Только жалко мне
Зелена сада:
Во зеленом саду
Есть три деревца;
Перво деревцо —
Кипарисово,
Друго деревцо —
Сладка яблонка,
Третье деревцо —
Зелена груша.
Кипарис-дерево —
Родной батюшка;
Сладка яблонка —
Родна матушка,
Зелена груша —
Молода жена».

* * *

Уж ты воля, моя воля,
Ты не знаешь мово горя.
Мое горе великое,
С горя ноженьки не ходят,
Со слез глазушки не смотрят,
С плеч головушка валится.
Летел голубь, летел сизый.
«Расскажи ты, где мой милый?»
— «Твой милый во неволе,
Во рекрутском наборе,
Он там днюет и ночует:
Поздно ляжет, рано встанет.
Ноженьки у него в кровь стерлись,
Спинушка его сплошь в ранах».

* * *

Вдоль по Питерской широкой по дорожке
Тут и шли-прошли солдаты молодые,
А за ними идут матушки родные.

«Сколь вам, матушки, и гнаться —
расставаться!
Всю Россеюшку за нами не испройдешь,
Сыру землю всю слезами не намочишь!»

* * *

Сторона ль ты моя, сторонущка,
Сторона моя незнакомая!
Что не сам я на тебя зашел,
Что не добрый меня конь завез,
Не буйны ветры завяели,
Не быстры реки залелеяли —
Занесла меня, доброго молодца,
Что неволюшка солдатская,
Грозна служба государева.
На чужой дальней сторонущке
Ни отца нету, ни матушки,
Ни брата, ни родной сестры,
Ни молодой жены, ни младых детушек.
Как на чужой дальней сторонущке
Что ложился я, добрый молодец,
На голых досках без постелюшки;
Умывался я, добрый молодец,
Что своими горючими слезми;
Утирался я, добрый молодец,
Я своею полой правую.

* * *

Породила да меня матушка,
Породила да государыня,
В зеленом-то саду гуляючи,
Что под грушею под зеленою,
Что под яблонью под кудрявою,
Что на травушке на муравушке,
На цветочках на лазоревых.
Пеленала да меня матушка

Во пеленочки во камчатные,
Во свивальники во шелковые.
Берегла-то меня матушка
Что от ветра и от вихоря;
Что пустила меня матушка
На чужу дальну сторонушку.
Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль ты моя незнакомая!
Что не сам-то я на тебя зашел,
Что не добрый меня конь завез —
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая —
Служба грозная государева,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

* * *

Ночи мои темные, вечера веселые!
Уж я все ночи просиживаю,
Уж я все-то думы передумаю;
Как одна дума с ума нейдет:
Кабы были у меня сизы крылушки,
Еще б были б у меня золотые перушки,
Воспорхнул бы, воспорхнул бы высоко,
Полетел бы далекохонько,
Я слетал бы на свою сторону,
Уж я сел бы на широкий на свой двор,
Поглядел бы, посмотрел бы я
Что на свой ли на высок на терем.
Как в том-то терему стоят три стола.
За первым-то столиком родной батюшка
сидит,
За другим за столиком родна матушка,
За третьим за столиком молода жена
Со малыми-то со детушками.
Уж вы дети мои, дети сирые,
Еще нет-то у вас родна батюшки!

* * *

Шел детинушка дорогою,
Шел удалый молодец широкою.
Пристигала молодца темная ночь,
Темная ночь осенняя.
И где-то молодцу ночевать будет?
Ночевать молодцу в темном лесу,
В сыром бору под сосною под зеленою.
Буйные-то ветры разбушились,
Зеленая-то сосна расшаталася,
Расшаталася, расшумелася.
Не сосна шумит, то молодца журит:
«Ты зачем же, молодец, под меня зашел?»
Как возговорит добрый молодец:
«Не бушуйте, ветры буйные!
Не шатайся ты, не шуми, зелена сосна,
Не жури меня, доброго молодца!
Я не сам, молодец, под тебя зашел,
Занесла меня неволюшка,
Неволюшка, невзгодушка —
Государева солдатчинка!
Припаду я, молодец, ко сырой земле:
Не стонет ли мать сыра земля,
Не плачет ли отец с матерью,
Не горюет ли молода жена,
Молода жена с малыми детушками?»

* * *

На заре было, братцы, на зорюшке,
Да солнышко садится.
Под удалым, удал-добрым молодцем
Стал конь становиться.
Под удалым да и удал-добрым молодцем
Стал конь становиться.
Стал сбивагься удал-добрый молодец
Да и с пути, с дорожки.
Стал сбиваться удал-добрый молодец
Да и с пути, с дорожки.

Подъезжает удал-добрый молодец
К кусту, кусточку,
Подъезжает удал-добрый молодец
К кусту, кусточку.
«Здравствуй, здравствуй, родимый кусточек,
Горький полыночек!
Позволь, позволь, родимый кусточек,
Да и ночьку ж ночевати!
Позволь, родимый кусточек,
Да и ночьку ж ночевати!»
— «Ночуй, ночуй, удал-добрый молодец,
Да ночуй, бог с тобою!
Ночуй, ночуй, удал-добрый молодец,
Бог с тобою!
Постель тебе, удал-добрый молодец,
Да всё травка ковылка.
Постель тебе, удал-добрый молодец,
Да всё травка ковылка,
А в головушки тебе, удал-добрый молодец,
Да высокая могилка,
А в головушки тебе, удал-добрый молодец,
Высокая могилка.
Одеяльце тебе, удал-добрый молодец,
Да всё темная ночька.
Одеяльце тебе, удал-добрый молодец,
Всё темная ночька.
Э-э-эх, часовые тебе, удал-добрый молодец,
Да всё лютые звери».

* * *

Ах далече-далече, в чистом поле,
Стояло туто деревцо вельми высоко;
Под тем ли под дровом выростала трава;
На той ли на травоньке расцветали цветы,
Расцветали цветы, всё лазоревые;
На тех ли на цветах разостлан ковер;
На том ли на ковре два брата сидят,
Два брата сидят, два родимые.
Большой-ет братец в цимбалы играл,
А меньшей-ет братец песню припевал:

«Породила нас матушка как двух сыновей;
Вспоил-вскормил батюшка как двух соколов;
Вспоивши-вскормивши, ничему нас не учил.
Научила молодцов чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, понизовы города.
Чужа дальна сторона без ветру сушит,
Без ветру сушит и без морозу знобит.
Как думала матушка нас век не избыть —
Избыла нас родимая единым часом.
А теперь тебе, матушка, нас век не видать».

* * *

Как далече-далеченько, во чистом полё,
Еще того подале — во раздольице,
Как не белая березынька к земле клонится,
Не бумажные листочки раздуваются,
Не шелковая ковыль-травынька расстилается —
Еще стелется-расстилается польнь горькая.
Ох и нет тебя горчее во чистом полё,
А еще того горчее служба царская!
Что ни день-то, ни ночь нам, солдатушкам, угомону
нет;
Темна ноченька приходит — нам, солдатушкам,
на карауле быть;
Бел денечек наступает — нам, солдатушкам, во строю
стоять;
Во строю стоять нам, солдатушкам, — по ружью держать;
Пристоялися резвы ноженьки ко сырой земле,
Придержались белы рученьки к строеву ружью,
Пригляделися наши глазыньки на часты звезды.

* * *

Уж ты зимушка-зима,
Холодна, зима, была!
Холодна зима проходит,
Лето красно настает.
Лето красно настает,
У солдата сердце мрет.

У солдата сердце мрет,
Лето дома не живет.
Лето в лагерях стоять,
Поутру рано вставать.
Поутру рано вставать,
Лицо бело умыть.
Лицо бело умыть,
Мундир черный надевать.
Мундир черный надевать,
На ученье выезжать.
Нам ученье не мученье,
Между прочим тяжело,
Между прочим тяжело,
Что не знаем ничего:
Ни налево, ни направо,
Бьют солдата чем попало —
И прикладом, тесаком,
Не будь, солдат, дураком.

* * *

Еще слушай же, родитель моя матушка,
И как вешние ручьи да разливаются,
И так у нас да горьки слезы проливаются.
И на ученице, родитель, на мученице,
И уже бьют да нас, победных, без провинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия победных бьют головушек,
И скрозь строй гонят несчастных нас солдатушков,
И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
И доведут да нас солдатушки несчастные;
И тут мы падем от побоев о сыру землю,
И тут ряхнемся ума-разума в головушке;
И мы не чувствуем ведь добрых-то людушек,
И мы самі себя с побоев тут не ведаем,
И на плечах да мы не слышим тонко-белых рубашечек,
И мы лежим да со побоюшков без навиду,
И тут подымут нас солдаты новобраные
И под несчастны горегорьки белы рученьки,
И сговорят эти солдаты новобраные:
«Есть ли душенька у вас да во белых грудях,

Есть ли зреньице у вас да во ясных очах?»
И мы не чувствуем, победнушки, не знаем;
И так избиты мы, победы, исколочены,
И ко сырой земле, победы, приклонены,
И поднимают нас солдаты, выговаривают:
«И да ты можешь ли, несчастный-то солдатушко,
И ты поднять свою несчастную головушку,
И ты от матушки поднять да от сырой земли,
И уже стать да на несчастны на резвы ноги,
И всё поднять свои несчастные белы рученьки?»
И столько в ту пору, родитель, в то времечко
И мы родную свою сторону спомынем,
И мы желанных вас родителей проклянем,
И вы зачем да нас, несчастных, спородили.

* * *

В чистом поле стояло тут дерево,
Березонька бела;
На том ли на дереве сидит птица пава.
Кричит пава: «Запропала солдатская слава!»
Летели гуси со овятой Руси:
«А знать, нам, солдатушки, не бывать на Руси,
На Руси не бывать, отцов не видать,
Матерей не знать».
— «Солдатушки, ребятушки, а где ваши дома?»,
— «Наши дома — круты горы, широки раздолья,
То наши подворья».
— «Солдатушки, ребятушки, а где ваши жены?»
— «Наши жены — ружья заряжены, штыки
присажоны».
— «Солдатушки, ребятушки, а где ваши дети?»
— «Наши дети — ложки полужены, в сумы
положены».
В поход припасены».
— «Солдатушки, ребятушки, а где ваши тетки?»
— «Наши тетки — шапки теплы на буйной головке».
— «Солдатушки, ребятушки, а где ваши кони?»
— «Наши кони — резвы ноги, завсегда в походе,
В казенной работе.
Мы под Киев подходили, на горку всходили,
Мы на горочку всходили, во фронт становились».

* * *

Полно, белые снежочки,
На талой земле лежать,
Полно вам, солдатушки,
Горе горевать,
Горе горевать — горе мыкати.
Забывайте, солдатушки,
Отца-мать и жену;
Вспомни, служивые,
Тесак, ружье и суму;
Стоя, наедемся,
Ходя, выспимся,
Хлеба напечем,
Крутой каши наварим;
Сложимся по денежке —
Купим мы винца;
Выпьем мы по рюмочке,
Позавтракаем;
Выпьем по другой —
Сами песни запоем;
Выпьем мы по третьей —
Разгуляемся, пойдем.
С матерью-отцом
Вовек не видатися,
С ружьем да с сумой
Вовек скончатися;
С девками, с молодками
Полно нам гулять,
Перины-подушечки
Пора нам забывать.

* * *

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались,
Как слышали мои русы кудри на себя невзгодье,
Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что уж быть-то мне, доброму молодцу, во солдатах,
Что стоять-то мне, доброму молодцу, в карауле,
Вот стоял я, добрый молодец, в карауле, —

Пристоялись у доброго молодца мои скоры ноги,
Как задумал я, добрый молодец, задумал бежати.
Что бежал я, добрый молодец, не путем-дорогой,
А бежал я, добрый молодец, темными лесами.
Во темных лесах, добрый молодец, весь я ободрался,
Под дождем я, добрый молодец, весь я обмочился,
Прибежал я, добрый молодец, ко своему подворью.
Прибежавши, добрый молодец, под окном я

постучался:

«Ты пусти, пусти, сударь батюшка, пусти обогреться!
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти обсушиться!»
— «Я б пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя!
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле:
Что буйным ветром тебя, мое дитятко, там обсушит,
Красным солнышком, мое дитятко, обогреет!»
Что пошел-то я, добрый молодец, пошел, сам

заплакал:

«Уж возьмиесь загоритесь вы батюшкины хоромы!
Уж ты сгинь-пропади матушкино подворье!»

* * *

По дорожечке было по широкой,
По широкой по московской,
Тут-то шла-прошла силушка армия,
Сила армия да конна гвардия,
Конна гвардия, три полка солдат,
Три полка солдат да молодых ребят.
Все молодые да безбородые,
Все холостые да неженатые,
Неженатые да кудреватые,
Они были-то царя белого,
Царя белого да Петра Первого.
Впереди-то полка да знамена несут,
Посреди полка да барабаны бьют,
Позади полка ружья светеют.
Ружья светлые да замки крепко бьют.
Замки сбрыкали, солдаты всплакали,
Во поход пошли да в путь-дорожечку.
Хоть не в дальнюю, да во печальную,
Во печальную да во слезливую,

Во слезливую да несчастливую.
Во слезах они думу думали,
Думу думали да речь говорили:
«Уж мы где будем нонче день дневать,
Будем день дневать, ночь коротати?
Будем день-то дневать во сыром бору.
Ночь коротати — во темном лесу,
Под сосенкой да под кудрявою,
Во постелюшке — да мать сыра земля,
Во изголовьице — да зло кореньице,
Одеялышко — да буйны ветрички,
Разбужаньице — пуля быстрая,
Пуля быстрая да сабля вострая,
Умываньице — да кровь горячая,
Утираньице — да мурава-трава,
Воспитаньице — да сухари-вода,
Сухари-вода — солдатам еда.

* * *

Не беленькая березонька к земле клонится,
Не шелковая в поле травонька расстилается —
Стелется-расстилается полынь горькая.
Нет тебя, полынушки, горче в поле нет!
Горче тебя, полынушка, служба царская,
Наша солдатская,
Царя белого Петра Первого!
Не днем-то нам, со вечера, солдатушкам, ружья
чистити;
Со полуночи солдатушкам голова чесать,
Голова чесать да кудри пудрити;
На белом свету солдатушкам во поход ийти,
Во поход ийти, во строю стоять,
Во строю стоять да по ружью держать.
Пристоялись резвы ноженьки ко сырой земле,
Придержались белы рученьки к огненному ружью,
Пригляделись очи ясные за Дунай-реку.
Уж мы ждали-то, дождали неприятеля,
Неприятеля да супостателя — короля шведского.
Выходил-то наш король шведский из бела шатра;

Он смотрел русску силушку из ясна стекла,
Какова-то есть русска силушка во строю стоит,
Во строю стоит да по ружью держит.

* * *

Из-за лесику было, лесу темного,
Из-за гор то было, крутых гор,
Там идет-идет православный царь,
За царем несут знамя царское,
А за знамечком-то идет
Сила-армия.
Выходили тогда малолеточки-неравнинушки,
Становились они на коленочки.
Тут они просили, умоляли:
«Государь ты наш, русский царь,
Не дозвошь казнить,
Дозвошь речи говорить —
Поморил ты нас
Летом с голоду,
Познобил ты нас
Зиму с холоду!»

* * *

Как сказали сырому дубочку:
«Утром рано мороз будет».
— «Я морозу, дубок, не боюся,
Сейчас я развернуся».
Как сказали молодому солдату:
«Утром рано поход будет».
— «Я походу, солдат, не боюся,
Я сейчас пойду соберуся».
Собирался солдат, снаряжался,
И со всеми солдат прощался:
«Вы прощайте, добрые люди,
Может, с кем я поругался».
Поругался солдат, побранился,
С дороженьки воротился.

Зарастайте мои все тропы-дороги
Травой-муравою,
Листом-лопухами,
Пестрыми цветами.

* * *

По сырой земле туман стелется,
По горам война подымается,
Казачи в поход собираются.
Как отец сына в поход провожал,
В поход провожал, сам приказывал:
«Уж ты сын, ты мой сын, сын возлюбленный,
Берегись ты, мой сын, офицеров пожилых,
Офицеров пожилых, офицеров молодых, —
Офицеры засекут шашкой острою,
Шашкой острою, плеткой быстрою!»

* * *

Из-за леса, леса темного,
Из-за гор ли, гор высоких
Тут бежит-спешит молодой солдат,
Молодой солдат, строевой сержант.
На головушке он указ несет,
Во правой руке — челобитьице.
У ключа, ключа у гремячего,
У колодезя у студеного
Добрый молодец коня поил,
Красна девица воду черпала,
Воду черпала, речь говорила:
«Ох ты душечка, молодой солдат!
Молодой солдат, строевой сержант!
Ты возьми, возьми за себя меня».
— «Ох ты глупая красна девица,
Неразумная дочь отецкая!
Мне нельзя тебя за себя взять,
Мы вечер поздно со бою пришли,

Уж мы билися-рубился,
Трое суток не пиваючи,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добрых коней не слезаючи.
Наши ноженки подогнулися,
Белы рученьки опустилися,
Сабли вострые притупилися!»

* * *

Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана,
не плугами —
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами;
А засеяна славная земелюшка казацкими головами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, матерними
слезами.

* * *

И на страженъице солдаты побывали,
И трои сутки мы хлеба не едали,
И как сраженъице у нас да сочинилось,
И от солдатских слез земля да подгибалась.
И от обидушки следочки заплывалися,
И темны лесушки к земли да приклонялися,
И звери лютые от страсти разбегалися,
И в переполоху ту птиченьки падали;
И мы ж, солдаты, тут стояли, не пугалися,
И мы палили тут, удады, не дробили ведь,
И тут сраженъе да было превеликое,
И кроволитье да тут было да преужасное;
И от дыму-то не видно свету белого,
И мы ходили-то, солдаты, по колен в крови,

И мы плавали, солдаты, на плотах-телах,
И ручьем кровь да туды-сюды разливается,
И наше храброе сердце да разгорается,
Тут одна рука не може — другая пали,
Тут одна нога упала — другая стой,
И раздуилось плечо да расходилось,
И бурлацкое ведь сердце неустерпчиво,
А где ведь пулей неймем, там грудью берем,
А где грудь не бере, душу богу отдаем.

* * *

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ — люди первые,
А к жалованью — люди последние.
Как со вечера солдатам поход сказан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты на приступ пошли.

Что не грозная туча подымалася,
Что не черные облака сходилися —
Что подымался выше облак черный дым,
Загремела тут стрельба ружейная;
Что не камушки с крутых гор покатилися —
Покатилися с плеч головушки солдатские;
Что не алое сукно в поле заалелось —
Заалелася тут кровь солдатская;
Что не белые лебедушки воскликнули —
Так воскликнут молоды жены солдатские.

* * *

Не черная черница зачернелася —
Зачернелось турецкое чисто поле.
Не плугом оно попахано, не сохою —
Попахано поле конскими копытами;
Позасеяно поле не всхожими семенами —
Как и теми-то казачьими головами;
Заволочено поле казачьим цветным платьем.

Не ясен сокол по крутым горам летает —
Наш полковник по палатушкам разъезжает.
И тут, ехавши, наш полковник становился,
Над казачьими головушками прослезился:
«Понапрасну христианская кровь эта пролита!»

* * *

А вскрикнули да два лебедя
Посеред моря да на камушку:
«Ох и дай боже, дай половодье,
Чтобы нам на бережку покупаться
И желтого песку позобаться!»

Как ускрикнули да два молодца
Посеред поля да на площади:
«Ох и дай боже, дай замиренье,
Чтобы наши цареви замирились,
Чтобы нам на площади постояти
И на белый свет поглядети!»

* * *

Как бежал-то, бежал молодой невольник
Бежал-то он из неволи,
Как из той-то орды из далекой.
Прибежал-то молодой невольник к реченьке он Дунаю.
На ту пору, на то время Дунай становился,
Как он тоненьким ледком сверху затягался
И беленьким снежком пушистым покрывался.
Не нашел-то молодой невольник себе переправы,
Переправы и переходу он, мелкого броду.
Становился же молодой невольник на крутенький
бережочек,
На крутенький бережочек, на сыпучий песочек.
Как ставши на песочек, он горько заплакал:
«Сторона ль ты, моя сторонushка, сторона милая!
Видно, мне, сторонushка, на тебе не бывать,
На тебе не бывать, отца-мать не видать».

* * *

Мне, матушка, тошнехонько,
Государыня, грустнехонько,
Мне пить и есть не хочется,
Мне гульба, прохлад на ум нейдут:
Мне милый друг с ума нейдет.
Сильна-крепка я разумом,
Но я пала-перепалася:
С милым другом давно виделась,
Через речку ему поклонилася,
Через поле слово молвила.

Все полки домой идут,
Моего дружка коня ведут,
Буланого, приубраного,
Сивогривого, белокопытного;
В тороках везут его рубашечку,
Рубашечку боевую, кровавую.
Умирал мой друг, приказывал:
«Вы братцы мои, товарищи,
Может, бог велит вам домой прийти —
Поклонитесь вы моему батюшке,
Сударыне родной матушке;
Милой жене слово молвите,
Чтобы вымыла мою рубашечку
Не на речке, не в колодезе,
А вымыла горячѣй своей слезой;
Чтоб высушила мою рубашечку
Не на ветре, не на солнышке,
А высушила на белѣй своей груди».

* * *

Как у ключика было у текучего,
У колодца-то было у студеного,
Молодой казак-душечка спочив имел,
Он спочив имел — он коня кормил,
Он кормил-то, поил, всё выглаживал:
«Уж ты конь ли мой, конечек вороненький,

Что не ешь-то ты, мой конь, шелковой травы?
Не пьешь ты, мой конь, ключевой воды
И не ешь-то, не пьешь, невесел стоишь?
Ты повесил, мой конь, свою буйну головушку.
Иль ты чуешь, мой конь, над собой невзгодушку,
Ты невзгодушку чуешь, несчастье великое?
Тяжела ли тебе моя сбруя ратная?
Иль я-то на тебе, хозяин, тяжело сижу?»
— «Ты хозяин ты мой, ты хозяинушко,
Не тяжела мне твоя сбруя ратная,
Да сам-то ты, хозяин, не тяжело сидишь,
Как тебе-то, хозяину, быть убитому,
Как а мне-то, твоему конечку, быть подстреленному».

* * *

Не травушка, не ковылушка
В поле шатается —
Он шатался, волочился
Раздобрый молодец.
Идет он, шатается,
За ковыл-траву хватается.
Из его свежих ран
Кровь цевкой течет.
На нем черкесочка
Нараспашечку,
У черкесочки рукавички
Назад позакиданы,
А полы под ремень
Позатыканы,
Горячей кровью
Все призабрызганы.
Навстречу раздоброму молодцу
Мать родимая.
«Ты дите ли мое,
Моя деточка,
Ты на что допьяна напиваешься?»
— «Напоил меня
Русский царь,
Напоил меня тремя пойлками:

Первое поило — пулечка свинцовая,
Второе — шашка острая,
Третье — пика длинная».

* * *

Во поле елочка стоит,
Елочка стоит кудрявенькая.
Как под этой елочкой гусарик убит,
Гусарик убит, конь его стоит.
Конь копытом землю бьет, воды достает.
«Тебе, тебе, конюшка, воды не достать,
А мне, добру молодцу, от земли не встать».

* * *

Край дорожки, край широкия было, московской,
Тут стояла зелена елинка,
Не толстая, собою ровная,
Со вершиночки до самого корня.
Что на этой было елинке,
Что на самой было на вершинке,
Тут сидела дорогая пташка,
Горегорькая бедна кукушка.
Не кукует, всё бедна горюет,
Жалобнешенько, слезно причитает,
Под елинушку сама взирает:
Под елинушкой лежит молодчик,
Не убит он лежит, не застрелен —
Вострой сабелькой весь он изрублен.
Что на молодце была рубашка,
Тонка, беленька была бумажна,
Во крови-то она была, кумашна,
Во грязи-то она была, китайна.
Тут спроговорит душа молодчик:
«Уж ты мамушка, зелена елина!
Опусти ты свое прутьё-витьё!
Ты прикрой мое тело белое,

Чтобы дождиком тело не мочило,
Красным солнышком тело не сушило,
Чтобы звери тела не терзали,
Чтобы вороны тела не клевали».

* * *

«Уж ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, ты широкое.

Ты раздолье мое, ты широкое,
Чем ты, полюшко, приукрашено?»

— «А я, полюшко, всё цветочками,
Всё цветочками, василечками!»

Посреди-то поля част ракитов куст,
Под кустом-то лежит тело белое.

Под кустом-то лежит тело белое,
Тело белое, молодой солдат.

Молодой солдат не убит лежит,
Не убит лежит, шибко раненный.

Во глазах у него бел-горюч камень,
Во руках у него сабля вострая,

Во руках у него сабля вострая,
Во груди у него пуля быстрая,

Во груди у него пуля быстрая,
Во ногах у него стоит добрый конь

«Уж ты конь, ты мой конь, товарищ мой,
Ты ступай-беги во Русску́ землю;

Ты скажи-ка; скажи родному батюшке,
Поклонись-ка ты родной матушке,

Поклонись-ка ты родной матушке.
Ты скажи-ка, скажи молодой жене,

Что женился я на другой жене,
Как женил-то меня бел горюч камень,

Как женил-то меня бел горюч камень,
Обвенчала-то меня сабля вострая,

Обвенчала-то меня сабля вострая,
Молода жена — пуля быстрая».

* * *

Во поле ветер веет,
Солдатики идут,
На грязненькой шинели
Товарища несут.
Несут его к вокзалу,
В холодненький вагон,
В Россию отправляют,
Чтоб вылечить потом.
Лечите не лечите —
Мы жертвовали собой.
Везёте в лазареты,
Чтоб гнать опять на бой.
Лучше я погибну
В далекой стороне,
Пускай не ждут родные,
Забудут обо мне.
Во поле ветер веет,
Полки солдат идут,
Все они в окопах,
Калеками умрут.
Цари, купцы, дворяне
За чаем водку пьют,
А бедные солдаты
За них в окопах мрут.
Цари, купцы, дворяне
Досыта хлеба жрут,

А бедные солдаты
Голодной смертью мрут.
Солдаты защищают
Земли богачей.
<А> они с царем гуляют
Под крышами церковей.
Во поле ветер веет,
Полки солдат идут.
Богатых, будет время,
За шиворот возьмут.

ПЕСНИ ТЮРЬМЫ, КАТОРГИ И ССЫЛКИ

* * *

Куда идти печаль нести?
Пойду с горя в темны леса,
В темны леса, в чисты поля.
В чистых полях растет трава,
Растет трава шелковая,
Цветут цветы лазоревы.
Нарву цветов, совою венок
Милу дружку на головушку.
Носи, милый, не спрашивай!
Люби меня, не сказывай!
Меня любил — счастливым был;
От нас отстал — несчастным стал,
Несчастливым стал, в острог попал,
В тюрьме сидит, в окно глядит.

* * *

Ах, что ж ты, мой сизый голубчик,
Ах, что ж ты ко мне не летаешь?
Иль часты дожди крылья мочат,
Иль буйные ветры относят?
Ах, что ж ты, мой милый дружочек,
Ах, что же ко мне ты не ходишь?
Отец или мать не пускают?
Род-племя ль любить запрещают?
Послышу я: милый в неволе,
Сидит в городском он остроге.

Возьму ль я ключи золотые
И стану ль ларцы отпирати;
Возьму ль я казны сорок тысяч,
Пойду ль я дружка выкупати.
Судьи казны взять не желают,
На волю дружка не пускают.

* * *

Ты злодейка да злокоманка, змея лютая!
Из норы ты, змея, ползешь, сама озираешься;
По песку ты, змея, ползешь, сама извиваешься;
По траве ты, змея, ползешь, сама всю траву сушишь,
Иссушила в поле цветочки все лазуревы!
Что не то-то, братцы, злодейка змея лютая,
Что то-то, братцы, злодейка красная девица;
Довела меня, доброго молодца, до гибели,
Что то до той же до злодейки темной темницы.

Что из главного приказы из московского,
Что из славного села-села Преображенского
Что ведут-ведут доброго молодца казнить-вешати.
Переди идет доброго молодца православный царь;
По правой руке доброго молодца отец-матушка;
По левой руке доброго молодца грозен палач;
Позади идет доброго молодца красная девица.

* * *

Да горы мои, горы Зауральские,
Не забыть вас, горы, да во все века.
Да через вас, горы, ой, лежала дорожка,
Лежала большая, да Сибирский шлях.
Как по нем-то шли молодцы отважные,
Бренча кандалами, ой, с гордостью в глазах;
Да шли они, шагали, в горы Зауральские,
Ой в темные остроги да в каторгу шли.
Ветры злые, лютые, да ветры осенние
Шумели над дорожкой да секли лицо.

Да не стушили ветры да в глазах отважных
Огня-пламени да гордости большой.
Да усеяли тот шлях-дороженьку
Курганы могилоч да неизвестных крестов,
Да призавяла травка над шляхом-дорожкой,
Ой призавяла зеленая, да только до поры.

* * *

Седина ль моя, сединушка,
Седина моя молодецкая,
Ты к чему рано появилась,
Во черны кудри вселилася?
Ах ты молодость моя, молодость,
Ах ты молодость молодецкая!
Я не чаял те измыкати;
Ах, измыкал я свою молодость
Не в житье-бытье, богачестве —
Во проклятом одиночестве!
Изошел-то я, добрый молодец,
С устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку;
Не нашел-то я, добрый молодец,
Ни батюшки, ни матушки,
Ни братцев-то, ясных соколов,
Ни сестриц-то, белых лебедушек;
А нашел-то я, добрый молодец,
Полоняночку красну девушку.

* * *

Уж ты молодость, ты наша молодецкая,
Уж ты волюшка наша безотецкая,
Не упомяла, молодость, когда ты прошла;
Не в пирах прошла да не в беседах,
Не в гульбах прошла да не в прохладах;
Во путях прошла да во дорогах,
Во слезах прошла да во горячих.

Не дáлече было вот, было далéче,
 Было во чистом поле.
 Там пролегивала неширокая,
 Новая она, дороженька,
 Не широкая она, новая дороженька,
 Только чуть пробойная.
 Никто-то, никто по этой дороженьке,
 Никто по ней не проезживал,
 Как проезживал по ней, по этой дороженьке,
 Удал добрый молодец.
 Что лошадушка под ним, под добрым молодцем,
 Лошадушка под ним худым-худа;
 Что худым-то худа под добрым молодцем,
 Крепка она приморённая, притомлённая;
 Захватила-то младца темная ноченька,
 Темная она, полуночная;
 Подъезжает младец ко горькому кусту,
 Ко горькому ему, полыночку:
 «Бог помощь тебе, горький кустичек,
 Ты горький ли мой полыночек!
 Еще ты позволъ-ка, позволъ, горький кустик,
 Позволь ночку ночевати!»
 — «Ты ночуй-перночуй, добрый молодец,
 Ночуй ночку, не убойся!
 На меня-то, на меня, горького кустичка,
 На меня ты не надейся!
 Как постелюшка тебе — ковыль-травушка,
 Изголовьице тебе — бел горюч камень,
 Одеялице тебе — темная ноченька,
 Часовые тебе — частые звездочки,
 Атаманушка тебе — светел месяц,
 Путь-дороженька тебе — красное солнышко!»

Славен, славен Белорецкий наш завод,
 Что у Белой у реки в горах стоит,
 Любо-любо слышать нам хвалу
 Про железо наше соболиное,

Что по всей Руси развозится,
За горой-морями ценится.
Мы бы славу приумножили,
Еще б лучше его сделали,
Да зачем нам это делати,
Коль в него людей заковывают,
Во Сибирь ведут далекую,
На погибель, на смерть верную.
И от звона от кандалного
Точит думушка головушку:
Не себе ли цепи мы куем,
Не в Сибирь ли во цепях пойдем?

* * *

Не былинушка в чистом поле зашаталася,
Зашаталася бесприютная моя головушка,
Бесприютная моя головка молодецкая;
Уж куды-то я, добрый молодец, ни кинуся —
Что по лесам, по деревням всё заставы,
На заставах ли всё крепки караулы;
Они спрашивают печатного пашпорта,
Что за красною печатью сургучовой.
У меня ль, у добра молодца, своеручный,
Что на тоненькой на белой на бумажке,
Что куды-то ни пойду, братцы, ни поеду,
Что ни в чем-то мне, добру молодцу, нет счастья.
Я с дороженьки, добрый молодец, ворочуся,
Государыни своей матушки спрошуся:
«Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Под которой ты меня звездю породила,
Ты каким меня и счастьем наделила?»

* * *

При долинушке
Вырос куст с калинушкой.
На калинушке
Сидит млад соловеюшко,
Сидит — громко свищет.

А в неволюшке
Сидит добрый молодец,
Сидит — слезно плачет.
Во слезах-то словечушко молвил:
Растоскуйся ты, моя любезная,
Разгорюйся!
Уж я сам-то по тебе, любезная,
Сам я по тебе сгоревался.
Я от батюшки,
Я от матушки
Малой сын остался.
«Кто тебя, сироту, вспоил-вскормил?»
— «Воскормил-вспоил православный мир,
Возлелеяла меня чужа сторонка,
Воскачала-то меня легкая лодка.
А теперь я, горемышной, во тюрьму попал,
Во тюрьму попал — тюрьму темную».

* * *

Бывало у соколика времечко:
Летал-то сокол высокохонько,
Высокохонько летал по поднебесью;
Уж-то он бил-побивал гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, уток черных.
А ноне соколу время нету:
Сидит-то сокол во поимани,
Во той во золотой клеточке,
На серебряной сидит на шосточке,
Резвы его ноженьки во опуточках.

* * *

Во заводе парень жил,
Меня, девушку, любил,
Во завод меня манил,
Тайны речи говорил.
Он по улице ходил,
Знамя красное носил;
Поколь парня не зналá,

И в тюрьме я не была.
А как парня стала знать,
Во тюрьме стала бывать.
Меня мать стала бранить,
Тюрьмой, каторгой корить.
Уж ты мамонька моя,
Ты не мучь боле меня.
Я скажу тебе секрет —
Мне дороже его нет.
Не течет в гору река,
Не вернусь назад и я.

* * *

Голова-то моя ль удалая,
Долго ль буду тебя я носить,
А судьба ты моя роковая,
Долго ль буду с тобою я жить?
Чрез тебя я спознался с тюрьмою, —
Для чего родила меня мать?
Для того чтоб сидеть в этой клетке
И тюремную жизнь испытать.
Много лет просидел в одиночке
И родных не видал никого,
Только злая тоска грудь сосала
И тюремная дума всегда.
Знать, помру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как,
Тут не простятся со мною родные,
Не поплачет родимая мать.
Похоронят меня, как бродягу,
Не поставят большого креста,
И слетятся со всех сторон пташки
На холодной могиле моей.

* * *

Мы заочно, братцы, распростимся
С белой каменной тюрьмой,
Больше в ней сидеть не будем,

Скоро в путь пойдем большой.
Скоро нас в Сибирь погонят,
Мы не будем унывать:
Нам в Сибири не бывать,
В глаза ее не видеть.
Здесь дороженька большая,
И с пути можно бежать.
Деревушка стоит к пути близко,
На краю — Самар-кабак.
Целовальник нам знакомый,
Он из нас же, из бродяг;
За полштоф ему вина
Только деньги заплатить —
Кандалы с нас снимает,
Можно будет нам бежать.

Ты зачем, бедный мальчишка,
В свою сторону бежал?
Никого ты не спросился,
Кроме сердца своего.
Прежде пил ты, веселился,
Как имел свой капитал.
С товарищами поводился —
Капитал свой промотал.
Капиталу не составило —
Во неволю жить попал,
Во такую во неволю —
В белый каменный острог.
Во неволе сидеть трудно;
Но кто знает про нее?
Посадили нас на неделю —
Мы сидели круглый год.
За тремя мы за стенами
Не видали светлый день;
Но небось, господь творец с нами!
Часты звезды нам в ночи сияли,
Мы и тут зарю видали,
Мы и тут не пропадем!
Часты звезды потухали,
Заря бела занялась.
Как зоренька занялась,
Барабан зорю пробил.

Барабанушка пробивал,
Ключник двери отпирал.
Ключник двери отпирает,
Офицер с требой идет,
Всех на имя нас зовет:
«Одевайтесь, ребятенки,
В свои серы чапаны,
Вы берите сумочки, котомки,
Вы сходите сверху вниз,
Говорите все одну речь!»
Что за шутова коляска
Проявилась в городе?
Коней пару запрягают,
Подают эту коляску,
Подают ее сейчас
Ко парадному крыльцу;
Сажают, бедного мальчишку,
Меня задом наперед;
Подвозили бедного мальчишку
К эшафотному столбу.
Палач Федька разбежался,
Меня за руки берет,
Становит меня, бедного мальчишку,
У траурного столба.
Велят мне, бедному мальчишке,
На восход солнца молиться,
Со всем миром проститься.
Палач Федька разбежался,
Рубашонку разорвал,
На машину меня клал.
На машину меня клали,
Руки, ноги привязали
Сыромятным ремнем.
Берет Федька кнутья в руки,
Закричал: «Брат, берегись!»
Он ударил в первый раз —
Полились слезы из глаз;
Он ударил другой раз —
Закричал я: «Помилуйте нас!»

Вы бродяги, вы бродяги,
Вы бродяженьки мои!
Что и полно ль вам, бродяги,
Полно горе горевать;
Вот придет зима-морозы,
Мы лишились гульбы.
Гарнизон стоит порядком,
Барабаны по бокам,
Барабанщики пробили,
За приклад всех повели,
Плечи, спину исчеканят,
В госпиталь нас поведут.
Разувают, раздевают,
Нас на коечки кладут,
Мокрыми тряпицами обкладывают,
Знать, нас вылечить хотят.
Мы со коечек вставали,
Становилися в кружок;
Друг на дружку посмотрели —
Стали службу разбирать:
Вот кому идти в Бобруцкой,
Кому в Нерчинский завод.
Мы Бобруцка не боимся,
Во Нерчинске не бывать:
Путь-дороженька туда не близко,
Со пути можно удрать.
Тут деревня в лесу близко,
На пути стоит кабак,
Целовальник нам знакомый,
Всё из наших, из бродяг.
Мы возьмем вина побольше,
Инвалидных подпоим;
И конвой весь перепьется,
И в поход тогда пойдем.
Мы конвой весь перевяжем,
Караульных разобьем,
Мы оружие всё захватим,
Сами в лес с ним удерем.

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно.

Как хотите стерегите,
Я и сам не убегу,
Мне и хочется на волю,
Цепь порвать я не могу.

Эх вы цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Не порвать вас, не порезать
Мне без острого ножа.

Не гулять мне, как бывало,
Темной ночью по лесам,
Моя молодость увяла
По острогам и тюрьмам.

Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Или чуешь ты добычу?
Черный ворон, я не твой.

ПЕСНИ РАБОЧИХ

* * *

Близко-близко городочка,
Близ зеленого садочка,
Близ зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Недалече от реки,
Початой слободы,
На прекрасе-красоте,
На высокой на горе,
На высокой на горе
Стоял фабричек большой.
Во том фабричке ребята —
Удалые молодцы,
Удалые, молодые,
Не женаты, холостые.
Собиралися ребята
С того фабрика гулять
На прекрасу-красоту,
На высокую гору;
Садилися по краю,
Близ зеленого сада,
Близко зеленого сада,
Близ города Ярославля;
Садилися, песни пели,
Соловьям свистать велели:
«Соловеюшки, свищи!
Разгуляться к вам пришли!»
Соловьюшки свистали,
Молодцов всех утешали.

Как у нас было, ребята,
В Ярославле-городе,
В Ярославле-городе,
Во Толчковой слободе
У солдатки у вдовы,
У солдатки у вдовы
Были девки хороши,
Был Васильюшка сынок,
Ковры ткать мастеров;
Ковры точит, вытыкает
И наборы набирает:
Он горазд письма писать,
Горазд грамотки читать.
При компанье пребывает,
Сам во скрипочку играет.
Заиграли на скрипице
Для души красной девицы,
Для школьня, манерня,
Для Пашеньки вдовиной.
Говорила Паше мать,
Уговаривал и брат:
«Полно, Пашенька, уймись,
С молодцами не водишь!
Доведут тебя ребята
До славушки до худой!»
— «Хоть худой славы добиться,
А со всеми поводиться».

* * *

Бесщастная девушка я на свете рождена,
Несщастливая Дуняша все любви изошла,
Все любви изошла, себе дружка не нашла!
Полюблю я, девушка, я такого молодца,
Я такого, удалого, фабричного, бравого,
Фабричного, бравого, Ванюшу кудрявого,
Ванюшу кудрявого, белого, румяного.
Ты фабричный бравый мой, что ты сделал надо
мной?
Что ты сделал надо мной, над моею головой?
Вор измучил-истерзал, чужу сторону спознал,

На чужой дальней сторонке он иную полюбил,
Меня, горькую, несчастную, навеки позабыл!
Он оставил, вор, разбойник, век во девушках сидеть,
Век во девушках сидеть, худу славушку терпеть.
Никто, горькую, несчастную, меня замуж не берет:
Что ни старый-то, ни малый, ни ровнюшка горький
пьяница.

* * *

На разбор нас посылают
Шибко нас дерут и мают,
А сами за что — не знают,
В отдаленны края посылают.
Поедем в Бельмесову —
Запоем песню веселу,
Приедем в Шадрину —
Растеребим старшину;
Приедем в Саушку —
Попросим бабушку
Напоить, накормить
И спать положить.
Утром встанем,
Кошельки свои достанем,
Сухариков поедим
И вдаль поглядим.
Видим — на горке на горе,
На высокой, на крутой,
Над плотиной, над водой
Стоит рудник Змеев золотой,
Да нам противный он какой.
Наши горные работы
Дают нам заботы.
На промывке на ручной
Есть нарядчик некошной.
Он идет, шары устави́т,
Работать нас застави́т,
Ходит нас розгами дерет
И волосы на голове рвет:
В праздник робить оставляет
И сам за что — не знает.

Жаловаться не знаем кому,
Только богу одному;
До его высоко,
До царя далеко,
И поворим: охо-хо,
Житие нам плохо;
В казарме мы живем,
Хлеб с водой только жуем;
С работы убежим,
По целым дням в кустах лежим;
Нас поймают,
И тогда до смерти задирают и замают.

* * *

О, се горные работы!
Скажем, горные работы,
Они всем дают заботы!
Офицером быть не скучно,
При сем жить им неразлучно.
А наш пристав, офицеры-господа
Все исправности несли —
Постояли да ушли.
Ой вы бедны бедняки.
Первой части бергамы;
Все вы знаете заботу,
Как ударят на работу.
На работу бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Ой ты свет наша умыльна,
Змеевская плавильна!
Тонко, громко в доску бьет,
К себе в гости зовет.
Подле шпурик, подле бок,
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток;
Настилаем в шахту смесь
О четыреста пуд вес;
Как четыреста пуд вес —
В одну смену всё сожечь.

Мастер ходит, подтверждает,
Чтобы шлак был не богат.
Постарайся друг и брат,
Чтобы Правдин был богат.
Есть Шершнебочка весела,
Речка валом обнесена,
С переулка третий дом,
Бита мушиха кнутом.

Ой вы бедны бедняки,
Пятой части парняки.
Все вы знаете заботы,
Как ударят на работы.
На работы бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Вот и слушаем опять,
Как ударят часов пять,
В решеточки загремят,
Наше сердце уныват.
Инструмент нам принимать:
Болотки и гребки,
Рудобойны молотки.
По фонталам воду пустят,
Наше сердце приопустят,
Мы примамся работать,
Золоту руду катать.
Как подрядчики на нас
Не косили б своих глаз,
Не грозили бы рукой,
Не стращали бы лозой.

Ой вы братцы, молодцы,
Пятой части молодцы.
Приогрянем в молотки,
Разобьем руду в куски,
Обер-штейгер старичок
Чтобы не дал нам толчок.
Как кончаем урок свой,
Так отпустят нас домой,
А домой когда пойдем,
Громко песни запоем,
Мимо Медера пойдем,

Мимо Кенига пойдем,
На базарочек зайдем,
Калачей на грош возьмем
И позавтракаем.

* * *

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат.
Офицерам хоть не скучно,
Зато быть им безотлучно.
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с урком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили своих глаз,
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробишь наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч,
Да оттудова валится,
О чем петь нам не годится.

* * *

Как ударит часов пять —
На работу мы опять,
Частный кличет и кричит,
Своей палочкой грозит:
Кто не явится на зов,
Тому ею сто лозов...
На бергамте в переключку
Все собираются в отличку,
Переключку отведут —
По работам поведут:

Того в шахту, того в гору,
А того к зеленому бору —
Иль деревья ожигать,
Или воду отливать.
Как урок мы кончим свой,
Всех отпустят нас домой;
Мы по улице пойдем —
Громко песню запоем:
Как начальство любит нас,
Как начальство дует нас.

* * *

Благослови, сударь хозяин,
У тебя ли во дому,
Во высоком терему
Поскакать, поплясать,
Про все горести сказать,
Про все Демидовые.
У Демидова в заводе
Работушка тяжела,
Ах, работушка тяжела.
От виц спинушки болят,
Ох спинушки болят!
В рудник-каторгу сажают,
Ах да не выпускают!
Там нас голодом морят,
Ах студенцою поят!
Уж вы горы, да горы высокие,
Уж леса на горах да дремучие,
Вы укройте работничков бедных,
Добрых молодцев, людей беглых,
Ах людей да Демидовых.

* * *

Отошла зима с морозом,
Мы лишились всех угроз.
Только трудно остается
Нам зеленый сад пройти.

Гарнизон стоит порядком,
Барабанщики по концам:
Спину, плечики начеканят, —
В лазарет нас отведут,
Мокрыми тряпками обвивают,
Знать, нас вылечить хотят.
Мы с коечек вставали,
Думу думати одно:
Теперя кончилась болезнь,
Нам нечего хворать.
Давайте поскорее, братцы,
Лыжи направлять.

* * *

Вы леса ль мой, лесочки, леса мои темные!
Вы кусты ль мой, кусточки, кустики ракизовы!
Уж что же вы, кусточки, да все призаломаны?
У мѳлодцев у фабричных глаза все заплаканы.
Как навстречу им, фабричным, главные хозяева,
Главные хозяева Грача Скарноухова:
«Вы не плачьте-ка, молодчики, мѳлодцы фабричные!
Я поставлю вам, ребятушки, две светлицы новые,
Станы самолетные, основы суровые,
Нанесу я вам, ребятушки, ценушку высокую,
Ценушку высокую, салфетки по рублику».

* * *

Я такой был раскрасавчик,
Сам на фабричках жывал,
Разный ситец набивал;
Получал денег немало —
Сот на восемь рублей в год;
И того мне не хватало:
Шестьдесят рублей в оброк.
Я с хозяином расчелся,
Ничего мне не пришлось.
Из конторы вон пошел,
Кулаком слезы утер.

Как утерши горьки слезы,
Отправлялся в дальний путь.
Всю дороженьку проехал,
Об расчёте тосковал:
Куды денежки девал,
Куды гривна, куды рубль,
Куды два с полтиною.
А приехал я домой,
Весь оборванный, худой,
Словно жулик площадной.
«Поживи-ка ты в деревне,
Похлебай-ка серых щей,
Поноси худых лаптей!»

* * *

Жисть наша нелегкая,
Трунно стало жить,
Семью свою ронную
Приходится забыть.
Из деревни пишут:
Как ты там живешь?
Получки получаешь,
Домой денег не шлешь?
Получки получаю
В месяц рублей пять,
Иду и рассуждаю:
Куда мне их девать?

* * *

Лет семнадцати мальчишка
Вздумал в Питере пожить.
В Питенбурге денег много,
Только даром не дают!
Не проживши года три,
Что пришлось домой идти.
Я в деревню жить поеду,
Только б деньги получить.
Я с хозяином расчелся;

Не пришлось ни гроша!
Кулаком слезы отер,
Полетел я в дальний путь.
Всю дороженьку проехал,
Об расчете проскучал;
Девять дней я во десятый
Во деревню жить попал.
Я приехал оборвавши,
Всяк смеется надо мной:
«Не можно тому поверить,
Чтобы денег не привез!
В Питенбурге денег много,
Только даром не дают!
Погребков, трактиров много —
Чаем голову хошь мой!
Поживи у нас в деревне,
Похлебай-ка серых шей;
Поживи у нас в деревне,
Поворочай в лесе пней!»
Не проживши мальчик году,
Стал прощаться в Питенбург:
«В Питенбург я жить поеду,
Стану денежку копить:
Когда гривенка случится,
Положу я в сундучок;
Накоплю я денег много,
Отнесу все в кабачок;
Половину прогуляем,
А другую проедем,
Что другую проедем
И девушкам дадим!»

* * *

Уж как зимонька-зима
Да й холодная была,
Холодна была да й морозлива,
Нету сена, нету дров,
Скотина ревет.
А в избе на печи
Дети скорчились сидят.

Мужика в домѣ нетъ —
На завод он ушел.
Как мне, бедненькой, быть,
Горю как пособить?

* * *

Кому воля, кому неволя,
Никто не знает мого горя.
Мое горе небольшое,
Только не такое, как людское.
Мои ножки всё далеко ходят,
Мои ручки всё тяжело робят.
Ой, пойду я в вишневый садочек,
Чи не нарву я ягодочек,
Ягодочек не нарвала,
Только соловейка распитала:
«Соловейко сивокрылый,
Скажи правду, где мой милый?»
— «Ой, твой милый на работе,
На работе в сахарном заводе.
Ой робит он, работает,
Аж пот ему глаза заливает.
Придет хозяин, бранит да ругает:
«На что ж вы, хлопцы, наделали лому,
Наделали лому, трубы поломали,
По всему заводу пару распустили!»

* * *

Мой-ет миленький
Во дале живет,
В дальнем городе.
Он работушку-то работает
Тяжелую.
Он кладет-то, кладет.
Домны каменны,
Он ведет-то, ведет
Стены мраморны.

Он ни сам нейдет,
Ни письма не шлет.
Он прислал-то Дуне
Одну рубашечку.
Он велел-то, велел
Дуне вымыти:
«Уж ты вымой-ка, Дунюшка,
Вымой в речной воде,
В речной воде, не в колодезной.
Уж ты вымой-ка, Дунюшка,
Горячими слезьми.
Уж ты высуши, Дунюшка,
Ты суши ее не на солнышке,
Не на солнышке, не на чолышке,
Уж ты высуши-ка, Дунюшка,
На белой груди».

* * *

Слава богу, наш хозяин,
Поправляются дела;
Ах лю́бли, ах люли́!
Из кулька он во рогожку
С дымом вылетит в трубу!
Он за это полетит:
Поутру рано будит.
Он нас чаем не поит,
Плохо щи про нас варит:
Ни капусты, ни крупы —
Одной тепленькой воды!
Мы водицы похлебали,
Говядины ни куска!
Все празднички работали —
У хозяина денег нет.
Будем денег мы просить —
Он глаза все перекосит.
Ну так черт с тобой, хозяин,
Со работой со твоей,
Со работой со твоей,
Со приказчиком дурным,
Со приказчиком дурным,

С подмастерьем дорогим!
Что за хваты за ребята
У (фамилия хозяина) живут:
Носят ситцевы рубашки
Об семидесят заплат;
На них синие халаты
Подпоясаны ремнем.
Ах лю́ли, ах лю́ли!

* * *

Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
Во большой тайге.

Там пески мы промывали,
Людам золото искали,
Себе не нашли.

Приисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас беда:

Как исправник с левизором
По тайге пойдут дозором,
Ну, тогда смотри!

Иной спьяну, иной сдуру
Так тебе облудят шкуру,
Что только держись!

Там шутить не любят шутки,
Там работали мы в сутки
Двадцать два часа!

Щи хлебали с тухлым мясом,
Запивали жидким квасом,
Мутною водой.

А бывало, хлеба корка
Станет в горле как распорка,
Ничем не пропихнешь.

Много денег нам сулили,
Только малость получили:
Вычет одолел,

Что за бродни, что за трубку,
Что за полы к полушубку,
Что за табачок.

Выпьем, что ли, на остатки,
Поберем опять задатки,
Да опять в тайгу.

* * *

Во приёсках лето жили,
Свои жилы натужили.
А на третьем на годочке,
На последнем на денечке
Нас подрядчик рассчитал,
Ни копеечки не дал,
Только матерно ругал,
Во неволюшку отдал.
Остались малы детки
Без водички и без хлебца.
Разлучила, развела
Чужа дальна сторона —
Та Бисертская дорожка,
Дороженька больша.

* * *

Загудел гудок на пять —
На работу мне вставать.
Загудел гудок на шесть —
А на зданье негде сесть.

Я на клеточку садился,
С белым светом распростился.
Клетку дернуло, качнуло,
Меня в сердце колонуло.

Клетка в шахту понеслась,
Вся постройка затряслась.
Клетка к камере подходит,
Там народ стоит толпой,

Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой,
Зубы ясны, глаза красны,
А рубашка как смола.

* * *

Ой на горе на крутой
Там стоял новый завод,
В нем был разный народ.
Собирались на лужок,
Становились у кружок.
Пели песню про завод:

«Будь проклят ты, хозяин,
И с заводом своим,
И с инструментом дорогим;
Рассчитай нас поскорей,
Мы до домушку идем,
На другой год не придем
И сусидам закажем,
И собаку привяжем,
Щоб не бижала на завод».

* * *

Ай да вы заводы,
Вы мои заводы кирпичные!
Ай да мы, работающий народ,
Люди горемычные,
Люди горемычные!
Без грошей живем,
До ноченьки работаем,
С горя водочку пьем.

Ну а кто же вас, заводы,
Заводил, ай да заводил?
Кто же вас, работнички,
В заводы привозил? —
Ай да заводы заводил хозяин,
Ай да работничков
Привезла нужда горькая.

* * *

Нет, ребяташки, трудней,
Как работа шахтерей.
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землю ход ведет.
Он подходит ко стволу,
В гору голос подает:
«Вы, бадейные, не спи.
Воротные, не дремли!
У нас завтра день субботний,
На получку все пойдем.
Мы получим денег много
И в кабак их понесем».

* * *

Что шахтерска жизнь проклята,
Кто не ведает про то?
В божью церковь он не ходит,
Он не знает про нее.
День и ночь он работает,
Ровно в каторге всегда.
Придет праздник воскресенье,
Уж шахтер до света пьян!
В кабачок бежит детина —
Словно маковка цветет,
С кабака ползет детина —
Как лукошечко гола!
Ой гола, гола, гола,
В чем мамаша родила.

* * *

Лето красное проходит,
Зима морозна настает,
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеет.
На машине задремал —
Праву ручку оторвал,
Праву ручку оторвал,
К отцу-матери послал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабриканта все бранят.
Ах постылый ты завод,
Перепортил весь народ,
Перепортил, перегадил,
Никто замуж не берет:
И ни барин, ни купец,
Ни фабричный молодец!
Тот лишь замуж их возьмет,
Кто свиной в лесу пасет!

* * *

Распроклятый наш завод
Перепортил весь народ;
Кому палец, кому два,
Кому по локоть рука.
Грудь расшиб себе два раза
У мартеновских печей,
Я ослеп на оба глаза —
Хоть бы голову с плечей.
Ах ты мамынька родима,
Ты зачем меня родила?
Всё забота да работа
До тяжелого до пота.
Она сушит молодца,
Эх, до самого конца!

* * *

Белорецкий завод славный
На реке Белой стоит.
Управитель у нас главный
Одним глазом вверх глядит.
Затряслась земля сырая,
В гору реки потекли.
Стопудовую мадаму
Черти с лошади снесли.
Инженеру Покотило
Паром рыло обварило.
Жалко нам, братцы ребята,
Что всего не окатило!

* * *

Мужики вы, мужики,
Одним словом,— дураки!
Вы во шахтах не бывали —
Нужды с горем не видали.

Вы во шахтах не бывали
Нужды с горем не видали,
Вы пойдите в шахты с нами
Распознаете про всё.

Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про всё,
Распознаете про всё
Про шахтерское житье.

Шахтер пашенку не пашет,
Косы в руки не берет,
Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.

Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.
Шахтер — холод, шахтер — голод,
Нет ни хлеба, ни воды.

Шахтер — холод, шахтер — голод,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет у воли никуды.

* * *

Как на свете живется,
Вот та песня поется,
Вот та песня поется:
Через золото слеза льется,
Руда кровью обмывается.
Слезы льются рекой,
Рекой, широкой рекой,
Пока могилку твою
Прикроет травой зеленой.

* * *

Кто на Охте не жывал,
Тот горя не знает,
А мы жили-поживали,
Всё горе узнали.
«Ай фабричные девчонки,
Почему все бледны?»
— «Потому мы худы, бледны,
Что живем мы бедно,
Поутру рано встаем,
Поздно спать ложимся.
У нас машинушки худые,
Шпинделя кривые;
Подмастерья молодые,
Ни черта не знают,
Только знают-понимают —
К мастеру подводят,
Мастера-то англичане,
Всё штрафы становятся».

* * *

Как вечернею порою
У заводских у ворот
Собирался весь народ,
Собирался весь народ
Как на славный хоровод.
Не в военный-то поход,
Ой нет, да, нет, ой ли нет, да!
Собирался весь народ,
Видит — мастер наш идет,
Видит — мастер наш идет,
С собой барина ведет.
Ой ли да, ой ли да, да!
С собой барина привел.
Барин речь таку повел,
Барин речь таку повел,
Ой повел, повел, да!
«Расходитесь-ка, ребята,
По казармам, по домам
Всё равно рубля не дам,
Всё равно рубля не дам!
Ой ли дам, да ли я не дам.
Не пойдете по домам,
По казармам, по углам,
Я приказ тогда отдам
Ой отдам ли, я отдам,
Накладут вам по шеям».

* * *

Сипло заводский гудок завывает,
Властно рабочих зовет.
Старый Александровский завод оживает,
Крови и пота он ждет.
Злобно скрежещут машины,
В такт шестеренки стучат.
Песни станков тоскливо зовут.
Песни о вечной невзгоде,
Песни — проклятье судьбе,

Песни о близкой свободе,
Песни о счастье в борьбе.
Злобно скрежещут машины,
Четко стучат шестерни.
Ломят рабочие спины,
Нехотя гнутся они.
Сипло заводский гудок завывает,
Кончился день трудовой.
Старый завод засыпает,
Крови напившись людской.

* * *

Как на фабрике у Чешера
Шла работа преуспешная.
Господин хороший Чешер
Завсегда рабочих тешил
И покончил дело так,
Что прибавил в день пятак.
Много он не говорит,
Прямо пишет алфавит.
А потом сказал «Ей-богу,
Отниму всё понемногу».
В свою пользу всем один
Заправляет он сатин.
Чтоб пополнить все убытки,
В ход пустил гнилые нитки.
Одной глиной он шлихтует,
А сифоны так и дуют.
Хоть болеет весь народ,
Зато Чешеру доход!
А как ноги заболят,
То расчет тебе сулят.
Чтоб тепло не уходило,
Вентиляторов не было.
Из рабочих тянет пот
Всё Семенов-идиот;
Прямо скажет кочегару,
Чтоб нагнал побольше пару,
Сам в контору прямо спать,
Ничего не хочет знать.

Он и раньше только знал,
Шлихтовальню подметал.
А за гнусное внушеньё
Получил он повышеньё.
Теперь видно по всему,
Всё доверено ему:
В ткацкой, тоже трикотаж,
И четвертый весь этаж,
А чтоб не было близен,
На то есть слепой Семен:
Не пропустит и подкладки,
Разбирает всё до складки,
А за близны и за грязь
Он имел с Володей связь.
А Володя неумен —
Верит, что сказал Семен.
Лишь крамольника узнают,
Прямо тут же рассчитают,
А будь «русский человек»,
Не прогонят во весь век.

* * *

На Нижнетагильском заводе,
Над старым большим рудником,
Стряслася беда роковая
Над тем молодым бедняком.
В ту пору хозяйские лапы,
Как когти, держали нас всех,
А Важгин-артельщик всё хапал,
И то не считая за грех.
Он брал и деньгами, и хлебом,
И сахарным мелким песком;
На наши на кровные деньги
Себе он повыстроил дом.
Себе он повыстроил терем
Из красных больших кирпичей,
Из нас-то ведь всякий был беден
И много ему проработал ночей.
Важгин по приказу Павлухи

Входил к нам ко всякому в дом
И каждого гнал на работу
Большим коногонным кнутом.
И все мы до время, до поры
Ему подчиняться должны
И все на работу ходили
Весь год от зари до зари.

Но время пришло, — и явился
Средь нас удалой тот бедняк,
Он богу вовек не молился,
И нам он говаривал так:
«Товарищи, братья родные,
Довольно вам спины ломать
За то, чтоб хозяевам-чертям
На ваших трудах отдыхать.
Прошло то несчастное время,
Павлухе не век управлять,
Мы сами добьемся управы
И не станем на бар работать!»

Но он говорил, а Павлуха
И с ним кровопивец Важгин
Призвали казаков с полсотни,
И был им приказ лишь один:
«Стрелять, не жалея патронов,
Коль будут идти против нас!»
Издали они приказанье,
Урядник отдал их приказ,
А сами бедняка молодого
Сковали они в кандалы
И, не давши с семьею проститься,
Провели вдоль тюремной стены.
С завода его по этапу
Угнали скорей на Байкал,
И умер бедняк там безвестно
Среди тех безрадостных скал.
А дома остался родитель
И старая, дряхлая мать.
И будем мы дружно, ребята,
Его за упокой поминать.

Эх, и прост же ты, рабочий человек.
На богатых ты гнешь спину целый век.
У Морозова у Савушки завод,
Обирают там без жалости народ.

Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости:
Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,

Канцелярия составила
Для рабочих пункты-правила.
Положили кары грозные,
Наказания серьезные,

Обирают по-законному,
Применяют по-ученому.
Эх, у Савушки палатушка ума,
Оттого, что, знать, шлоина епб сума.

Загорелся раз у Савушки завод,
Разбежаться стал испуганный народ.
Дали Савве знать об этом в телефон —
Как ошпаренный, примчался мигом он.

«Что ж, имущество должно мое сгореть?»
Приказал немедленно ворота запереть,
Не велел пускать с завода ни души,
Там уж хочешь иль не хочешь, а туши.

Эх, уж Савушка умом умен-умен,
И начальством он за это оплачен.
Почитается как знаменитый дворянин,
Принимается как знатный-важный господин.

Савва, жирная скотинушка,
В три обхвата животинушка,
Он живет себе с отрадою,
Умывается помадою.

Злой кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает.
Собирали как-то деньги на собор,
На заводе велел Савва сделать сбор:

«Подавайте с каждой хари четвертак,
Всё равно снесете деньги вы в кабак».
Подчинилися приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки.

От покорности убогих дураков
Понастроены все сорок-сороков;
Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося,

А для нашего спасенья
Поучает в воскресенье,
Чтоб безропотно трудилися
Да молитвою кормилися.

Чтоб не ели в пост скромного,
Поведенья были скромного,
Чтоб начальству подчинялися
Да иконам поклонялися.

Соусердие чудесное —
Въедем в царствие небесное.
Эх, наставники духовные,
Проповедники церковные,

С виду божии угодники,
Втихомолку — греховодники,
У вас брюхи очень пухлые,
Ваши речи очень тухлые.

Эй, ребяташки, живей, живей, живей,
Соберем колокола со всех церквей,
Из них пушку мы большую отольем,
Эту пушку духовенством мы набьем.

Знатно выпалим попами в небеса,
Уж посыплются к нам с неба чудеса.

Служим кровью, служим кровью
Мы купецкому сословию,

А и царское правительство
Покрывает всё грабительство —
Издает законы многие,
Для рабочих очень строгие,

Да и без всякого стеснения
Учиняют притеснения.
На купцах стоит теперича земля,
Нету силы против батюшки рубля,

Ох, уж эти-то купцы, купцы, купцы,
Обиратели они и подлецы,
Вы, ребятушки фабричные,
Обирательству привычные,

Уж найдете вы управушку
На мироеда на Савушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество,

Подымайся как единый человек,
Давай клятву нерушимую —
Вовек дружно, крепко за товарищей стоять,
Ни на шаг один назад не отступать.

* * *

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту унимать.
Утром рано нас взбудили,
Не кормили, напоили
Водкою одной.
Позаправившись немного,
Повели нас в путь-дорогу,
К Невскому пошли.

Здесь во двор нас засадили,
И накрепко запретили,
Чтобы не шуметь.
Не по нас была засада,
Земляков брала досада
На такой приказ.
Долго ль, мало ль мы сидели,
Втихомолку, не гудели.
Слышь, команда нам:
«Выходите на дорогу
Фараонам дать подмогу,
Клейгельс ослабел».
Мигом вышли на свободу.
Видим — тысяча народу.
Весь народ шумел.
Тут и вольный, и военный,
И рабочий, и почтенный —
Все шумели тут.
Сперва начали студенты,
Подхватили тилигенты,
Зашумел народ.
Молоток пошел тут в дело:
Офицеруку влетело,
Кровью залился.
Кутерьма затем стряслася,
Драка, свалка началась,
Бросились и мы.
Безоружных колотили,
Колотушкой молотили,
Словно на току.
Полилася кровь ручьями,
Заливались слезами
Многие тогда.

* * *

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

На жалобы, на стоны
Голодных русских масс
Один ответ от трона —
Лупить нагайкой нас.

Царит нагайка всюду,
Сильна в стране родной,
Но ей царя-иуду
Спасти не суждено.

Нагайкой не убита
Живая мысль у нас:
Пойдем вперед упорно
Под знаменем труда!

* * *

Не трава в степи колышется,
Не в дубраве ветер шумит —
Клич удалый, мощный слышится,
В бой с врагом идти велит.

То не кречеты слетаются,
Чуя близость мертвецов, —
Люд рабочий ополчается
Мстить за дедов и отцов.

Не страшат борцов мучения,
Ни тюрьма, ни эшафот,
Полны мужества, презрения,
Смело движутся вперед.

Так восстань же, сила мощная,
Против рабства и оков!
Суд чини, расправу грозную:
Зуб за зуб и кровь за кровь.

* * *

Полиция к порядку штыком призывает
Поп чушь нам городит с амвона,
Царь-батюшка только головкой кивает,
Буржуй, знать, хозяин у трона.

* * *

Братцы, гонят нас далеко
От родимой стороны —
В степи Дальнего Востока,
Да, ох, вернемся ль мы с войны?
Аль земли в России мало,
Коль в Китай за ней пошли?
Коли барство всё забрало,
Так японец ни при чем.
Ждет нас голод, ждет нас холод,
Вражья пуля и картечь.
Распостылое начальство
С жиру бесится, а мы —
Отвечай за их бахвальство,
Подставляй под пули лбы.

* * *

Эх ты зимушка-зима,
Холодна больно была,
Холодна больно была,
Все дорожки замела,
Все дорожки и пути,
Негде милому пройти.
 Черная галка,
 Чистая полянка.
 Ты же, Марусенька
 Черноброва,
 Чего не ночуешь дома?
Алексеев-генерал
Лес на Ялу вырубал,

И пошел по свету звон,
Что он нажил миллион.

Старк команду получил,
Крейсер на мель посадил,
Смотрит, выпучив глаза:
Эка божия гроза!

Куропаткин-генерал
Всё иконы собирал,
А приехал на Байкал,
Ровно церковь обокрал.

И с попами всё молился,
Победить врага хвалился,
А японцы не дремали,
Броненосцы наши рвали.

Столь добра пошло на дно,
Только выплыло дерьмо —
По велению божьих сил
Всплыл известный всем Кирилл.

Верст за двести от Тамбова,
Дураки нашли святого,
Стали думать и гадать,
Как святому имя дать?

Стали думать и гадать,
Как святому имя дать?
А в народе прошел слух,
Что святой-то тот протух.

Долго думали-гадали —
Серафима имя дали,
И давай звать дураков,
Несли б больше пятаков.

Черная галка,
Чистая полянка,
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Стреляй, солдат, в кого велят,
Убей отца, родного брата,
Убей жену, убей детей,
Лишь помни памятку солдата.

Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать прикажут,
По чарке водки вам дадут,
И этим совесть вашу губят.

В далекий край вас поведут,
На родине ведь не оставят,
Ружье, мундир вам выдадут,
Машиной быть заставят.

Попы тебя благословят,
Убьешь отца — греха не будет,
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашу службу не забудет».

Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
А им, как буйным бунтарям,
Штыки и пули преподносят.

Стреляй, солдат, коли штыком,
Кусай зубами, бей прикладом,
Но, убивая, не забудь,
Что убиваешь родного брата.

* * *

Братцы! Дружно песню грянем
Удалую — в добрый час!
Мы рабочих бить не станем,
Не враги они для нас.
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтоб солдатские мундиры
Этой бойней осрамить!

Брат пойдет ли против брата?
А крестьяне братья нам!
И для честного солдата
Убивать их — грех и срам.
Сердце нам сжимали больно
Уж не раз их стон и плач;
Этой бойни нам довольно,
Русский воин — не палач.
Пусть себе за послушанье
Нас начальство душит всех,
Лучше вынести истязанье,
Чем принять на душу грех!
Так затынем мы дружнее
Нашу песню в добрый час:
В мужиков стрелять не станем —
Не враги они для нас.

* * *

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых маньчжурских полей
Калека солдат истомленный
К семье возвращался своей.
Идет, и в убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его.
И дрогнуло сердце тревогой:
«Вернулся я, верно, не в срок,
Скажите скорее вы, братья,
Где мать, где семья, где сынок?»
— «Жена твоя... сядь, отдохни-ка,
Небось твои раны болят».
— «Скажите скорее всю правду».
— «Всю правду?.. Мужайся, солдат!
Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиту искать, с челобитной
К царю, как к родному отцу.
Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она,

И насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена». — «Где мать?» — «Помолиться Казанской
Давно уж старушка ушла,
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила». — «А где же остался мой мальчик,
Сынок мой?» — «Мужайся, солдат!
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят». — «Не всё еще взято судьбою —
Остался единственный брат,
Моряк и красавец собою.
Где брат мой?» — «Мужайся, солдат!»
— «Ужели и брата не стало?
Погиб, зная, в Цусимском бою?»
— «О нет, не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою.
Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоял,
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит». —
Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза —
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

* * *

Дело было в Петербурге,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда с царизмом
С красным знаменем труда.

Всероссийский император,
Царь жандармам и шпикам,
Царь, изменник, провокатор,
Царь, создатель кандалам, —
Побежден был на Востоке,
Победитель на Руси,

Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, замазанный в крови!
Люд восстанет за свободу,
Покорит твой подлый трон,
Долю лучшую народу
Завоует в битве он.
Всех романовцев повесим,
Царство будет в пользу нас,
А тебя, злодей жестокий,
Суд народный разорвет!
Подкупал ты черну сотню
И расстреливал крестьян,
Избивал ты всех рабочих,
Награждал одних дворян.
Люд восстанет за свободу,
Покорит твой подлый трон.
Всех романовцев повесят,
Царство будет в пользу нас!

* * *

Эх ты Дума-Думушка,
Октябристам — кумушка.
Эх ты Дума, Дума
Государственная!

Октябристам — кумушка,
Правым всем — голубушка.
Эх ты Дума, Дума
Государственная!

С барами хорошими
Хлопаешь ладошами.
Эх ты Дума, Дума
Государственная!

В дело хоть не вникнула,
А от «ура» охрипнула.
Эх ты Дума, Дума
Государственная!

* * *

Царь гуляет, тризну правит,
Нашу кровушку сосет.
Как его нам обезглавить,
Как вернуть с войны народ?
Всех война нас закрутила,
В гроб-могилу загнала,
Мужиков всех погубила,
Сыновой отобрала.
Тризну правит царь Николка
С сворой пьяных палачей,
В руки мы возьмем винтовки
И пойдем на богачей.

* * *

Славься, славься, царь Николай!
Чертом нам данный царь-государь,
Палач беспощадный, потонешь в крови,
Романовского рода тебе не спасти.
Погибнут, как черви, романовцы все,
И вместе придется погибнуть тебе.
Многих в сырых ты тюрьмах сгноил,
Многих несчастных без хлеба сморил,
Ты многих повесил, других расстрелял,
Того, кто за правду так крепко стоял.

* * *

Боже, царя сгнои!
Сильный жандармами,
Славный казармами,
Мести от нас себе жди.

* * *

Уж ты горе мое, горе
Мужицкая нужда!

Словно немочь приключилась,
С ног свалила мужика.
Пятьдесят я лет работал
Надрывался над сохой.
Думал, вырастут ребята,
Будет в старости покой.
Первый вырос — на работу
В город я отдал его.
Он оттуда не вернулся,
Там головку потерял.
Принуждать их стал хозяин,
Стачку сделали они,
Казачков на них нагнали,
Много крови пролили.
Второй вырос грамотеем,
Много книжек он читал,
Всё свободы дожидался,
Но и тот, бедный, пропал.
Ночь тиха, жандармы злые
К нам попали на село,
Много книг у нас забрали,
Взяли сына моего.
Третий вырос парень бравый,
Молодец из молодцов,
Он в Германии сражался
За дворянов и купцов.
Был он ранен пулей в ногу
И домой тогда пришел,
И с тех пор он стал калекой,
С сумой по миру пошел.
Но не всю судьбу отняли
У меня, у старика:
Дочь-красавица осталась
При несчастье моем.
Взбунтовался люд голодный,
К нам прислали эскадрон,
Дочь-красавицу украли,
Я остался бобылем.
От царя пришла бумага,
Чтобы подати собирать, —
Кто не выполнит указа,
В арестантски роты взять.

ПРИМЕЧАНИЯ

Отбор материала для настоящего издания осуществлялся по следующим принципам: в первую очередь отбиралось все то, что в художественном отношении казалось наиболее совершенным. Однако эстетические нормы фольклора не полностью соответствуют эстетическим нормам классической или современной лирики. Отбор только того, что соответствовало бы современным нормам и требованиям, дал бы неполное и неправильное представление о народной лирике, о ее развитии и о ее составе. Поэтому в собрание включены и такие произведения, которые, не вполне отвечая эстетическим требованиям современности, по своему содержанию представляют значительный интерес с точки зрения исторической.

Отбиралось только то, что не вызывало сомнений в фольклорной подлинности и достоверности. Под фольклором для дореволюционной поэзии обычно понимается устное поэтическое творчество широких масс трудящихся. Для революционной поэзии рабочих в область фольклора включаются также произведения отдельных лиц, если авторы не профессиональные поэты и если эти произведения подхватывались, распевались и создавали варианты. Произведения поэтов-профессионалов, то есть песни литературного происхождения, в данный сборник не включены.¹

Для настоящего издания тексты редактировались по нижеизложенным принципам:

Тексты всех сборников XVIII века переведены на современную орфографию. Так, например, «тіюща», «рубліом», «идіот» и т. п. правится на «теша», «рублем», «идет»; написание родительного падежа прилагательных и личных местоимений «ево», «моево», «севодня», «лучшева», «сердечнова» и т. д. заменяется современным написанием; однако в стяжениях типа «мово», «свово» сохраняется написание через «в». Характерное для XVIII века написание типа «гостиной сын», «конюшей двор» и т. д. как явление орфографического порядка переводится на современную орфографию; как явление фонетического порядка оно сохраняется, когда оно показано собирателем как стоящее под ударением (черной бобер), а также когда такое ударение можно предполагать.

¹ См.: И. Н. Розанов. Песни русских поэтов. «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1957.

Правится также передача свистящих и шипящих согласных через «ш», характерная для XVIII и для начала XIX века: «щастье», «прикащик», «извощик» и т. д. Колебания в написании и произношении «ш» и «ч» регламентируются современными орфографическими нормами (что, девичник).

Равным образом современная орфография применяется во всех тех случаях, когда это можно сделать без ущерба для народного языка.

Фонетически точная запись встречается в сборниках лирических песен крайне редко и производится преимущественно в лингвистических целях. Такие песни даются в переводе на литературный язык с соответствующей оговоркой в примечаниях.

Сохраняются без изменения синтаксические, морфологические и лексические особенности народной речи, как например: «перед нашими вороты», «у вдове», «ко церкве», «колечико» и др. Сохраняются также искажения как некоторых русских, так и иностранных слов: «скрозь», «сусед», «куды», «некрутик» (рекрут), «пашпорт», «фатера», «корогод» (хоровод) и др.

Не устраняется разноречие в произношении таких слов, как «лазуревый» и «лазуревый», «коляда», «каледя», «колёдушка» и других; равным образом сохраняются колебания в произношении ласкательных и уменьшительных: «гнездышко» и «гнездушко», «солнышко» и «солнушко», «кисенька», «кисанька», «кисынька» и т. д.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают случаев редакционной обработки, но дают представление о направлении, в котором эта работа производилась.

Знаки препинания по возможности расставлялись соответственно современным требованиям; синтаксис народной речи в песнях далеко не всегда соответствует грамматическим нормам. В обращениях запятыми не отделяются междометия и личные местоимения («ах ты береза, ты моя береза», а не «ах, ты, береза, ты, моя береза»).

Ударения проставлялись в тех случаях, когда они отличаются от общепринятых и показаны собирателями. Ударения, не проставленные собирателями, проставлялись нами лишь в исключительных случаях по аналогии с вариантами в целях предупреждения неправильного чтения.

Припевы сохраняются полностью, если песня невелика и припевы имеют строфическое строение. Припевы, исполняющиеся через строчку или через две, показываются для первых и последних строк с соответствующей оговоркой в примечаниях. Все припевы печатаются с отступом к правому полю. В единичных случаях припевы, состоящие из отдельных выкликов и пр., показываются только в примечаниях.

Примечания не имеют цели истолковать или объяснить песни по существу. Для отдельных песен такие истолкования даются во вступительной статье, на которую в нужных случаях в примечаниях даются ссылки. Основная цель примечаний — указать на использованный источник и привести так называемые паспортные данные. Источник указывается сокращенно; к книге приложен указатель к этим сокращениям. Варианты не указываются. Делаются ссылки на репечатки Соболевского и на некоторые комментированные изда-

ния или переиздания, что дает читателю возможность ознакомиться хотя бы с некоторыми из имеющихся вариантов.

Для дореволюционных записей географические указания даются по старой номенклатуре и старому административному делению. Для пореволюционных записей эти указания даются по современному административному делению и по современной номенклатуре.

Указание на место записи делается с такой степенью точности, с какой это сделано в использованных источниках. Отсутствие этих данных в примечаниях означает отсутствие их в источниках.

Даты записи указываются лишь в тех случаях, когда они значительно расходятся с датой выхода сборника из печати. Для записей, сделанных в советское время, годы записи указываются, если они даны собирателями.

Имена и фамилии исполнителей и собирателей указываются лишь в тех случаях, когда это имеет особый интерес (записи Пушкина, Горького, записи от старых производителей и т. д.).

В примечаниях даются также кратчайшие указания на обрядовое, свадебное, игровое или иное использование или исполнение песен.

Объяснения отдельных непонятных слов или мест вынесены в примечания в тех случаях, когда обычные слова использованы в необычном значении. Архаические, областные и редкие слова объясняются в словаре.

Система расположения материала подробно обоснована во вступительной статье.

Список сокращений

Абрамкин — В. М. Абрамкин. Фронтальная поэзия в годы гражданской войны. Л., 1938.

Абрамычев — Сборник русских народных песен. Записал с народного напева и переложил на один голос с аккомпанементом фортепиано Н. Абрамычев. СПб., 1879.

Авдеева — Записки и замечания о Сибири. Сочинениеой. М., 1837.

Акимова — Фольклор Саратовской области. Книга первая. Составлена Т. М. Акимовой. Под редакцией А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.

Андреев — Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. Составил проф. Н. П. Андреев. Издание второе, переработанное. М.—Л., 1938.

Анисимова — Песни и сказки Пензенской области. Составитель А. П. Анисимова. Пенза, 1953.

Астахова и Ширяева — А. М. Астахова и П. Г. Ширяева. Старая рабочая песня. — «Советская этнография», 1934, № 1—2.

Атовмян и Иорданский — Русские народные песни в обработке советских композиторов. Составили Л. Атовмян и М. Иорданский. 1947.

Балакирев — М. Балакирев. Русские народные песни. Для одного голоса с сопровождением фортепиано. 1866, 1900. Редакция, предисловие, исследование и примечания профессора Е. В. Гиппиуса. М., 1957.

- Бардин — А. В. Бардин. Советский фольклор Чкаловской области. Чкалов, 1947.
- Барсов — Е. В. Барсов. Причитания Северного края, т. 1—3. М., 1872, 1882, 1886.
- Белованова и Разумова — Фольклор Советской Карелии. Подготовка текстов к печати и примечания А. Беловановой и А. Разумовой. Вступительная статья В. Базанова. Петрозаводск, 1947.
- Бернард — Песни русского народа, собранные и аранжированные для пения с аккомпанементом фортепиано М. Бернардом. СПб., 1847.
- Бирюков I — В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936.
- Бирюков II — Фольклор Урала, вып. 1. Исторические предания, песни (дооктябрьский период). Собрал и составил В. П. Бирюков. Челябинск, 1946.
- Блинова — Е. М. Блинова. Сказы, песни и частушки. Челябинск, 1937.
- Блюммер — Л. П. Блюммер. На Алтае. СПб., 1883.
- Богатырев — Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей редакцией проф. П. Г. Богатырева. Издание второе. М., 1956.
- Н. Бродский — Крепостное право в народной поэзии. — «Великая реформа», т. 4. М., 1911.
- Быстров и Новикова — Ярославский фольклор, дооктябрьский. Составили Б. Н. Быстров и Н. Е. Новикова. Ярославль, 1938.
- Варенцов — Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб., 1862.
- Васнецов — Александр Васнецов. Песни северо-восточной России. 1894. Издание второе. Киров, 1949.
- Вильбоа — 100 русских песен, записанных с народного напева и аранжированных для одного голоса с аккомпанементом на фортепиано К. Вильбоа. М., 1894.
- Виноградов — Георгий Виноградов. Русский детский фольклор, кн. 1. Иркутск, 1930.
- Вологодский сборник — Вологодский сборник, изд. при Вологодском губернском статистическом комитете, т. 4. Под редакцией Н. А. Полиевктова. Вологда, 1885.
- Гуляев — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под редакцией В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- Гуревич и Элиасов — А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939.
- Гурилев — А. Гурилев. Избранные народные русские песни. М., 1868.
- Гусев — В. Е. Гусев. Русские народные песни Южного Урала. Свердловск, 1957.
- Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, 1804. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- Ефименко — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко, ч. 2 — Народная словесность. М., 1878.
- Завойко — Г. К. Завойко. Верования, обряды и обычаи велико-

россов Владимирской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1914, № 3—4.

Зайцев — И. Е. Зайцев. Народное творчество Южного Урала, вып. 1. Челябинск, 1948.

Зернова — А. Б. Зернова. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае. — «Советская этнография», 1932, № 3.

Ионов — Песни и сказы шахтеров. Фольклор горняков Шахтинского района. Составил Ал. Ионов. Ростов н/Д, 1940.

Истомин и Дютш — Песни русского народа. Собраны в губерниях Олонецкой и Архангельской в 1886 году. Записали: слова — О. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894.

Кашеваров и Боголюбов — М. С. Кашеваров и К. В. Боголюбов. Песни уральского революционного подполья. Свердловск, 1935.

Кашин — Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Дан. Кашиным, кн. 1—3. М., 1833—1834.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 10. М., 1860—1874.

Киреевский, Нов. сер. — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1, М., 1911; вып. 2 — ч. 1, М., 1917; ч. 2, М., 1929.

Китайник — Уральский фольклор. Под редакцией М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.

Колосов — Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия М. А. Колосова. — Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. наук, т. 17, № 3. СПб., 1877.

Кохановская I — Несколько русских песен. — «Русская беседа», 1860, № 1.

Кохановская II — Остатки боярских песен. — «Русская беседа», 1860, № 2.

Кравченко — И. Кравченко. Песни донского казачества. Сталинград, 1936.

Кравчицкая и Ширяева — Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчицкая и П. Г. Ширяева. Л.—М., 1950.

Лаговский — Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, собранные и положенные на ноты Ф. Лаговским, вып. 1. Череповец, 1877.

Леонтьев — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Архангельск, 1939.

Леопольдов — Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839.

Линева — Е. Линева. Великорусские песни в народной гармонизации, вып. 1, СПб., 1904; вып. 2, СПб., 1909.

А. Листопадов — Песни донских казаков, т. 1—5. М., 1949—1954.

Лопатин и Прокунин — Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и Н. В. Прокунина, ч. 1—2. М., 1889. Переиздание под редакцией и со вступительной статьей В. Беляева. М., 1956.

А. Лядов — Сборник русских песен. М., 1933.

Магнитский — Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии. В. Магнитского. Казань, 1877.

- Максимов — С. В. Максимов. Сибирь и каторга, т. 1. СПб., 1871.
- Мельгунов — Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснением изданные Ю. Н. Мельгуновым, вып. 1, М., 1879; вып. 2, СПб., 1885.
- Милицы и Савушкина — Сказки и песни Вологодской области. Составители С. И. Милицы и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.
- Можаровский — Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. А. Л. Можаровского. Казань, 1873.
- Молодчик с молодой — Молодчик с молодой на гулянье с песельниками, поющими новые песни. СПб., 1790.
- Мордовцев — Самозванцы и понизовая вольница, т. 2. СПб., 1867.
- Мордовцева и Костомаров — Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым. — «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым», т. 4. М., 1862.
- Мякутин — А. И. Мякутин. Песни оренбургских казаков, т. 1—4. Оренбург, 1904—1910.
- Народные русские песни 1837 г. — Народные русские песни, собранные М. М. Москва, 1837.
- Некрасов — И. В. Некрасов. Песни русского народа. М., 1902.
- Новикова — Русские народные песни. Вступительная статья, составление и примечания А. М. Новиковой. М., 1957.
- Овсянников — Русские народные песни, записанные в г. Казани. Этнографические материалы, собранные А. В. Овсянниковым. Казань, 1886.
- Огиевский — М. Огиевский. Новые элементы в южно-русском песнетворчестве. СПб., 1892.
- Орлов — Крестьянские песни, записанные в Тамбовской губернии В. М. Орловым. СПб., 1890.
- Пальчиков — Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке, Мензелинского уезда, Уфимской губернии Н. Е. Пальчиковым. СПб., 1888.
- Панкратов — Ф. С. Панкратов. Гребенцы в песнях, 1895.
- Парилов — И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1947.
- Песни и сказки Воронежской области — Песни и сказки Воронежской области. Сборник составили: А. М. Новикова, И. А. Оссоветский, М. И. Мухин, В. А. Тонков. Под редакцией акад. Ю. М. Соколова и С. И. Милицы. Вступительная статья проф. Н. П. Гринковой. Воронеж, 1940.
- Песни и сказки на Онежском заводе — Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.
- Пивоваров — Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.
- Померанцева I — Русское народное творчество в Башкирии. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957.
- Померанцева II — Песни и сказки Ярославской области. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.
- Пономарев — Пономарев. Что поет про себя Приуралье. — «Северный вестник», 1887, № 11.

Попов — Народные песни, собранные в Чердынском уезде, Пермской губернии Василием Поповым. М., 1880.

Прач — Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач, 1790. Под редакцией и со вступительной статьей В. М. Беляева. М., 1955.

Прокунин — 65 русских народных песен для одного голоса с фортепиано, Н. Прокунина. М., 1881.

Пролетарские поэты — Пролетарские поэты, т. 1—3. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1935—1939.

Революционная поэзия — Революционная поэзия (1890—1917). Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Л. Дымшица. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1954.

Римский-Корсаков — Н. А. Римский-Корсаков. Сто русских народных песен для голоса с фортепиано. М.—Л., 1951.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 3. Издание второе. Под редакцией А. Е. Грузинского. М., 1910.

Савельев — Сборник донских народных песен. Составил А. Савельев. СПб., 1886.

Самарин — Ю. Самарин. Песни уральских рабочих. — «Литературный критик», 1935, № 10.

Сахаров, Песни — И. П. Сахаров. Песни русского народа, т. 1—4. СПб., 1838—1839.

Сахаров, Сказания — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. 1, СПб., 1841; т. 2, СПб., 1849.

Сборник материалов для описания... Кавказа — Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881 и сл.

В. Семевский — В. И. Семевский. Рабочие на золотых промыслах. Историческое исследование, т. 1—2. СПб., 1898.

М. Семевский — Торопец 1016—1863 гг. М. И. Семевского. — «Записки Русского географического общества», 1864, кн. 2.

Сидельников и Крупянская — Волжский фольклор. Составили В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. М., 1937.

Славянская — Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями. О. Х. Агреновой-Славянской, ч. 1—3. М., 1887; Тверь, 1887, 1889.

Смирнов — Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний. Собраны и изданы Александром Смирновым. М., 1847.

Снегирев — И. М. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1—4. М., 1837—1839.

Соболевский — Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, т. 1—7. СПб., 1895—1902.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.

Студитский I — Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским. СПб., 1841.

Студитский II — Народные песни, собранные в Новгородской губернии Ф. Студитским. СПб., 1874.

Терещенко — А. В. Терещенко. Быт русского народа, т. 1—7. СПб., 1848.

Тонков — фольклор Воронежской области. Составил В. А. Тонков. Воронеж, 1949.

Филиппов — 40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. М., 1882.

Фольклор Дона и Кубани — Фольклор Дона и Кубани, сб. 1. Ростов, 1938.

Халанский I — Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде, Курской губернии М. Халанским. — «Русский филологический вестник», 1879—1883.

Халанский II — Сведения и заметки о говорах русского языка (О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского уезда, Курской губернии). М. Халанского. — «Русский филологический вестник», 1886, № 4.

Чичеров I — В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907). — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. 20. М., 1953.

Чичеров II — В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований). — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. 40. М., 1957.

Чулков — Собрание разных песен М. Д. Чулкова. Части 1, 2 и 3-я с прибавлением. СПб., 1770—1773 (Сочинения М. Д. Чулкова. Издание отделения русского языка и словесности Акад. наук, т. 1. СПб., 1913).

Чулков — Новиков — Новое и полное собрание российских песен... В Москве, в университетской типографии у Н. Новикова, ч. 1—6. 1780—1781.

Шейн — Великорус в своих песнях, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. 1 и 2. СПб., 1898.

Шейн, Крепостное право — П. В. Шейн. Крепостное право в народной песне. — «Русская старина», 1886, № 2, 3.

М. Е. Шереметева — Масленница в Калужском крае. — «Советская этнография», 1935, № 2.

Шишонко — Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Собрал В. Шишонко. Пермь, 1882.

Якушкин — Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕСНИ

Обрядовые песни земледельческого календаря

КОЛЯДКИ

«Проходила коляда...». Шейн, № 1030. Псковская губ. Редкая запись полной колядки, содержащей все характерные для колядок мотивы, с подробно разработанным величанием хозяина и всей его семьи. Припев «Винограде красно-зелено мое», по ука-

занию Шейна, повторяется через каждые две строки. «Зéлено» исправлено нами из «зеленое» (опечатка или неисправность Шейна).

«Пришла коляда...». Шейн, № 1032. Тула. *Коровка и масляна головка* — обрядовое печенье, изображающее домашних животных. Употребление этих изделий в пищу должно было способствовать обилию мясной пищи в течение года.

«Ой овсень, ой коляда!...». Некрасов, стр. 6. Рязанская губ. О значении слова *овсень* см. вступительную статью, стр. 8.

«Овсень, овсень...». Шейн, № 1040. Рязанская губ., Зарайский уезд, дер. Чурилково. Пожелание обильного урожая после полученного колядовщиками подарка. Подразумевается, что слова «Уехали в поле пшеничку сеять» отвечают из избы. *Кишка* — здесь: колбаса.

«Дайте коровку...». Чичеров II, стр. 127. Московская обл., Звенигородский район. Запись 1944 г. от девяностотрехлетней старухи. Под *коровкой мазаной головкой* подразумевается обрядовое печенье в форме коровы. См. примечание к песне «Пришла коляда...».

«Не дадите пирожка...». Лядов, № 3.

«На новый год...». Завойко, стр. 145.

«Колéдушка-коляда...». Шейн, № 1034. Тульская губ., Чернский уезд.

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ

«Идет кузнец из кузницы...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1058. Песня означает венчание.

«Катилось колечко...». Шейн, № 1094. Песня означает выход замуж.

«Летит сокол из улицы...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1055.

«Рылась курочка...». Шейн, № 1083.

«Рассыплю я монисто по закрому...». Шейн, № 1081.

«Покачу я колечко кругом города...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1054.

«Кот кошурку...». Шейн, № 1115. Тульская губ., Чернский уезд, дер. Сторожевая. Ср. Пушкин, «Евгений Онегин», гл. V, строфа VIII: «Милей кошурка сердцу дев».

«А ты сей, мати, мучицу, пеки пироги...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1052.

«На корыте сижу...» Снегирев, вып. 2, стр. 78.

«За рекой мужики живут богатые...». Шейн, № 1105. Тульская губ., Елифанский уезд. Означает богатство. Пушкин в «Евгении Онегине» использовал аналогичную песню, записанную им, вероятно, в Псковской губернии. Здесь эта песня «сулит утраты». Пушкин отмечает ее «жалостный напев» («Евгений Онегин», гл. V, строфа VIII).

«Во саду хожу...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1080. Рязанская губ., Ряжский уезд. Запись 1838 г. Песня означает дорогу.

«Стоят санки у лисенки...». Соколовы, стр. 403, № 355. Новгородская губ., Белозерский уезд, дер. Терехово-Малыхово. *Лисенка* — лесенка. Песня означает отъезд, разлуку.

«Сидит воробей...». Шейн, № 1104. Тульская губ., Елифанский уезд. Песня означает дорогу.

«Стоит корыто...». Шейн, № 1127. Тульская губ., Чернский уезд, дер. Сторожевая. Песня означает гроб.

«Идет смерть по улице...». Шейн, № 1136. Тульская губ., Чернский уезд, дер. Сторожевая. «На блюще» исправлено из бессмысленного «да блюще» (ослышка или опечатка). *Блины* — поминальная еда.

«Хлебу да соли долог век...». Авдеева, стр. 122. Сибирь. По содержанию песня близка к колядкам: *Государь* — здесь: хозяин избы.

МАСЛЕНИЧНЫЕ ПЕСНИ

«А мы Масленицу дожидаем...». Римский-Корсаков, № 46. Смоленская губ. *Вержинский* — название прихода.

«Мы Масленицу встречали...». Шейн, № 1170. Псковская губ., Великолуцкий уезд, с. Федорцово.

«Дорога́ наша гостья Масленица...». Зернова, стр. 18.

«Наша Масленица годовая...». Шейн, № 1171. Псковская губ., Великолуцкий уезд, с. Федорцово. Первая строка повторяется трижды, остальные дважды.

«Ой да Масленица, погостюй недельку...». Русское народное поэтическое творчество, т. 2, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 480. Калужская обл.

ВЕСНЯНКИ

«Веселитесь, подружки...». Соколовы, стр. 404, № 360. Новгородская губ., Белозерский уезд, дер. Терехово-Малахово. Песня отнесена издателями к весенним обрядовым. Аналогичная лирическая песня — см. стр. 151. Особенности диалекта (цветоцьки, кустоцькоф и др.) нами не сохранены.

«Ты пчелынька...». Шейн, № 1181.

«Жаворонки, жавороночки!...». Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая поэзия на Западе и у славян, ч. I. — Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. наук, т. 74. СПб., 1903, стр. 93. Саратовская губ.

«Жаворонушки...». Акимова, № 189. Саратовская обл., Балтайский район, с. Всеволодино. Запись 1925 г.

«Весна, весна красная...». Сахаров, Песни, ч. 4, стр. 375.

«Весна красна...». Шейн, № 1175. Курская губ., Тимский уезд. Ключки — здесь: хлопья пряжи.

«Дождь, дожди!...». Терещенко, т. 5, стр. 12.

ИГРОВЫЕ ПЕСНИ О ПОСЕВЕ

«Под дубравую лен, лен...». Шейн, № 388. Оренбургская губ., Илецкая Защита. Шейн сообщает: «Участвующие, преимущественно девушки, становятся в круг. В середину его выступает одна из них и под пение хора приведенной песни начинает плясать и выражать пантомимой все те приемы обработки льна, о которых говорится в песне». Каждой строфе предшествует шестистишие «Научи меня, мати, как белый лен полоть» (дергать, стлать, сушить и т. д.) с стандартным повторением «Еще так, да вот так» и т. д. В нашей передаче приведено только первое из них.

«Ой мы просо сеяли, сеяли...». Новикова, стр. 236, № 176. Московская обл. Запись А. М. Новиковой 1935 г. Топтание — древнейшая форма обмола. Позднее в песне вытаптывание стало пониматься как потрава, вызывающая поимку лошади и требование выкупа. Выкуп девушкой имел место при родовом строе. См.: Н. Тихоницкая. Русская народная игра «Просо сеяли». — «Советская этнография». Сборник статей, № 1. М.—Л., 1938.

«Кто с нами, кто с нами...». Листопадов, т. 4, № 183. Поющие разделены на два ряда. Первые три строки каждого куплета поет один ряд, последующие три — другой.

СЕМНИЦКИЕ ПЕСНИ

«Йо, йо, березынька...». Шейн, № 1203. Владимирская губ., г. Шуя. Запись 1874 г. Пелась при избирании березки для праздника.

«Не радуйтесь, дубы...». Терещенко, т. 6, стр. 164.

«А и густо-густо на березе листьё...». Римский-Корсаков, № 51. Песня очень ясно показывает, что густота листьев на березе соизмерялась с густотой ржи и пшеницы.

«Березынька кудрявая...». Богатырев, стр. 232. Московская обл., Загорский район, дер. Торохово. Запись 1946 г. Под данную песню березку завивали и украшали.

«Вейся ты, вейся, березка...». Богатырев, стр. 232. Московская обл., Загорский район, дер. Назарьево. Запись 1946 г. Под данную песню украшенную березку носили по деревне.

«Ну-ка, кумушка, мы покумимся...». Римский-Корсаков, № 50.

«Венчик ли мой, веночек...». Шишонко, стр. 98 (Соболевский, т. 7, № 721).

«Береза моя, березонька...». Снегирев, вып. 3, стр. 104.

«Уж ты венчик ли...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1067.

«Пойду, млада, тишком лужком...». Вильбоа, № 68 (Соболевский, т. 5, № 8).

«Еще во саде-садочке...». Шишонко, стр. 175 (Соболевский, т. 2, № 175).

ЖИВНЫЕ ПЕСНИ

«Жали мы, жали...». Шейн, № 1269. Псковская губ., Великолуцкий уезд, с. Федорцово. *Долговая нива* — поле, обрабатываемое в порядке взаимопомощи. *По месяцу* — до восхода солнца.

«Петрочкова женка...». Шейн, № 1276.

«Ох и слава богу...». Шейн, № 1281.

«А кто ж то у нас...». Шейн, № 1282. Величальная хозяйну. Используются мотивы свадебных величальных песен (см. стр. 284).

Песни крестьянской неволи

«Во лесу, лесу дремучем...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2676.

«Из-за леса, леса темного...». Шейн, № 853. Смоленская губ., Бельский уезд. Запись 70-х годов. Та же песня с иным окончанием, см. стр. 311.

«Калинушку с малинушкой водой залило...». Шейн, № 852. Тульская губ. Запись 60-х годов. Аналогичная песня см. стр. 312.

«Злодей ты наша барыня...». Шейн, Крепостное право, стр. 490. Смоленская губ., Поречский уезд. Запись 1882 г. Текст передается без сохранения белорусских особенностей произношения.

«Вы кудри ль мои, кудри...». Шейн, Крепостное право, стр. 491. Псковская губ., Псковский уезд. Запись 1862 г.

«Как во городе во Устюжине...». Шейн, Крепостное право, стр. 672. Тверская губ.

«Уж мы сядемте, ребята, посидимте, господа...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2372. Симбирская губ., Симбирский уезд, с. Архангельское.

«Ох, хорошо житье лакеям...». Памятная книжка Тверской губ. на 1861 год, № 11 (Соболевский, т. 6, № 574).

«Государь ты наш, Сидор Карпович...». Шейн, № 1010. Тульская губ., Епифаньевский уезд (Ср. Соболевский, т. 7, № 469).

«Как за барами житье было привольное...». Н. Бродский. Крепостное право в народной поэзии. — «Великая реформа», т. 4. СПб., 1911, стр. 18. Подробнее об этой песне см. вступительную статью, стр. 13.

Голосовые песни о любви

«Туманы мои темные, ничегохонько было...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 3, стр. 82 (Соболевский, т. 5, № 540). Кубанская обл., Кавказский уезд, станица Телижбекская.

«Ты изюминка-ягодка...». Померанцева I, стр. 154. Башк. АССР, Карандельский район, с. Шафеево.

«Выйду, выйду за ворота...». Шейн, № 699. Смоленская губ. У Шейна песня соединена из двух. Вторая ничего общего не имеет с первой: жена грозит неверному мужу отправить его в солдаты. Здесь печатается только первая.

«Вышла девка молода...». Народные русские песни, 1837, стр. 102 (Соболевский, т. 4, № 292). Припев после каждого двух стихов. В оригинале песня состоит из двух: в первой описано, как бабы делят сарафан. Мы даем только вторую песню.

«Как на горке, на горе...». Новейший песенник, 1810, стр. 127 (Соболевский, т. 2, № 83).

«Под окошечком сироточка сидит...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 63 (Соболевский, т. 4, № 79). Терская обл., Владикавказский окр., станция Слепцовская.

«Я по цветикам ходила...». Шейн, № 1148. Вятская губ., Котельничский уезд.

«Уж на что ж это за месяц...». Шейн, № 495. Тверская губ., Осташковский уезд.

«Одна горка высоко, а другая низко...». «Олонецкие губернские ведомости», 1868, № 27 (Соболевский, т. 4, № 29). Олонецкая губ.

«Устиньюшка по горенке ходила...». Киреевский, вып. 1, № 972.

«На улице широкбй, широкбй...». Кохановская I, стр. 51 (Соболевский, т. 4, № 234). Курская губ. *Люб-трава* — приворотное зелье.

«Как по лугу, по лужочку вода соливат...». Варенцов, стр. 57 (Соболевский, т. 4, № 243). У Варенцова все строки разделены пополам.

«По жердочке шла...». Ефименко, стр. 70. Архангельская губ., Мезенский уезд. У Ефименко отнесена к вечериночным.

«Ах ты мати моя, матушка...». Библиографические записки, т. 2, 1859, стр. 359 (Соболевский, т. 7, № 40). Из рукописного сборника XVIII века.

«Девка в горенке сидела...». «Олонецкие губернские ведомости», 1867, № 33 (Соболевский, т. 4, № 443).

«Долина моя, долинушка, долина моя широкая...». Сборник материалов для описания ... Кавказа, вып. 15, стр. 61 (Соболевский, т. 4, № 614). Терская обл.

«Ах, на горе-горе...». Молодчик с молодой, стр. 49 (Соболевский, т. 4, № 358). Припев после каждой второй строки.

«Помилашечка моя...». Вологодский сборник, т. 4, стр. 409 (Соболевский, т. 4, № 344).

«Научить ли тебя, Ваня...». Вологодский сборник, т. 4, стр. 355 (Соболевский, т. 4, № 409).

«Как на галую землю...». Шейн, № 694. Вологодская губ., Вологодский уезд.

«Ой ты зимушка-зима...». Кохановская I, стр. 65 (Соболевский, т. 4, № 699). Курская губ., Старо-Оскольский уезд.

«Миленький, хорошенький...». Вологодский сборник, т. 4, стр. 380 (Соболевский, т. 4, № 780).

«Куплю милому на манишечку...». Вологодский сборник, т. 4, стр. 408 (Соболевский, т. 4, № 761).

«Березничек кустоватый...». Кохановская I, стр. 51 (Соболевский, т. 3, № 266). Курская губ.

«Я по бережку ходила...». Чулков, ч. 2, стр. 463 (Соболевский, т. 3, № 349).

«Во лугах, лугах, лужочках...». Шейн, № 432. Смоленская губ., Бельский уезд.

«Соловей мой, соловей, соловушко молодой!...» Кашин, кн. 1, № 34 (Соболевский, т. 4, № 676).

«Я в лесѣ был, березку рубил...». Листопадов, т. 4, № 3.

«Ты заря ли моя, зорюшка, зорюшка вечерняя...». Мельгунов, вып. 1, № 10 (Соболевский, т. 4, № 745). Калужская губ. Припев после каждого стиха.

«Вечор сокол, вечор ясен...». Ефименко, стр. 99 (Соболевский, т. 4, № 78). Архангельская губ., Пинежский уезд.

«Ваня в зеркало гляделся...». Шейн, № 317. Тверская губ., Весьегонский уезд. Шейн относит эту песню к наборным.

«Ты береза моя, березынька!..». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1572. Московская губ., Звенигородский уезд, дер. Воронки.

«Что болит-шумит буйная голова...». «Олонешки губернские ведомости», 1868, № 24 (Соболевский, т. 5, № 182). Олонешкая губ.

«По улице мостовой...». Кашин, кн. 3, стр. 27.

«Сеня-Косеня...». Шейн, № 342. Вологодская губ., Тотемский уезд, погост Кокшенга.

«Сидела Катюшенька...». Шейн, № 597. Вятская губ.

«Ты заря ли моя, зоренька...». Шишонко, стр. 95 (Соболевский, т. 2, № 124). Пермская губ.

«Ты молоденький молодчик молодой...». Кашин, кн. 1, № 6 (Соболевский, т. 2, № 61).

«На горوشке ковыль-трава...». «Воронежские губернские ведомости», 1851, № 20 (Соболевский, т. 5, № 424).

«Детина, детина...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 3, стр. 85 (Соболевский, т. 5, № 436). Кубанская обл. Припев через каждые две строки.

«Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь...». Прач, № 61. Каждая строка, кроме первой и последней, повторяется два раза. У Прача помещена в разделе «Плясовые, или скорые», что не подтверждается другими вариантами этой песни.

«Ах ты да душечка добрый молодец...». Чулков—Новиков, ч. 4, стр. 63 (Соболевский, т. 4, № 805).

«Волга-матушка родимая течет...». Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. 4. Симбирск, 1837, стр. 102 (Соболевский, т. 4, № 59). Симбирский уезд.

«Туманно красное солнышко, туманно...». Чулков, ч. 1, № 178 (Соболевский, т. 5, № 50).

«В далеком было, в далеком чистом поле...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1248. Архангельская губ., г. Мезень.

«Как прошла про девицу небылица...». Чулков, ч. 3, № 88 (Соболевский, т. 2, № 94).

«Закатилось солнышко, закатилось...». Шейн, № 756. Екатеринославская губ., Александровский уезд.

«Долина ль ты моя, долинушка...». Шейн, № 764. Тульская губ., Крапивенский уезд.

«Ты мой сизенький, мой беленький голубчик...». Чулков, ч. 3, № 148 (Соболевский, т. 5, № 478).

«Ты береза ли моя...». Бернард, стр. 29 (Соболевский, т. 5, № 454).

«Любил парень девку...». «Воронежские губернские ведомости», 1853, № 30 (Соболевский, т. 5, № 465). Воронежская губ.

«Не вечерняя заря занималась, занималась заря...». «Воронежские губернские ведомости», 1850, № 44 (Соболевский, т. 5, № 213). Воронежский уезд.

«При долинушке стояла...». «Воронежские губернские ведомости», 1850, № 45 (Соболевский, т. 5, № 354).

«Уж ты сад, ты мой сад...». Новикова, стр. 185. Тульская обл. Запись А. М. Новиковой 1918 г.

«Не сокол летит по поднебесью...». Шейн, № 759. Тульская губ., Епифанский уезд, с. Сукромчо.

«Ах вы ветры, ветры буйные...». Чулков, ч. 1, № 143 (Соболевский, т. 5, № 1).

«Нам не надо в чужие люди торопиться...». Шейн, № 691. Вологодская губ.

«Ах, не одна-то, не одна...». Лопатин и Прокунин, № 22 (Соболевский, т. 5, № 461). Рыбинск.

«Не спала-то я, младешенька, не дремала...». Чулков, ч. 2, № 188 (Соболевский, т. 5, № 501).

«Ты о чем, горька кукушечка...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2142.

«Не бушуйте вы, буйные ветры с вихрами...». Новый российский песенник, ч. 2. СПб., 1791, стр. 30 (Соболевский, т. 5, № 496).

«Комарики спят...». Магнитский, стр. 61 (Соболевский, т. 5, № 517). Казанская губ., Чебоксарский уезд.

«Вы молодчики молоденькие...». Шейн, № 721. Новгородская губ., Валдайский уезд.

«Никак, никак не возможно мне без печали век прожить...». Лопатин и Прокунин, стр. 196 (Соболевский, т. 5, № 86). Тульская губ., Богородицкий уезд, село Федорово.

«О чем, милая моя, тоскуешь...». Абрамычев, № 6 (Соболевский, т. 4, № 542). Вятская губ., Яранский уезд, с. Вычекма.

«Сторона ль моя, сторонушка...». «Воронежские губернские ведомости», 1850, № 38 (Соболевский, т. 5, № 49). Воронежская губ., Бобровский уезд.

«Канарейка, канарейка, канареечка моя...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 7, стр. 80. Терская обл., станица Бороздинская.

«Можно, можно по рощице разгуляться...». Шейн, № 762. Екатеринославская губ., Александровский уезд.

«Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет...». Филиппов, № 15 (Соболевский, т. 2, № 262). Тверская губ., Ржев. Обширные комментарии Е. В. Гиппиуса см. Балакирев, № 29.

«Как во городе во Санкт-Питере...». Чулков, ч. 1, № 183 (Соболевский, т. 5, № 725).

«Снежки белые, пушисты...». Линева, вып. 1, № 10. Нечетные строки служат запевом и исполняются запевадой; каждые две строки повторяются.

«С крыши снег тает, ох снег тает...». Померанцева II, стр. 254. Ярославль. Запись 1955 г.

«Веселитесь, подружки...». Акимова, № 80. Саратовская обл., Базарно-Карабулакский район, с. Биклей. Запись 1925 г. Ср. выше веснянки, стр. 85.

«Куда мне, красной девице, от горя бежать?...». Шейн, № 797. Рязанская губ., Даньковский уезд, с. Знаменское. Запись конца 60-х годов.

«Вострепенется сокол, на дубу сидючи...». Чулков, ч. 2, № 176 (Соболевский, т. 2, № 260).

«Цвели в поле цветики, да поблекли...». Линева, вып. 1, № 8. Первая половина каждого стиха служит запевом и исполняется запевадой; все строки повторяются дважды.

«Что цвели-то, цвели, цвели в поле цвети-ки...». Якушкин, стр. 567 (Соболевский, т. 5, № 595). Каждая вторая строка повторяется.

«Как бы я знала, млада, ведала...». Чулков, ч. 2, № 163 (Соболевский, т. 5, № 59).

«Красная девица по бережку гуляла...». Чулков, ч. 2, № 168 (Соболевский, т. 5, № 629).

«О чем ты, Машенька, плачешь...». Студитский I, стр. 155 (Соболевский, т. 5, № 586). Вологодская губ. Все четные строки, кроме последней, повторяются.

«Государыня, тошно мне...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 260 (Соболевский, т. 5, № 54). Терская обл., Грозненский округ, станция Ищерская.

«Ах ты сад ли ты мой, садочек...». Прач, стр. 61 (Соболевский т. 4, № 421).

«Ах, матушка, тошно мне, голова болит...». Якушкин, стр. 596 (Соболевский, т. 5, № 307).

«Несмогу я, мамонька...». Шишонко, стр. 230 (Соболевский, т. 5, № 78). Пермская губ. *Несмогу я* — мне нездоровится, неможется.

«Кумушки-голубушки...» Колосов, стр. 237 (Соболевский, т. 5, № 371). Вятская губ.

«Вы туманы мои, вы туманушки...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 81 (Соболевский, т. 6, № 308). Терская обл.

«Выйду я на море...». «Новгородские губернские ведомости», 1875, № 11 (Соболевский, т. 5, № 321). Новгородская губ., Крестецкий уезд.

«Грушица, грушица моя...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2694.

«Ты дуброва моя, дубровушка...». Чулков, ч. 1, № 141 (Соболевский, т. 5, № 607).

«Как у ключика у гремучего...». Чулков, ч. 2, № 144 (Соболевский, т. 2, № 1).

«Добрый молодец по улице похаживает...». Чулков, ч. 3, № 128 (Соболевский, т. 4, № 337).

«Купил мне-ка миленький две косынки голу-
бых...». Студитский I, стр. 48 (Соболевский, т. 5, № 373). Оло-
нецкая губ.

«Я вечер, вечер, красна девица, во пиру бы-
ла...». Чулков, ч. 2, № 154 (Соболевский, т. 5, № 328).

«Вспомни, вспомни, мой любезный, прежнюю
любовь...». Кашин, кн. 1, № 23 (Соболевский, т. 5, № 668).

«Добрый молодец похаживает...». Якушкин, стр. 595
(Соболевский, т. 5, № 334).

«Полно, солнышко, из-за лесу светить...». Сбор-
ник материалов для статистики Тверской губернии, вып. 2. 1874,
стр. 40 (Соболевский, т. 5, № 406). Тверская губ., Бежецкий
уезд.

«Не бела заря в окошечко взошла...». Якушкин,
стр. 651 (Соболевский, т. 2, № 292).

«Ах что ж ты, голубчик, не весел сидишь...».
Гурилев, стр. 58.

«Ах как тошно мне, тошненько нынешний го-
дочек...». Чулков, ч. 1, № 191 (Соболевский, т. 5, № 418).

«Возле речки, возле мосту...». Новейший российский
избранный песенник, ч. 1. 1817, стр. 196 (Соболевский, т. 5, № 637).

«Уж как полно, моя сударушка, тужить-пла-
кать!...». Чулков, ч. 2, № 192 (Соболевский, т. 5, № 653).

«Говорила я дружку милому...». Киреевский, Нов.
сер., вып. 2, ч. 1, № 1245. Архангельская губ., г. Холмогоры.

«Уж вечер-то я, добрый молодец...». Киреевский,
Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2595.

«Ты не пой, не пой, соловьюшко, не пой рано
весной...». Якушкин, стр. 580 (Аналогичную песню см. Собо-
левский, т. 5, № 659). Комментарии и указатели вариантов см.:
Гиппиус и Эвальд, т. 2, стр. 377—378.

«Недозрелая-то калинушка...». Минц и Савушкина,
стр. 159. Вологодская обл. Чебоксарский район, с. Сизьма, колхоз
«Путь Ленина». См. примечание к предыдущей песне.

«Не сидит-ка, Дуня, поздно вечером...». Славян-
ская I, стр. 150 (Соболевский, т. 3, № 367).

«Красна девица коров доила...». Ефименко, стр. 21 (Соболевский, т. 3, № 417). Архангельская губ., Мезенский уезд.

«Ах ты дума ль моя, думушка...» Гуляев, № 57 (Соболевский, т. 3, № 404). Алтайский горный округ. Запись 30—40-х годов XIX века.

«Ты гуляй, гуляй, душа милый друг...». Гуляев, № 51 (Соболевский, т. 2, № 179). Алтайский горный округ. Запись 30—40-х годов XIX века. Соболевский по ошибке присоединил к этой песне другую, содержащую совет не выходить замуж.

«Ой вы ночи мои, ноченьки...». Сборник материалов для описания ..Кавказа, вып. 15, стр. 255 (Соболевский, т. 3, № 379). Терская обл., Грозненский округ, станица Ищерская.

«Невели́ка птичка-пташечка...». Вологодский сборник, т. 4, стр. 333 (Соболевский, т. 3, № 408).

«Конопля, конопля зеленая моя!...». «Украинский журнал», 1824, № 11 (Терещенко, ч. 6, стр. 196; Соболевский, т. 1, № 298).

«Родимая мамонька...». Шишонко, стр. 173 (Соболевский, т. 2, № 167). Пермская губ.

«По горам было по высоким...». Кораблев. Очерк нравоописательной этнографии г. Онеги. М., 1853, стр. 60 (Соболевский, т. 4, № 353). Архангельская губ., г. Онега. Нечетные строки повторяются.

«Над озером верба...». Римский-Корсаков, № 52. Смоленская губ., Дорогобужский уезд. Песня отнесена Римским-Корсаковым к семицким (троицким, русальным), — вероятно, по признаку исполнения во время Семика.

«По Немецкой по улице, по Немецкой по широкой...». Пальчиков, № 36 (Соболевский, т. 2, № 187). Уфимская губ., Мензелинский уезд.

«Рассыпалось ожерельице...». «Олонецкие губернские ведомости», 1868, № 28 (Соболевский, т. 4, № 842). Олонецкая губ. Собираение рассыпанного ожерелья как метафора любви встречается также в подблюдных песнях, см. стр. 78.

«Не по промыслу мальчишка заводы заводит...». Овсянников, стр. 103 (Соболевский, т. 6, № 222). Казань.

«Не пыль, не кура́ в поле подымалася...». «Терские ведомости», 1868, № 52 (Соболевский, т. 4, № 155). Терская обл.

«Захотелось мне проведать, где любезная живет...». Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1854, ч. 1, стр. 97 (Соболевский, т. 4, № 561). Вологодская губ., Грязовецкий уезд.

«Как по улице молодец идет...». Памятная книжка Тверской губернии на 1861 г., стр. 43 (Соболевский, т. 3, № 236). Тверская губ., Новогоржский уезд.

«Молодка, молодка молоденькая...». Новый российский песенник, ч. 3, М., 1791, стр. 58 (Соболевский, т. 5, № 184). Исполнялась так же, как хороводная. Комментарии Е. В. Гиппиуса см. Балакирев, стр. 306—309.

«Уродилась сильна ягода в бору...». Прокунин, № 18 (Соболевский, т. 2, № 205). Тамбовская губ., Моршанский уезд.

«На речке на Клязьме купался бобер...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1554а. Московская губ., Звенигородский уезд, дер. Воронки.

«Не ясен-то ли сокол...». Студитский I, стр. 139 (Соболевский, т. 4, № 153). Вологодская губ.

«Не дождем березу...». Шейн, № 398. Оренбургская губ., Илецкая Защита.

Хороводные, игровые и плясовые песни о любви

НАБОРНЫЕ

«У ворот было, воротечек...». Шейн, № 340. Вологодская губ., Тотемский уезд, погост Кокшенга.

«Мимо саду-винограду...». Шейн, № 301. Псковская губ.

«У ж ты верба, вербушка...». Шейн, № 320. Новгородская губ., Крестецкий уезд.

«Какая девушка хороша...». «Новгородские губернские ведомости», 1875, № 11 (Соболевский, т. 4, № 187). Новгородская губ.

«По лужкам трава расстилается...». Шейн, № 292. Тверская губ.

«В огороде во саду...». Соколовы, стр. 409. Новгородская губ., Белозерский уезд, дер. Терехово-Малахово.

«Не стучи под окном...». Шейн, № 304. Тверская губ., Новоторжский уезд.

«Молодые крестьяне...». Шейн, № 311. Тверская губ., Тверской уезд, с. Глазково.

«У ж ты журав долгоногий...». Шейн, № 323. Новгородская губ., Крестецкий уезд.

«Как на речке на Валдайке...». Шейн, № 315. Тверская губ., Тверской уезд. Образец насмешливой песни, с которой обращаются к парню с приглашением в хоровод.

«Как у батюшки сынок...». Шейн, № 329. Новгородская губ., Крестецкий уезд. См. примечание к предыдущей песне.

ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ, ПЛАСОВЫЕ

«Царев сын хоробёр...». Авдеева, стр. 116. Сибирь. Играющие двигаются по кругу. Одна девушка находится в кругу, парень — вне круга. Песня представляет собой диалог между хором и парнем. При словах: «Ты войди, царь, во город» — парень входит в круг и целует девушку-царевну.

«Как во городе царевна, царевна...». Балакирев, № 28. Тамбовская губ., Спасский уезд. Царевна-девушка стоит в центре круга, парень-царев сын ходит вне хоровода против его движения. При словах: «Ты взойди, сударь, во город» — парень входит в круг, становится против царевны, кланяется ей и целует ее.

«Летел сокол высоко да высоко...». Попов, стр. 68 (Соболевский, т. 2, № 15). Пермская губ., Чердынский уезд.

«Как пойду я, молодёнька...». М. Семевский, № 15 (Соболевский, т. 5, № 760). Псковская губ., г. Торопец.

«Голова ль ты моя, головушка...». Римский-Корсаков, № 34 (Соболевский, т. 2, № 530). Припев после каждой строки.

«Ах вы сени мои, сени, сени новые мои...». Новый российский песенник, ч. 1. М., 1791, стр. 122 (Соболевский, т. 2, № 72). Песня плясовая. В первой строке нами прибавлено недостающее слово «сени», необходимое для ритма и устанавливаемое по вариантам.

«Как по травке, по муравке...». Римский-Корсаков, № 26. Новгородской губ., Тихвинский уезд, с. Никольское. Плясовая.

«Ты Настасья, ты Настасья...». Варенцов, стр. 130 (Соболевский, т. 3, № 468). Самарская губ., г. Николаевск.

«Как за речкою, как за быстрою...». Вильбоа, № 41 (Соболевский, т. 4, № 53).

«Как у наших у ворот...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2739.

«Во саду ли, в огороде...». Соболевский, т. 4, № 768. Источник Соболевского неясен: К концу прибавлены четыре строки из другой песни, которые здесь отброшены.

«Я по сенюшкам хожу, млада, хожу...». Кохановская II, стр. 72 (Соболевский, т. 4, № 31). Курская губ. Часовой — здесь: честной, почетный, всеми уважаемый (друг, гость).

«Я пойду ли, молоденька...». Шейн, № 375. Костромская губ., Ветлужский уезд, с. Рождествено.

«Куманечек, побывай у меня...». Егоров, Сборник избранных песен для солдатского хорового пения. Екатеринославль, 1893, № 44 (Соболевский, т. 4, № 347).

«Зайнька, по сеничкам...». Шейн, № 344. Вологодская губ.

«Зайнька, ты где был-побывал?..» Шейн, № 348. Вятская губ. Плясовая. «Ты» исправлено из «и» по смыслу (ослышка записавшего).

«В темном лесе, в темном лесе...». Нозикова, стр. 269, № 180. Тульская обл. Запись А. М. Новиковой 20-х годов.

«Дома ль кум воробей?..» Шейн, № 449. Тверская губ., Тверской уезд. Запись 1859 г. Играющие становятся в круг, посредине которого девушка играет роль кумы. Песня представляет диалог между ею и хором.

«Уж как звали молодца...». Гуляев, стр. 249 (Соболевский, т. 4, № 122). Сибирь. Песня «беседная» («святочная»), то есть исполняемая на вечеринках («беседах») в избе. «При пении этой песни играющие составляют кружок или садятся по местам; молодец выходит на середину и, поступая по словам песни, снимает шляпу или шапку и кладет ее перед вдовой, а если не случится ее в беседе, то перед каким-нибудь мужчиною; вдова отталкивает шляпу; молодец, надев ее, снова снимает и кладет перед девушкою, которая поднимает ее, приглаживает волосы молодцу, надевает на него шляпу и потом целует, и игра оканчивается или начинается снова» (Гуляев, стр. 251). Припев повторяется через каждые две строки.

«Ехал мальчик молодой...». Попов, стр. 137 (Соболевский, т. 3, № 350). Пермская губ., Чердынский уезд. Припев повторяется через каждые две строки. Об игре, сопровождающей эту песню, см. примечание к предыдущему тексту.

«Сядемте по лавкам...». «Олонецкие губернские ведомости», 1880, № 81 (Соболевский, т. 6, № 218). Олонецкая губ., Вытегорский уезд. Песня плясовая.

«Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке...». Минц и Савушкина, № 51. Вологодская обл., Мяксинский район, с. Щетинское. Запись 1953 г. Игра состоит в мимическом исполнении тех действий, о которых поется. Подробное описание ее дано в статье В. Александрова «Деревенское веселье в Вологодском уезде» («Современник», 1864). Припев повторяется через строчку с повторением предыдущей полустроки.

«Ты не пой, соловей...». Сахаров, Сказания, кн. 3, стр. 30, № 13 (Соболевский, т. 2, № 331). Сахаров считает песню хороводной, исполняемой во время осенних свадеб.

«Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю...». Попов, стр. 56 (Соболевский, т. 2, № 376). Пермская губ., Чердынский уезд.

«Во поле береза стояла...». Прач, стр. 156 (Соболевский, т. 2, № 347). После каждой строки припев «Лей-ли-лей» с повторением последнего слова предыдущей строки. Кроме первых четырех строк, все остальные и припев повторяются дважды.

«По горам девки гуляли...». Попов, стр. 75 (Соболевский, т. 2, № 35). Пермская губ., Чердынский уезд. Хороводная.

«Ах, во поле липинка...». Чулков, ч. 3, Прибавление, стр. 774. Кроме пятой и восьмой строки, каждая первая половина строки повторяется три раза. С *городы* — из-за ограды, из сада, т. е. из садовых цветов.

«Во лузях, во лузях...». Прач, стр. 180 (Соболевский, т. 2, № 299). В каждой строфе все четные строки от 2-й до 14-й, а также каждая 19-я, 21-я и 23-я строки повторяются. Песня хороводная, в некоторых местностях — ходовая, в других — круговая. Обширные комментарии Е. В. Гиппиуса см.: Балакирев, стр. 313—315 и З. Д. Эвальд в книге Гиппиуса и Эвальд «Песни Пинежья», кн. 2, стр. 503—506.

«Ах, по речке, ах, по Казанке...». Молодчик с модкою, стр. 74 (Соболевский, т. 4, № 137). Каждый второй стих повторяется.

«Не ходи, Саша, по сеням...». Можаровский, стр. 29 (Соболевский, т. 2, № 240). Казанская губ. Песня беседная, сопровождающая игру, оканчивающуюся поцелуем.

«Захотела меня мать...». Шейн, № 581. Тульская губ., Епифанский уезд. Запись 1864 г. Сходная песня см. стр. 130. «Сидела Катюшенька». Граница между песнями проголосными и игровыми без указаний со стороны собирателей не всегда может быть проведена точно.

«Хмель мой, хмелюшко...». Шейн, № 419. Орловская губ., Дмитровский уезд, с. Гладнево.

«Коваль, коваль, ковалечек...». Шейн, № 573. Калужская губ., Калужский уезд, с. Ахлебино.

«Чарочки по столику похаживают...». Шейн, № 585. Курокая губ., Путивльский уезд.

«Светит, светит месяц...». Шейн, № 590. Тульская губ., г. Епифань. Запись 1864 г. Припев повторяется через каждые две строки.

«Уж как ты мать моя, маменька...». Минц и Савушкина, № 58. Вологодская обл., Грязовецкий район, дер. Олсуфьево.

«Уж ты мать моя, матушка...». Шейн, № 587. Самарская губ.

«Селезень мой сиз-косатый...». Шишонко, стр. 267 (Соболевский, т. 7, № 583). Пермская губ. Каждое полустроиче повторяется два раза. При соответствующих словах песни поющие показывают, как пляшут старухи, молодые женщины и девушки.

«У бабушки у нашей...». Минц и Савушкина, № 52. Вологодская обл., Чебсарский район, дер. Копылово. Запись 1953 г. Составительница указывает, что каждые две строчки повторяются.

«Хороша наша деревня...». Вильбоа, № 49 (Соболевский, т. 7, № 344). Припев через каждые две строки.

«Уж как по саду-саду...». Шишонко, стр. 37 (Соболевский, т. 7, № 718). Пермская губ. После каждой строки припев-выкрик «В люли».

«Как по морю...». Тонков, стр. 79. Воронежская обл., с. Анна. Ср. Соболевский, т. 2, № 244—258. Исполняется также на свадьбах.

«Накануне Рождества...». Вологодский сборник, т. 4, стр. 71. Вологодская губ.

«Не спасибо те, игумну, тебе...». Балакирев, № 15. Игровая зимняя песня, вечерочная. Шейн описывает игру в игумна

в Костромской губернии следующим образом: «Парни и девки рассаживаются по лавкам. Из девушек встает одна, берет в одну руку лучину, а в другую платок и начинает ходить неправильными кругами по избе и затягивает заодно с другими приведенную песню. При последних словах песни ходящая по кругу передает лучину кому-нибудь из сидящих и целует ее. Последняя перенимает лучину и продолжает игру таким же образом» (Шейн, стр. 315). Хождение с лучиной пародирует хождение монахини с церковной свечой. Варианты см., например: Соболевский, т. 7, № 353—360. Комментарии Е. В. Гиппиуса см.: Балакирев, стр. 310—311.

РАЗБОРНЫЕ

«Уж ты вен ли мой, веночек...». Шейн, № 483. Самарская губ.

«Как по полю, полю, по чистому полю...». Можаровский, стр. 47 (Соболевский, т. 4, № 744). Казанская губ.

«Чем нам песенку начать...». Шейн, № 478. Тверская губ., Тверской уезд, с. Кушалино.

«В саду яблонька стоит...». Варенцов, стр. 128. Самарская губ.

Свадебные песни

НА СГОВОРЕ

«Благослови, боже господи...». Шейн, № 1467. Вологодская губ., Вологодский уезд. С подобных причетов начинаются песни-плачи невесты.

«Кормилец мой, желанный батюшка!...». Шейн, № 2008. Орловская губ., Малоархангельский уезд, с. Каменка. Причет, обращенный к отцу.

«Схожо красно мое солнышко...». Шейн, № 1337. Пинега. В песне говорится о выводе невесты на «ставку», то есть о выведении ее, разряженной, на показ приехавшим сватовьям и гостям.

«Ты кормилец государь батюшко!...». Рыбников, стр. 6. Олонецкая губ., Петрозаводский уезд, Ялгубский погост.

«Чьи это хоромы...». Шейн, № 2191.

«В темных лесах кукушечка куковала...». Шейн, № 2041. Орловская губ., Елецкий уезд.

«У ворот трава шелковая...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 329. Тульская губ., Новосильский уезд.

«Вы голубушки подруженьки...». Шейн, № 2174. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Поется при посещении гостей в дни между сговором и рукобיתьем.

НА РУКОБИТЬЕ

«Благослови меня-ка, господи...». Шейн, № 2173. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Не давай, кормилец батюшко...». Шейн, № 2172. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Мне ночесь, молодешеньке...». Шейн, № 1361. Вологодская губ., Грязовецкий уезд.

«Ох ты волюшка вольная...». Шейн, № 1713. Новгородская губ., Валдайский уезд, с. Глаголево.

«Не выходи, сударь батюшка...». Шейн, № 1478. Вологодская губ., Вологодский уезд. Причитает невеста, бросившись на грудь отцу.

«Вы пойдете, мои родимые...». Шейн, № 2179. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Затоплялася банюшка...». Шейн, № 1554. Вологодская губ., Сольвычегодский уезд, Ильинско-Падомская вол. Песня девушек, когда жених приезжает в дом ее отца.

«Уж ты свет сударь батюшка...». Шейн, № 1485. Вологодская губ., Вологодский уезд.

«Ну господь же с тобой, батюшко...». Шейн, № 2177. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Мое сердце испугалось...». Шейн, № 1390. Вологодская губ., Вологодский уезд, Фетиньинская вол., дер. Яковлевское.

«На море лебедь воду пила...». Шейн, № 1579. Вятская губ., Елабужский уезд. *Растани* — распутье; здесь: расставанье.

«Соколы вы, соколы!...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 460. Рязанская губ., Зарайский уезд.

«Уж вы гуси да лебеди...». Шейн, № 1505. Вологодская губ., Вологодский уезд.

«Ты поди-тко, моя тетушка...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 254—255. Костромская губ. Первую строфу поет невеста, вторую — ее тетка.

«Ты голубушка тетушка!...». Шейн, № 1378, 1379. Вологодская губ., Вологодский уезд, Фетиньинская вол., дер. Яковлевское. Вопросы невесты к тетушке и ее ответы.

«Ты здорово, милая сестрица-голубушка!...». Рыбников, стр. 20. Олонецкая губ.

«Уж ты свет моя голубушка...». Шейн, № 1398. Вологодская губ., Вологодский уезд, Фетиньинская вол., дер. Яковлевское.

«Мы тебе, сестрица-душа, без людей говорим...». Шейн, № 1760. Псков. Конец 50-х годов.

«Пустая хоромина...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 339, Московская губ., Звенигородский уезд, дер. Воронки.

«Шла молода...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 771.

«Родимая моя матушка!...». Шейн, № 1607. Вятская губ., Слободский уезд.

«Сборы, сборы широкие...». Рыбников, стр. 52. Олонецкая губ., Кижская вол.

«Как ездил млад отецкой сын...». Рыбников, стр. 50. Олонецкая губ., Кижская вол.

«Не кладу я судьбу-жалобу...». Померанцева II, стр. 188, № 50. Ярославская обл., Угличский район, дер. Голованово. Запись 1956 г. *Судьба* — здесь: суд, осуждение.

«Сват-от сватался да порасхвастался...». Шейн, № 1370. Вологодская губ., Вологодский уезд, Фетиньинская вол., дер. Яковлевское. Шейн указывает, что эта песня исполняется не только как свадебная, но и как семейная женщинами, несчастными в замужестве.

«Вечером поздним-позднихонько...». Шейн, № 2190. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Как вечер, моя матушка...». Шейн, № 1444. Вологодская губ., Вологодский уезд.

«Ты голубушка невестушка...». Шейн, № 2182, 2183. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Во тереме свечка не ярко горит...». Шейн, № 1975. Смоленская губ., Юхновский уезд, дер. Сорокино. Песня девушек при приезде жениха.

НА ДЕВИЧНИКЕ

«Дорогí гости, гости милые...». Шейн, № 1352. Вологодская губ., Грязовецкий уезд. Начальный причет невесты на девичнике.

«Ах, не тесно ль тебе, реченька...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 216. Тверская губ., г. Осташков.

«Расплетите, подруженьки...». Шейн, № 1462. Вологодская губ., Тотемский уезд. Об обряде снятия с невесты ее девичьего головного убора (красоты) см. вступительную статью, стр. 22—23.

«Я возьму свою красоту...». Шейн, № 1389. Вологодская губ., Вологодский уезд, Фегиньинская вол., дер. Яковлевское.

«Уж ты мать-то моя, матушка...». Померанцева II, стр. 171. Ярославская обл., Переславский район, дер. Красное. Запись 1924 г.

«Меня батюшка жалует...». Шейн, № 1463. Вологодская губ., Вологодский уезд.

«Спасибо, матушка ласковая...». Рыбников, стр. 61. Олонецкая губ., Петрозаводский уезд, Остречинская вол.

«Вы цветы ли мои, цветики...». Померанцева II, стр. 177. Ярославская обл., Угличский район, дер. Васильево. Запись 1956 г. от местного хора.

«Вы лебедушки подруженьки...». Шейн, № 2238. Владимирская губ., Судогодский уезд. Запись 1858 г.

«Угрюм, угрюм ходит...». Шейн, № 1870. Рязанская губ., Данковский уезд, дер. Красная слободка.

«Воробушек-воробей...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 370. Тульская губ., Беляевский уезд, дер. Зиково.

«Ермил-господин по двору гуляет...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 920.

В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

«Ты вставай-ка, родима матушка!...». Померанцева II, стр. 188. Ярославская обл., с. Ям. Запись 1924 г. Утренняя заплачка невесты, когда она встает.

«Мне прошедшу темну ноченьку...». Шейн, № 2193. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Рассказ о страшном сне накануне свадьбы входил в свадебный обряд.

«Я пошла, молодешенька...». Рыбников, стр. 67. Олонецкая губ., Петрозаводский уезд, Остречинская вол.

«Уж тебе бы, бане-пáруше...». Шейн, № 1403. Вологодская губ., Вологодский уезд, дер. Янгосара. Поет невеста, возвратившись из бани.

«Поля ли мои, поля чистые...». Шейн, № 1744. Псков. Запись конца 50-х годов XIX века.

«Не в трубушку трубили рано по заре...». Шейн, № 1983. Смоленская губ., Юхновский уезд, дер. Сорокино.

«Раструбилась трубонька рано по заре...». Соколовы, стр. 344, № 97. Новгородская губ., Белозерский уезд, дер. Терехово-Малахово.

«Подружки-голубушки...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 906. Заимствовано из песенника «Веселая Эрата», М., 1801.

«Ветры буйные, разбушуйтесь...». Шейн, № 2193. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. О приезде жениха в день свадьбы и о соответствующих песнях см. вступительную статью, стр. 24.

«Авдотьюшка всплакала...». Шейн, № 2188. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Свет мои сестрицы...». Шейн, № 1701. Новгородская губ., Белозерский уезд.

«Не от ветру, не от вихорю...». Шейн, № 1537. Вологодская губ., Сольвычегодский уезд, Верхотоемская вол.

«Шумел бор...». Записки Уральского общества любителей естествознания, т. 7, стр. 128 (Соболевский, т. 4, № 236). Пермская губ., Соликамский уезд.

«Дорогие мои матушка...». Померанцева II, стр. 195. Ярославская обл., с. Ям. Запись 1924 г. Эта и последующие песни содержат насмешки над свахой или сватом, устроившим брак, или над дружкой. Эти песни поются девушками, обычно хором.

«Как сказали-то, Иванушка хорош да хорош!..». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 163. Запись А. С. Пушкина, вероятно — в Псковской губ.

«Бестолковый сватушко!..». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 160. Запись А. С. Пушкина, вероятно — в Псковской губернии.

«Уж тому ли свату-своднику!..». Шейн, № 1404. Вологодская губ., Вологодский уезд, дер. Янгосары.

«Сваха-неряха!..». Шейн, № 1488. Вологодская губ., Устюжский уезд.

«Красные девицы!..». Шейн, № 2246. Владимирская губ., Судогодский уезд. Запись 1858 г. Приговоры дружки при вступлении его в дом. Дружка приветствует подряд всех присутствующих по их возрасту и полу. Обычно приговоры исполняются прозой вперемешку с рифмованными фразами. О роли дружки и его приговорах см. вступительную статью, стр. 25.

«Друженька хорошенький!..». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 768.

«Друженька хорошенький!..». Померанцева II, стр. 167. Башкирская АССР, Покровский район, с. Ахлыстино.

«Ты садись-ка, добрый молодец!..». Шейн, № 2197. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Поется, когда жених садится за стол к невесте.

«Ты изволь-ка, добрый молодец!..». Шейн, № 2199. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Песня представляет собой «причитанье к стакану вина», когда жених отказывается от стакана, подносимого ему невестой, и требует, чтобы она ему поклонилась в ноги.

«Ты приятный, желанный батюшко!..». Шейн, № 2201. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское.

«Свет Марьюшка по сенюшкам ходила!..». Якушкин, стр. 556 (Соболевский, т. 4, № 41). Орловская губ., Малоархангельский уезд.

«Ты взойди, Анна-душа, на новы сени!..». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 213. Тверская губ., погост Рагоза. Эта и последующие песни представляют собой «величанье» или «опеванье» молодых, их родителей, других участников свадьбы.

«Часовая наша гостюшка!..». Шейн, № 2442. Оренбургская губ., Оренбургский уезд

«Ваня ходит по двору...». Шейн, № 1508. Вологодская губ., Вологодский уезд.

«А у месяца золоты рога...». Шейн, № 1970. Смоленская губ., Юхновский уезд, дер. Сорокино.

«Наша княгиня-душа Агафья Ивановна!...». Шейн, № 1751. Псков. Запись конца 1850-х годов. Величальная невесте.

«Собирались красны девицы...». Сборник материалов для статистики Тверской губернии, вып. 3. 1876, стр. 11 (Соборский, т. 4, № 113). Тверской уезд.

«Ах, кто у нас умен...». Акимова, № 127. Саратовская обл., Хвалынский район, с. Елшанка. Величальная жениху.

«Не соболю дыблет по улице...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 23. Архангельская губ., г. Мезень.

«Уж как вьется хмель по болоту...». Киреевский, Нов. сер., № 472. *Иван* и *Марья* — родители невесты или жениха.

«Не́ были ветры, не́ были ветры...». Истомин и Дютш, стр. 97. Архангельская губ., Архангельский уезд, посад Ненокса. Редакция Балакирева; см.: Балакирев, № 44. С некоторыми поправками перепечатано Е. В. Гиппиусом в гармонизации Балакирева. Поправки Е. В. Гиппиуса частично приняты в настоящем издании. *Яренгский звон* — звон на всю Яренгу; Яренга — название деревни, откуда родом была исполнительница.

«Пошел дружка...». Шейн, № 2205. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Запись 1868 г.

«Не разливайся, мой тихий Дунай...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 593. Орловская губ., Малоархангельский уезд, с. Успенское. Песня о золотом олене чрезвычайно распространена. Значение золотого оленя как свадебного символа не выяснено. Эта и следующие песни не приурочены к определенным моментам свадебного пира.

«На горе стоит елочка...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 272. Москва.

«Вспомни-тко, Пётро-князь...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 175. Тверская губ., Осташковский уезд, с. Острица.

«Сидит наша гостинька выше всех...». Балакирев, № 11. Среднее Поволжье.

«На горы, на горы да зеленый сад...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 179. Тверская губ., Осташковский уезд, с. Острица.

«Во горенке во новой...». Шейн, № 2287. Нижегородская губ., Макарьевский уезд. Запись 1877 г.

«Стелется, вьется...». Шейн, № 1904. Тульская губ., Новосильский уезд, дер. Подъяковлева. Запись 1862 г. *У меня — в меня, похожим на меня.*

«Сколько в лесу пеньков...». Шейн, № 2397. Саратовская губ., Сердобский уезд.

«Как со вечера родна матушка...». Шейн, № 1557. Вологодская губ., Тотемский уезд.

«Ой маменька родная, что во поле дымит?...». Фольклор Дона и Кубани, стр. 86.

«Уж как знать-то, красной девице...». Шейн, № 2204. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Поется, когда перед отправкой к венцу невеста подходит под благословение своих родителей.

«Встану я, добрый молодец...». Шейн, № 2203. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Поется, когда жених подходит под благословение.

«Уж ты свет да сокол милый брат!...». Шейн, № 1411. Вологодская губ., Вологодский уезд, дер. Янгосара. Поется невестой, если она сирота. Перед отправкой к венцу она едет на могилу родителей как бы на благословение.

«Разлилась, разлелеялась...». Китайник, стр. 57. Свердловская обл., Кушванский район, дер. Малая Лая. Запись 1948 г. Прощальная песня перед отъездом молодых.

«Береза белая...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 139. Запись А. С. Пушкина, — вероятно, в Псковской губ. *Ладиться — здесь: собираться в путь.*

«Увели, увели нашу милу подружку...». Шейн, № 1787. Псков. Конец 1850-х годов. Поют девушки при отъезде молодых.

«Вы простите-ка, подруженьки...». Шейн, № 2206. Ярославская губ., Пошехонский уезд, с. Козьмодемьянское. Прощальная песня невесты перед ее отъездом.

«Из-за лесу, лесу темного...». Шейн, № 1712. Прощальная песня перед отъездом невесты в новую семью. Поют девушки.

«Мимо дворика батюшкина...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 145. Запись А. С. Пушкина, — вероятно, в Псковской губ.

«У нашего князя...». Шейн, № 1807. Псковская губ. Запись конца 1850-х годов. Поется, когда молодые приедут ко двору.

«Дружка идет...». Шейн, № 1808. Псковская губ. Запись конца 1850-х годов. Поется, когда молодые входят на крыльцо и их осыпают житом и хмелем.

«Ой заря ль моя, зорюшка...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 779. Перевод через речку по жердочке — песенный символ перевода из девичества в замужество.

«Раным-рано на заре...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 699. Симбирск.

«Кудрявый повозник...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 610. Орловская губ., Малоархангельский уезд, с. Липовица-Перехожи.

«Мы далеко ездили...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 506. Тамбовская губ., Козловский уезд, селцо Александровское.

«Ты заря ль моя, зорюшка...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 367. Тульская губ., Белевский уезд, дер. Зиково.

«Сокóл сокóльевич...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 194. Тверская губ., Осташковский уезд, с. Острица.

«Как по погребу бочоночек катается...». Шейн, № 1879. Рязанская губ., Данковский уезд, дер. Красная слободка.

Голосовые песни о семейной жизни

«Уж и свет мои высокие хоромы...». Кохановская II, стр. 135 (Соболевский, т. 3, № 68). Курская губ.

«Полоса ли моя да полосонька...». «Ярославские губернские ведомости», 1892, № 31 (Соболевский, т. 3, № 61). Ярославская губ.

«Ах ты горе мое, горе великое...». Гуляев, № 48 (Соболевский, т. 2, № 571). Сибирь. Последних девяти строк текста,

напечатанного Соболевским, у Гуляева нет, и мы их не даем; содержание этих строк — три заботы молодой: лютый свекор, злая свекровь, неудалый муж. См. следующую песню.

«Соловей мой, соловеюшко...». Молодчик с молодой, стр. 42 (Соболевский, т. 2, № 130).

«Кабы волюшка девушке у батюшки была...». Леонтьев, стр. 91. Печорский край, дер. Омы. Запись 1936 г.

«Родимая ты моя мати...». Васнецов, № 94.

«Не по реченьке лебедушка плывет...». Русские песни. Тексты песен, исполняемых хором им. Пятницкого. М., 1944, стр. 32.

«Ах да у соловушки крылья примахались...». Шейн, № 830. Смоленская губ., Бельский уезд.

«Из-за лесу, лесу темного...». Якушкин, стр. 599 (Соболевский, т. 3, № 56). Орловская губ., Малоархангельский уезд.

«Калинку с малиною вода поняла...». Мордовцева и Костомаров, стр. 45 (Соболевский, т. 3, № 31). Саратовская губ.

«Выдала матушка далече замуж...». Чулков, ч. 1, № 158 (Соболевский, т. 3, № 44).

«Я по улице ходила...». Кохановская I, стр. 97 (Соболевский, т. 2, № 602). Курская губ.

«Батюшке я говорила...». Кохановская I, стр. 113 (Соболевский, т. 3, № 178). Курская губ.

«Давно я, давно у батюшки была...». Кохановская I, стр. 43 (Соболевский, т. 3, № 188). Курская губ.

«Туча с громом сговаривалась...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1093. У Киреевского значится как семицкая.

«Зеленейся, зеленейся...». Кохановская I, стр. 119 (Соболевский, т. 3, № 179). Курская губ.

«Пбйду ль я, пбйду ль я...». Кохановская II, стр. 116 (Соболевский, т. 3, № 177). Курская губ.

«Возле садику, млада, хожу...». Чулков, ч. 1, № 144 (Соболевский, т. 3, № 67).

«Матушка моя, я нега твоя...». «Курские губернские ведомости», 1851, № 17 (Соболевский, т. 2, № 261). Курская губ.

«Ах ты хмель мой, хмель, веселая голова...». «Олонецкие губернские ведомости», 1868, № 28 (Соболевский, т. 2, № 242). Олонецкая губ.

«Вы раздайтесь, расступитесь, люди добрые...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1287. Архангельская губ., г. Шенкурск.

«У всех-то мужья молодые...». Китайник, № 52. Свердловская обл., Егоршинский район, с. Горки.

«Житье мое, житье...». Ефименко, стр. 55 (Соболевский, т. 2, № 431). Архангельская губ., г. Мезень.

«Кабы знала я, ведала...». Шейн, № 1197. О красоте — см. песни на девичнике; ср. вступительную статью, стр. 23.

«У дородного добра молодца...». Чулков — Новиков, ч. 4, стр. 81 (Соболевский, т. 2, № 169).

«Как болит-то ли, болит у мужа головка...». Якушкин, стр. 594 (Соболевский, т. 2, № 435).

«Ах, кабы на цветы не морозы...». Новейший и полный российский общенародный песенник, М., 1810, стр. 154 (Соболевский, т. 3, № 15). *Грядка* — здесь: жердь под потолком для навешивания одежды.

«Соловей мой, залетная пташечка...». Терский сборник, вып. 1, стр. 137 (Соболевский, т. 2, № 499). Терская обл.

«Не сон мою головушку клонит...». Лопатин и Прокунин, № 79 (Соболевский, т. 3, № 93). Тамбовская губ., Моршанский уезд. Кроме первой и последней, все строки повторяются.

«Горе, горе, кто кого не любит...». Сборник для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 69 (Соболевский, т. 3, стр. 114). Терская обл.

«Ах ты ноченька, ночка темная!...». Народные русские песни, стр. 14 (Соболевский, т. 2, № 462).

«Нападала роса на темны леса...». Орлов, № 14 (Соболевский, т. 3, № 426).

«Ах ты молодость моя молодецкая!...». Шейн, № 870. Новгородская губ., Демьянский уезд. Ср. Соболевский, т. 3, № 517—521.

«Мальчик моложеватый...». Мордовцева и Костомавов, стр. 98 (Соболевский, т. 3, № 513). Саратовская губ.

«Ой ты роща ты моя, роща, рощица березо-
вая!..». Пальчиков, № 52 (Соболевский, т. 3, № 484). Уфим-
ская губ., Мензелинский уезд. После каждой строки припев:
«Эх...» с повторением последней полустроки.

«Была я у камушка, была я у белого...». Шейн,
№ 906. Тульская губ. Запись 1863 г.

«Ох да как на молодца тоска-горе напада-
ла...». Пальчиков, № 51 (Соболевский, т. 3, № 529). Уфимская губ.,
Мензелинский уезд. После каждой строки припев: «Ох...» или «Ох
вог...» с повторением последних трех-четырёх слогов.

«Уж я пашенку пашу...». Магнитский, стр. 26 (Собо-
левский, т. 3, № 104). Казанская губ., Чебоксарский уезд.

«Вот идет-идет постылый муж домой...». Шейн,
№ 461. Вологодская губ.

«У меня ль муж не удала голова...». Киреевский,
Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1503. М. Ср. Соболевский, т. 7, № 137—140.

«Долина, долина, да ты зеленая!..». Сборник мате-
риалов для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 265 (Соболевский,
т. 3, № 592). Терская обл.

«В зеленом-то саду груша...». Авдеева, стр. 99.
Сибирь.

«Теща зятя провожала...». Киреевский, Нов. сер.,
вып. 1, № 51. Архангельская губ., г. Шенкурск. Киреевский причис-
ляет песню к свадебным.

«На улице дождь, дождь...». Атовмян и Иорданский,
стр. 89.

«Выду на улицу...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1,
№ 1046. Казанская губ. У Киреевского песня причислена к свя-
точным.

«Жил-был курилка...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1,
№ 1045. Тульская губ. У Киреевского песня причислена к святоч-
ным. Игра в курилку состоит в передаче из рук в руки тлеющей
лучины под песню. Тот, в чьих руках она погаснет, должен чем-
нибудь поплатиться. В данном случае слова о курилке служат за-
певом.

«Я в сад пойду, я в зелен пойду...». М. Семевский,
№ 151 (Соболевский, т. 2, № 551). Гор. Торопец. Припев повто-
ряется после каждой строки. Собиратель указывает, что песня
пелась на Масленице. *Соловья* — женский род к слову «соловей».

«Сосенка, сосенушка зелененькая!..». Кохановская I, стр. 120 (Соболевский, т. 2, № 589). Курская губ.

«Как жила-была вдовушка-вдова...». Варенцов, стр. 93 (Соболевский, т. 3, № 1). Самарская губ., от переселенцев из Нижнего Новгорода.

«Ой не сырый бор загорается...». Кохановская II, стр. 127. Курская губ.

«Заболело мое сердечушко, заболело ретивое...». Календарь Вятской губ., 1894, стр. 366 (Соболевский, т. 4, № 449). Песня означена как беседная.

«Лучина, лучинушка березовая!..». Кашин, кн. 1, № 16 (Соболевский, т. 2, № 557). В данном варианте песня может быть причислена к семейным, в других она относится к любовным.

«Уж вы горы мои, горы Воробьевские...». Лопатин и Прокунин, № 3, Тамбовская губ., Моршанский уезд, с. Кулеватово. Разрывы слов нами не сохранены.

«Ах, пал туман на синё морё...». Чулков, ч. 2, № 138 (Соболевский, т. 1, № 350).

«Уж ты степь ли моя, степь Моздокская...». Лопатин и Прокунин, № 15 (Соболевский, т. 1, № 345). Орловская губ., Елецкий уезд. Разрывы слов нами не сохранены.

«Во славном было городе во Черкасске...». «Донские областные ведомости», 1875, № 87 (Соболевский, т. 3, № 213). Донская обл.

«Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!..». Мордовцева и Костомаров, стр. 110 (Соболевский, т. 3, № 214). Саратовская губ.

«Ой и всплакнула вдовушка...». Кохановская I, стр. 107 (Соболевский, т. 3, № 195). Курская губ.

Хороводные, игровые и плясовые песни о семейной жизни

«Взойди, взойди, солнце...». Мельгунов, стр. 12, № 6 (Соболевский, т. 2, № 569). Калужская губ. Припев повторяется через каждые две строки.

«Вдоль по улице репей, вдоль по широкой репей...». «Вятские губернские ведомости» 1858, № 32 (Соболевский, т. 2, № 577). Вятская губ., г. Елабуга. Хороводная.

«У Катюши муж — гуляка...». «Смоленский вестник», 1888, № 34 (Соболевский, т. 2, № 490). После каждой строки припев: «Ай барыня ты моя, сударыня ты моя».

«Чарочки по столику похаживают...». Шейн, № 575. Московская губ., г. Коломна.

«Пóдойду, пóдойду...». Балакирев, № 2 (Соболевский, т. 2, № 611). Самарская губ., Ставропольский уезд. Под *царь-городом* понимается хоровод или круг играющих. Песня поется от имени молодой жены, задабривающей подарками суровую родню мужа.

«Заиграй, моя волынка...». Балакирев, № 23 (Соболевский, т. 7, № 170). Тамбовская губ.

«Вы белильцы, румянцы мои...». Халанский, № 53 (Соболевский, т. 2, № 452). Курская губ., Щигровский уезд.

«На горе калинушка стояла...». Снегирев, вып. 1, стр. 97 (Соболевский, т. 7, № 189). Костромская губ., Чухломский уезд.

«Как со вечера дождь, со полуночи мороз...». Вильбоа, № 38 (Соболевский, т. 7, № 176).

«Мой муж домой едет...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 189 (Соболевский, т. 7, № 184).

«А скажи-ка мне, жена...». Шейн, № 619. Рязанская губ., Зарайский уезд.

«Я поеду ль, я поеду ль...». Лаговский, стр. 43 (Соболевский, т. 3, № 544). Костромская губ., Галичский уезд. В обеих строфах каждое двустипие, кроме первого и последнего, повторяется.

«Обещался мещанин...». «Русский филологический вестник», 1880, № 2, стр. 292 (Соболевский, т. 7, № 113).

«Тетушка Арина по рыночку ходила...». Вологодский сборник, т. 4, стр. 363 (Соболевский, т. 7, № 109).

«Сижу я, млада...». Шейн, № 949. Тверская губ., Тверской уезд.

«Пошел козел в огород...». Новейший всеобщий и полный песенник, ч. 2. СПб., 1819, стр. 86 (Соболевский, т. 7,

№ 143). Через каждую строку припев: «Чигирики, чигирики, чига-чок, чигирок».

«Ты поди, моя коровушка, домой...». Новейший и полный российский общенародный песенник. М., 1810, стр. 173 (Соболевский, т. 7, № 136). Припев повторяется через каждые две строки.

«Все мужья до жен добры...». Рыбников, т. 3, стр. 155 (Соболевский, т. 7, № 140). Олонецкая губ., Петрозаводский уезд.

«Как у Ванюшки жена...». М. Семевский, № 28 (Соболевский, т. 7, № 129). Псковская губ., г. Торпец.

«Мой муженька, работяшенька...». Сидельников и Крупянская. Куйбышевская обл., Богатовский район, с. Виловатово. Сходный сюжет см. Соболевский, т. 3, № 188.

«Три родные сестрицы на улицу идут...». «Донская газета», 1876, № 99 (Соболевский, т. 7, № 756). Через каждую строку припев: «Ой диди, орпей, на улицу молодой».

«Невеличка птичка-пташечка...». Труды Ярославского губернского статистического комитета, вып. 1, стр. 11 (Соболевский, т. 2, № 356). Ярославская губ., г. Молога.

«По заре да по зорюшке...». Кохановская I, стр. 123 (Соболевский, т. 2, № 389). Курская губ.

«Ты пчела ли моя, пчелонька...». Гуляев, № 40—41 (Соболевский, т. 2, № 388). Сибирь.

«Лебедь мой, лебедек...». Кохановская I, стр. 124 (Соболевский, т. 2, № 430). Курская губ.

«Ах лужайка моя...». Чулков, ч. 3, Прибавление, стр. 778, № 91 (Соболевский, т. 2, № 315).

«Ах ты матушка родная...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 263 (Соболевский, т. 3, № 563). Терская обл., Грозненский окр., станица Ищерская.

«Выдала матушка за старого замуж меня...». Труды Ярославского губернского статистического комитета, вып. 1, стр. 17 (Соболевский, т. 7, № 587). Ярославская губ., г. Молога. Каждая вторая половина строки повторяется.

«Как на море волны бьют...». Записки Уральского общества любителей естествознания, т. 7, стр. 127 (Соболевский, т. 2, № 334). Пермская губ., Соликамский уезд. Вторая половина каждой строки повторяется.

«Вечор Дуню обманули...». Померанцева I, № 119. Башкирская АССР, Кигинский район, с. Куянай. Каждая строка повторяется.

«Сам толку...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1065. Песня значится как святочная, старой записи.

«На угорышке часовенка стояла...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1181. Архангельская губ., г. Холмогоры. Запись 1843 г. Исполняется так же, как свадебная. Перевод через речку означает перевод в замужество.

«Спится мне, младешенькой, дремлетя...». Шейн, № 833. Тверь, запись 1859 г. Нечетные строфы исполняются одиночным голосом, четные — хором. В последней строфе, по-видимому, не хватает двух строк.

«Не ель-сосна раззыбалася...». Шейн, № 639. Псковская губ., Великолуцкий уезд, с. Федорцово.

«Ой на улице воробышек попрядывает...». Терский сборник, вып. 1, стр. 113 (Соболевский, т. 2, № 144). Терская обл. Припев после каждой строки. *Кутить* — сплетничать, сеять раздоры.

«Уж вы кумушки мои, голубки!...». Шейн, № 1052. Симбирская губ., Буинский уезд, с. Серезнево. Ср. Соболевский, т. 2, № 433—438.

«Во горнице, во светлице...». Варенцов, стр. 106 (Соболевский, т. 2, № 540). Самарская губ.

«Как у наших у ворот...». Варенцов, стр. 115 (Соболевский, т. 2, № 515). Первые четыре строки показаны Варенцовым как повторяющиеся дважды.

«Скажу матушке...». Шейн, № 463. Новгородская губ., Валдайский уезд, дер. Гоголева. «При пении этой песни девушки составляют круг, а одна стоит в середине круга и представляет все то, что поется в песне» (Шейн). Ср. Соболевский, т. 2, № 524—537.

«Ты заря моя, ты заря вечерняя!...». Чулков—Новиков, ч. 4, стр. 85 (Соболевский, т. 2, № 632).

«Дрема дремлет, спати хочет...». Абрамычев, № 31 (Соболевский, т. 2, № 644). Вятская губ. Первая половина каждой строки, а также каждая строка целиком повторяются.

«Сею, вею бел леночек...». Записки Уральского общества любителей естествознания, т. 1, вып. 2, стр. 136 (Соболевский, т. 2, № 636). Пермская губ., Красноуфимский уезд. Первая полустрока и каждая строка в отдельности повторяются.

«Ходила калина...». Шейн, № 450. Псковская губ. Припев повторяется через каждые две строки.

«Хожу я, гуляю вокруг коровода...». Смирнов, стр. 101 (Соболевский, т. 7, № 505). Владимирская губ., Ковровский уезд. Припев после каждой строки.

«Ах, теща к обедне идет...». Чулков, ч. 3, № 164 (Соболевский, т. 7, № 192).

«По новой по роще...». Халанский II, стр. 57. Курская губ., Путивльский уезд.

«Ходили девушки по бережку...». Сахаров, Сказання, кн. 3, стр. 88 (Соболевский, т. 7, № 195).

«Ходила чечетка...». Шейн, № 923. Владимирская губ., г. Шуя.

«Было у тещи...». Шейн, № 922. Рязанская губ., Данковский уезд.

Бытовые шуточные и сатирические голосовые, хороводные, игровые и плясовые песни

«Я на горке стою...». Шейн, № 638. Вологодская губ. и уезд.

«Ходи изба, ходи сени...». Шейн, № 653. Тульская губ., Епифанский уезд, с. Муравленка.

«Ой, матушка, не могу...». Гуревич и Элиасов, № 160. БМ АССР, Баргузинский айгамак, с. Телятниково. Запись 1937 г.

«Я с комариком плясала...». Акимова, № 182. Саратовская обл., Хвалынский район, с. Ивановка. Пелась на свадьбах как плясовая. Ср. Соболевский, т. 7, № 157; Шейн, №№ 631, 633.

«Что задумал наш комаричек жениться...». Китайник, № 69. Свердловская обл., Сухоложский район, с. Курьи, Запись 1948 г.

«Велела мне мати...». Чулков—Новиков, ч. 4, стр. 174 (Соболевский, т. 7, № 466).

«Жила-была Дуня...». Новикова, стр. 327. Воронежская обл. Запись А. М. Новиковой в 1936 г. Припев повторяется через каждые две строки. Ср. Соболевский, т. 7, № 17—21.

«У меня квашня...». Китайник, № 58. Свердловская обл., г. Первоуральск. Запись 1947 г. Исполнялась во время инсценировки уральской свадьбы.

«Во городе во Ростове...». А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. 1. Пг., 1917, № 145. Вятская губ., Яранский уезд, с. Ижевское. Запись 1847 г. Ср. Соболевский, т. 7, № 1—15. *Рощица* — здесь: рожь.

«Я по келейке хожу, я черничку бужу...». «Отечественные записки», 1858, № 1, стр. 329 (Соболевский, т. 7, стр. 361). Из рукописного сборника XVIII века.

«Что во городе было во Казани...». Прач, № 128 (Соболевский, т. 7, № 337). После каждой строки припев с повторением предыдущей полустроки.

«На горе-то монастырь стоял...». Померанцева II, № 29. Ярославская обл., Угличский район, дер. Петряево. Запись 1956 г. Ср. Соболевский, т. 7, № 345 и сл.

«Жил-был старец один-наедине...». Якушкин, стр. 457 (Соболевский, т. 7, № 336). Орловская губ., Малоархангельский уезд.

«Скажи, скажи, воробышек...». Можаровский, стр. 75 (Соболевский, т. 7, № 580). Казанская губ. Каждая строка ответа повторяется.

Детские песни

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

«Кот на печи...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1106.

«У кота, кота...». Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 1104.

«А баю-баю-баю...». Шейн, № 18. Тула.

«Баю-баю за зыбою...». Шейн, № 5. Москва.

«Баюшки-баю...». Гуревич и Элиасов, № 1951, БМ АССР, Баргузинский айгамак, с. Горячинск.

«Бай-бай да люли...». Шейн, № 31. Рязанская губ., Зарайский уезд, с. Жолчино.

ПОТЯГУШКИ И ПОТЕШКИ

«Потягунушки, потягунушки!..». Шейн, № 33. Тульская губ. Исполняется, когда проснувшийся младенец потягивается. *Фатунушки* — от глагола «хватать».

«Идет коза рогатая...». Шейн, № 58. Тула.

«Ах ты деточка...». Шейн, № 38.

ПЕСНИ ДЕТЕЙ

«Куколка, куколка...». Шейн, № 222. Тверская губ.

«Пегушка пегая...». Шейн, № 203.

«Улита, улита...». Шейн, № 149. Владимирская губ.

«Кисанька! где была?...». Шейн, № 63. Рязанская губ.

«Стучит-брячит на улице...». Шейн, № 104, Новгородская губ., г. Старая Русса.

ПЕСНИ БУРЛАКОВ И О БУРЛАКАХ

«Ой-ё-ёй...». М. Горький. О сказках. Впервые — «Правда», 1935, № 29, 30 января («О литературе», М., 1953, стр. 760). Горький слышал песню не непосредственно от бурлаков, а от двух старух в детстве. Следует предположить, что песню пел «дядя» (то есть старшина артели) и что под песню шагали. Песня обычно печатается следующим образом:

Ой-ё-ёй, ой-ё-ёй,
 Дует ветер верховой
 Мы иде-о-ом босы, голодны
 Каменьё-о-ом ноги порваны
 И т. д.

Мы предлагаем иной способ передачи, лучше отражающий ритмическую структуру (ритм шага) и звучание (рифмовка). Хотя ритм не везде соблюден точно, певички все же в целом хорошо запомнили песню, как хорошо запомнил ее и Горький, и характер ее как бурлацкой рабочей песни вполне ясен.

«Дубина, дубинушка...». Тонков, стр. 71, № 17. Записано от донских бурлаков. Относительно «зеленой дубины» см. вступительную статью, стр. 33.

«Во всю ночь мы темную...». Мельгунов, вып. 1, стр. 59. *Дядя* — здесь: старшина артели.

«Эй ухнем! Эй ухнем!..». Балакирев, № 36, примечание. Нижний Новгород. Балакирев записал: «Разовьем мы березу! Разовьем мы кудряву!» Слова эти попали в бурлацкую песню из семицкой, на что обратил внимание Горький. Первоначальный текст установлен Е. В. Гиппиусом по печатным источникам 50-х годов. См.: Балакирев, стр. 101, примечание Е. В. Гиппиуса.

«И-эх-ма, бра-атцы, дюже жарко..». А. М. Горький, «Коновалов».

«Волга матушка река..». Акимова, № 66(2). Отрывок записан на пристани в Саратове.

«Ой лю-ли! Ой лю-ли!..». «Воронежская беседа» на 1861 г., стр. 121. При пении первых двух строк брались за веревку, затем ее натягивали, при третьем возгласе «подернем» тянули все разом.

«Ой ребята, плохо дело!..». Андреев, стр. 44.

«Да вы, ребята, бери дружно!..». Линева 1, стр. 62, № 18. Нижний Новгород. Записано от артели крючников из Симбирской губ. Первая строка каждого куплета поется запевалой, остальные хором.

«Поутру-то было раным-рано..». Чулков, ч. 1, № 165 (Соболевский, т. 6, стр. 569).

«Не пора ли нам, братцы-ребятушки..». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2638.

«Перед нашими вороты..». Чулков, ч. 1, № 188.

«Вольная птичка-пташечка, перепелочка..». Чулков, ч. 2, № 174 (Соболевский, т. 2, № 396).

«Мне не жаль-то платка, платка алого..». Акимова, № 64. Саратовская обл., Хвалынский район, с. Елшанка. Запись 1920 г. от хора девушек. Ср. Соболевский, т. 5, № 165.

РАЗБОЙНИЧЬИ ПЕСНИ

«Вниз по матушке по Волге..». Лопатин и Прокунин, № 47. Тамбовская губ., Моршанский уезд, с. Сосновка. Ср. Соболевский, т. 2, № 552. Песня обычно имеет продолжение: гребцы подъезжают к берегу, их встречает девушка. В народной драме «Лодка» эту песню поют разбойники. См. вступительную статью, стр. 35.

«Что пониже было города Саратова...». Киреевский, т. 7, стр. 149. Сходные песни существуют об убийстве князей Карамышева, Репнина, Гагарина, Голицына. См. вступительную статью, стр. 35.

«Ах доселева усов и слыхом не слыхать...». Кирша Данилов, № 64 (Соболевский, т. 6, № 453). См. вступительную статью, стр. 36. *Гришка Мурышка*, по-видимому, историческое лицо. В грамоте царя Алексея 1645 г. о борьбе с разбоем упоминается о Гришке и Васке Мурышкиных, разбойничавших около Костромы и других городов. *Кораблики* — теплые продолговатые меховые шапки. *Смурые* кафтаны — кафтаны из крестьянского некрашеного сукна. *Золотые плетни* — завязки. *И тот с борку, иной с борку* — то же, что «с бору по сосенке», смысл: со всех сторон; *избушка принабуркалась* — скомороший глагольный неологизм к выражению «с борку». *Холоденушка* — название лягушки, которая, по суеверному обычаю, опускалась в молоко, чтобы оно некисло. *Заслон* — деревянный щит, которым закрывали устье печи.

«Хороша наша деревня...». Васнецов, стр. 128. Ср. Соболевский, т. 6, №№ 449—453.

«Не шуми, мати зеленая дубровушка...». Чулков, ч. 1, № 13 (Соболевский, т. 6, № 424). См. вступительную статью, стр. 36.

«Не леса шумят...». Саратовский сборник, т. 1. Саратов, 1881, стр. 263 (Соболевский, т. 6, № 392). Саратовская губ., Аткарский уезд.

«Как светил да светил месяц во полночи...». Варенцов, стр. 232 (Соболевский, т. 6, № 398). Самарская губ.

«Ты взойди-ка, красно солнышко...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2480. Симбирская губ. Ср. Соболевский, т. 6, № 404. *Косная лодочка* — легкая, для переездов, не для промыслов.

«Сирота ли, сирота ты, сиротушка...». «Современник», 1861, № 5, стр. 193 (Соболевский, т. 6, № 393). Орловская губ. *Игла* — метафора; подразумевается дубина или палка.

«Сиротка ты, сироточка, сиротинушка горькая...». Мордовцева и Костомаров, стр. 76 (Соболевский, т. 6, № 394).

«Вы леса мои, лесочки, леса темные!...». Саратовский, сборник, т. 1, Саратов, 1881, стр. 265 (Соболевский, т. 6, № 402). Саратовская губ., Аткарский уезд.

«Как бывало мне, ясну соколу, да времечко...». Мордовцева и Костомаров, стр. 77 (Соболевский, т. 6, № 480). Саратовская губ.

«Ты воспой, воспой, млад жавороночек...». Чулков, ч. 1, № 136 (Соболевский, т. 6, № 485).

«Ты не пой-ка, не пой, млад жавороночек...». Максимов, стр. 392. Ср. Соболевский, т. 6, №№ 485—494.

«Ах ты душечка, жена моя молодая...». Чулков, ч. 3, № 63 (Соболевский, т. 7, № 495).

«Добры мблодцы все на волюшке живут...». Варенцов, стр. 235 (Соболевский, т. 6, № 626). Самарская губ. *Победушка* — здесь: беда.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

«Как со вечера кочета поют...». Варенцов, стр. 196 (Соболевский, т. 6, № 125). Самарская губ. У Варенцова первая строка, по-видимому, содержит опечатку: «Как со вечера ночи-то поют». *Охотнички* — здесь: добровольцы.

«Расхороша наша барыня...». Акимова, № 32. Саратовская обл., Балтайский район, дер. Апрянино. Запись 1926 г.

«Ох ты пей-ка, моя головушка, прохладися...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2787.

«У отца было, у матери три сына любимых...». Варенцов, стр. 189 (Соболевский, т. 6, № 82). Самарская губ.

«У мужика было богатого...». Якушкин, стр. 555 (Соболевский, т. 6, № 87).

«Попила-то моя буйная головушка, попила, погуляла...». Леопольдов, стр. 76 (Соболевский, т. 6, № 50). Саратовская губ.

«Не белы снеги во чистом поле...». Кашин, кн. 1, № 21 (Соболевский, т. 6, № 14). Первая половина четных строк повторяется.

«Уж вы ветры мои, ветерочки...». Леопольдов, стр. 78 (Соболевский, т. 6, № 23). Саратовская губ.

«Наша пыльная дороженька...». Новикова, стр. 124. Калужская обл. Запись 1956 г. *Кудельки* — кудри.

«Всю ночь не спал, всё ходил да гулял...». Савельев, стр. 150 (Соболевский, т. 6, № 44). Донская обл.

«Не кукушечка во сыром бору куковала...». Новейший и полный российский общенародный песенник. М., 1810. стр. 124 (Соболевский, т. 6, № 70).

«Как отдал меня батюшка замуж...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2631.

«По горам-горам...». Максимов, т. 1, стр. 403.

«Уж ты воля, моя воля...». Тонков, № 11. Воронежская губ., Нижнедевицкий уезд, с. Истобное.

«Вдоль по Питерской широкой по дорожке...». М. Картыков. Русские песни. Вологда, 1922, № 29.

«Сторона ль ты моя, сторонushка...». Чулков, ч. 3, № 167 (Соболевский, т. 6, № 176).

«Породила да меня матушка...». Киреевский, Нов. сер. вып. 2, ч. 2, № 2806.

«Ночи мои темные, вечера веселые!...». Варенцов, стр. 184 (Соболевский, т. 6, № 232). Самарская губ.

«Шел детинushка дорогою...». «Новгородские губернские ведомости», 1876, № 37 (Соболевский, т. 6, № 186). Новгородская губ.

«На заре было, братцы, на зорюшке...». Фольклор Дона и Кубани, стр. 79. Станица Белореченская, колхоз «Красный огородник». Запись 1937 г.

«Ах далече-далече, в чистом поле...». Чулков, ч. 1, № 133 (Соболевский, т. 6, № 218).

«Как далече-далеченько, во чистом полé...». Киреевский, вып. 9, стр. 153. Оренбургская губ.

«Уж ты зимушка-зима...». Лопатин и Прокунин, № 103 (Соболевский, т. 6, № 165). Последние четыре строки были прибавлены старым солдатом. Соболевский их не поместил.

«Еще слушай же, родитель моя матушка...». Барсов, ч. 2, стр. 220—221. Отрывок из рекрутского причитания плакальщицы Ирины Федосовой. См. вступительную статью, стр. 37.

«В чистом поле стояло тут дерево...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 90. Симбирская губ., Симбирский уезд, с. Архангельское. В строках «Наши жены — ружья заряжены» и «Наши дети — ложки полужены» у Киреевского отсутствуют слова «ружья» и «ложки». Восстановлены по вариантам.

«Полно, белые снежочки...». Пономарев, стр. 45. Приуралье.

«Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались...». Филиппов, № 10 (Соболевский, т. 6, № 384).

«По дорожечке было по широкой...». Леонтьев, № 18. Печорский край, дер. Голубково. Запись 1938 г.

«Не беленькая березонька к земле клонится...». Записки Уральского общества любителей естествознания, т. 7, стр. 124 (Соболевский, т. 6, № 192). Пермская губ., Соликамский уезд.

«Из-за лесу было, лесу темного...». Фольклор Дона и Кубани, стр. 57. Донская обл., станица Цымлянская. Запись 1937 г. *Неравнинушки* — недоростки, невыравнившиеся.

«Как сказали сырому дубочку...». Акимова, № 101. Саратовская обл., Сердобский район, с. Софьино. Запись 1938 г.

«По сырой земле туман стелется...». Фольклор Дона и Кубани, стр. 54. Кубанская обл., станица Апшеронская. Запись 1937 г. на колхозном базаре.

«Из-за леса, леса темного...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2717.

«Чем-то наша славная земелюшка распыхана?». Пивоваров, стр. 108 (Соболевский, т. 6, № 3). Донская обл.

«И на страженьице солдаты побывали...». Барсов, ч. 2, стр. 206. Отрывок из рекрутского причитания плакальщицы Ирины Федосовой. См. вступительную статью, стр. 37.

«Что победные головушки солдатские...». Чулков, ч. 3, № 81 (Соболевский, т. 6, № 145).

«Не черная черница зачернелась...». Пивоваров, стр. 135 (Соболевский, т. 6, № 334). Донская обл. *Черница* — здесь: черное пятно, чернота.

«А вскрикнули да два лебедя...». Халанский II, № 7 (Соболевский, т. 6, № 210). Курская губ., Путивльский уезд.

«Как бежал-то, бежал молодой невольник...». Мякутин, т. 2, стр. 88. Оренбургская губ.

«Мне, матушка, тошнехонько...». Сборник материалов для описания... Кавказа, вып. 15, стр. 201 (Соболевский, т. 6, № 278). Терская обл.

«Как у ключика было у текучего...». Мякутин, т. 2, стр. 58. Оренбургская губ.

«Не травушка, не ковылушка...». Кравченко, № 112. Донская обл. *Кровь цевкой течет* — течет непрерывной струей.

«Во поле елочка стоит...». Акимова, № 46. Саратовская обл., Ново-Бурасский район, с. Кутьино. Запись 1923 г.

«Край дорожки, край широкия было, московской...». Киреевский, вып. 2, ч. 1, № 1263. Архангельская губ., г. Мезень.

«Уж ты поле мое, поле чистое...». Балакирев, № 25. Нижний Новгород. Ср. Соболевский, т. 1, № 385—392.

«Во поле ветер веет...». Бирюков I, № 27. Урал.

ПЕСНИ ТЮРЬМЫ, КАТОРГИ И ССЫЛКИ

«Куда идти печаль нести?..». «Ярославские губернские ведомости», 1870, № 42 (Соболевский, т. 5, № 28). Ярославская губ., Пошехонский уезд.

«Ах, что ж ты, мой сизый голубчик...». Кашин, кн. 1, № 18 (Соболевский, т. 6, № 501).

«Ты злодейка да злокоманка, змея лютая!..». Соболевский, т. 6, № 461. Извлечено Соболевским из рукописного сборника XVIII века. Каждая строка повторяется.

«Да горы мои, горы Зауральские...». Бирюков I, стр. 300. Урал. Записано от уроженца Нижне-Сергинского завода.

«Седина ль моя, сединушка...». «Финский вестник», 1847, № 7, смесь, стр. 24 (Соболевский, т. 6, № 12). Сибирь. С. Максимов в книге «Сибирь и каторга» (1871, стр. 272) сообщает, что слышал эту песню в тюрьмах от каторжных.

«Уж ты молодость, ты наша молодецкая...». Леонтьев, № 45. Печорский край, дер. Омы. Запись 1936 г. Современный вариант предыдущей песни. Начало песни встречается также в любовных песнях. Ср. Соболевский, т. 3, № 517—519.

«Не дáлече было вот, было далéче...». Панкратов, стр. 44.

«Славен, славен Белорецкий наш завод...». Гусев, № 55. Южный Урал, Белорецк. Запись 1947 г.

«Не былинущка в чистом поле зашаталася...». Чулков, ч. 2, № 148 (Соболевский, т. 6, № 395).

«При долинушке...». Максимов, т. 1, стр. 387.

«Бывало у соколика времечко...». Максимов, т. 1, стр. 109.

«Во заводе парень жил...». Зайцев, стр. 138. Южный Урал.

«Голова-то моя ль удалая...». Акимова, № 173. Саратовская обл., Сердобский район, с. Софьино. Запись 1938 г.

«Мы заочно, братцы, распростимся...». Мордовцев, стр. 190 (Соболевский, т. 6, № 531). Поволжье. *Треба* — здесь: требование, приказ.

«Вы бродяги, вы бродяги...». Максимов, т. 1, стр. 426. Сибирь. Ср. Соболевский, т. 6, № 535. Ср. ниже: Рабочие песни, стр. 489. *Инвалидные* — надзиратели (из инвалидной команды).

«Солнце всходит и заходит...». Новикова, стр. 433, Тульская обл. Запись А. М. Новиковой в 1919 г. После первых постановок пьесы Горького «На дне» песня стала всенародной, дала многочисленные варианты. Особенно широко пелась в 1905 г. Об авторстве Горького см.: Н. К. Пиксанов. Горький-поэт. Л., 1940, стр. 190.

ПЕСНИ РАБОЧИХ

«Близко-близко городочка...». Новый российский песенник, ч. 3. СПб., 1791, стр. 33 (Соболевский, т. 6, № 553). Песня, по-видимому, состоит из двух. Однако такое же соединение имеется и в других известных нам вариантах (Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1584). *Набирать наборы* — подбирать наборы рисунков (в ткацком деле). О песне в целом см. вступительную статью, стр. 62.

«Бессчастливая девушка я на свете рождена...». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1577. Московская губ., Звенигородский уезд, с. Ильинское.

«На разбор нас посылают...». В. Семевский. Из истории обязательного горного труда. — «Сибирский сборник», т. 2, вып. 1—2. Иркутск, 1897, стр. 47—49. Перепечатано с некоторыми поправками в его книге «Рабочие на сибирских золотых промыслах». Историческое исследование, т. 1. СПб., 1898, стр. 286. Семевский в обоих изданиях называет песню «ненапечатанной», но источника

своего не указывает. *На разбор* — на разборку руды. *Бельмесово* — деревня в 12 верстах от Барнаула; *Шадрино* — деревня в 24 верстах от Барнаула; *Саушка* — деревня Бийского округа, в 12 верстах от Змеиногорского рудника. *Змеев золотой рудник* — Змеиногорский рудник. *Некошной нарядчик* — нарядчик, не состоящий на казенных харчах (кошт), тогда как рабочие получали скудный паек от казны. *Шары уставит* — вытаращит глаза. О песне в целом см. вступительную статью, стр. 63.

«О, се горные работы!..». «Томские губернские ведомости», часть неофициальная, 1865, № 17/18, стр. 7. Записано Е. Парамоновым в Змеиногорске от бывшего змеиногорского мастерового. Никаких других данных о песне публикация не содержит. *Шпурик* — от *шпур*, углубление или отверстие в шахтной печи для выпуска плава; спуск. *Правдин* — бывший уставщик. *Болотки* — шесты для помешивания. *Фонталы* — желоба или трубы, по которым пускается вода для промывки.

«Наши горные работы...». Блюммер, стр. 105. Песня представляет собой вариант предыдущей и подтверждает ее подлинность. *Разделаться с урком* — т. е. с урком, дневным заданием.

«Как ударит часов пять...». Блюммер, стр. 123. В песне упоминаются подземная и открытая добыча руды, производство древесного угля в лесу («деревья ожигать») и откачка воды. Песня напечатана Блюммером как самостоятельная, но сравнение ее с песней «О, се горные работы» и с предыдущей песней показывает, что данный текст, по-видимому, представляет собой вариант второй половины предыдущей песни. *Частный* — надзиратель из вольнонаемных.

«Благослови, сударь хозяин...». Бирюков I, стр. 273. Записано в 1936 г. на вокзале в Свердловске от старушки 78 лет. Наиболее ранняя запись этой песни относится к XVIII веку. Песня сохранила память о горнозаводчиках богачах Демидовых, получивших концессию при Петре I.

«Отошла зима с морозом...». А. Н. Лозанова. Фабрично-заводские песни крепостной России. — «Литературная учебка», № 7—8, 1935, стр. 174. Урал. Хотя песня записана в конце XIX века, она рисует жизнь горнорабочих более раннего времени. *Мы лишились всех угроз* — с наступлением весны избавились от опасностей, подстерегающих беглецов в зимнее время. *Зеленый сад пройти* — быть прогнанным сквозь строй.

«Вы леса ль мои, лесочки, леса мои темные!..». Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1578. Московская губ., Звенигородский уезд, дер. Воронки. *Главные хозяева Грача Скарноухова* — Грачевы и Карнауховы, крупные владельцы подмосковной мануфактуры конца XVIII начала XIX века. Запись сделана в на-

чале 30-х годов. Текст производит впечатление незаконченного: ответа рабочих нет. В. Сидельников в брошюре «О критическом отборе фольклорного наследия» к тексту данной песни прибавил 6 строк, в которых рабочие сулят хозяину веревку. Подлинность этих строк сомнительна, паспортные данные неопределенны.

«Я такой был раскрасавчик...». Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892, № 21 (Соболевский, т. 6, № 550). Рязанская губ. Песня обозначена как плясовая. О песне в целом см. вступительную статью, стр. 65.

«Жисть наша нелегкая...». Астахова и Ширяева, стр. 203. Записано на фабрике «1 мая» в Ленинграде. Песня была популярна на фабрике перед революцией.

«Лет семнадцати мальчишка...». В. Александров. Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы. — «Современник», 1864, № 7, стр. 172 (Соболевский, т. 6, № 552). После каждого двух строк припев: «Ай люли, ай люли», с повторением предыдущей строки. О песне в целом см. вступительную статью, стр. 65.

«Уж как зимонька-зима...». Самарин, стр. 155. Урал. Запись 1935 г.

«Кому воля, кому неволя...». Огиевский, стр. 25.

«Мой-ет миленький...». Пономарев, стр. 44. Приуралье. Песня представляет собой переработку старой солдатской песни с применением ее к быту рабочих. *На чолушке* — на челе.

«Слава богу, наш хозяин...». Магнитский, № 72 (Соболевский, т. 6, № 562). Казанская губ., Чебоксарский уезд, с. Беловолжское. В пятой строке снизу при пении проставляется фамилия хозяина, у которого будто бы живет лучше. Припев повторяется через каждые две строки.

«Мы по собственной охоте...». С. Турбин. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. СПб., 1879, стр. 169. Автор слышал песню в кабаке от приисковых рабочих в Томске, пришедших с заработков. Он прибавляет: «Приводя ее, я ожидаю обвинений в сочинительстве, но даю честное слово, что она не выдуманная, хотя нет сомнения, что в составлении участвовали сильно грамотные личности, а их на приисках не занимать стать». Первые три куплета, пропеты в кабаке, представляют собой другую, кабацкую, песню, и здесь не приводятся.

«Во прийских лето жили...». Бирюков I, стр. 274. Свердловск. *Бисертская дорожка* — сибирский тракт. Бисерть —

река на Урале, на которой находились Бисертские платиновые и золотые прииски графа Шувалова.

«Загудел гудок на пять...». Ионов, стр. 26. Ростовская обл., Шахтинский район. *Клеточка* — подвесная площадка для спуска в шахту и подъема из нее людей и грузов. *Камера* — горная выработка, предназначенная для стационарных установок (насосная, трансформаторная и пр.).

«Ой на горе на крутой...». Огиевский, стр. 25.

«Ай да вы заводы...». Блинова, стр. 220, № 4. Челябинская обл., г. Катаз-Ивановск. Запись 1935 г.

«Нет, ребяташки, трудней...». М. Друскин. Революционные песни 1905 года. Л., 1936, стр. 18. *Ствол* — скважина, колодец, соединяющий подземные выработки с поверхностью земли.

«Что шахтерска жизнь проклята...». «Русские ведомости», 1889, № 110. Новые народные песни. Запись Г. И. Успенского.

«Лето красное проходит...». «Русские ведомости», 1888, № 21 (Соболевский, т. 6, № 563). Московский уезд. После каждых двух строк припев: «Ай ли, катый ли, покатывай, катый», с повторением предшествующей строки.

«Распроклятый наш завод...». Гусев, № 53. Южный Урал, г. Белорецк. Запись 1946 г. Отдельные четверостишия этой песни известны как частушки. См.: Г. Белорецкий. Заводская поэзия. — «Русское богатство», 1902, № 12, стр. 41. Песня частично перекликается с предыдущей песней.

«Белорецкий завод славный...». Там же, стр. 43.

«Мужики вы, мужики...». Бирюков I, стр. 281. Песня записана в Октябрьском поселке города Свердловска от старика 67 лет, который слышал ее в 1909-1910 гг. в Кизеле. Песня аналогична антикрепостническим песням о споре крестьян с дворовыми.

«Как на свете живется...». Блинова, стр. 223. Песня была распространена среди рабочих золотых приисков Урала.

«Кто на Охте не жывал...». Астахова и Ширяева, стр. 202. Запись произведена на заводе «1 Мая» в Ленинграде. По словам работниц, эта песня исполнялась также в начале 1900-х годов на фабрике Штигилица (им. Халтурина). Переработка солдатской песни «А кто не был за Дунаем, тот горя не знает» («Вы солдаты молодые, отчего вы худы, бледны?» — «Оттого мы худы

бледны, завсегда в походе, в казенной работе»). *Охта* — одна из окраин Ленинграда на правом берегу Невы.

«Как вечернею порою...». Самарин, стр. 161. Свердловская обл., Алапаевка. Запись 1930 г. от рабочих металлургического завода. По мнению собирателя, песня сложена в 1900-х годах.

«Сипло заводский гудок завывает...». Песни и сказки на Онежском заводе, стр. 27. *Александровский завод* — старое название Онежского чугуноплавильного завода в Петрозаводске.

«Как на фабрике у Чешера...». «Вестник работниц и рабочих волокнистых производств», 1907, № 1; 7 февр., стр. 16. *Чешер* — владелец фабрики, иностранец. *Алфавит* — картотека на рабочих, куда заносились все сведения о них. *Русский человек* — член черносотенной партии «истинно русских людей».

«На Нижнетагильском заводе...». Кашеваров и К. В. Боголюбов, стр. 17—19 (См. также: Ю. А. Самарин. Песни уральских рабочих. — «Литературный критик», 1935, кн. 10, стр. 150—178, где та же запись опубликована самим собирателем, но частично в менее исправном виде — с пропуском четырех строк и т. д.). Записавший эту песню Ю. А. Самарин сообщает, что песня записана в 1930 г. от рабочего Нижнетагильского завода 54-х лет. Пел он песню на мотив, близкий к «По диким степям Забайкалья». Он и другие рабочие говорили, что эту песню сложил политический ссыльный в 1907 г. Песня передает действительные события (см. вступительную статью, стр. 66). *Павлуха* — прозвище хозяина завода, Демидова-Сан Донато, одного из потомков заводчиков Демидовых XVIII века (умер в 1908 г.). Артельщик *Важгин* — действительно существовавшее лицо.

«Эх, и прост же ты, рабочий человек...». Песни и сказки на Онежском заводе, стр. 73. См. вступительную статью, стр. 66. Текст извлечен из архива Олонецкого губернского жандармского управления.

«Как четвертого числа...». Песня записана на Обуховском заводе, ныне «Большевик». «Пролетарские поэты», т. 1, стр. 339—340. О песне в целом см. вступительную статью, стр. 67. *Фараоны* — полицейские. *Клейгельс* — петербургский градоначальник, возглавлявший разгон демонстрации. *Почтенный* — купец.

«Нагайка ты, нагайка...». Быстров и Новиков, № 128. Кострома. Песня была распространена среди ивановских рабочих. Она отражает настроения рабочих накануне революции 1905 г. и во время этой революции.

«Не трава в степи колышется...». Опубликовано в народническом органе «Вперед», 1876, № 33. Стихотворение неизвестного рабочего, ставшее популярной песней. Перепечатано в сборнике «Революционная поэзия», 1954, т. 1, стр. 7.

«Полиция к порядку штыком призывает...». Чичеров I, стр. 178. Записано в Москве 23 февраля 1935 г.

«Братцы, гонят нас далеко...». Андреев, стр. 569. Из архива завода «Большевик», где эта песня была распространена в рабочей среде. Солдатская песня русско-японской войны.

«Эх ты зимушка-зима...». Бирюков П. Алексеев — генерал-адъютант, бывший наместник Дальнего Востока. Ялу — река, на которой по приказанию Алексеева рубился лес, не принадлежавший России. Старк — один из неудачливых морских командиров. Генерал Куропаткин — командующий маньчжурской армией; во время следования на Дальний Восток в крупных городах принимал дворянские и купеческие делегации, которые напутствовали его поднесением икон. Столь добро пошло на дно — имеется в виду гибель адмирала Макарова и художника Верещагина на «Петропавловске». Всплыл известный всем Кирилл. При гибели «Петропавловска» спасся великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат Николая II, известный распутным образом жизни. Серафим Саровский — святой, мощи которого были открыты в 1903 г., чтобы оживить падающий в народе интерес к религии.

«Стреляй, солдат, в кого велят...». А. Л. Дымшиц. Дооктябрьский рабочий фольклор. — «Литературная учеба», 1936, № 1, стр. 142. Ярославль. Записано в 1933 г. от рабочих-текстильщиков.

«Братцы! Дружно песню грянем...». «Голос солдата», 1905, № 2, 23 декабря, стр. 4 (издание военной организации при Рижском Комитете РСДРП). Перепечатана в сборнике «Пролетарские поэты», т. 1, стр. 369. Является переработкой более старой солдатской песни 60-х годов, содержащей отказ стрелять в поляков («Солдатские песни», Лондон, 1862, стр. 18).

«От павших твердынь Порт-Артура...». Акимова, № 174. Саратовская обл., Ртищевский район, с. Потьма. Записано в 1937 г. Народная переделка стихотворения Щепкиной-Куперник. Стихотворение широко проникло в фольклор; известно несколько различных записей, сделанных в советское время и раньше. См. вступительную статью, стр. 67.

«Дело было в Петербурге...». Андреев, стр. 571. Рукописное хранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом). Гор. Пушкин, Ленинградской обл. Запись 1934 г. Песня

создана под влиянием солдатской песни нефольклорного происхождения:

Дело было под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра.

(См., например, Кравчинская и Ширяева, № 124). См. вступительную статью, стр. 67.

«Эх ты Дума-Думушка...». Бирюков II, стр. 63. Урал, с. Чудновское. Записано 20 октября 1939 г. от крестьянина, заучившего эту песню, когда подвергался преследованиям за участие в революционном движении.

«Царь гуляет, тризну правит...». Фольклор Дона и Кубани, стр. 158. Гор. Шахты, шахта им. Артема. Записано в 1936 г. Песня может относиться как к русско-японской войне, так и к войне 1914—1917 гг. Она отражает растущие революционные настроения солдат и крушение царистских иллюзий.

«Славься, славься, царь Николай!...». Быстрова и Новиков, стр. 208. Из листовки 1905 г. Пародия на финал оперы «Иван Сусанин», до революции называвшейся «Жизнь за царя» и кончавшейся хором «Славься, славься, наш русский царь, господом данный нам царь-государь» и т. д.

«Боже, царя сгнои!...». Чичеров II, стр. 189. Записано в Москве, в 1935 г., в обществе старых большевиков. Пародия на официальный царский гимн России Жуковского «Боже, царя храни».

«Уж ты горе мое, горе...». Акимова, № 175. Саратовская обл., Хвалынский район, с. Черемшаны. Записано в 1920 г. По словам певца, песня принесена с фронта во время войны 1914—1917 гг. Возможно, что она создавалась в период революции 1905 г. и вновь ожила в период 1914—1917 гг.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ, АРХАНЧЕСКИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Алтышек — алтын, монета в три копейки.

Баско — красиво, нарядно, щеголевато.

Без навиду — ничего не видя, потеряв на время зрение.

Белета — белизна.

Бергама, бергамт — контора, ведающая горными разработками.

Бердо — гребень на ткацком станке.

Бердыш — алебарда, широкий топор, насаженный на копье.

Бешмет — стеганный татарский кафтан.

Близна — орех при тканье: рубец, две нитки, пущенные вместо одной.

Ботник — долбленая лодка.

Браный полог — узорчатый.

Бродни — вид обуви с завязками (сиб.).

Брусчатая лавочка — брус, использованный в качестве лавочки, скамейки.

Вельми — очень.

Верей — столб, на который навешиваются ворота; крюки или деревянные кладина на воротах.

Весёлко — мешалка для теста, кваса и пр.

Взварец — зварец, жидкое кушанье, похлебка.

Вица — прут, длинная ветка, хлыст.

Вожеватый — гостеприимный и любящий бывать в гостях.

Волянка — примитивный музыкальный инструмент, состоящий из пузыря или козьего бурдюка, надутого воздухом, в который вставлена дудка. Пузырь берут под мышку и выдавливают воздух нажатием, по дудке перебирают пальцами.

Гербовая бумага — бумага с изображением государственного герба и указанием ее стоимости в знак уплоченного гербового сбора при прошениях и пр.

Головастые лапти — лапти с большим носком.

Даси — дашь.

Деделёчек — деделё, растение борщевник.

Донце — дощечка, на которую садится пряжа, втыкая в нее же гребень или кудель.

Дробные детушки — малые дети.

Дуранда — жмых, отжимки зерна с шелухой или скорлупой после отжатия масла.

Жаровая сосна — красно-желтая.

Жирушка — жизнь.

Заваленка — свалка, куча мусору.

Закром — засек, сусек, отсек для зерна в житнице.

Запоручить — обручить.

Зыба — колыбель, люлька.

Зыбиться — качаться, дрожать.

Игумен — настоятель монастыря.

Ирניים — ревניים.

Камка — шелковая ткань с разводами.

Канаватный — из конопли.

Кветочки — цветочки.

Кика — головной убор замужних женщин.

Китайка — бумажная ткань желтого цвета, вывозившаяся из Китая.

Кодочиг — кочедык, лапотно кривое шило.

Кокошник — женский головной убор в виде полукруглого щита или веера вокруг головы; кокошник-рогач — разновидность кокошника с отростами.

Кóмонь — конь.

Коноват — легкая восточная шелковая ткань.

Корец — ковш для черпанья воды.

Корона — венец.

Косивчатое, косячатое окно — окно с косяками, в противоположность простому, прорубленному окну.

Кудель, кужель — вычесанный и перевязанный пучок льна или пеньки, изготовленный для пряжи.

Кукóбница, куковница — бережливая хозяйка, домодержательница.

Кукомоя — неряха, чумичка, неумываха.

Кункин — прилагательное от куна, куница.

Кура́ — курящийся вдали дым.

Кутний — угловой.

Лавица — лавочка, скамейка.

Ломы — ломливые поступки или повадки, ломанье.

Лузь — прогалина в лесу; обычно употребляется во множественном числе («во лузях»).

Лытка — нога, нижняя часть.

Манатеичка — манатья, мантия монаха.

Меженний — летний, находящийся в зените.

Муравчатый — мелкокрапчатый.

Надзола — печаль, досада.

Намучают — клевещут, наводят муть.

Напрёкучить — наскучить, надоесть.
Напыльник — место, куда из печки высыпается зола.
Насад — речное судно с высокими бортами.

Оборки — опорки, рваные остатки обуви.
Обстрочить — отсрочить, отложить.
Омёт — стог.

Пáруша — баня с паром.
Пельчатый — отвислый.
Пёстер — плетенный из бересты короб для ягод, грибов и т. д.
Подбородник — лезвие топора.
Поезжане — лица, сопровождающие поезд жениха.
Полудружье — помощник дружки на свадьбах.
Понизовый — находящийся на нижнем течении реки.
Порóша — снег в безветрие, падающий ровно.
Портянки — онучи, обмотки для ног под обувь и выше.
Прибоинка — убоина, мясные блюда.
Притворный столб — для одностворчатых ворот столб с затвором.
Прищивиться — плотно пристать к чему-нибудь (прищивить — приколоть иголкой).
Пукетовый — расписанный цветами.
Путевая коса — хорошая, изрядная.

Раззыбаться — раскаться.
Размыряться — рассеяться.
Расшива — большое парусное плоскодонное судно.
Роспитать — расспрашивать (укр.).
Рóтиться — ратиться, клясться, божиться.

Самара — долгополая одежда.
Саян — распашной сарафан.
Сгибень — пирог, согнутый вдвое.
Силянй — сделанный из конского волоса (силó — хвостовой волос).
Складенники — сложившиеся для общей работы.
Скрипица — скрипка.
Слега́ — жердь, которую кладут под кровлю из соломы, драни или теса в качестве подпорки.
Сочить — искать, отыскивать.
Станливая — рано встающая.
Стопцы — стопки, небольшие стаканы для вина.
Струг — речное судно типа барки, парусное или на веслах; *струговая работа* — постройка этих судов.
Студенца́ — свежая холодная вода.
Судница — посудница, полка для посуды.
Сўпрядка — посиделки, собрание девушек и женщин для совместного пряжения и для веселья.
Сусек — отсек или ларь в амбаре, где хранится зерно.
Схожо — будто.

Танóк — хоровод, пляски, игры под пение.
Тафта́ — гладкая шелковая ткань.
Торная дорожка — проложенная, укатанная.

Тороватый — ласковый, обходительный, щедрый.

Торóка — ременная плетенка позади седла для поклажи.

Треложить — тревожить, будить, нарушать покой.

Тысяцкий — крестный жениха или невесты, почетный гость на свадьбе.

Уварахтаться — вымазаться, испачкаться.

Учучкаться — см. уварахтаться.

Целик — нетронутый лес.

Цимбалы — музыкальный инструмент с металлическими струнами, род гуслей.

Чало мне — мне показалось.

Чапан — крестьянский верхний кафтан.

Часовой — 1) временный, недолгий, 2) почетный, уважаемый.

Черень — черема, черемуха.

Черничка — монашка.

Чернобыль — крупный вид полыни.

Чéчет, чечётка — пташка; в переносном смысле — болтливая женщина, тараторка.

Чомливый — чванный.

Чомы — чванливые поступки.

Шабура — рабочий армяк.

Шесток — площадка перед русской печью, куда сгребается жар (горячие угли).

Шлихтовать — крахмалить; шлихта — крахмал, которым проклеивают основы тканей.

Шлях — тракт, столбовая дорога.

Шпидель — веретено.

Штейгер — мастер рудных работ; оберштейгер — старший мастер.

Щепетко — тонко, изящно, щегольски.

Щепочистый — см. щепетко.

Ямская тройка — извозчичья тройка, наемная.

Ясмен — ясен.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «А баю-баю-баю! ..» 402
«А вскрикнули да два лебедя. . .» 460
«А и густо-густо на березе листьё. . .» 95
«А кто ж то у нас. . .» 100
«А мы Масленицу дожидаем. . .» 82
«А скажи-ка мне, жена. . .» 350
«А ты сей, мати, мучицу, пеки пироги. . .» 79
«А у месяца золоты рога. . .» 282
«Авдотьюшка всплакала. . .» 272
«Ай да вы заводы. . .» 497
«Ах, во поле липинка. . .» 212
«Ах вы ветры, ветры буйные. . .» 141
«Ах вы сени мои, сени, сени новые мои. . .» 193
«Ах далече-далече, в чистом поле. . .» 449
«Ах да у соловушки крылья примахались. . .» 311
«Ах, доселева усов и слыхом не слыхать. . .» 421
«Ах, кабы на цветы не морозы. . .» 322
«Ах, как тошно мне, тошенько нынешний годочек. . .» 166
«Ах, кто у нас умен. . .» 284
«Ах лужайка моя. . .» 362
«Ах, матушка, тошно мне, голова болит. . .» 157
«Ах, на горе-горе. . .» 120
«Ах не одна-то, не одна. . .» 142
«Ах не тесно ль тебе, реченька. . .» 258
«Ах пал туман на синё морё. . .» 337
«Ах, по речке, ах, по Казанке. . .» 215
«Ах, теща к обедне идет. . .» 377
«Ах ты горе мое, горе великое. . .» 308
«Ах ты да душечка добрый молодец. . .» 134
«Ах ты деточка. . .» 404
«Ах ты дума ль моя, думушка. . .» 172
«Ах ты душечка, жена моя молодая. . .» 431
«Ах ты мати моя, матушка. . .» 119
«Ах ты матушка родная. . .» 363
«Ах ты молодость моя молодецкая. . .» 325
«Ах ты ноченька, ночка темная. . .» 324
«Ах ты сад ли ты мой, садочек. . .» 156
«Ах ты хмель мой, хмель, веселая голова. . .» 317

- «Ах что ж ты, голубчик, не весел сидишь...» 166
 «Ах что ж ты, мой сизый голубчик...» 469
- «Бай-бай да люли...» 403
 «Батюшке я говорила...» 314
 «Баю, баю за зыбою...» 402
 «Баюшки-баю...» 402
 «Белорецкий завод славный...» 500
 «Береза белая...» 298
 «Береза моя, березонька...» 97
 «Березничек кустоватый...» 124
 «Березынька кудрявая...» 95
 «Бесчастливая девушка я на свете рождена...» 484
 «Бестолковый сватушко!...» 276
 «Благослови, боже господи...» 233
 «Благослови меня-ка, господи...» 238
 «Благослови, сударь хозяин...» 489
 «Близко-близко городочка...» 483
 «Боже, царя сгони!...» 517
 «Братцы, гонят нас далеко...» 511
 «Братцы! Дружно песню грянем...» 513
 «Бывало у соколика времечко...» 474
 «Была я у камушка, была я у белого...» 326
 «Было у тещи...» 382
- «В далеком было, в далеком чистом поле...» 135
 «В зеленом-то саду груша...» 331
 «В огороде во саду...» 186
 «В саду яблонька стоит...» 230
 «В темном лесе, в темном лесе...» 202
 «В темных лесах кукушечка куковала...» 235
 «В чистом поле стояло тут дерево...» 452
 «Ваня в зеркало гляделся...» 127
 «Ваня ходит по двору...» 282
 «Вдоль по Питерской широкой по дорожке...» 445
 «Вдоль по травоньке, вдоль по муравке...» 208
 «Вдоль по улице репей, вдоль по широкой репей...» 344
 «Вейся ты, вейся, березка...» 95
 «Велела мне мати...» 389
 «Венчик ли мой, веночек...» 96
 «Веселитесь, подружки...» 85
 «Веселитесь, подружки...» 151
 «Весна, весна красная...» 86
 «Весна красна...» 87
 «Ветры буйные, разбушуйтесь...» 271
 «Ветры мои, ветры, вы буйные ветры...» 339
 «Вечером поздним-позднехонько...» 254
 «Вечор Дуню обманули...» 365
 «Вечор сокол, вечер ясен...» 127
 «Взойди, взойди, солнце...» 343
 «Вниз по матушке по Волге...» 419
 «Во всю ночь мы темную...» 411
 «Во горенке во новой...» 292

- «Во горнице, во светлице. . .» 369
 «Во городе во Ростове. . .» 392
 «Во заводе парень жил. . .» 474
 «Во лесу, лесу дремучем. . .» 103
 «Во лугах, лугах, лужочках. . .» 125
 «Во лузах, во лузах. . .» 213
 «Во поле береза стояла. . .» 210
 «Во поле ветер веет. . .» 465
 «Во поле елочка стоит. . .» 463
 «Во прийсках лето жили. . .» 496
 «Во саду ли, в огороде. . .» 196
 «Во саду хожу. . .» 80
 «Во славном было городе во Черкасске. . .» 339
 «Во тереме свечка не ярко горит. . .» 257
 «Возле речки, возле мосту. . .» 167
 «Возле саднику, млада, хожу. . .» 316
 «Волга матушка река. . .» 411
 «Волга-матушка родимая течет. . .» 134
 «Вольная птичка-пташечка, перепелочка. . .» 415
 «Воробушек-воробей. . .» 264
 «Вот идет-идет постылый муж домой. . .» 329
 «Все мужья до жен добры. . .» 356
 «Вспомни, вспомни, мой любезный, прежнюю любовь. . .» 164
 «Вспомни-тко, Пётро-князь. . .» 290
 «Встану я, добрый молодец. . .» 296
 «Вострепенется сокол, на дубу сидючи. . .» 152
 «Всю ночь не спал, всё ходил да гулял. . .» 443
 «Вы белильцы, румянцы мои. . .» 347
 «Вы бродяги, вы бродяги. . .» 478
 «Вы голубушки подруженьки. . .» 236
 «Выдала матушка далече замуж. . .» 313
 «Выдала матушка за старого замуж меня. . .» 363
 «Выду на улицу. . .» 332
 «Выйду, выйду за ворота. . .» 114
 «Выйду я на море. . .» 160
 «Вы кудри ль, мои кудри. . .» 106
 «Вы лебедушки подруженьки. . .» 263
 «Вы леса ль мои, лесочки, леса мои темные. . .» 490
 «Вы леса мои, лесочки, леса темные. . .» 429
 «Вы молодчики молоденькие. . .» 145
 «Вы пойдете, мои родимые. . .» 240
 «Вы простите-ка, подруженьки. . .» 299
 «Вы раздайтесь, расступитесь, люди добрые. . .» 318
 «Вы туманы мои, вы туманушки. . .» 159
 «Вы цветы ли мои, цветики. . .» 262
 «Вышла девка молодая. . .» 114

 «Говорила я дружку милому. . .» 169
 «Голова ль ты моя, головушка. . .» 192
 «Голова-то моя ль удалая. . .» 475
 «Горе, горе, кто кого не любит. . .» 323
 «Государыня, тошно мне. . .» 156

«Государь ты наш, Сидор Карпович...» 109
«Грушица, грушица моя...» 160

«Да вы, ребята, бери дружно!...» 412
«Да горы мои, горы Зауральские...» 470
«Давно я, давно у бабушки была...» 314
«Дайте коровку...» 76
«Девка в горенке сидела...» 119
«Дело было в Петербурге...» 515
«Детина, детина...» 133
«Добрый молодец по улице похаживает...» 162
«Добрый молодец похаживает...» 164
«Добры молодцы все на волюшке живут...» 433
«Дождь, дождь!...» 87
«Долина, долина, да ты зеленая!...» 330
«Долина ль ты моя, долинушка...» 137
«Долина моя, долинушка, долина моя широкая...» 120
«Дома ль кум воробей?...» 204
«Дорога́ наша гостя Масленица...» 83
«Дороги́ гости, гости милые...» 258
«Дорогие мои матушка...» 275
«Дрема дремлет, спати хочет...» 373
«Друженька хорошенький...» 279
«Друженька хорошенький...» 279
«Дружка идет...» 301
«Дубина, дубинушка...» 409

«Ермил-господин по двору гуляет...» 265
«Ехал мальчик молодой...» 207
«Еще во саде-садочке...» 98
«Еще слушай же, родитель моя матушка...» 451

«Жаворонки, жавороночки!...» 86
«Жаворонушки...» 86
«Жали мы, жали...» 99
«Жила-была Дуня...» 389
«Жил-был курилка...» 332
«Жил-был старец один наедине...» 397
«Жисть наша нелегкая...» 491
«Житье мое, житье...» 320

«За рекой мужики живут богатые...» 80
«Заболело мое сердечушко, заболело ретивое...» 335
«Загудел гудок на пять...» 496
«Заиграй, моя волынка...» 346
«Заинька по сеничкам...» 200
«Заинька, ты где был-побывал?...» 201
«Закатилось солнышко, закатилось...» 137
«Затоплялася банюшка...» 241
«Захотела меня мать...» 216
«Захотелось мне проведать, где любезная живет...» 178
«Зеленейся, зеленейся...» 315
«Злодей ты наша барыня...» 105

- «И на страженнице солдаты побывали...» 458
 «И-эх-ма, бра-атцы, дюже жарко...» 411
 «Идет коза рогатая...» 404
 «Идет кузнец из кузницы...» 77
 «Идет смерть по улице...» 81
 «Из-за леса, леса темного...» 457
 «Из-за леса, леса темного...» 103
 «Из-за лесу было, лесу темного...» 456
 «Из-за лесу, лесу темного...» 299
 «Из-за лесу, лесу темного...» 311
 «Йо, йо, березынька...» 94
- «Кабы волюшка девушке у батюшки была...» 309
 «Кабы знала я, ведала...» 320
 «Как бежал-то, бежал молодой невольник...» 460
 «Как болит-то ли, болит у мужа головка...» 321
 «Как бывало мне, ясну соколу, да времечко...» 429
 «Как бы я знала, млада, ведала...» 154
 «Как вечернею порою...» 502
 «Как вечер, моя матушка...» 255
 «Как во городе во Санкт-Питере...» 148
 «Как во городе во Устюжине...» 106
 «Как во городе царевна, царевна...» 190
 «Как далече-далеченько, во чистом поле...» 450
 «Как ездил млад отецкой сын...» 252
 «Как жила-была вдовушка-вдова...» 334
 «Как за барами житье было привольное...» 110
 «Как за речкою, как за быстрою...» 194
 «Как на горке, на горе...» 114
 «Как на море волны бьют...» 364
 «Как на речке на Валдайке...» 188
 «Как на свете живется...» 501
 «Как на талую землю...» 122
 «Как на фабрике у Чешера...» 503
 «Как отдал меня батюшка замуж...» 444
 «Как по лугу, по лужочку вода соливат...» 118
 «Как по погребу бочоночек катается...» 304
 «Как по морю...» 226
 «Как по полю, полю, по чистому полю...» 229
 «Как по травке, по муравке...» 193
 «Как по улице молодец идет...» 179
 «Как пойду я, молоденька...» 192
 «Как прошла про девицу небылица...» 136
 «Как светил да светил месяц во полуночи...» 426
 «Как сказали сырому дубочку...» 456
 «Как сказали-то, Иванушка хорош-да хорош!...» 276
 «Как со вечера дождь, со полуночи мороз...» 348
 «Как со вечера кочета поют...» 437
 «Как со вечера родна матушка...» 294
 «Как у батюшки сынок...» 188
 «Как у Ванюшки жена...» 357
 «Как ударит часов пять...» 488

- «Как у ключика было у текущего...» 461
 «Как у ключика у гремучего...» 162
 «Как у наших у ворот...» 195
 «Как у наших у ворот...» 370
 «Как четвертого числа...» 508
 «Какая девушка хороша...» 186
 «Калинку с малиною вода поняла...» 312
 «Калинушка с малинушкой лазоревый цвет...» 148
 «Калинушку с малинушкой водой залило...» 104
 «Канарейка, канарейка, канареечка моя...» 147
 «Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь...» 133
 «Катилось колечко...» 77
 «Кисанька! где была?...» 406
 «Коваль, коваль, ковалечек...» 218
 «Колёдушка-коляда...» 76
 «Комарики спят...» 145
 «Кому воля, кому неволя...» 493
 «Конопля, конопля зеленая моя!...» 175
 «Кормилец мой, желанный батюшка!...» 233
 «Кот кошку...» 79
 «Кот на печи...» 401
 «Край дорожки, край широкая было, московской...» 463
 «Красна девица коров доила...» 172
 «Красная девица по бережку гуляла...» 155
 «Красные девицы...» 278
 «Кто на Охте не живал...» 501
 «Кто с нами, кто с нами...» 91
 «Куда идти печаль нести?...» 469
 «Куда мне, красной девице, от горя бежать...» 152
 «Кудрявый повозник...» 302
 «Куколка, куколка...» 405
 «Куманечек, побывай у меня...» 199
 «Кумушки-голубушки...» 158
 «Купил мне-ка миленький две косынки голубых...» 163
 «Куплю милому на манишечку...» 123

 «Лебедь мой, лебедек...» 360
 «Летел сокол высоко да высоко...» 191
 «Летит сокол из улицы...» 78
 «Лет семнадцати мальчишка...» 491
 «Лето красное проходит...» 499
 «Лучина, лучинушка березовая!...» 336
 «Любил парень девку...» 139

 «Мальчик моложеватый...» 325
 «Матушка моя, я нега твоя...» 317
 «Меня батюшка жалует...» 261
 «Миленький, хорошенький...» 123
 «Мимо дворика батюшкина...» 300
 «Мимо саду винограду...» 185
 «Мне, матушка, тошнехонько...» 461
 «Мне не жаль-то платка, платка алого...» 416

- «Мне ночёсь, молодешеньке. . .» 239
 «Мне прошедшу темну ноченьку. . .» 267
 «Мое сердце испугалось. . .» 243
 «Можно, можно по рощице разгуляться. . .» 147
 «Мой-ет миленький. . .» 493
 «Мой муж домой едет. . .» 349
 «Мой муженька, работяшенька. . .» 357
 «Молодка, молодка молоденькая. . .» 179
 «Молодые крестьяне. . .» 187
 «Мужики вы, мужики. . .» 500
 «Мы далеко ездили. . .» 303
 «Мы заочно, братцы, распростимся. . .» 475
 «Мы Масленицу встречали. . .» 82
 «Мы по собственной охоте. . .» 495
 «Мы тебе, сестрица-душа, без людей говорим. . .» 250

 «На горе калинушка стояла. . .» 348
 «На горе стоит елочка. . .» 289
 «На горе-то монастырь стоял. . .» 397
 «На горушке ковыль-трава. . .» 132
 «На горы, на горы да зеленый сад. . .» 292
 «На заре было, братцы, на зорюшке. . .» 448
 «На корыте сажу. . .» 79
 «На море лебедь воду пила. . .» 244
 «На Нижнетагильском заводе. . .» 504
 «На новый год. . .» 76
 «На разбор нас посылают. . .» 485
 «На речке на Клязьме купался бобер. . .» 180
 «На угорышке часовенка стояла. . .» 366
 «На улице дождь, дождь. . .» 331
 «На улице широкий, широкий. . .» 117
 «Над озером верба. . .» 176
 «Нагайка ты, нагайка. . .» 509
 «Накануне Рождества. . .» 227
 «Нам не надо в чужие люди торопиться. . .» 142
 «Нападала роса на темны леса. . .» 324
 «Наша княгиня-душа Агафья Ивановна! . . .» 283
 «Наша Масленица годовая. . .» 84
 «Наша пыльная дороженька. . .» 442
 «Наши горные работы. . .» 488
 «Научить ли тебя, Ваня. . .» 121
 «Не бела заря в окошечко взшла. . .» 165
 «Не беленькая березонька к земле клонится. . .» 455
 «Не белы снега во чистом поле. . .» 441
 «Не бушуйте вы, буйные ветры с вихрами. . .» 144
 «Не́ были ветры, не́ были ветры. . .» 286
 «Не былинушка в чистом поле зашаталась. . .» 473
 «Не в трубушку трубили рано по заре. . .» 269
 «Не вечерняя заря занималась, занималась заря. . .» 139
 «Не выходи, сударь батюшка. . .» 240
 «Не давай, кормилец батюшко. . .» 238
 «Не дадите пирожка. . .» 76

- «Не дáлече было вот, было далéче. . .» 472
 «Не дождем березу. . .» 181
 «Не ель-сосна раззыбалася. . .» 367
 «Не кладу я судьбу-жалобу. . .» 253
 «Не кукушечка во сыром бору куковала. . .» 443
 «Не леса шумят. . .» 426
 «Не от ветру, не от вихорю. . .» 274
 «Не по промыслу мальчишка заводы заводит. . .» 178
 «Не пора ли нам, братцы-ребятушки. . .» 413
 «Не по реченьке лебедушка плывет. . .» 310
 «Не пыль, не курá в поле подымалася. . .» 178
 «Не радуйтесь, дубы. . .» 94
 «Не разливайся, мой тихий Дунай. . .» 288
 «Не сиди-тка, Дуня, поздно вечером. . .» 171
 «Не собо́ль дыблет по улице. . .» 285
 «Не сокол летит по поднебесью. . .» 140
 «Не сон мою головушку клонит. . .» 323
 «Не спала-то я, младешенька, не дремала. . .» 143
 «Не спасибо те, игумну, тебе. . .» 228
 «Не стучи под окном. . .» 187
 «Не трава в степи колышется. . .» 510
 «Не травушка, не ковылушка. . .» 462
 «Не ходи, Саша, по сеням. . .» 216
 «Не черная черница зачернелася. . .» 459
 «Не шуми, мати зеленая дубровушка. . .» 425
 «Не ясен-то ли сокол. . .» 181
 «Невели́ка птичка-пташечка. . .» 174
 «Невеличка птичка-пташечка. . .» 358
 «Недозрелая-то калинушка. . .» 171
 «Несмогу я, мамонька. . .» 157
 «Нет, ребяташки, трудней. . .» 498
 «Никак, никак не возможно мне без печали век прожить. . .» 145
 «Ночи мои темные, вечера веселые! . .» 447
 «Ну господь же с тобой, батюшко. . .» 242
 «Ну-ка, кумушка, мы покумимся. . .» 96

 «О, се горные работы! . .» 486
 «О чем, милая моя, тоскуешь. . .» 146
 «О чем ты, Машенька, плачешь. . .» 155
 «Обещался мещанин. . .» 352
 «Овсень, овсень. . .» 75
 «Одна горка высоко, а другая низко. . .» 116
 «Ой вы ночи мои, ноченьки. . .» 173
 «Ой да Масленица, погостной недельку. . .» 84
 «Ой-ё-ёй. . .» 409
 «Ой заря ль, моя зорюшка. . .» 301
 «Ой и всплакнула вдовушка. . .» 340
 «Ой лю-ли! Ой лю-ли! . .» 412
 «Ой маменька родная, что во поле дымит? . .» 294
 «Ой, матушка, не могу. . .» 387
 «Ой мы просо сеяли, сеяли. . .» 90
 «Ой, на горе на крутой. . .» 497

- «Ой на улице воробышек попрядывает...» 368
 «Ой не сырый бор загорается...» 335
 «Ой осень, ой коляда!...» 75
 «Ой ребята, плохо дело...» 412
 «Ой ты зимушка-зима...» 123
 «Ой ты роща ты моя, роща, рощица березовая!...» 326
 «Отшла зима с морозом...» 489
 «От павших твердынь Порт-Артура...» 514
 «Ох да как на молодца тоска-горе напала, ох напала...» 327
 «Ох и слава богу...» 100
 «Ох ты волюшка вольная...» 239
 «Ох ты пей-ка, моя головушка, прохладися...» 438
 «Ох, хорошо житье лакеям...» 108
- «Пегушка пегая...» 405
 «Перед нашими ворота...» 414
 «Петрочкова женка...» 99
 «По горам было по высоким...» 176
 «По горам-горам...» 444
 «По горам девки гуляли...» 211
 «По дорожечке было по широкой...» 454
 «По жердочке шла...» 118
 «По заре да по зорюшке...» 359
 «По лужкам трава расстилается...» 186
 «По Немецкой по улице, по Немецкой по широкой...» 177
 «По новой по роще...» 378
 «По сырой земле туман стелется...» 457
 «По улице мостовой...» 128
 «Под дубравую лен, лен...» 88
 «Подоиду, подоиду...» 345
 «Под окошечком сироточка сидит...» 115
 «Подружки-голубушки...» 270
 «Пойду ль я, пойду ль я...» 316
 «Пойду, млада, тишком лужком...» 98
 «Покачу я колечко кругом города...» 79
 «Полиция к порядку штыком призывает...» 511
 «Полно, белые снежочки...» 453
 «Полно, солнышко, из-за лесу светить...» 165
 «Полоса ли моя да полосонька...» 307
 «Поля ли мои, поля чистые...» 269
 «Помилашечка моя...» 121
 «Попила-то моя буйная головушка, попила, погуляла...» 440
 «Породила да меня матушка...» 446
 «Потягунушки, потягунушки...» 404
 «Поутру-то было раным-рано...» 413
 «Пошел дружка...» 288
 «Пошел козел в огород...» 354
 «При долинушке...» 473
 «При долинушке стояла...» 139
 «Пришла коляда...» 74
 «Проходила коляда...» 73
 «Пустая хоромина...» 250

- «Разлилась, разлелеялась...» 297
 «Раным-рано на заре...» 302
 «Расплетите, подруженьки...» 259
 «Распроклятый наш завод...» 499
 «Рассыпалось ожерельце...» 177
 «Рассыплю я монисто по закрому...» 78
 «Раструбилась-трубонька рано по заре...» 270
 «Расхороша наша барыня...» 438
 «Родимая мамонька...» 175
 «Родимая моя матушка...» 251
 «Родимая ты моя мати...» 310
 «Рылась курочка...» 78

 «С крыши снег тает, ох снег тает...» 150
 «Сам толку, сам мелю...» 365
 «Сборы, сборы широкие...» 252
 «Сват-от сватался да порасхвастался...» 253
 «Сваха-неряха...» 277
 «Свет Марьюшка по сенюшкам ходила...» 281
 «Свет мой сестрицы...» 273
 «Светит, светит месяц...» 220
 «Седина ль моя, сединушка...» 471
 «Селезень мой сиз-косатый...» 222
 «Сеня-Косеня...» 130
 «Сею, вею бел леночек...» 373
 «Сидела Катюшенька...» 130
 «Сидит воробей...» 80
 «Сидит наша гостинька выше всех...» 291
 «Сижу я, млада...» 353
 «Сипло заводский гудок завывает...» 502
 «Сирота ли, сирота ты, сиротушка...» 427
 «Сиротка ты, сироточка, сиротинушка горькая...» 428
 «Скажи, скажи, воробышек...» 398
 «Скажу матушке...» 370
 «Сколько в лесу пеньков...» 294
 «Слава богу, наш хозяин...» 494
 «Славен, славен Белорецкий наш завод...» 472
 «Славься, славься, царь Николай...» 517
 «Снежки белые, пушисты...» 150
 «Собирались красны девицы...» 283
 «Сокobl сокльевич...» 304
 «Соколы вы, соколы!...» 244
 «Солнце всходит и заходит...» 479
 «Соловей мой, залетная пташечка...» 323
 «Соловей мой, соловей, соловушко-молодой!...» 125
 «Соловей мой, соловеушко...» 309
 «Сосенка, сосенушка зелененькая!...» 333
 «Спасибо, матушка ласковая...» 261
 «Спится мне, младешенькой, дремлетя...» 366
 «Стелется, вьется...» 293
 «Стоит корыто...» 81
 «Сторона ль моя, сторонушка...» 146

- «Сторона́ ль ты́ моя, сторона́шка...» 446
 «Стойт саяки у лисенки...» 80
 «Стреляй, солдат, в кого велят...» 513
 «Стучит-брячит по улице...» 406
 «Схожо красно мое солнышко...» 234
 «Сядемте по лавкам...» 207
- «Тетушка Арина по рыночку ходила...» 352
 «Теща зятя провожала...» 331
 «Три родные сестрицы на улицу идут...» 358
 «Туманно красно солнышко, туманно...» 135
 «Туманы мои темные, ничегохонько было...» 113
 «Туча с громом сговаривалась...» 315
 «Ты береза ли моя...» 138
 «Ты береза моя, березынька!...» 128
 «Ты взойди, Анна-душа, на новы сени...» 281
 «Ты взойди-ка, красно солнышко...» 426
 «Ты воспой, воспой, млад жавороночек...» 430
 «Ты вставай-ка, родима матушка!...» 267
 «Ты голубушка невестушка...» 256
 «Ты голубушка тетушка...» 246
 «Ты гуляй, гуляй, душа милый друг...» 173
 «Ты дуброва моя, дубровушка...» 161
 «Ты заря ли моя, зоренька...» 131
 «Ты заря ли моя, зорюшка, зорюшка вечерняя...» 126
 «Ты заря ль моя, зорюшка...» 303
 «Ты заря моя, ты заря вечерняя...» 372
 «Ты здорово, милая сестрица-голубушка...» 248
 «Ты злодейка да злокоманка, змея лютая...» 470
 «Ты изволь-ка, добрый молодец...» 280
 «Ты изюминка-ягодка...» 113
 «Ты кормилец государь-батюшко!...» 234
 «Ты мой сизенький, мой беленький голубчик...» 138
 «Ты молоденький молодчик молодой...» 132
 «Ты Настасья, ты Настасья...» 194
 «Ты не пой-ка, не пой, млад жавороночек...» 431
 «Ты не пой, не пой, соловьюшко, не пой рано весной...» 170
 «Ты не пой, соловей...» 209
 «Ты о чем, горька кукушечка...» 143
 «Ты поди, моя коровушка, домой...» 355
 «Ты поди-тко, моя тетушка...» 245
 «Ты приятный, желанный батюшко!...» 280
 «Ты пчела ли, моя пчелонька...» 360
 «Ты пчелынька...» 85
 «Ты садись-ка, добрый молодец...» 280
- «У бабушки у нашей...» 223
 «У ворот было, воротечек...» 185
 «У ворот трава шелковая...» 235
 «У всех-то мужья молодые...» 319
 «У дородного добра молодца...» 321
 «У Катюши муж — гуляка...» 344

- «У кота, кота...» 401
 «У меня квашня...» 390
 «У меня ль муж не удала голова...» 329
 «У мужика было богатого...» 439
 «У нашего князя...» 300
 «У отца было, у матери три сына любимых...» 438
 «Увели, увели нашу милу подружку...» 298
 «Угрюм, угрюм ходит...» 263
 «Уж вечер-то я, добрый молодец...» 169
 «Уж вы ветры мои, ветерочки...» 441
 «Уж вы горы мои, горы Воробьевские...» 337
 «Уж вы гуси да лебеди...» 245
 «Уж вы кумушки мои, голубки!...» 368
 «Уж и свет мои высокие хоромы...» 307
 «Уж как вьется хмель по болоту...» 285
 «Уж как звали молодца...» 206
 «Уж как зимонька-зима...» 492
 «Уж как знать-то, красной девице...» 295
 «Уж как полно, моя сударушка, тужить-плакать...» 168
 «Уж как по саду-саду...» 225
 «Уж как ты мать моя, маменька...» 221
 «Уж мы сядемте, ребята, посидимте, господа...» 107
 «Уж на что ж это за месяц...» 116
 «Уж тебе бы, бане-пáруше...» 268
 «Уж тому ли свату-своднику...» 277
 «Уж ты вен ли мой, веночек...» 229
 «Уж ты венчик ли...» 97
 «Уж ты верба, вербушка...» 186
 «Уж ты воля, моя воля...» 445
 «Уж ты горе, моё горе...» 517
 «Уж ты журав долгоногий...» 188
 «Уж ты зимушка-зима...» 450
 «Уж ты мать моя, матушка...» 222
 «Уж ты мать-то моя, матушка...» 261
 «Уж ты молодость, ты наша молодецкая...» 471
 «Уж ты поле мое, поле чистое...» 464
 «Уж ты сад, ты мой сад...» 140
 «Уж ты свет да сокол милый брат!...» 296
 «Уж ты свет моя голубушка...» 249
 «Уж ты свет сударь батюшка...» 241
 «Уж ты степь ли моя, степь Моздокская...» 338
 «Уж я пашенку пашу...» 328
 «Улита, улита...» 406
 «Уродилася сильна ягода в бору...» 180
 «Устиньюшка по горенке ходила...» 117

 «Хлебу да соли долог век...» 81
 «Хмель мой, хмелюшко...» 217
 «Ходи изба, ходи сени...» 387
 «Ходила калина...» 374
 «Ходила чечетка...» 380
 «Ходили девушки по бережку...» 379

«Хожу, млада, по Дунаю, ой по Дунаю...» 210
«Хожу я, гуляю вокруг коровода...» 376
«Хороша наша деревня...» 224
«Хороша наша деревня...» 423

«Царев сын хоровёр...» 190
«Царь гуляет, тризну правит...» 517
«Цвели в поле цветики, да поблекли...» 153

«Чарочки по столику похаживают...» 219
«Чарочки по столику похаживают...» 345
«Часовая наша гостюшка...» 282
«Чем нам песенку начать...» 230
«Чем-то наша славная земелюшка распаханна...» 458
«Что болит-шумит буйная голова...» 128
«Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались...» 453
«Что во городе было во Казани...» 396
«Что задумал наш комаричек жениться...» 388
«Что победные головушки солдатские...» 459
«Что пониже было города Саратова...» 420
«Что цвели-то, цвели, цвели в поле цветики...» 153
«Что шахтерска жизнь проклята...» 498
«Чьи это хоромы...» 235

«Шел детинушка дорогою...» 448
«Шла молода...» 250
«Шумел бор...» 275

«Эй ухнем! Эй ухнем!...» 411
«Эх, и прост же ты, рабочий человек...» 506
«Эх ты Дума-Думушка...» 516
«Эх ты зимушка-зима...» 511

«Я вечер, вечер, красна девица, во пиру была...» 163
«Я в лесе был, березку рубил...» 126
«Я возьму свою красоту...» 259
«Я в сад пойду, я в зелен пойду...» 333
«Я на горке стою...» 387
«Я по бережку ходила...» 124
«Я поеду ль, я поеду ль...» 351
«Я пойду ли, молоденька...» 197
«Я по келейке хожу, я черничку бужу...» 396
«Я по сеньюшкам хожу, млада, хожу...» 197
«Я по улице ходила...» 314
«Я пошла, молодешенька...» 268
«Я по цветикам ходила...» 116
«Я с комариком плясала...» 388
«Я такой был раскрасавчик...» 490

ОГЛАВЛЕНИЕ¹

О русской народной лирической песне. <i>Вступительная статья</i> В. Проппа	5
---	---

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕСНИ

Обрядовые песни земледельческого календаря

КОЛЯДБИ

«Проходила коляда...»	73 528
«Пришла коляда...»	74 529
«Ой овсень, ой коляда!...»	75 529
«Овсень, овсень...»	75 529
«Дайте коровку...»	76 529
«Не дадите пирожка...»	76 529
«На новый год...»	76 529
«Колёдушка-коляда...»	76 529

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ

«Идет кузнец из кузницы...»	77 529
«Катилось колечко...»	77 529
«Летит сокол из улицы...»	78 529
«Рылась курочка...»	78 529
«Рассыплю я монисто по закрому...»	78 529
«Покачу я колечко кругом города...»	79 529
«Кот кошку...»	79 529
«А ты сей, мати, мучицу, пеки пироги...»	79 530
«На корыте сажу...»	79 530

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

«За рекой мужики живут богатые...»	80 530
«Во саду хожу...»	80 530
«Стоят санки у лисенки...»	80 530
«Сидит воробей...»	80 530
«Стоит корыто...»	81 530
«Идет смерть по улице...»	81 530
«Хлебу да соли долго век...»	81 530

МАСЛЕННИЧНЫЕ ПЕСНИ

«А мы Масленицу дожидаем...»	82 530
«Мы Масленицу встречали...»	82 530
«Дорога́ наша гостя Масленица...»	83 530
«Наша Масленица годовая...»	84 530
«Ой да Масленица, погостуй недельку...»	84 530

ВЕСНЯНКИ

«Веселитесь, подружки...»	85 531
«Ты пчелынька...»	85 531
«Жаворонки, жавороночки!...»	86 531
«Жаворонушки...»	86 531
«Весна, весна красная...»	86 531
«Весна красна...»	87 531
«Дождь, дожди...»	87 531

ИГРОВЫЕ ПЕСНИ О ПОСЕВЕ

«Под дубравую лен, лен...»	88 531
«Ой мы просо сеяли, сеяли...»	90 531
«Кто с нами, кто с нами...»	91 531

СЕМИЦКНЕ ПЕСНИ

«Йо, йо, березынька...»	94 532
«Не радуйтесь, дубы...»	94 532
«А и густо-густо на березе листьё...»	95 532
«Березынька кудрявая...»	95 532
«Вейся ты, вейся, березка...»	95 532
«Ну-ка, кумушка, мы покумимся...»	96 532
«Венчик ли мой, веночек...»	96 532
«Береза моя, березонька...»	97 532
«Уж ты венчик ли...»	97 532
«Пойду, млада, тишком лужком...»	98 532
«Еще во саде-садочке...»	98 532

ЖИВНЫЕ ПЕСНИ

«Жали мы, жали...»	99 532
«Петрочкова женка...»	99 532
«Ох и слава богу...»	100 532
«А кто ж то у нас...»	100 532

Песни крестьянской неволи

«Во лесу, лесу дремучем...»	103 533
«Из-за леса, леса темного...»	103 533
«Калинушку с малинушкой водой залило...»	104 533
«Злодей ты наша барыня...»	105 533
«Вы кудри ль мои, кудри...»	106 533
«Как во городе во Устюжине...»	106 533
«Уж мы сядемте, ребята, посидимте, господа...»	107 533
«Ох, хорошо житье лакеям...»	108 533
«Государь ты наш, Сидор Карпович...»	109 533
«Как за барами житье было привольное...»	110 533

Голосовые песни о любви

«Туманы мои темные, ничегохонько было...»	113 533
«Ты изюминка-ягодка...»	113 533
«Выйду, выйду за ворота...»	114 534
«Вышла девка молодая...»	114 534
«Как на горке, на горе...»	114 534
«Под окошечком сироточка сидит...»	115 534
«Я по цветикам ходила...»	116 534
«Уж на что ж это за месяц...»	116 534
«Одна горка высоко, а другая низко...»	116 534
«Устиньюшка по горенке ходила...»	117 534
«На улице широкой, широкой...»	117 534
«Как по лугу, по лужочку вода соливат...»	118 534
«По жердочке шла...»	118 534
«Ах ты мати моя, матушка...»	119 534
«Девка с горенке сидела...»	119 534
«Долина моя, долинушка, долина моя широкая...»	120 535
«Ах, на горе-горе...»	120 535
«Помилашечка моя...»	121 535
«Научить ли тебя, Ваня...»	121 535
«Как на талую землю...»	122 535
«Ой ты зимушка-зима...»	123 535
«Миленький, хорошенький...»	123 535
«Куплю милому на манишечку...»	123 535
«Березничек кустоватый...»	124 535
«Я по бережку ходила...»	124 535
«Во лугах, лугах, лужочках...»	125 535
«Соловей мой, соловей, соловушко молодой!...»	125 535
«Я в лесе был, березку рубил...»	126 535
«Ты заря ли моя, зорюшка, зорюшка вечерняя...»	126 535
«Вечер сокол, вечер ясен...»	127 535
«Ваня в зеркало гляделся...»	127 535
«Ты береза моя, березынька!...»	128 536
«Что болит-шумит буйная голова...»	128 536
«По улице мостовой...»	128 536
«Сеня-Косеня...»	130 536
«Сидела Катюшенька...»	130 536

«Ты заря ли моя, зоренька...»	131	536
«Ты молоденький молодчик молодой...»	132	536
«На горушке ковыль-трава...»	132	536
«Детина, детина...»	133	536
«Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь...»	133	536
«Ах ты да душечка добрый молодец...»	134	536
«Волга-матушка родимая течет...»	134	536
«Туманно красное солнышко, туманно...»	135	536
«В далеком было, в далеком чистом пол...»	135	536
«Как прошла про девицу небылица...»	136	536
«Закатилось солнышко, закатилось...»	137	537
«Долина ль ты моя, долинушка...»	137	537
«Ты мой сизенький, мой беленький голубчик...»	138	537
«Ты береза ли моя...»	138	537
«Любил парень девку...»	139	537
«Не вечерняя заря занималась, занималась заря...»	139	537
«При долинушке стояла...»	139	537
«Уж ты сад, ты мой сад...»	140	537
«Не сокол летит по поднебесью...»	140	537
«Ах вы ветры, ветры буйные...»	141	537
«Нам не надо в чужие люди торопиться...»	142	537
«Ах, не одна-то, не одна...»	142	537
«Не спала-то я, младшенька, не дремала...»	143	537
«Ты о чем, горька кукушечка...»	143	537
«Не бушуйте вы, буйные ветры с вихрами...»	144	537
«Комарики спят...»	145	537
«Вы молодчики молоденькие...»	145	538
«Никак, никак не возможно мне без печали век прожить...»	145	538
«О чем, милая моя, тоскуешь...»	146	538
«Сторона ль моя, сторонушка...»	146	538
«Канарейка, канарейка, канареечка моя...»	147	538
«Можно, можно по рошице разгуляться...»	147	538
«Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет...»	148	538
«Как во городе во Санкт-Петербурге...»	148	538
«Снежки белые, пушисты...»	150	538
«С крыши снег тает, ох снег тает...»	150	538
«Веселитесь, подружки...»	151	538
«Куда мне, красной девице, от горя бежать?...»	152	538
«Вострепенется сокол, на дубу сидючи...»	152	538
«Цвели в поле цветики, да поблекли...»	153	538
«Что цвели-то, цвели, цвели в поле цветики...»	153	539
«Как бы я знала, млада, ведала...»	154	539
«Красная девица по бережку гуляла...»	155	539
«О чем ты, Машенька, плачешь...»	155	539
«Государыня, тошно мне...»	156	539
«Ах ты сад ли ты мой, садочек...»	156	539
«Ах, матушка, тошно мне, голова болит...»	157	539
«Несмогу я, мамонька...»	157	539
«Кумушки-голубушки...»	158	539
«Вы туманы мои, вы туманушки...»	159	539
«Выйду я на море...»	160	539
«Грушица, грушица моя...»	160	539

«Ты дуброва моя, дубровушка...»	161 539
«Как у ключика у гремучего...»	162 539
«Добрый молодец по улице поаживает...»	162 539
«Купил мне-ка миленький две косынки голубых...»	163 540
«Я вечер, вечер, красна девица, во пиру была...»	163 540
«Вспомни, вспомни, мой любезный, прежнюю любовь...»	164 540
«Добрый молодец поаживает...»	164 540
«Полно, солнышко, из-за лесу светить...»	165 540
«Не бела заря в окошечко взошла...»	165 540
«Ах что ж ты, голубчик, не весел сидишь...»	166 540
«Ах как тошно мне, тошенько нынешний годочек...»	166 540
«Возле речки, возле мосту...»	167 540
«Уж как полно, моя сударушка, тужить-плакать!...»	168 540
«Говорила я дружку милому...»	169 540
«Уж вечер-то я, добрый молодец...»	169 540
«Ты не пой, не пой, соловышко, не пой рано весной...»	170 540
«Недозрелая-то калинушка...»	171 540
«Не сиди-тка, Дуня, поздно вечером...»	171 540
«Красна девица коров доила...»	172 541
«Ах ты дума ль моя, думушка...»	172 541
«Ты гуляй, гуляй, душа милый друг...»	173 541
«Ой вы ночи мои, ноченьки...»	173 541
«Невелика птичка-пташечка...»	174 541
«Конопля, конопля зеленая моя!...»	175 541
«Родимая мамонька...»	175 541
«По горам было по высоким...»	176 541
«Над озером верба...»	176 541
«По Немецкой по улице, по Немецкой по широкой...»	177 541
«Рассыпалось ожерельице...»	177 541
«Не по промыслу мальчишка заводы заводит...»	178 541
«Не пыль, не курá в поле подымалася...»	178 541
«Захотелось мне проведать, где любезная живет...»	178 542
«Как по улице молодец идет...»	179 542
«Молодка, молодка молоденькая...»	179 542
«Уродилася сильна ягода в бору...»	180 542
«На речке на Клязьме купался бобер...»	180 542
«Не ясен то ли сокол...»	181 542
«Не дождем березу...»	181 542

Хороводные, игровые и плясовые песни о любви

НАБОРНЫЕ

«У ворот было, воротечек...»	185 542
«Мимо саду-винограду...»	185 542
«Уж ты верба, вербушка...»	186 542
«Какая девушка хороша...»	186 542
«По лужкам трава расстилается...»	186 542
«В огороде во саду...»	186 542
«Не стучи под окном...»	187 543

«Молодые крестьяне...»	187 543
«Уж ты журав долгоногий...»	188 543
«Как на речке на Валдайке...»	188 543
«Как у батюшки сынок...»	188 543

Х О Р О В О Д Н Ы Е, И Г Р О В Ы Е, П Л Я С О В Ы Е

«Царев сын хоробёр...»	190 543
«Как во городе царевна, царевна...»	190 543
«Летел сокол высоко да высоко...»	191 543
«Как пойду я, молодёнка...»	192 543
«Голова ль ты моя, головушка...»	192 543
«Ах вы сени мои, сени, сени новые мои...»	193 543
«Как по травке, по муравке...»	193 543
«Ты Настасья, ты Настасья...»	194 544
«Как за речкою, как за быстрою...»	194 544
«Как у наших у ворот...»	195 544
«Во саду ли, в огороде...»	196 544
«Я по сенокосам хожу, млада, хожу...»	197 544
«Я пойду ли, молоденька...»	197 544
«Куманечек, побывай у меня...»	199 544
«Заинька, по сеничкам...»	200 544
«Заинька, ты где был-побывал?..»	201 544
«В темном лесе, в темном лесе...»	202 544
«Дома ль кум воробей?..»	204 544
«Уж как звали молодца...»	206 544
«Ехал мальчик молодой...»	207 545
«Сядемте по лавкам...»	207 545
«Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке...»	208 545
«Ты не пой, соловей...»	209 545
«Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю...»	210 545
«Во поле береза стояла...»	210 545
«По горам девки гуляли...»	211 545
«Ах, во поле липинка...»	212 545
«Во лугах, во лугах...»	213 545
«Ах, по речке, ах, по Казанке...»	215 545
«Не ходи, Саша, по сеням...»	216 545
«Захотела меня мать...»	216 546
«Хмель мой, хмелюшко...»	217 546
«Коваль, коваль, ковалечек...»	218 546
«Чарочки по столу похаживают...»	219 546
«Светит, светит месяц...»	220 546
«Уж как ты мать моя, маменька...»	221 546
«Уж ты мать моя, матушка...»	222 546
«Селезень мой сиз-косатый...»	222 546
«У бабушки у нашей...»	223 546
«Хороша наша деревня...»	224 546
«Уж как по саду-саду...»	225 546
«Как по морю...»	226 546
«Накануне Рождества...»	227 546
«Не спасибо те, игумну, тебе...»	228 546

РАЗБОРНЫЕ

«Уж ты вен ли мой, веночек...»	229 547
«Как по полю, полю, по чистому полю...»	229 547
«Чем нам песенку начать...»	230 547
«В саду яблонька стоит...»	230 547

Свадебные песни

НА СГОВОРЕ

«Благослови, боже господи...»	233 547
«Кормилец мой, желанный батюшка!...»	233 547
«Схожо красно мое солнышко...»	234 547
«Ты кормилец государь батюшко!...»	234 547
«Чьи это хоромы...»	235 547
«В темных лесах кукушечка куковала...»	235 547
«У ворот трава шелковая...»	235 548
«Вы голубушки подруженьки...»	236 548

НА РУКОВЯТЬЕ

«Благослови меня-ка, господи...»	238 548
«Не давай, кормилец батюшко...»	238 548
«Мне ночёшь, молодешеньке...»	239 548
«Ох ты волюшка вольная...»	239 548
«Не выходи, сударь батюшка...»	240 548
«Вы пойдете, мои родимые...»	240 548
«Затоплялася банюшка...»	241 548
«Уж ты свет сударь батюшка...»	241 548
«Ну господь же с тобой, батюшко...»	242 548
«Мое сердце испугалось...»	243 548
«На море лебедь воду пила...»	244 548
«Соколы вы, соколы!...»	244 548
«Уж вы гуси да лебеди...»	245 548
«Ты поди-тко, моя тетушка...»	245 549
«Ты голубушка тетушка!...»	246 549
«Ты здорово, милая сестрица-голубушка!...»	248 549
«Уж ты свет моя голубушка...»	249 549
«Мы тебе, сестрица-душа, без людей говорим...»	250 549
«Пустая хоромина...»	250 549
«Шла молода...»	250 549
«Родимая моя матушка!...»	251 549
«Сборы, сборы широкие...»	252 549
«Как ездил млад отецкой сын...»	252 549
«Не кладу я судьбу-жалобу...»	253 549
«Сват-от сватался да порасхвастался...»	253 549
«Вечером поздним-позднехонько...»	254 549
«Как вечер, моя матушка...»	255 549
«Ты голубушка невестушка...»	256 550
«Во тереме свечка не ярко горит...»	257 550

НА ДЕВИЧНИКЕ

«Дорогй гости, гости милые...»	258 550
«Ах, не тесно ль тебе, реченька...»	258 550
«Расплетите, подруженьки...»	259 550
«Я возьму свою красоту...»	259 550
«Уж ты мать-то моя, матушка...»	261 550
«Меня батюшка жалует...»	261 550
«Спасибо, матушка ласковая...»	261 550
«Вы цветы ли мои, цветики...»	262 550
«Вы лебедушки подруженьки...»	263 550
«Угрюм, угрюм ходит...»	263 550
«Воробушек-воробей...»	264 550
«Ермил-господин по двору гуляет...»	265 550

В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

«Ты вставай-ка, родима матушка!...»	267 551
«Мне прошедшу темну ноченьку...»	267 551
«Я пошла, молодешенька...»	268 551
«Уж тебе бы, бане-паруше...»	268 551
«Поля ли мои, поля чистые...»	269 551
«Не в трубушку трубили рано по заре...»	269 551
«Раструбилась трубонька рано по заре...»	270 551
«Подружки-голубушки...»	270 551
«Ветры буйные, разбушуйтесь...»	271 551
«Авдотьюшка всплакала...»	272 551
«Свет мои сестрицы...»	273 551
«Не от ветру, не от вихорю...»	274 551
«Шумел бор...»	275 551
«Дорогие мои матушка...»	275 551
«Как сказали-то, Иванушка хорош да хорош!...»	276 552
«Бестолковый сватушко!...»	276 552
«Уж тому ли свату-своднику...»	277 552
«Сваха-неряха...»	277 552
«Красные девицы...»	278 552
«Друженька хорошенький...»	279 552
«Друженька хорошенький...»	279 552
«Ты садись-ка, добрый молодец...»	280 552
«Ты изволь-ка, добрый молодец...»	280 552
«Ты приятный, желанный батюшко!...»	280 552
«Свет Марьюшка по сенюшкам ходила...»	281 552
«Ты взойди, Анна-душа, на новы сени...»	281 552
«Часовая наша гостыюшка...»	282 552
«Ваня ходит по двору...»	282 553
«А у месяца золоты рога...»	282 553
«Наша княгиня-душа Агафья Ивановна!...»	283 553
«Собирались красны девицы...»	283 553
«Ах, кто у нас умен...»	284 553
«Не соболь дыблет по улице...»	285 553
«Уж как вьется хмель по болоту...»	285 553
«Нé были ветры, нé были ветры...»	286 553

«Пошел дружка...»	288 553
«Не разливайся, мой тихий Дунай...»	288 553
«На горе стоит елочка...»	289 553
«Вспомни-тко, Пётро-князь...»	290 553
«Сидит наша гостинька выше всех...»	291 553
«На горы, на горы да зеленый сад...»	292 554
«Во горенке во новой...»	292 554
«Стелется, вьется...»	293 554
«Сколько в лесу пеньков...»	294 554
«Как со вечера родна матушка...»	294 554
«Ой маменька родная, что во поле дымит?...»	294 554
«Уж как знать-то, красной девице...»	295 554
«Встану я, добрый молодец...»	296 554
«Уж ты свет да сокол милый брат!...»	296 554
«Разлилась, разлилеялась...»	297 554
«Береза белая...»	298 554
«Увели, увели нашу милу подружку...»	298 554
«Вы простите-ка, подруженьки...»	299 554
«Из-за лесу, лесу темного...»	299 555
«Мимо дворика батюшкина...»	300 555
«У нашего князя...»	300 555
«Дружка идет...»	301 555
«Ой заря ль моя, зорюшка...»	301 555
«Раным-рано на заре...»	302 555
«Кудрявый повозник...»	302 555
«Мы далеко ездили...»	303 555
«Ты заря ль моя, зорюшка...»	303 555
«Сокбл сокобьевич...»	304 555
«Как по погребу бочоночек катается...»	304 555

Голосовые песни о семейной жизни

«Уж и свет мои высокие хоромы...»	307 555
«Полоса ли моя, да полосонька...»	307 555
«Ах ты горе мое, горе великое...»	308 555
«Соловей мой, соловеушко...»	309 556
«Кабы волюшка девушке у батюшки была...»	309 556
«Родимая ты моя мати...»	310 556
«Не по реченьке лебедушка плывет...»	310 556
«Ах да у соловушки крылья примахались...»	311 556
«Из-за лесу, лесу темного...»	311 556
«Калинку с малиною вода поняла...»	312 556
«Выдала матушка далече замуж...»	313 556
«Я по улице ходила...»	314 556
«Батюшке я говорила...»	314 556
«Давно я, давно у батюшки была...»	314 556
«Туча с громом сговаривалась...»	315 556
«Зеленейся, зеленейся...»	315 556
«Пойду ль я, пойду ль я...»	316 556
«Возле садику, млада, хожу...»	316 556
«Матушка моя, я нега твоя...»	317 556

«Ах ты хмель мой, хмель, веселая голова...»	317 557
«Вы раздайтесь, расступитесь, люди добрые...»	318 557
«У всех-то мужья молодые...»	319 557
«Житье мое, житье...»	320 557
«Кабы знала я, ведала...»	320 557
«У дородного добра молодца...»	321 557
«Как болит-то ли, болит у мужа головка...»	321 557
«Ах, кабы на цветы не морозы...»	322 557
«Соловей мой, залетная пташечка...»	323 557
«Не сон мою головушку клонит...»	323 557
«Горе, горе, кто кого не любит...»	323 557
«Ах ты ноченька, ночка темная!...»	324 557
«Нападала роса на темны леса...»	324 557
«Ах ты молодость моя молодецкая!...»	325 557
«Мальчик моложеватый...»	325 557
«Ой ты роща ты моя, роща, рощица березовая!...»	326 558
«Была я у камушка, была я у белого...»	326 558
«Ох да как на молодца тоска-горе нападала...»	327 558
«Уж я пашенку пашу...»	328 558
«Вот идет-идет постылый муж домой...»	329 558
«У меня ль муж не удала голова...»	329 558
«Долина, долина, да ты зеленая!...»	330 558
«В зеленом-то саду груша...»	331 558
«Теща зятя провожала...»	331 558
«На улице дождь, дождь...»	331 558
«Выду на улицу...»	332 558
«Жил-был курилка...»	332 558
«Я в сад пойду, я в зелен пойду...»	333 558
«Сосенка, сосенушка зелененькая!...»	333 559
«Как жила-была вдовушка-вдова...»	334 559
«Ой не сырый бор загорается...»	335 559
«Заболело мое сердечушко, заболело ретивое...»	335 559
«Лучина, лучинушка березовая!...»	336 559
«Уж вы горы мои, горы Воробьевские...»	337 559
«Ах, пал туман на синё морé...»	337 559
«Уж ты степь ли моя, степь Моздокская...»	338 559
«Во славном было городе во Черкасске...»	339 559
«Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!...»	339 559
«Ой и всплакнула вдовушка...»	340 559

Хороводные, игровые и плясовые песни о семейной жизни

«Взойди, взойди, солнце...»	343 559
«Вдоль по улице репей, вдоль по широкой репей...»	344 559
«У Катюши муж — гуляка...»	344 560
«Чарочки по столу похаживают...»	345 560
«Пбдойду, пбдойду...»	345 560
«Заиграй, моя волынка...»	346 560
«Вы белильцы, румянцы мои...»	347 560
«На горе калинушка стояла...»	348 560

«Как со вечера дождь, со полуночи мороз...»	348 560
«Мой муж домой едет...»	349 560
«А скажи-ка мне, жена...»	350 560
«Я поеду ль, я поеду ль...»	351 560
«Обещался мешанин...»	352 560
«Тетушка Арина по рыночку ходила...»	352 560
«Сижу я, млада...»	353 560
«Пошел козел в огород...»	354 560
«Ты поди, моя коровушка, домой...»	355 561
«Все мужья до жен добры...»	356 561
«Как у Ванюшки жена...»	357 561
«Мой муженька, работяшенька...»	357 561
«Три родные сестрицы на улицу идут...»	358 561
«Невеличка птичка-пташечка...»	358 561
«По заре да по зорюшке...»	359 561
«Ты пчела ли моя, пчелонька...»	360 561
«Лебедь мой, лебедек...»	360 561
«Ах лужайка моя...»	362 561
«Ах ты матушка родная...»	363 561
«Выдала матушка за старого замуж меня...»	363 561
«Как на море волны бьют...»	364 561
«Вечор Дуню обманули...»	365 562
«Сам толку...»	365 562
«На угорышке часовенка стояла...»	366 562
«Спится мне, младешенькой, дремлет...»	366 562
«Не ель-сосна разzybалася...»	367 562
«Ой на улице воробышек попрядывает...»	368 562
«Уж вы кумушки мои, голубки!...»	368 562
«Во горнице, во светлице...»	369 562
«Как у наших у ворот...»	370 562
«Скажу матушке...»	370 562
«Ты заря моя, ты заря вечерняя!...»	372 562
«Дрема дремлет, спати хочет...»	373 562
«Сею, вею бел леночек...»	373 563
«Ходила калина...»	374 563
«Хожу я, гуляю вокруг коровода...»	376 563
«Ах, теща к обедне идет...»	377 563
«По новой по роще...»	378 563
«Ходили девушки по бережку...»	379 563
«Ходила чечетка...»	380 563
«Было у тещи...»	382 563

Бытовые шуточные и сатирические голосовые, хороводные, игровые и плясовые песни

«Я на горке стою...»	387 563
«Ходи изба, ходи сени...»	387 563
«Ой, матушка, не могу...»	387 563
«Я с комариком плясала...»	388 563
«Что задумал наш комаричек жениться...»	388 563
«Велела мне мати...»	389 563

«Жила-была Дуня...»	389 564
«У меня квашня...»	390 564
«Во городе во Ростове...»	392 564
«Я по келейке хожу, я черничку бужу...»	396 564
«Что во городе было во Казани...»	396 564
«На горе-то монастырь стоял...»	397 564
«Жил-был старец один-наедине...»	397 564
«Скажи, скажи, воробышек...»	398 564

Детские песни

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

«Кот на печи...»	401 564
«У кога, кога...»	401 564
«А баю-баю-баю!...»	402 564
«Баю-баю за зыбою...»	402 564
«Баюшки-баю...»	402 564
«Бай-бай да люли...»	403 564

ПОТЯГУШКИ И ПОТЕШКИ

«Потягунушки, потягунушки!...»	404 565
«Идет коза рогатая...»	404 565
«Ах ты деточка...»	404 565

ПЕСНИ ДЕТЕЙ

«Куколка, куколка...»	405 565
«Пегушка пегая...»	405 565
«Улита, улита...»	406 565
«Кисанька! где была?...»	406 565
«Стучит-брячит на улице...»	406 565

ПЕСНИ БУРЛАКОВ И О БУРЛАКАХ

«Ой-ё-ёй...»	409 565
«Дубина, дубинушка...»	409 565
«Во всю ночь мы темную...»	411 565
«Эй ухнем! Эй ухнем!...»	411 566
«И-эх-ма, бра-атцы, дже жарко...»	411 566
«Волга матушка река...»	411 566
«Ой лю-ли! Ой лю-ли!...»	412 566
«Ой ребята, плохо дело!...»	412 566
«Да вы, ребята, бери дружно!...»	412 566
«Поутру-то было раным-рано...»	413 566
«Не пора ли нам, братцы-ребятушки...»	413 566
«Перед нашими вороты...»	414 566
«Вольная птичка-пташечка, перепелочка...»	415 566
«Мне не жаль-то платка, платка алого...»	416 566

РАЗБОЙНИЧЬИ ПЕСНИ

«Вниз по матушке по Волге...»	419	566
«Что пониже было города Саратова...»	420	567
«Ах доселева усов и слыхом не слышать...»	421	567
«Хороша наша деревня...»	423	567
«Не шуми, мати зеленая дубровушка...»	425	567
«Не леса шумят...»	426	567
«Как светил да светил месяц во полночи...»	426	567
«Ты взойди-ка, красно солнышко...»	426	567
«Сирота ли, сирота ты, сиротушка...»	427	567
«Сиротка ты, сироточка, сиротинушка горькая...»	428	567
«Вы леса мои, лесочки, леса темные!...»	429	567
«Как бывало мне, ясну соколу, да времечко...»	429	567
«Ты воспой, воспой, млад жавороночек...»	430	568
«Ты не пой-ка, не пой, млад жавороночек...»	431	568
«Ах ты душечка, жена моя молодая...»	431	568
«Добры мблодцы все на волюшке живут...»	433	568

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

«Как со вечера кочета поют...»	437	568
«Расхороша наша барыня...»	438	568
«Ох ты пей-ка, моя головушка, прохладися...»	438	568
«У отца было, у матери три сына любимых...»	438	568
«У мужика было богатого...»	439	568
«Попила-то моя буйная головушка, попила, погуляла...»	440	568
«Не белы снега во чистом поле...»	441	568
«Уж вы ветры мои, ветерочки...»	441	568
«Наша пыльная дороженька...»	442	568
«Всю ночь не спал, всё ходил да гулял...»	443	568
«Не кукушечка во сыром бору куковала...»	443	569
«Как отдал меня батюшка замуж...»	444	569
«По горам-горам...»	444	569
«Уж ты воля, моя воля...»	445	569
«Вдоль по Питерской широкой по дорожке...»	445	569
«Сторона ты ль моя, сторонушка...»	446	569
«Породила да меня матушка...»	446	569
«Ночи мои темные, вечера веселье!...»	447	569
«Шел детинушка дорогою...»	448	569
«На заре было, братцы, на зорюшке...»	448	569
«Ах далече-далече, в чистом поле...»	449	569
«Как далече-далеченько, во чистом поле...»	450	569
«Уж ты зимушка-зима...»	450	569
«Еще слушай же, родитель моя матушка...»	451	569
«В чистом поле стояло тут дерево...»	452	569
«Полно, белые снежочки...»	453	570
«Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались...»	453	570
«По дорожечке было по широкой...»	454	570
«Не белевья березонька к земле клонится...»	455	570
«Из-за лесику было, лесу темного...»	456	570

«Как сказали сырому дубочку...»	456 570
«По сырой земле туман стелется...»	457 570
«Из-за леса, леса темного...»	457 570
«Чем-то наша славная земелюшка распахана?...»	458 570
«И на страженице солдаты побывали...»	458 570
«Что победные головушки солдатские...»	459 570
«Не черная черница зачернелась...»	459 570
«А вскрикнули да два лебедя...»	460 570
«Как бежал-то, бежал молодой невольник...»	460 570
«Мне, матушка, тошнехонько...»	461 570
«Как у ключика было у текучего...»	461 571
«Не травушка, не ковылушка...»	462 571
«Во поле елочка стоит...»	463 571
«Край дорожки, край широкия было, московской...»	463 571
«Уж ты поле мое, поле чистое...»	464 571
«Во поле ветер веет...»	465 571

ПЕСНИ ТЮРЬМЫ, КАТОРГИ И ССЫЛКИ

«Куда идти печаль нести?...»	469 571
«Ах, что ж ты, мой сизый голубчик...»	469 571
«Ты злодейка да злокоманка, змея лютая!...»	470 571
«Да горы мои, горы Зауральские...»	470 571
«Седина ль моя, сединушка...»	471 571
«Уж ты молодость, ты наша молодецкая...»	471 571
«Не дáлече было вот, далече...»	472 571
«Славен, славен Белорецкий наш завод...»	472 571
«Не былинушка в чистом поле зашаталась...»	473 572
«При долинушке...»	473 572
«Бывало у соколика времечко...»	474 572
«Во заводе парень жил...»	474 572
«Голова-то моя ль удалая...»	475 572
«Мы заочно, братцы, распростимся...»	475 572
«Вы бродяги, вы бродяги...»	478 572
«Солнце всходит и заходит...»	479 572

ПЕСНИ РАБОЧИХ

«Близко-близко городочка...»	483 572
«Бессчастливая девушка я на свете рождена...»	484 572
«На разбор нас посылают...»	485 572
«О, се горные работы!...»	486 573
«Наши горные работы...»	488 573
«Как ударит часов пять...»	488 573
«Благослови, сударь хозяин...»	489 573
«Отошла зима с морозом...»	489 573
«Вы леса ль мои, лесочки, леса мои темные!...»	490 573
«Я такой был раскрасавчик...»	490 574
«Жисть наша нелегкая...»	491 574
«Лет семнадцати мальчишка...»	491 574

«Уж как зимонька-зима...»	492 574
«Кому воля, кому неволя...»	493 574
«Мой-ет миленький...»	493 574
«Слава богу, наш хозяин...»	494 574
«Мы по собственной охоте...»	495 574
«Во прийсках лето жили...»	496 574
«Загудел гудок на пять...»	496 575
«Ой на горе, на крутой...»	497 575
«Ай да вы заводы...»	497 575
«Нет, ребяташки, трудней...»	498 575
«Что шахтерска жизнь проклята...»	498 575
«Лето красное проходит...»	499 575
«Распроклятый наш завод...»	499 575
«Белорецкий завод славный...»	500 575
«Мужики вы, мужики...»	500 575
«Как на свете живетса...»	501 575
«Кто на Охте не живал...»	501 575
«Как вечернею порою...»	502 576
«Сипло заводский гудок завывает...»	502 576
«Как на фабрике у Чешера...»	503 576
«На Нижнетагильском заводе...»	504 576
«Эх, и прост же ты, рабочий человек...»	506 576
«Как четвертого числа...»	508 576
«Нагайка ты, нагайка...»	509 576
«Не трава в степи колышется...»	510 577
«Полиция к порядку штыком призывает...»	511 577
«Братцы, гонят нас далеко...»	511 577
«Эх ты зимушка-зима...»	511 577
«Стреляй, солдат, в кого велят...»	513 577
«Братцы! Дружно песню грянем...»	513 577
«От павших твердынь Порт-Артура...»	514 577
«Дело было в Петербурге...»	515 577
«Эх ты Дума-Думушка...»	516 578
«Царь гуляет, тризну правит...»	517 578
«Славьса, славьса, царь Николай!...»	517 578
«Боже, царя сгнои!...»	517 578
«Уж ты горе мое, горе...»	517 578

Примечания 521

Словарь местных, архаических и малоупотребительных
слов 579

Алфавитный указатель 583

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский (заместитель
главного редактора)*

НАРОДНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Редактор *В. Г. Базанов*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Э. Н. Петрова* и *Т. П. Калецкая*

Сдано в набор 25/X 1960 г. Подписано
в печать 16/II 1961 г. Бумага 84×108^{1/32}.
Печ. л. 19^{1/8} (31,36). Уч.-изд. л. 29,19
Тираж 20 000. Зак. № 1843. Цена 1 р. 03 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
29	11—10 сн.	проповедовающей	проповедующей
53	16 сн.	лсочек	песочек
94	2 св.	Но, но	Йо, йо
116	10 сн.	Ми́лы	Ми́л
163	6 св.	«води!»	води!».
241	4 сн.	сторону.	сторону».
538	17 сн.	№ 183	№ 177
570	3 св.	ви́лись-завивались	ви́лись-завивались
598	16 сн.	молодая	молода
608	15 сн.	Сторона ты ль	Сторона ль ты
609	23 сн.	вот, далече	вот, было далече

Народные лирические песни